

СТЕЙНАР КВАЛЕ

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЕ
ИНТЕРВЬЮ

СМЫСЛ

Стейнар Квале

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЕ ИНТЕРВЬЮ

Под редакцией Д.А. Леонтьева

МОСКВА

СМЫСЛ
2003

УДК 159.962

ББК 88.6

К 32

Перевод с английского М.Р. Мироновой по изданию:
Kvale S. InterViews: An Introduction to Qualitative Research Interviewing.
Thousand Oaks: Sage, 1996.

Научное редактирование и предисловие Д.А. Леонтьева

Данное издание выпущено в рамках проекта «Books for Civil Society»
при поддержке Института «Открытое общество» (Фонд Сороса) — Россия
и Института «Открытое общество» — Будапешт

ОХРАНЯЕТСЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ РФ ОБ АВТОРСКОМ ПРАВЕ.
ВОСПРОИЗВЕДИЕ ВСЕЙ КНИГИ ИЛИ КАКОЙ-ЛИБО ЕЕ ЧАСТИ
БЕЗ ПИСЬМЕННОГО РАЗРЕШЕНИЯ ИЗДАТЕЛЬСТВА ВОСПРЕЩАЕТСЯ.
ЛЮБЫЕ ПОПЫТКИ НАРУШЕНИЯ БУДУТ ПРЕСЛЕДОВАТЬСЯ В СУДЕБНОМ ПОРЯДКЕ

Квале С.

К 32 Исследовательское интервью. — М.: Смысл, 2003. — 301 с.

ISBN 5-89357-145-2

Методологическое и методическое руководство по исследовательскому интервьюированию как способу получения качественной содержательной информации о жизненном мире людей, основанному на современных пост-модернистских воззрениях на гуманитарное познание.

Психологам, социологам и представителям смежных наук.

УДК 159.962

ББК 88.6

© Steinar Kvale och Studentlitteratur,
Sweden, 1997.

© Издательство «Смысл», 2003.

ISBN 5-89357-145-2

Оглавление

Предисловие к русскому изданию <i>Д.А. Леонтьев</i>	6
Предисловие	9
Часть I. Введение	12
Глава 1. Интервьюирование как исследование	13
Интервьюер — шахтер или путешественник	13
Беседа как исследование	15
Исследования методом интервью в общественных науках	17
Теоретические вопросы	19
Методические вопросы	21
Общая структура книги	23
Часть II. Осмысление исследовательского интервью	26
Глава 2. Интервью как беседа	28
Знание как беседа	28
Философский диалог Сократа о любви	30
Терапевтическое интервью о ненависти	31
Исследовательское интервью, посвященное обучению	35
Способ понимания в качественном исследовательском интервью	37
Интервью как единство трех аспектов беседы	44
Глава 3. Постмодернизм, герменевтика, феноменология и диалектика	46
Постмодернистское конструирование	48
Герменевтическая интерпретация	53
Феноменологическое описание	58
Диалектика объективной ситуации	61
Философия и интервью	63
Глава 4. Качественные исследования в науке и практике	65
Научный статус интервью	65
Позитивизм	67
Объективность в качественных исследованиях	69
Качественные и количественные исследования	72
Качественные маркетинговые исследования	76
Феминизм и качественные исследования	78
Порождение психоаналитического знания	80

Часть III. Семь этапов исследования с помощью интервью	86
Глава 5. Выбор темы и планирование исследовательского интервью	88
Открытость и эмоции в исследовательском интервью	88
Семь этапов исследовательского интервью	91
Интервью об оценках	95
Выбор темы	99
Цель	102
Планирование	103
От метода к мастерству	109
Глава 6. Этика проведения исследования с помощью интервью	113
Этические проблемы на семи этапах исследования	114
Этические принципы	114
Этические теории	122
Глава 7. Ситуация интервью	127
Беседа в интервью	127
Рамки интервью	130
Схема интервью	132
Интервью об оценках	138
Глава 8. Качество интервью	146
Качество интервью	146
Собеседник в интервью	147
Квалификация интервьюера	148
Интервью Гамлета	152
Этика интервьюирования	154
Наводящие вопросы	157
Глава 9. От речи к тексту	160
Запись интервью	160
Надежность и валидность расшифровки	162
Устная и письменная речь	166
Расшифровка интервью	168
Компьютерные средства анализа интервью	173
Глава 10. «Вопрос о 1000 страниц»	176
Отвечать или не отвечать на «вопрос о 1000 страниц»?	176
Что означает «вопрос о 1000 страниц»?	177
Метод анализа	184
Глава 11. Методы анализа	186
Этапы анализа	186
Подходы к анализу интервью	187
Конденсация смысла	192
Категоризация значений	194
Структурирование смысла посредством нарратива	197
Интерпретация значений	199
Ситуативное порождение смысла	202
Вопросы анализа	203
Контроль анализа	205

Глава 12. Многообразие интерпретаций	208
Первичность вопроса	208
Вопросы, поставленные к тексту интервью	210
В поисках «Истинного смысла»	222
Глава 13. Социальное конструирование валидности	227
Триединство надежности, валидности и репрезентативности	227
Репрезентативность	229
Надежность и валидность интервью	233
Валидность в модернистском и постмодернистском контекстах	234
Валидность как свойство мастерства	239
Коммуникативная валидность	242
Прагматическая валидность	245
Валидность вопроса о валидности	249
Глава 14. Работа над отчетом	250
Скучные отчеты об интервью	250
Проведение исследования с мыслью о финальном отчете	253
Как писать для читателей	253
Этика написания отчета	256
Улучшение стандартных способов написания отчета	258
Написание текста как социальное конструирование	264
Обогащение отчета об интервью	267
Часть IV. Заключение	274
Глава 15. Разговоры об интервью	275
Как воспринимаются исследования, проводимые с помощью интервью	275
Десять стандартных возражений против исследовательского интервью	276
«Внутренняя» критика исследовательского интервью	286
Разговоры о разговорах	290
Литература	293

Предисловие к русскому изданию

Психологическая наука — это кентавр, совмещение несовместимого. С одной стороны, психика человека, как и животных, являющаяся ее предметом, включена во всеобщую взаимосвязь явлений материального мира и не только испытывает на себе его влияния, но и сама, через регуляцию механизмов поведения, оказывает на него вполне осязаемое воздействие. С другой стороны, любой человек (про животных здесь говорить сложно) является носителем целого мира, микрокосма, который недоступен при взгляде со стороны. Единственное необходимое условие познания этого мира — готовность его носителя вступить с нами в диалог и поделиться его содержанием. Наличие этого мира делает человека объектом познания другого типа — гуманитарного познания — в одном ряду с языком, культурой, искусством и другими созданными человеком артефактами. Главное в них — содержание. Задача гуманитарного познания — «разговорить» их, вступить в диалог с этими мирами и через это сделать их содержание понятным. Никакое объективирующее познание проникнуть в них не в состоянии. Содержания есть только у человека — в отличие от черт, образов, процессов, диспозиций и состояний, которые есть и у животных. Не будет большим преувеличением утверждать, что душа — это и есть содержание.

Однако на протяжении почти всего XX века психология находилась под властью естественнонаучного позитивистского устремления «измерять все, что измеряется, научиться измерять все, что не измеряется». У всех на слуху введенное Вильгельмом Дильтеем еще в конце XIX века различие «объяснительной» (объективной, естественнонаучной) и «понимающей» (гуманитарной) психологии, однако реальной понимающей психологии Дильтей не создал, это осталось лишь лозунгом. Дильтей не был психоло-

гом, он занимался «науками о духе», и его методологически крайне важный призыв к воссоединению психологии с гуманитарными науками на реальную судьбу психологии в период ее «открытого кризиса» практически не повлиял, хотя альтернатива и была заявлена.

Более существенно повлиял на развитие психологической науки целый ряд прорывов 1920-х — начала 1930-х гг.: изучение личностного пространства К. Левиним, введение идеи диалога в работах М. Бубера и М.М. Бахтина, введение в психологическую терминологию понятия смысла А. Адлером, неклассические идеи Л.С. Выготского о существовании психических процессов и функций вне индивидуальной психики и, наконец, введение Л. Бинсвангером в психологический контекст идеи жизненного мира. Тем не менее гуманитарный подход в психологии никак не приживался вплоть до последней четверти XX столетия, ознаменовавшейся настоящим бумом качественных исследований, на гребне которого появилась и книга ведущего европейского специалиста по качественным исследованиям, руководителя Центра качественных исследований университета Орхуса (Дания) Стейнара Квале.

Качественное феноменологическое исследовательское интервью, которому посвящена эта книга, отличается от того, что мы привыкли называть словом «интервью», как симфонический концерт от дворовой песни на трех аккордах. В социологии и психологии под интервью обычно понимают опрос с целью количественной оценки распределения мнений по заранее сформулированным вопросам, в журналистике — получение сведений о том, что интересует интервьюера. В обоих случаях речь идет о выявлении некоей ранее не проявленной информации, об извлечении на поверхность более или менее глубоко залегающих полезных ископаемых (согласно предложенной автором этой книги метафоре шахтера). В книге С. Квале речь идет совсем о другом: о проникновении в собственное смысловое содержание жизненного мира респондента, которое заранее никогда не известно. И более того: как убедительно показывает автор, интервью — это не вынос содержания из глубины на поверхность, это всегда формирование нового содержания в диалоге интервьюера и респондента. А когда интервьюер должен изложить полученные им результаты научной или более широкой общественности, содержание опять меняется. Ведь оно не является объектом, обладающим инвариантными свойствами, сохраняющимися при его перемещении из одного места в другое, как физические объекты. Здесь действуют закономерности иного рода — закономерности гуманитарные, такие как закономерности взаимодействия формы и содержания, зависимости смысла от контекста, взаимодействия смыслов, вступивших в соприкосновение между собой, и другие. Поэтому на замену образу шахтера ав-

тор предлагает образ путешественника, рассказывающего слушателям о том, что ему удалось увидеть и узнать (на что он обратил внимание, что он понял, что счел важным и т.д.). Рассказ путешественника — это новая реальность, не совпадающая с тем, что реально находится в посещенных им местах.

Тем самым книга Квале, отталкиваясь от вполне утилитарных и сравнительно частных вопросов, по мере погружения в нее трансформирует профессиональное мировоззрение, профессиональную философию читателя. Она носит отнюдь не только утилитарный, методический характер (хотя как методическое руководство ее следует признать образцовой). Гораздо важнее ее философско-методологическая составляющая. Автор не ограничивается взглядом на интервью как на инструмент достижения практических целей, он помещает этот исследовательский инструмент в широкий социально-гуманитарный контекст, анализирует общепсихологические тенденции последних десятилетий (постмодернизм, феноменологию, герменевтику, диалектику), отражением которых стал новый взгляд на получение психологического знания. В результате книга Квале предстает как введение в современные (постмодернистские) взгляды на гуманитарное познание и исследования человека на материале методологии исследовательского интервью. Постмодернизм довольно давно стал модным предметом для ни к чему не обязывающих философских и культурологических (в гораздо меньшей степени психологических) рассуждений, причем суть его остается абсолютно неясна основной массе специалистов человековедческих дисциплин. Книга С. Квале наполняет это понятие плотью, конкретным осязаемым содержанием.

В заключение — самое главное, чем меня привлекла эта книга. Книга, выходящая в 2003 году, не обязательно содержит мысли на уровне 2003 года. Чаще всего это еще мысли прошлого века, иногда (не так уж редко) — позапрошлого. Бывает и наоборот, хотя довольно редко: книга содержит мысли, опережающие свое время. Это как раз тот самый редкий случай: хотя первое издание книги Квале вышло в 1994 году, по своему духу, философии, мировоззрению и содержанию это уже книга XXI столетия, показывающая нам, говоря словами Л.С. Выготского, «зону ближайшего развития» психологической науки. Стоит всмотреться повнимательнее.

Д.А. Леонтьев,
доктор психологических наук

Предисловие

У этой книги две цели. Первая — обеспечить будущих исследователей-интервьюеров практической схемой того, как делать исследовательское интервью. Вторая — предложить как новичкам, так и опытным исследователям концептуальную рамку для осмысления исследований с помощью интервью.

Эта книга возникла в результате моей собственной практики применения интервью для изучения педагогических эффектов оценок в Дании в 1978 году. Набранный опыт новой для того времени формы исследования стимулировал обдумывание методических и теоретических вопросов. В то время как раз наблюдалось пробуждение интереса к качественным исследованиям, приведшее к появлению лекций и курсов о качественных методах, что, в свою очередь, привело к созданию Центра качественных исследований в Институте психологии в Орхусе (Center of Qualitative Research at the Institute of Psychology in Aarhus), а также к появлению аналогичных курсов в других местах, в частности в Университете Осло и в Сэйбрукском институте в Сан-Франциско.

В начале 1980 годов было мало литературы, посвященной проведению исследований с помощью интервью, и спрос на работы по этой теме привел к написанию нескольких статей, опубликованных в журналах и книгах. Первоначально они делались как подготовительные материалы к практическим курсам, а затем дорабатывались на основе обсуждений со студентами, участвовавшими в исследованиях. Их меткие комментарии и непростые порой вопросы стимулировали эту работу и внесли в нее большой вклад. Написанные ранее статьи и книжные главы в этой книге дополнены и расширены.

Я многим обязан моим скандинавским коллегам и организаторам курсов качественных исследований: Эрлу Брину (Erle Bryn), Йетте Фогу (Jette Fog) и Тове Арендту Расмуссену (Tove Arendt Rasmussen); коллегам из датской ассоциации по качественным исследованиям Клаусу Брюн Йенсену (Klaus Bruhn Jensen), Гретте Скильв (Grethe Skylv), Яну Хельге Ларсену (Jan Helge Larsen) и Бьорну Хассельгрёну (Bjorn Hasselgren) из Nordic courses. Преподавая вместе с такими специалистами по количественным исследованиям, как Финн Чуди (Finn Tschudi), Бо Соммерлунд (Bo Sommerlund) и Оле Стин Кристенсен (Ole Steen Kristensen), первые двое из которых — математики, я понял, что количественные исследования не следует понимать только в рамках позитивизма и что противопоставление качественного количественному — искусственная проблема.

В середине 1980 годов в Дании заметно возросли общественные затраты на аспирантуру. Это относилось и к курсам по качественным методам, которые финансировались Датским исследовательским советом по социальным наукам, Датской академией исследований и Скандинавскими исследовательскими курсами. Финансовая поддержка позволила пригласить зарубежных ученых, которые вдохновили и поддержали проведение качественных исследований в Дании, в том числе и данную работу. Были приглашены такие ученые, как Хуберт Дрейфус (Hubert Dreyfus), Стюарт Дрейфус (Stuart Dreyfus), Эллиот Эйснер (Elliot Eisner), Реджи Инерстведт (Regi Enerstvedt), К. Андерс Эриксон (K. Anders Ericson), Амедео Джорджи (Amedeo Giorgi), Кен Джерджен (Ken Gergen), Мэри Джерджен (Mary Gergen), Дэвид Гуд (David Goode), Ханна Хаавинд (Hanne Haavind), Патти Лэйзер (Patti Lather), Джин Лэйв (Jean Lave), Ласце Льовли (Lasse Løvlie), Ференц Маргон (Ferenc Marton), Эллиот Мишлер (Elliot Mishler), Мартин Пакер (Martin Packer), Брайан Пфаффенбергер (Bryan Pfaffenberger), Доналд Полкинхорн (Donald Polkinghorne), Марсиа Салнер (Marcia Salner), Рената Теш (Renata Tesch), Финн Чуди (Finn Tschudi) и Джон Ван Маанен (John Van Maanen).

Я благодарен Улле Бьовадт (Ulla Bowadt), Хенрику Брогорду (Henrik Brogaard), Марше Хаммонд (Marsha Hammond), Мэри Энн Макгвайр (Mary Ann McGuire), Клаусу Нильсену (Klaus Nielsen), Тони Согстаду (Tone Saugstad) и Карстен Ёстерлунд (Carsten Østerlund) за критические замечания о рукописи этой книги. Кнуд-Эрик Сабро (Knud-Erik Sabroe) любезно предоставил пример об этических жалобах, включенный в главу 6. Митч Аллен (Mitch Allen) из издательства Sage одобрил проект книги и дал ценные замечания, а Питер Лабелла (Peter Labella) курировал издание рукописи. Я благодарен также Дэвиду Моргану (David Morgan), Линн

Шлесинджер (Lynn Schlesinger) и анонимному рецензенту рукописи за их предложения по улучшению текста.

Я благодарен Биргит Вензел (Birgit Wenzel), которая помогала мне в работе с литературой, использованной в книге; Анни Долмер Кристенсен (Annie Dolmer Kristensen) и Лоне Хансен (Lone Hansen), которые терпеливо переписывали и редактировали многочисленные версии журнальных статей и самой книги; и Кристин Бергстад (Kristin Bergstad), сделавшую мой норвежско-датский английский понятным и читабельным.

Интервью — это беседа, результат которой является плодом совместных усилий интервьюера и его собеседника. Эта книга — результат многих профессиональных обсуждений с людьми, упомянутыми выше. Однако они разделяют отнюдь не все изложенные здесь взгляды. Я благодарен им за большой вклад в создание этой книги.

Стейнар Квале

Часть I.

Введение

Если вы хотите узнать, как люди понимают свой мир и свою жизнь, то почему бы не поговорить с ними об этом. В беседе-интервью исследователь слушает то, что сами люди говорят о мире, в котором живут, слышит, как они выражают свои взгляды и мнения своими собственными словами, узнает об их взглядах на ситуацию на работе и в семье, об их мечтах и надеждах. Качественное исследовательское интервью направлено на то, чтобы понять мир с точки зрения собеседника, раскрыть смысл переживания человека, увидеть мир, в котором он живет, прежде, чем давать ему научное объяснение.

Качественное исследовательское интервью — это момент конструирования знания. «Интервью» буквально означает «взгляд между», то есть взаимный обмен взглядами между двумя людьми, обсуждающими тему, интересующую обоих. Эта книга — попытка вытащить на свет все богатство и возможности качественного интервью в социальных исследованиях, попытка связать теорию интервью и методы его проведения, постоянно памятуя о переплетении практических и теоретических проблем в исследовании с помощью интервью.

Глава I.

Интервьюирование как исследование

Я хочу начать в этой главе с того, что предложу две альтернативные метафоры для характеристики роли интервьюера-исследователя — метафоры шахтера и путешественника. Затем мы обратимся к интервью как беседе, разговору и рассмотрим несколько примеров, прежде чем перейдем к обсуждению места качественного интервью в социальных исследованиях. После этого будут изложены некоторые теоретические и методологические вопросы, связанные с трактовкой интервью как исследовательского метода. Завершается первая глава моделью интервью как *междувзгляда* и обзором последующих глав книги.

Интервьюер — шахтер или путешественник

Два контрастных образа интервьюера — *шахтер* либо *путешественник* — можно рассматривать как воплощение различных теоретических взглядов на исследовательское интервью.

Метафора шахтера представляет знания как полезные ископаемые, а интервьюера — как шахтера, который добывает ценный металл. Некоторые «шахтеры» ищут объективные факты, поддающиеся подсчету, другие — охотятся за самородками сущностного смысла. И те и другие предполагают, что знание пребывает внутри собеседника и его нужно добыть в чистом виде, не запачкав шахтерским прикосновением. Интервьюер выискивает самородки данных или смыслов в чистом опыте собеседника, не замутненном никакими наводящими вопросами. Интервьюер-исследователь расчищает поверхность сознательного опыта, интервьюер-терапевт раскапывает глубинные слои бессознательного. Драгоценные факты и смыслы очищаются при переводе из устной формы в письменную. Пока добытые самородки знания движутся по ленте конвейера, переходя из устной формы в письменное хранилище, они остаются неизменными. В процессе анализа объективные факты и сущностные смыслы извлекаются с помощью различных техник и отливаются в определенные формы. Наконец, ценность конечного продукта, степень его чистоты определяется установлением его связи с объективным, внешним, реальным миром или с реальностью субъективного, внутреннего, аутентичного опыта.

Альтернативный образ *путешественника* рассматривает интервьюера как странника в пути, который завершится рассказом о проделанном путе-

шествии по возвращении домой. Интервьюер-путешественник бродит по стране и вступает в разговоры со встречными людьми, он исследует многие районы страны — нанесенные на карту или неизведанные, — свободно скитаясь по ней. Он может и специально искать какое-то определенное место или тему, следуя изначальному греческому значению слова *method*: «дорога, которая ведет к цели». Путешественник странствует вместе с местными жителями, задает вопросы, подводящие собеседника к рассказу о его собственном мире, мире, в котором он живет. Путешественник беседует с каждым, исходя из первоначального латинского значения слова *conversation*: «странствие вместе с».

То, что слышит и видит этот странник, описывается качественно и реконструируется в форме рассказов, адресуемых соотечественникам интервьюера, а может быть, и тем, с кем он вместе странствовал. Возможные смыслы, заключающиеся в исходных историях, дифференцируются и раскрываются посредством интерпретаций путешественника; рассказы превращаются в новые повествования, убедительные благодаря своей эстетической форме и значимые благодаря своему воздействию на слушателей.

Путешествие не только ведет к знанию; путешественник и сам может измениться. Странствия могут стимулировать процесс рефлексии, который приведет путешественника к новым способам самопознания, а также к открытию прежде считавшихся очевидными ценностей и обычаев своей страны. Изменяющий эффект путешествия в немецком языке передается термином *Bildungsreise* — обучающее, формирующее путешествие. Посредством беседы путешественник и других может привести к новому пониманию и озарениям — по мере того, как они, рассказывая собственные истории, могут начать разбираться в вопросах, которые в их культуре казались само собой разумеющимися. Нарисованная Р. Рорти картина вдохновенного критицизма относится к трансформирующей беседе, то есть это «результат встречи с автором, характером, сюжетом, строфой, строчкой или древним бюстом, которые вносят изменения в представления критика о том, кто он есть, что для него хорошо, что он хочет сделать с самим собой; встреча, которая меняет его приоритеты и ценности» (*Rorty*, 1992. С. 107).

Две метафоры — интервьюер как шахтер и интервьюер как путешественник — представляют разные концепции формирования знаний. Каждая из них принадлежит особому жанру и предполагает свои «правила игры». В широком смысле, образ шахтера отражает общепринятое в современных социальных науках понимание знания как «данности». Образ путешественника относится к постмодернистскому конструктивному пониманию, предполагающему диалогический подход в социальных исследованиях. В метафоре шахтера интервью располагается где-то в области

социальной инженерии, управления людьми; в метафоре путешественника — близости от гуманитарных наук и искусства.

Беседа как исследование

Беседа — основной вид взаимодействия людей. Люди разговаривают друг с другом — они взаимодействуют, ставят вопросы и отвечают на них. Посредством беседы мы узнаем других людей, узнаем об их переживаниях, чувствах, надеждах и том мире, в котором они живут.

Беседа может иметь разнообразные формы — в обыденной жизни, в литературе, в профессиональной ситуации. В обычной жизни она варьирует от болтовни и коротких разговоров, через обмен новостями, диспуты или официальные переговоры до глубинного личностного взаимопроникновения. В литературе встречаются разнообразные беседы — от драмы до романов, рассказов, которые могут содержать короткие или длинные диалоги. Профессиональные беседы включают журналистские интервью, допросы, устные экзамены, исповедь, терапевтические диалоги и — что, собственно, и обсуждается здесь — качественные исследовательские интервью. Каждый из этих разговорных жанров использует собственную технику и строится по определенным правилам.

Исследовательское интервью основано на обыденном разговоре, но является профессиональной беседой. В этой книге будет рассматриваться одна из форм исследовательского интервью — полуструктурированное интервью о жизненном мире человека. Оно определяется как *интервью, цель которого — описать жизненный мир интервьюируемого, что подразумевает интерпретацию смысла описываемых феноменов.*

В использовании интервью как исследовательского метода нет ничего таинственного: интервью — это беседа, которая имеет структуру и цель. Интервью идет дальше спонтанного обмена мнениями, характерного для обыденного разговора, и превращается в тщательное расспрашивание и внимательное выслушивание с целью получения досконально проверенного знания. Исследовательское интервью не является беседой равных партнеров, так как исследователь определяет и контролирует ситуацию. Тема интервью определяется исследователем, который к тому же упорно добивается, чтобы собеседник отвечал на поставленные вопросы.

Примеры интервью будут даны во всей книге (особенно в главах 2 и 7). Чтобы проиллюстрировать форму вопросов, приведем фрагмент интервью, взятый из исследования влияния отметок в датской старшей школе (Kvale, 1980):

Интервьюер (И): Раньше ты упоминал что-то об отметках, не мог бы ты сказать об этом немного больше?

Ученик (У): Отметки часто несправедливы, потому что очень часто — очень часто — они только отражают то, как много ты говоришь и насколько ты соглашаешься с мнением учителя. Например, я могу высказать мнение, основанное на проверенных идеях, которое будет противоречить взглядам учителя. Тогда учитель, конечно, скажет, что он прав, а я — нет, потому что это его взгляды, и он уверен, что они лучше всех.

И: Как это повлияет на отметку?

У: Ну, он тогда, наверное, подумает, что я идиот — кто же еще вылезает с неправильными ответами?

И: Это не только твое мнение?

У: Нет, есть много конкретных примеров.

В ответ на прямой вопрос интервьюера ученик сам формулирует основание своего переживания отметок — они несправедливы — и спонтанно приводит доказательства того, почему они несправедливы. Интервьюер упорно следит за ответами, уточняет детали и проверяет глубину убежденный ученика, ставя их под сомнение.

Интервью может охватывать нескольких участников социального действия. Ниже приведены еще два взгляда на справедливость отметок: приятеля ученика и учителя:

У: Я думаю, что на самом деле учителя ставят отметки скорее справедливо, чем нет. Их невозможно обмануть, хотя многие верят, что можно. Если ты сидишь там и, как только кто-то поднимает руку, учитель его спрашивает, и потом — (поднимает руку). Нет, я не думаю, что это сработает. Не думаю, что они такие дураки.

* * *

И: Вы думаете, что есть ученики, которые блефуют, поднимая руку?

Учитель: Ну, я так не думаю, я не думаю, что они специально хитрят таким образом — так или иначе, — чтобы произвести впечатление, что они знают больше, чем на самом деле. У меня нет такого впечатления, по крайней мере, в моем классе.

Эти утверждения противоречат словам первого ученика; второй ученик находит оценки справедливыми и уверен, что учителя насквозь видят попытки учеников блефом получить более высокие отметки, и этот взгляд подтверждается мнением учителя. Получив от этих трех действующих в этой «пьесе» лиц такую противоречивую информацию, кто-то может почувствовать искушение отказаться от качественного интервью как исследовательского метода: полученное знание не объективно, а субъективно, в том

смысле, что оно слишком сильно зависит от интервьюируемого. На протяжении всей книги я буду доказывать, что в этом, напротив, сила интервью — возможность охватить множество взглядов собеседников на вопрос и описать многообразный и противоречивый человеческий мир. Основная проблема состоит в том, как получить надежные и валидные знания социального мира на основании разных взглядов взаимодействующих между собой людей. В главах 12 и 13 я вернусь к интерпретации и обоснованию приведенных выше положений, а также к обсуждению их репрезентативности (глава 5).

Исследования методом интервью в общественных науках

Не будь разговоров, вряд ли было бы возможно какое бы то ни было общее знание о социальной жизни. Если в порядке мысленного эксперимента представить, что разговора, беседы не существует, то, следовательно, не будет существовать и знаний, получаемых через общение, — ни личных знаний читателя, ни совокупного знания человечества. Тем не менее в методических пособиях для социальных наук беседа как метод получения знаний до последнего времени упоминалась редко.

Беседа — очень древняя форма получения знания. Фукидид опрашивал участников Пелопонесских войн, чтобы написать историю этих войн, а Сократ использовал диалог для получения философских знаний. Однако в современных общественных науках, зародившихся в XIX веке, систематические исследования с помощью интервью стали фактом лишь последних десятилетий. Беседа принадлежала к области гуманитарных наук и философии, в то время как методология социальных наук долгое время строилась по образу естественных. Нынешний акцент на интервью как беседе и на интерпретации смыслов сближает интервью с областью гуманитарных наук.

Однако интервью и раньше использовались в общественных науках. Антропологи и социологи длительное время использовали неформализованные интервью для получения знаний от своих информаторов. Социологи и психологи беседовали со своими испытуемыми, чтобы получить общие представления, необходимые для использования тестов и лабораторных экспериментов. Новым в последние десятилетия является то, что качественное интервью все больше применяется как узаконенный метод исследования, при этом увеличивается объем методической литературы, посвященной тому, как проводить систематические исследования с помощью интервью.

Можно предложить и технические, и теоретические объяснения сегодняшнего роста использования качественного интервью в исследовательских целях. Появление в 1950-х годах карманных диктофонов сделало легкой точную запись интервью. В 1980-х годах компьютерные программы облегчили качественный анализ записей интервью. Широкие изменения в мировоззрении, отразившиеся в философии, выдвинули на первый план такие темы, как мир повседневной жизни и его обыденный язык, смысл и внутренние связи. Повествования и беседы сегодня считаются необходимым условием получения знания о социальном мире, включая и научные знания.

До недавнего времени область качественных исследований была расчленена на различные дисциплины с коммуникативными барьерами, разделявшими научные сообщества с разными правилами интерпретации. В отсутствие общих для всех литературы, методических процедур и критериев интервьюеры были вынуждены в большой степени полагаться на собственное творчество. Одним из следствий этого стало то, что изолированные друг от друга исследователи снова и снова изобретали небольшие колеса.

Сейчас — с увеличением количества книг, журналов и конференций по вопросам качественных исследований — положение дел изменилось. Уже опубликованы междисциплинарные работы*; в последние десятилетия появилось несколько журналов, посвященных качественным исследованиям**. С появлением новой литературы и расширением общей информационной базы качественные исследования могут развиваться теоретически и методически.

В данный момент качественные исследования разрабатываются в социальных науках неравномерно. Хотя большая часть сказанного здесь — уже вчерашний день для антропологии и социологии, все это относительно ново и, возможно, выглядит даже шокирующе ненаучным для некоторых областей психологии. Можно было бы предположить, что получение знаний посредством взаимодействия людей в процессе интервью является центральной заботой психологии. В профессии психолога интервью — необходимый инструмент (например, в отборе персонала, консультировании и терапии). Однако научная психология, долго учившаяся у естественных

---

* См. *Handbook of Qualitative Research* / ed. by Denzin and Lincoln (1994); *Handbuch Qualitative Sozialforschung* / ed. by Flick, Kardoff, Keupp, Rosenstiel and Wolff (1991).

** *Qualitative Sociology* (Качественная социология) (с 1978 г.), *Qualitative Studies in Education* (Качественные исследования в образовании) (с 1988 г.), *Qualitative Health Research* (Качественные исследования здоровья) (с 1991 г.) и междисциплинарный *Qualitative Inquiry* (Качественные исследования) (с 1995 г.)

наук, в значительной степени пренебрегает человеческими аспектами приобретения знаний, включая информационный потенциал человеческой беседы. На протяжении всей книги я буду указывать на ценные находки, обнаруженные при использовании интервью в психологической практике, в частности в психоаналитических интервью (глава 4).

То, что практические и концептуальные проблемы применения интервью как исследовательского метода осмысляются редко и не систематически, возможно, обусловлено сходством исследовательского интервью с обычным разговором в обыденной жизни. Таким образом, подразумевается, что излишне осмыслять интервью методологически. Кроме того, акцентирование сходства исследовательского интервью с обычным разговором могло угрожать научной легитимности «молодых» социальных наук. Еще одной причиной недостатка концептуализации и отсутствия общих критериев понимания в качественном исследовании может быть то, что его близость гуманитарным наукам шла вразрез с доминирующим пониманием социальной науки как разновидности естественной. К несколько противоречивому месту исследовательского интервью в социальных науках мы еще вернемся в главе 4.

Теоретические Вопросы

Развивать интервью как исследовательский метод — значит стремиться к обновлению, расширению и обогащению представлений о знании и исследовании в социальных науках. Исследовательское интервью — это не только новый метод, результатом применения которого становятся качественные тексты, а не количественные данные, этот метод еще и отражает альтернативный взгляд на предмет исследования социальных наук. Многие на первый взгляд методические проблемы порождены не относительной новизной метода интервью или неудовлетворительным развитием техники, а являются следствием непроясненности теоретических допущений.

Некоторые авторы отмечали пренебрежение теорией в современных качественных исследованиях. Э. Страусс (*Strauss, 1995*), например, критикует отсутствие теоретического обсуждения в большинстве глав упомянутого выше *Handbook of Qualitative Research* (1994). А. Джорджи так завершает свой обзор современной литературы по качественным методам: «Таким образом, чтобы лучше теоретически осмыслить и более последовательно практиковать качественные исследования, требуется большая теоретическая ясность и согласованность, а также более глубокое осмысление и лучшее использование возможностей воображения» (*Giorgi, 1994. С. 190*).

Обращение к методическим вопросам проведения интервью подводит нас к теоретическим проблемам — представлениям о конкретном предмете исследования, а также о природе социального мира. Качественные методы — не только некая новая, нежесткая технология в добавление к существующему арсеналу жестких количественных методов социальных наук. Способ понимания, подразумеваемый качественными исследованиями, предполагает альтернативную концепцию социального знания, смысла, реальности и истины в социальных исследованиях. Основным предметом науки уже не являются объективные данные, которые нужно квантифицировать, их место заняли значимые отношения, которые нужно интерпретировать. Переход от метафоры интервьюера как шахтера и интервьюирования как добычи самородков значимых данных к метафоре интервьюера как путешественника, а интервьюирования — как сочинения рассказов был рассмотрено выше.

Налицо движение от получения знаний с помощью прежде всего внешнего наблюдения и экспериментальных манипуляций с испытуемым в направлении к пониманию человека с помощью беседы. Опрашиваемые не только отвечают на вопросы, подготовленные экспертом, но и сами в диалоге формулируют свое представление о мире, в котором они живут. Гибкость интервью и его близость к жизненному миру опрашиваемых могут привести к знанию, которое может быть использовано для улучшения условий человеческого существования. Однако само по себе интервью не является ни прогрессивным, ни манипулятивным методом. Ниже будет показано, что полученные знания могут быть использованы как во благо исследуемого человека, так и для того, чтобы повысить эффективность манипулирования его поведением (см. главу 4).

За последние полвека позитивистская философия науки пошла на убыль. Позитивизм считал социальные науки, так же как и естественные, основывающимися на объективных количественных данных, а их целью — предсказание и контроль поведения других людей. Сейчас в философской мысли произошел сдвиг в сторону гуманитарного знания. Сюда относится постмодернистское социальное конструирование реальности, герменевтические интерпретации смысла текстов, феноменологические описания сознания и диалектическое помещение деятельности людей в социальные и исторические контексты. То, что качественное интервью вышло на сцену именно сегодня, может отчасти объясняться совпадением его центральных вопросов с основными темами современной философии — переживание, смысл, жизненный мир, беседа, диалог, повествование и язык (см. главы 2 и 3). Таким образом, постмодернистский подход, вместе с мета-

фогой интервьюера как путешественника, подчеркивает конструктивную природу знания, порождаемого взаимодействующими партнерами в беседе-интервью.

На протяжении всей книги я буду стараться обсуждать применение этого философского анализа к пониманию исследовательского интервью. Я не предлагаю читателю всеобъемлющую теорию исследовательского интервью. Скорее, будут представлены разные философские понимания беседы и ее применения в качестве метода исследования. Таким образом, будет обеспечен теоретический контекст для концептуального осмысления теоретических и методологических вопросов, возникающих при использовании беседы-интервью в качестве метода исследования. Этому посвящена часть II этой книги — «Осмысление исследовательского интервью».

Методические Вопросы

Использование интервью в целях исследования обладает обманчивой простотой; кажется так просто начать интервью без всякой предварительной подготовки или осмысления. У начинающих исследователей может возникнуть прекрасная идея схватить магнитофон, найти нескольких людей и начать их расспрашивать. Записанные интервью расшифровываются, и тут — в ходе анализа сотен страниц расшифровки — начинают появляться вопросы о цели и содержании исследования. Такая теоретическая наивность и методологическая спонтанность отчасти объясняются реакцией на абстрактные теории и формализованные методы, которые изучаются на некоторых факультетах общественных наук.

Более методологически ориентированный начинающий исследователь может задаться множеством вопросов относительно методических и практических аспектов использования интервью в своем проекте. Например: Как я начну проект? Сколько людей мне нужно опросить? Может ли интервью причинить вред человеку, с которым я разговариваю? Как избежать навязывающих вопросов и их влияния на собеседника? Могу ли я быть уверенным, что я понял именно то, что имел в виду собеседник? Необходимо ли расшифровывать запись? Как анализировать интервью? Будут ли интерпретации субъективными? Как мне описывать мои подробные интервью?

Если подобные вопросы уже кем-то поднимались, например в опросах, то на них, конечно, легко ответить. Существует стандартная техника проведения опросов и множество справочников, содержащих общепринятые правила, схемы и нормы для размера выборки, формулирования вопросов

и вариантов ответов, кодирования ответов, статистических методов обработки с уровнями значимости для полученных данных и так далее. Можно найти и стандартные формы таблиц и графиков, в которых представляются количественные данные.

Ситуация с качественными исследованиями прямо противоположна. Во-первых, среди исследователей, использующих этот метод, общепринятыми являются очень немногие стандартные правила и методические рекомендации; во-вторых, вряд ли найдется достаточно общий труд, в котором бы обсуждались методические вопросы, подобные вышеназванным. Эта вторая проблема сейчас довольно быстро разрешается, и на сегодняшний день задача состоит прежде всего в том, чтобы сориентироваться в море литературы по качественным исследованиям. Обзор литературы, посвященной интервьюированию, будет дан ниже (глава 5, врезка 5.3).

Первая проблема — стандартные правила качественного интервьюирования — сложнее. Для исследовательского интервью не существует общепринятой процедуры. Исследовательское интервью — это ремесло, которое становится искусством, если его знать хорошо. Разнообразие исследовательских интервью сопоставимо с шириной спектра человеческих разговоров. Формы анализа интервью могут различаться настолько же, насколько различаются способы прочтения текста. Качественное интервью иногда называют *неструктурированным* или *нестандартизованным* интервью, так как существует очень немного заранее структурированных или стандартизованных процедур для проведения этой формы интервью, во время которого сразу должны приниматься многие методические решения и производиться их анализ. От интервьюера это требует большого мастерства, ему нужно быть сведущим в той теме, которая обсуждается, быть знакомым с доступными методическими решениями, а также уметь ухватить концептуальные проблемы получения знаний посредством беседы.

В этой книге я попытаюсь преодолеть крайности свободной спонтанности не-методического подхода и жесткой структурированностью всецело-методического подхода, сосредоточившись на экспертизе, умениях и мастерстве интервьюера-исследователя. Некоторые из решений, которые нужно принять, проходя различные стадии интервью, и доступные методические возможности будут выделены в части III — «Семь этапов исследования с помощью интервью».

Общая структура книги

В этой книге моя задача состоит в том, чтобы дать общий обзор и некоторые базовые принципы проведения интервью-исследования, а также представить философские взгляды, полезные в деле осмысления интервью.

Горизонтальное — *методическое* — измерение обеспечивают главы третьей части, в которых читатель проходит методические стадии исследования с упором на интервьюирование как ремесло и на техники, используемые в этом ремесле, и получает практическое руководство для проведения исследовательских интервью. Исследовательское интервью может быть разбито на семь методических стадий, от начальной идеи до окончательного отчета: 1) определение темы, с обоснованием предмета исследования и формулированием задач исследования; 2) планирование исследования таким образом, чтобы оно отвечало задачам исследования, решало проблемы конструирования знания и учитывало морально-этические последствия; 3) само интервью; 4) расшифровка; 5) анализ; 6) проверка (верификация); 7) составление отчета. В этих главах поднимается вопрос об умениях интервьюера, которые кажутся мистическими. Эта иллюзия последовательно развенчивается — через описание конкретных шагов, примеры и выделение практических и теоретических трудностей.

В вертикальном — *эпистемологическом* — измерении в главах части II предложены теоретические схемы для концептуального прояснения методических вопросов, задающих контекст, направляющий размышления об исследовательском интервью. *Эпистемология* здесь понимается как теория познания. Один из главных вопросов всей книги — взаимосвязь практических вопросов метода интервью с теоретическими проблемами природы знания, получаемого с помощью интервью.

Поскольку использование качественного интервью как систематического метода исследования не только сравнительно ново, но и сопряжено с множеством противоречий, я сначала обращаюсь к эпистемологическим вопросам в части II — «Осмысление исследовательского интервью», а затем, в части III, к методологическим вопросам — «Семь этапов исследования с помощью интервью». Неискушенные читатели, которые в первую очередь интересуются практикой интервьюирования, могут начать сразу с главы 7 — «Ситуация интервью», чтобы «попробовать ремесло на вкус», а потом продолжить чтение описаний конкретных методических шагов в исследовании с помощью интервью. Затем они могут вернуться к теоретическому обсуждению в части II и общему описанию метода в первых двух главах части III.

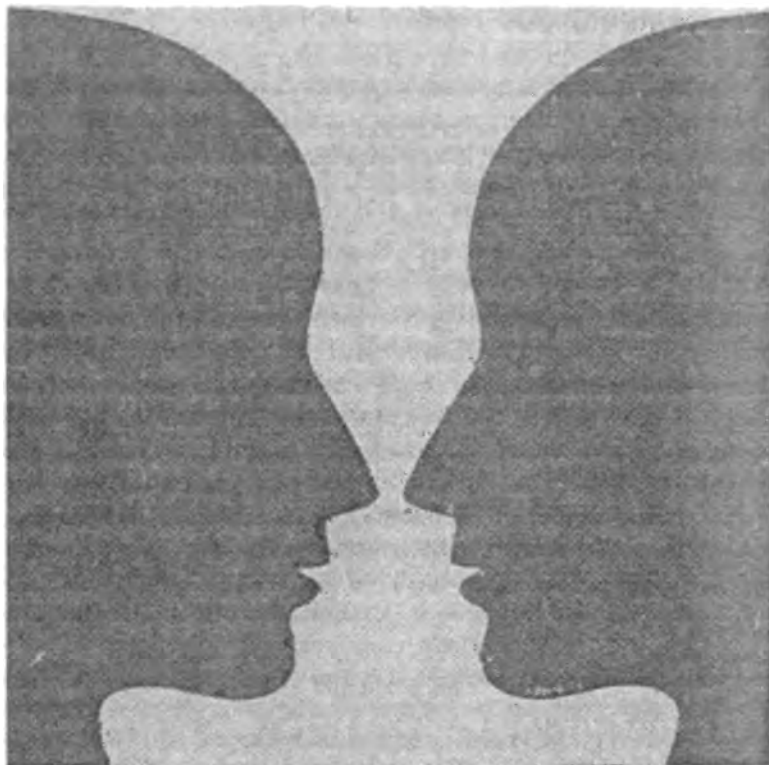

Рис. 1.1. Исследовательское интервью как МеждуВзгляд

Качественное исследовательское интервью — это пространство конструирования знания. Интервью (interview) — это дословно *между*взгляд (*inter view*), взаимный обмен взглядами между двумя людьми, беседующими на интересующую обоим тему. Взаимозависимость взаимодействия людей и продуцирования знания — вот основная тема, которая проходит через всю книгу.

Двойственное изображение на рисунке 1.1 было предложено датским психологом Э. Рубиным как пример феномена фигура-фон в визуальном восприятии гештальта. Его можно видеть по-разному, как два лица или как вазу, но никак невозможно видеть оба изображения одновременно. Я пользуюсь этим рисунком, чтобы проиллюстрировать мое понимание интервью как *между*взгляда. Мы можем сосредоточиться на двух лицах в двойственном изображении, увидеть в них интервьюера и интервьюируемого и

считать интервью взаимодействием между двумя людьми. Или мы можем сконцентрировать внимание на вазе между двумя профилями, увидеть в ней сосуд знаний, конструируемых *между взглядами* интервьюера и интервьюируемого. Это смена образов — от знающего к знанию, от создателей знания к созданным знаниям. Эта двойственность интервью — как межличностных взаимоотношений и как знаний *между взглядами*, к которым эти отношения приводят, — проходит через все главы этой книги, в которой сосредоточение на личностном взаимодействии и на знаниях, конструируемых в этом взаимодействии, сменяют друг друга.

Я подчеркиваю *человеческое взаимодействие между взглядами*, в котором производится научное знание. Взаимоотношения между интервьюером и его собеседником рассматриваются в главе 2 — «Интервью как беседа», а моральные следствия этого взаимодействия людей — в главе 6, посвященной этическим проблемам. Ситуационное взаимодействие интервьюера и интервьюируемого является основной темой глав 7 и 8 — о ситуации интервью. Общение читателя с текстом, который получается в результате интервью, проходит сквозь главы об анализе (главы 10, 11 и 12). В последних трех главах (13, 14 и 15) круг рассмотрения расширяется и включает не только обмен взглядами исследователя и его собеседника, но и обмен взглядами между исследователем, использующим интервью, и его аудиторией. Это расширение иллюстрирует рис. 15.1, который является расширением рис. 1.1. В главе 15, завершающей, разговор идет о ценности и валидности знаний, получаемых в исследовательском интервью, и завершается обсуждением потенциала этих знаний для расширения наших знаний о человеческом общении.

Природа знания, *конструируемого между взглядами* исследуемого и исследователя, обсуждается в связи с беседами в главе 2 и в связи с философскими концепциями знания в главе 3 и продолжается в главе 4 в связи с различными взглядами на науку и исследование. Глава 13, о валидации, посвящена действительной ценности получаемого знания и созданию истинного знания в диалоге, а глава 15 описывает беседу как привилегированный доступ к миру человека, понимаемому как диалогическая реальность.

Часть II.

ОСМЫСЛЕНИЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ИНТЕРВЬЮ

Значение трех ключевых терминов подзаголовка книги — *интервьюирование, исследование и качественное* — связано как раз с этой второй, эпистемологической частью книги. Описывается способ понимания в качественном исследовательском интервью, который обсуждается в соответствующем философском контексте и связывается с представлениями о научном исследовании в общественных науках. Представленное здесь концептуальное осмысление интервью послужит основой для прояснения методических и теоретических вопросов, возникающих на разных стадиях исследования с помощью интервью.

В главе 2 качественное исследовательское *интервью* рассматривается как одна из форм беседы и соотносится с другими формами беседы, такими как философский трактат или терапевтическое интервью. Глава завершается планом-схемой способа понимания в качественном исследовательском интервью и обсуждением разных контекстов интервью.

В главе 3 представлены философские традиции, созвучные природе качественного исследовательского интервью. Это постмодернистское лингвистическое конструирование реальности, герменевтические интерпретации смысла текста, феноменологическое описание сознания и диалектическое развитие через противоречие.

В главе 4 обсуждается значение термина *исследование* в контексте представлений о науке, включая позитивистский взгляд на науку, который плохо согласуется с качественным интервьюированием. Значение термина *качественный* трактуется в связи с общим противопоставлением количественного и качественного. Также затрагивается вопрос об объективности

и с объективности в качественном интервью и, наконец, даются примеры качественных исследований в практике: маркетинговые исследования, феминистские исследования и психоанализ.

Читатели, не знакомые с методологией общественных наук и философией, могут, как предложено выше, обращаться непосредственно к описанию ситуации интервью в главе 7 и последующим главам, посвященным стадиям интервью, а потом вернуться к нижеследующему концептуальному обсуждению.

Глава 2. Интервью как беседа

Исследовательское интервью является специфической формой беседы. Чтобы прояснить природу исследовательского интервью, я буду сравнивать его с другими формами беседы. Ниже приведены выдержки из трех различных бесед: во-первых, из беседы Сократа с Агафоном о природе любви, во-вторых, отрывок из психотерапевтической сессии К. Роджерса, на которой пациентка узнает о своем чувстве ненависти, и, наконец, исследовательское интервью, посвященное переживаниям, связанным с «узнаванием» внутренней архитектуры, представленное А. Джорджи. Три разных интервью включают различные формы взаимодействия, порождающие в результате разные типы знания. Глава завершается описанием способа понимания качественного исследовательского интервью и обсуждением интервью в связи с различными контекстами разговора.

Знание как беседа

В главе 1 для понимания исследовательского интервью была введена метафора интервьюера-путешественника, которая подчеркивает, что интервью — это разговор. Я провожу различие между беседой как частью повседневного взаимодействия, беседой как профессиональным обсуждением и беседой как философским диалогом. Эти три контекста можно рассматривать в качестве специфических вариантов обыденного понимания беседы как «...устного обмена чувствами, наблюдениями, идеями, мнениями» (*Webster's...*, 1967); они включают разные формы взаимодействия и различные уровни отражения формы и содержания беседы.

В спонтанном *повседневном разговоре* внимание в основном сосредоточено на теме разговора, в то время как цели и структура разговора не становятся специальной проблемой. Однако если возникают какие-то сложности, может произойти переход со спонтанного уровня на метауровень, где цель и форма разговора становятся объектом рефлексии. Например, это может произойти, если один из участников заинтересуется: «Почему вы меня об этом спрашиваете?».

Профессиональное интервью принимает различные формы: допрос, интервью при приеме на работу, терапевтическое интервью или исследовательское интервью. Каждое из них имеет свои цели и структуру, более или менее систематизированную технику расспрашивания, а также

свое понимание цели и особую манеру ставить вопросы. По сравнению с обыденным разговором, исследовательское интервью характеризуется методологической осознанностью формы вопросов, акцентом на динамике взаимодействия между интервьюером и интервьюируемым, критическим отношением к тому, что говорится. В профессиональных интервью позиции участников, как правило, асимметричны — профессионал ведет опрос более или менее наивного субъекта, который идет на это более или менее добровольно. В противоположность обыденной или философской беседе в профессиональных интервью происходит скорее одностороннее расспрашивание субъекта профессионалом.

В *философской дискуссии* партнеры находятся на одном уровне и расспрашивают друг друга о логике вопросов и ответов собеседника и о природе обсуждаемого знания. Этот дискурс основывается на совместном обязательстве обоих участников найти истину — попытаться выйти за пределы простых мнений и достичь истинного знания. Дискуссия ведется посредством расспрашивания о предмете разговора в режиме диалога, следует определенным правилам аргументации, которые партнеры договариваются соблюдать (см. *Bernstein, 1983*).

Философ-герменевт Х.Г. Гадамер описывает подлинную беседу, опираясь на диалоги Платона:

«Беседа — это процесс взаимопонимания двух людей. Таким образом, любая истинная беседа характеризуется тем, что каждый открыт для другого, действительно принимает его точку зрения как достойную внимания и проникает в другого в такой мере, чтобы понять не конкретного индивида, а то, что он говорит. Необходимо понять, является ли его мнение объективно истинным или ложным, тогда они смогут прийти к согласию относительно предмета разговора» (*Gadamer, 1975. P. 347*).

Намерения собеседников отступают перед тем, что Гадамер называет «закон предмета разговора»: если кто-то вступает в диалог с другим человеком и этот диалог увлекает его, то с этого момента не существует определяющей воли отдельной личности. Скорее, речь идет уже о законе предмета разговора, который порождает аргументы и контраргументы и, в итоге, полезен каждому собеседнику.

Это идеальное описание беседы относится к философской дискуссии и может в некоторых случаях применяться и к обыденному общению. Однако в профессиональной беседе обычно существует асимметрия позиций участников, имеющих специфические, иногда противоположные, цели.

Приведу теперь пример философской беседы и два примера профессиональной (терапевтического и исследовательского интервью). Философс-

кая беседа направлена на поиск истины в аргументированном изложении терапевтического интервью проводится с целью спровоцировать изменения в личности и самосознании пациента, посредством интерпретации в эмоциональном взаимодействии; исследовательское интервью направлено на получение знаний о мире респондента путем его расспрашивания. Природа знаний, получаемых в результате взаимодействия, различна в этих трех беседах: логическое концептуальное знание, эмоциональное личностное знание и эмпирические знания об обыденном мире.

Философский диалог Сократа о любви

«Пир» Платона представляет собой философский диалог в художественной форме. Сам пир был устроен в честь поэта Агафона, который в 416 году до нашей эры получил приз за одну из своих пьес. Гости по очереди произносят речи в честь Эроса, бога любви. Их речи сопровождаются обильными возлияниями: Аристофан должен был пропустить свою очередь из-за сильной икоты, но все же произносит свой тост; пьяный Алкивиад неожиданно разражается любовной речью, обращенной к Сократу — единственному, кто встречает рассвет, все еще сидя за столом.

«Пир» состоит из монологов и диалогов, в которых чередуются риторические речи, жаркие споры и юмор. Платон использует непрямую форму коммуникации: притворное невежество Сократа и его иронический стиль не поддерживают и не отвергают провозглашаемые истины. Он вскрывает противоречия в аргументах своих оппонентов, давая тем самым пищу для ума тем, кто хочет услышать.

В своей речи Сократ рисует Эроса как желание добра, красоты и правды. Он начинает с вопроса к Агафону, который выступил с напыщенной речью в традициях риторики софистов. Введение и заключение этого пассажа в диалоге были следующие:

«— Ты показал в своей речи поистине прекрасный пример, Агафон, когда говорил, что прежде надо сказать о самом Эроде и его свойствах, а потом уже о его делах. Такое начало очень мне по душе. Так вот, поскольку ты прекрасно и даже блестяще разобрал свойства Эроса, ответь-ка мне вот что. Есть ли Эрот непременно любовь к кому-то или нет? Я не спрашиваю, любовь ли это, скажем, к отцу или матери — смешон был бы вопрос, есть ли Эрот любовь к матери или отцу, — нет, я спрашиваю тебя так, как спросил бы ну, например, об отце: раз он отец, то ведь он непременно доводится отцом кому-то? Если бы ты захотел ответить на это правильно, ты бы, вероятно, сказал мне, что отец всегда доводится отцом дочери или сыну, не так ли?»

— Конечно, — ответил Агафон. <...>

— Ну, а теперь, — продолжал Сократ, — подведем итог сказанному. Итак, во-первых, Эрот это всегда любовь к кому-то или чему-то, а во-вторых, предмет ее — то, в чем испытываешь нужду, не так ли?

— Да, — отвечал Агафон.

— Вспомни вдобавок, любовью к чему назвал ты в своей речи Эрота? Если хочешь, я напомню тебе. По-моему, ты сказал что-то вроде того, что дела богов пришли в порядок благодаря любви к прекрасному, поскольку, мол, любви к безобразному не бывает? Не таков ли был смысл твоих слов?

— Да, именно таков, — отвечал Агафон.

— И сказано это было вполне справедливо, друг мой, — продолжал Сократ. — Но не получается ли, что Эрот — это любовь к красоте, а не к безобразию?

Агафон согласился с этим.

— А не согласились ли мы, что любят то, в чем нуждаются и чего не имеют?

— Согласились, — отвечал Агафон.

— И значит, Эрот лишен красоты и нуждается в ней?

— Выходит, что так, — сказал Агафон.

— Так неужели ты назовешь прекрасным то, что совершенно лишено красоты и нуждается в ней?

— Нет, конечно.

— И ты все еще утверждаешь, что Эрот прекрасен, — если дело обстоит так?

— Получается, Сократ, — отвечал Агафон, — что я сам не знал, что тогда говорил» (Платон. Пир / «Библиотека “Звезды”» / Пер. с древнегреч. С.К. Апта. СПб., 1992. С. 31, 33).

В этом пассаже Сократ берет речь Агафона о любви в качестве отправной точки. Он коротко повторяет и интерпретирует то, что сказал Агафон, и затем просит своего оппонента подтвердить или опровергнуть правильность своих интерпретаций. В начале Сократ выглядит наивным и невинным, он восхваляет взгляд Агафона на Эрота и следует дальше, раскрывая одно за другим противоречия в позиции Агафона. Некоторые аргументы заканчиваются вопросами, которые уже содержат ответ, с которым соглашается Агафон. В конце Агафону приходится полностью отказаться от своих взглядов и согласиться с позицией Сократа.

Этот диалог о природе любви допускает несколько прочтений. В одной интерпретации этот диалог и есть подлинная беседа в смысле Гадамера (Gadamer, 1975), то есть прямой философский поиск истинного знания о природе любви посредством дискурсивной аргументации. Это не понимание отдельного индивида, но понимание объективной правоты сказанного им, так, чтобы оба могли прийти к согласию по предмету спора. В другом

прочтении Сократ уже обладает истинным знанием о природе любви, и цель разговора — дидактическая: критически расспрашивая Агафона, привести его и других участников пира к тому постижению природы любви, которого Сократ уже достиг. В основе его расспросов лежит фундаментальная уверенность в том, что Агафон уже обладает истинным знанием о природе любви, но ему нужно помочь раскрыть эту истину, и Сократ берет на себя роль повивальной бабки, помогающей истине родиться. Он не задает открытых вопросов, его вопросы не безразличны к содержанию спора, они исходят из специфической теории познания — веры в то, что человек есть бессмертная, возродившаяся душа и что он не учится, а вспоминает то, что уже было известно душе.

Философская дискуссия — это жесткая форма взаимодействия. Сократ сравнивает себя со следователем, производящим допрос, он стремится достичь теоретического знания путем безжалостной точности дискурсивной аргументации. Исследовательское интервью, как правило, имеет более мягкие формы. Интервьюируемый — это источник информации, а не оппонент в философском споре. Интервьюер задает ему вопросы по теме интервью, чтобы получить знание о его жизненной ситуации, и редко вступает в продолжительные споры о логике и истинности его высказываний. Интервьюер оставляет за рамками исследовательского интервью аргументы в защиту собственного взгляда на тему интервью или попытки изменить убеждения испытуемого. Напротив, терапевтическое интервью направлено на изменение (скорее посредством личностного взаимодействия, чем логической аргументации), но желательные изменения относятся скорее к эмоциональным и личностным, чем к концептуальным.

Терапевтическое интервью о ненависти

Со времен изобретения З. Фрейдом психоанализа накоплено очень много данных об использовании терапевтического интервью. Публикация представленного ниже отрывка из терапевтического интервью имеет двоякую цель: показать тем, кто использует исследовательское интервью, технические возможности, разработанные в рамках терапевтических профессий, и продемонстрировать некоторые различия между исследовательским и терапевтическим интервью.

К. Роджерс был пионером в разработке формы открытого клиент-центрированного интервью. Первоначально он назвал его *недирективным*, затем, когда он понял, что все виды интервьюирования предполагают определенное управление, это название было заменено на *клиент-центрирован-*

ное. Роджерс также первым использовал аудиозаписи с последующей расшифровкой всей терапевтической сессии, что сделало терапевтическое взаимодействие и технику расспрашивания доступными для публичного выбора и изучения. Труды Роджерса о терапевтическом интервью вдохновили развитие качественного интервью в исследовательских целях.

Следующий отрывок взят из книги «Клиент-центрированная терапия». Интервью было проведено консультантом, использующим подход Роджерса; протокол в данном случае восстановлен на основе записей, сделанных терапевтом во время интервью.

К (клиентка): *(Молчит в течение двух минут. Затем начинает говорить глухим невыразительным голосом, совершенно непохожим на ее обычный голос. Не смотрит на консультанта. Разговор идет с большим количеством повторов, но в данном отрывке сохраняются только основные мысли.)* Вы знаете, я хочу приходить сюда, но я не буду! Я больше не приду. От этого только хуже. Вы мне не нравитесь. Я ненавижу Вас! Лучше бы Вы никогда не появились на свет.

Т (терапевт): Вы очень сильно меня ненавидите.

К: Я хотела бы утопить Вас в озере. Я хочу разрезать Вас на куски! Вы думаете, что Вы нравитесь людям, но это не так... Вы думаете, что Вы можете увлечь женщину, но Вы не можете... Я хочу, чтобы Вы умерли.

Т: Вы чувствуете ко мне *отвращение* и Вы действительно хотите от меня избавиться.

К: Вы думаете, что мой отец плохо поступал со мной, но это не так! Вы думаете, что он не был хорошим человеком, но он им *был*. Вы думаете, я хочу вступить в связь с Вами, но я не хочу.

Т: Вы чувствуете, что я *совершенно искажаю* все Ваши мысли.

К: ...Вы думаете, что можете заставить людей приходить и рассказывать Вам все, и они будут думать, что это им помогает, но это не так! На самом деле Вы хотите заставить их страдать. Вы думаете, что можете их загипнотизировать, но Вы не можете! Вы думаете, что Вы хороший, но это не так. Я ненавижу Вас, я ненавижу Вас, я ненавижу Вас.

Т: Вы думаете, что мне нравится заставлять их страдать, но при этом я не помогаю им.

К: Вы думаете, что я лукавлю, но это не так. Я ненавижу Вас. Все, что у меня есть, — это только боль, боль, боль. Вам кажется, что я не могу управлять своей жизнью, но я могу. Вы думаете, что мне не

справиться, но я справлюсь. Вы думаете, что у меня галлюцинации но у меня их нет. Я ненавижу Вас. (*Длинная пауза. Склоняется к столу в напряженной позе крайней усталости.*) Вы думаете, что я спятила, но это не так.

Т: Вы уверены, что я считаю Вас сумасшедшей.

К: (*Пауза.*) Я связана, и я не могу освободиться! (*Безнадежный тон и слезы. Пауза.*) У меня галлюцинации, и я должна от них избавиться! <...>

К: Я знала там, в кабинете, что должна как-то освободиться от этого. Я чувствовала, что могу прийти и сказать Вам. Я знала, Вы поймете. Я не могла сказать, что ненавижу себя. Это правда, но я не могла этого сказать. Поэтому я просто думала обо всех тех жутких вещах, которые я могу сказать Вам, а не себе.

Т: Вы не могли сказать то, что чувствовали по отношению к себе, но смогли сказать то же самое обо мне.

К: Я знаю, мы подходим к самому главному...

(Rogers, 1965. P. 211—213).

Эмоциональный тон этой сессии консультирования был описан следующим образом:

«Хотя на бумаге невозможно передать весь яд и всю ненависть, которые были в голосе клиентки, тем более невозможно передать глубину эмпатии в ответах консультанта. Консультант говорил: “Я старался войти в это состояние и затем передать в голосе весь тот иссушающий душу гнев, который она изливала. В написанном виде слова выглядят невероятно бледно, но в тот момент они были полны того же чувства, которое она выражала так глубоко и четко”» (*Там же. P. 212*).

В этой терапевтической сессии клиентка с самого начала берет на себя ведущую роль, вводя центральную тему ненавистного консультанта и говоря, как сильно она его ненавидит. Он отвечает, отражая и перефразируя ее высказывания, подчеркивая их эмоциональные аспекты. Он не обращает внимания, как это было бы в обычном разговоре, на обвинения, направленные против него. В этом конкретном разговоре консультант не задает проясняющих вопросов и не предлагает своих интерпретаций. В конце, после того, как она «от всего освободилась», клиентка признает способность консультанта понять ее и сама предлагает интерпретацию: «Я не могла сказать, что ненавижу себя, поэтому я просто думала обо всех тех жутких вещах, которые я могу сказать Вам, а не себе».

Целью консультационного интервью было помочь пациентке в решении ее эмоциональных проблемам, и консультант последовательно отражал эмоциональные аспекты высказываний пациентки об ее отношении к самой себе, что в данном случае привело к тому, что она сама дала интерпретацию своему поведению. В психоаналитической терминологии, темой сессии был *перенос* — интенсивное эмоциональное отношение пациентки с терапевтом. Трудно провести достаточно четкую линию, разделяющую терапевтическое и исследовательское интервью. Оба могут привести к росту понимания и изменению, но в терапевтическом интервью акцент делается на личностном изменении, а в исследовательском — на интеллектуальном понимании. Хотя основная цель терапевтического интервью состоит в том, чтобы помочь пациентам превозмочь свое страдание, сопутствующим эффектом будет знание о человеческой ситуации вообще. Это будет обсуждаться ниже в связи с психоанализом как методом исследования (см. главу 4).

Исследовательское интервью, посвященное обучению

Целью обсуждаемого здесь качественного исследовательского интервью должно быть понимание проблем, возникающих в обыденной жизни, с точки зрения самих клиентов. Структура исследовательского интервью близка структуре обычного разговора, но как интервью профессиональное оно содержит специфический подход и особую технику расспрашивания. В техническом аспекте качественное исследовательское интервью относится к полуструктурированным: это не свободный разговор и не высокоструктурированный опросник. Оно проводится согласно заданной схеме, сфокусировано на определенных темах и может включать определенные рекомендуемые вопросы. Интервью обычно расшифровывается, и текст вместе с аудио- или видеозаписью служит материалом для дальнейшей смысловой интерпретации.

Следующий отрывок интервью взят из статьи А. Джорджи «Применение феноменологического метода в психологии» (*Giorgi, 1975*). Тема исследовательского интервью была следующей: «Что представляет собой обучение в повседневной жизни?». Приводится первая часть интервью, проведенного студентом.

И (Исследователь): Не могли бы Вы, насколько возможно подробно, описать ситуацию, которая Вас чему-то научила?

Р (респондент — Е.У., женщина 24 лет, домохозяйка и исследователь в сфере образования): В первую очередь приходит в голову то, что я узнала от Миртис о внутреннем декоре. Она рассказывала мне о том, как мы видим окружающее. Она теперь по-другому смотрит на разные помещения. Она говорила мне, что когда тыходишь в помещение, то обычно не замечаешь, сколько там горизонтальных и вертикальных линий, по крайней мере, не обращаешь на это внимание сознательно. А еще, если взять кого-то, кто понимает в украшении интерьера, он сразу интуитивно почувствует, сколько там вертикалей и горизонталей, сколько нужно. Так вот, я пришла домой и начала смотреть на эти линии в нашей гостиной, и сочитала эти горизонтальные и вертикальные линии, многие из них я никогда и не воспринимала как линии. Балка... Действительно, я никогда раньше не думала о ней, как о вертикали, просто выступ стены. (*Смеется.*) Я обнаружила, что было не так с оформлением нашей гостиной: много, слишком много, горизонталей и недостаточно вертикалей. Поэтому я начала двигать вещи и менять их вид. Я передвинула кое-что из мебели и убрала несколько безделушек, какие-то линии замаскировала и ... для меня это действительно стало выглядеть по-другому. Это интересно, потому что когда через несколько часов с работы пришел муж, я ему сказала: «Посмотри на гостиную — все по-другому». Не зная того, что я обнаружила, он не мог видеть все так же, как я. Он видел, что все изменилось, видел, что вещи передвинуты, но не мог сказать, что горизонтальные линии были замаскированы, а вертикальные подчеркнуты. Так я почувствовала, что я чему-то научилась.

И: Какую часть этого опыта Вы считаете обучением?

Р: Отчасти знание о том, что комната состоит из вертикалей и горизонталей. Применение этого к другой комнате, потом применение этого к чему-то, что меня долго раздражало, и я никак не могла определить, что это. Я думаю, что настоящее обучение было в том, что я узнала, что значат горизонтали и вертикали для комнаты. Новый опыт, который остался со мной, — это способность видеть помещение по-новому.

И: Вы говорите, что обучение состояло в том, что Вы узнали от Миртис, и в том, что Вы потом попробовали применить...?

Р: Когда я попробовала это сделать, я почувствовала, что научилась, пока пробовала. Я бы *подумала*, что научилась только благодаря полученному знанию, но после того, как я пыталась применить это

знание. я не думаю, что это было так. Я могу точно сказать, что научилась этому в тот самый момент (*Giorgi, 1975. P. 84—86*).

Интервью было направлено на исследование того, что представляет собой обучение для женщины в ее повседневной жизни. Оно начиналось с открытой просьбы описать ситуацию, включающую обучение. Женщина выбрала ситуацию обучения, о которой она говорила, — украшение интервьюера; она описала ее свободно и подробно, своими словами. Ответ спонтанно принял форму рассказа, передачи одного обучающего эпизода. В первом вопросе интервьюер ввел обучение как тему интервью; его остальные вопросы отталкивались от ответов респондента, чтобы не уходить от темы обучения, и были направлены на прояснение различных аспектов истории обучения респондента.

Это интервью представляет собой хороший пример полуструктурированного исследовательского интервью, направленного на выяснение собственного понимания темы респондентом. Целью было исследование собственного опыта обучения респондента, и вопросы интервьюера были направлены на прояснение рассказа респондента об обучении. Форма интервью берет истоки в феноменологической философии, которая основана на описательном изучении сознания. Она будет описана в следующей главе (глава 3, «Феноменологическое описание»); анализ этого интервью будет дан позже (глава 11, «Конденсация смысла»).

Способ понимания в качественном исследовательском интервью

Теперь я опишу способ понимания в качественном исследовательском интервью, одним из примеров которого и была приведенная выше беседа об обучении.

Врезка 2.1 в сжатом виде содержит 12 аспектов способа понимания в качественном исследовательском интервью. Их можно найти более или менее явно сформулированными в описаниях исследовательских интервью. Собранные здесь вместе, они представляют собой попытку вычленить основные структуры качественного исследовательского интервью. Мы обсудим их более детально с примерами, взятыми из интервью по поводу обучения, приведенными А. Джорджи, и из моих собственных интервью по проблеме оценок в высшей школе (см. разделы «Беседа как исследование» в главе 1, «Интервью об оценках» в главе 5 и «Пример интервью об оценках» в главе 7).

1. *Жизненный мир*. Тема качественного исследовательского интервью — это жизненный мир респондентов и их отношение к нему. Цель интервью — описать и понять те его аспекты, которые респонденты переживают как центральные. В интервью, опубликованном Джорджи, тема обучения была задана интервьюером, тогда как сама респондентка выбрала для обсуждения определенный пример обучения из своей повседневной жизни. В моем собственном исследовании оценки были центральной темой жизненного мира учеников высшей школы, и интервью было направлено на описание и отражение того смысла, который оценки имеют для учеников.

Качественное исследовательское интервью ориентировано на определенную тему. Два человека обсуждают тему, интересную для обоих. Интервью, получившееся в результате, затем может быть проанализировано прежде всего в аспекте описания жизненного мира, которое дал респондент, или понимания респондента, описавшего свой жизненный мир. Интервью по поводу оценок были проанализированы под углом зрения создаваемой оценками общей социальной ситуации, которую характеризуют

Врезка 2.1

Аспекты качественного исследовательского интервью*

Жизненный мир Темой качественного интервью является обыденный жизненный мир интервьюируемого и его или ее отношение к нему.

Смысл Интервью направлено на интерпретацию смысла центральных тем жизненного мира респондента. Интервьюер регистрирует и интерпретирует смысл того, что говорится, и того, как это говорится.

Качественное Интервью направлено на получение качественных знаний, выраженных обычным языком, и не предполагает количественные оценки.

Описательное Интервью направлено на достижение открытых и подробных описаний различных аспектов жизненного мира респондента.

Специфичность Интервью направлено на получение описаний специфических ситуаций и последовательностей действий, а не обобщенного мнения.

Преднамеренная наивность Интервьюер демонстрирует открытость новому и неожиданному, вместо того чтобы опираться на готовые категории и схемы интерпретации.

* Цель рассматриваемого здесь качественного исследовательского интервью состоит в получении описания жизненного мира респондентов для интерпретации смысла описываемых феноменов.

подчиненность преподавателям, соревнование с одноклассниками и инструментализация обучения. Интервью также могут быть проанализированы с точки зрения структур личности отдельных учеников, связанных с оценками. Однако основной интерес данного исследования заключался в изучении создаваемых оценками общих признаков школьной ситуации, а не в исследовании индивидуальных различий между учениками.

2. *Смысл.* Качественное исследовательское интервью направлено на описание и понимание смысла центральных аспектов жизненного мира респондента. Основная задача интервью — понять смысл того, что говорит респондент. Вспомните некоторые вопросы интервью, представленного Джорджи (Giorgi, 1975), направленные на прояснение точного значения описаний респондента.

Интервьюер регистрирует и интерпретирует то, что говорит респондент, равно как и то, как он это говорит; он должен отмечать — и быть в состоянии проинтерпретировать — тон голоса, выражение лица и другие

Врезка 2.1. Продолжение

Фокусированное Интервью фокусируется на определенных темах; оно не является ни жестко структурированным со стандартизированными вопросами, ни абсолютно «недирективным».

Двузначность Иногда высказывания интервьюируемого могут быть двузначными, отражающими противоречия мира, в котором он живет

Изменение Процесс участия в интервью может приводить респондента к новым инсайтам и осознаниям, вследствие чего он может в процессе интервью изменять свои описания и смыслы, которые он связывает с темой беседы.

Сензитивность Разные интервьюеры могут вызывать разные суждения относительно одних и тех же вопросов в зависимости от своих знаний и сензитивности по отношению к теме интервью.

Межличностная ситуация Знание, получаемое с помощью интервью, возникает в результате межличностного взаимодействия.

Позитивный опыт Исследовательское интервью, проведенное на высоком уровне, может явиться для интервьюируемого редким, обогащающим опытом, в результате которого он может прийти к новому пониманию своей жизненной ситуации.

телесные проявления. Обычный разговор часто происходит на уровне обмена фактами. Ученик может сказать: «Как показали оценки на экзаменах, я не так глуп. Но у меня плохие успехи в учебе». Обычная реакция могла бы быть на фактическом уровне: «А какие оценки ты получил?» или «Какие у тебя успехи в учебе?» — вопросы, которые тоже могут принести важную информацию. Ответ, ориентированный на смысл, мог бы быть примерно таким: «Ты чувствуешь, что оценки не вполне соответствуют твоему уровню?». Вспомните согласованное перефразирование консультантом эмоциональных высказываний клиентки в интервью, приведенном Роджерсом (*Rogers, 1965*).

Качественное исследовательское интервью старается охватить и уровень фактов и уровень смысла, однако на уровне смысла интервью проводить труднее. Необходимо прислушиваться не только к явным описаниям и смыслам, но и к тому, что говорится «между строк». Интервьюер может постараться сформулировать «скрытое (имплицитное) послание», «вернуть» его респонденту и получить немедленное подтверждение или неподтверждение своей интерпретации того, что хочет выразить интервьюируемый.

3. *Качественное.* Качественное исследовательское интервью направлено на получение подробного описания различных качественных аспектов жизненного мира интервьюируемого; это работа со словами, а не с цифрами. Точность в описании и строгость в интерпретации смысла в качественном интервью соответствует точности в количественных измерениях.

4. *Описательное.* Качественное исследовательское интервью направлено на получение описаний без интерпретаций. Респондент описывает то, что он переживает, чувствует и делает, настолько точно, насколько может. Вспомните интервью, приведенное Джорджи (*Giorgi, 1975*), в котором респонденту были заданы вводные вопросы, побуждающие его детально описать ситуацию, в которой происходило обучение. Интервью сосредоточено на детальном описании качественного разнообразия, множества различий и вариаций одного явления, а не на том, чтобы прийти к определенной жесткой категоризации.

Первоначальная задача исследователя — оценить, почему респонденты переживают и действуют именно так, как они это делают. Это может прояснить аналогия с постановкой врачебного диагноза. Врач не начинает беседу с больным с вопроса о том, чем заболел пациент, — сначала он спрашивает, что случилось, как себя чувствует пациент, каковы симптомы. И только потом, на основе собранной информации, врач может строить гипотезы о том, что бы это могла быть за болезнь. Дальнейшее расспраши-

ваннс проводится уже исходя из этих гипотез, и на основе ответов пациента и данных других методов обследования врач может ставить диагноз. И врач, и исследователь сталкиваются с ситуациями, когда важно знать, какие объяснения того, что с ним происходит, имеет сам пациент или респондент, и задать вопросы о причинах происходящего. Однако первичной задачей и врача и исследователя остается получение описаний, дающих адекватный и достоверный материал, который можно было бы интерпретировать.

5. Специфичность. Качественное исследовательское интервью направлено на получение описаний конкретных ситуаций и последовательности событий в мире респондента. О мнении «вообще» не спрашивают. Например, в исследовательском интервью знание того, какое мнение имеет ученик о системе оценивания, не столь важно по сравнению с задачей получить конкретное описание того, как ученики переживают свои оценки, как они реагируют на них. На основе широких, богатых описаний конкретных ситуаций получения оценок интервьюер может прийти к смыслам другого уровня, вместо того чтобы задавать вопросы типа: «Каково твое мнение о системе оценок?». Однако следует признать, что и вопросы о мнении вообще могут быть вполне адекватными, могут приносить интересную информацию, которую можно сравнить с пониманием оценок, выраженным в спонтанных описаниях соответствующих ситуаций.

6. Преднамеренная наивность. Качественное интервью направлено на сбор описаний определенных проблем жизненного мира интервьюируемого, причем описаний максимально богатых и непредубежденных. Преднамеренная наивность и отсутствие априорных предположений, на чем я здесь настаиваю, делают исследователя намного более открытым новым неожиданным явлениям, чем при использовании заранее заготовленных вопросов и категорий анализа. Интервьюер должен быть любопытным, сензитивным к тому, что говорится — так же как и к тому, чего не говорится, — и критически относиться в процессе интервью к своим собственным уже сформировавшимся впечатлениям и гипотезам. Таким образом, беспредпосылочность включает в себя также критическое осознание собственных предубеждений интервьюера.

7. Фокусированное. Качественное исследовательское интервью фокусируется на определенных вопросах жизненного мира интервьюируемого. Оно не является ни строго структурированным, содержащим одни стандартизованные вопросы, ни полностью «недирективным», но при этом сфо-

кусировано. Задача интервьюеров в исследовании оценок состояла в том, чтобы удерживать проблему оценок в фокусе интервью, но при этом рассматривать ее в разных контекстах или с разных точек зрения — таких, как социальное окружение в школе, экзамены или планы учеников на будущее. Именно респондент должен определить те параметры проблемы, которые кажутся ему важными. Интервьюер подводит респондента к определенным вопросам, но не к определенному мнению по этим вопросам.

8. *Неоднозначность.* Высказывания респондента иногда бывают неоднозначны. Какое-то выражение может иметь несколько вариантов интерпретации, кроме того, респондент может в ходе интервью сам себе противоречить. В таком случае задача интервьюера — прояснить, насколько это возможно, являются ли двусмысленность и противоречивые высказывания результатом неудачной формулировки в ситуации интервью, или они отражают реальную непоследовательность, двойственность и противоречивость самого интервьюируемого. Качественное исследовательское интервью проводится не для того, чтобы прийти к недвусмысленному, поддающемуся количественному исчислению резюме по обсуждаемому вопросу. Важно скорее максимально точно описать возможную неясность и противоречия в тех смыслах, которые высказывает интервьюируемый. Противоречия у интервьюируемого могут быть не только следствием неудачной формулировки в процессе интервью или специфических структур его личности, но могут быть и адекватным отражением объективных противоречий мира, в котором он живет.

9. *Изменение.* В процессе интервью может случиться так, что респондент изменит свое описание ситуации или ее смысл. Респондент может сам обнаружить новые аспекты вопроса, о котором он говорит, внезапно увидеть связи, которые он ранее не осознавал. Так, в интервью, представленном Роджерсом (Rogers, 1965), по мере того, как пациентка рассказывала, а консультант перефразировал ее высказывания, она начала приходить к осознанию того, что ее критика в отношении терапевта на самом деле была направлена на нее самое. В исследовательском интервью расспрашивание может и на менее драматичных уровнях подстегивать процесс рефлексии, в результате чего смысл обсуждаемого вопроса после интервью становится для респондента уже не тем, что прежде.

10. *Сензитивность.* Результаты интервью, полученные разными интервьюерами, использующими одну и ту же схему интервью, могут различаться из-за различных знаний относительно темы интервью и различной

сензитивности к теме. Так, интервьюер, у которого нет музыкального слуха, может испытывать трудности, получая от респондента подробные описания его переживаний, связанных с музыкой, особенно, если попытается поглубже вникнуть в смысл музыки. Если бы мы следовали требованиям обычного научного исследования, направленного на получение воспроизводимых данных, то форма интервью должна была бы быть стандартизована так, чтобы ограничить понимание переживаний, связанных с музыкой, более поверхностными аспектами, понятными среднему человеку. Напротив, качественное исследовательское интервью, скорее, будет задействовать разнообразные возможности интервьюера для получения описаний именно различных подробностей и глубокого смысла обсуждаемого вопроса.

Требование быть сензитивным к обсуждаемому вопросу и ориентироваться в нем противоречит непредвзятому отношению, которое провозглашалось выше. Напряжение между этими двумя аспектами может быть выражено в требовании преднамеренной осознанной наивности со стороны интервьюера, как это было в разговоре Сократа с Агафоном.

11. *Межличностная ситуация.* Исследовательское интервью находится буквально «между взглядами», «inter views» — это взаимодействие между двумя людьми. Интервьюер и респондент воздействуют друг на друга и взаимно влияют друг на друга. Очень сильное эмоциональное взаимодействие представлено в консультативной сессии Роджерса (Rogers, 1965). Г. Салливан (Sullivan, 1954) анализировал психиатрическое интервью как межличностную ситуацию, где соответствующие данные создаются самим взаимодействием в специфической ситуации, созданной между интервьюером и интервьюируемым. Он подчеркивал субъективный момент получения знаний в ситуации интервью: при включенном наблюдении именно интервьюер как личность является методом, инструментом.

И со стороны интервьюера, и со стороны респондента в ситуации интервью могут возникать положительные чувства общего интеллектуального интереса и взаимного уважения. Интервью также может порождать тревогу и активизировать защитные механизмы как у интервьюируемого, так и у интервьюера. Интервьюер должен осознавать межличностную динамику в процессе взаимодействия и принимать это во внимание как во время интервью, так и при анализе завершенного интервью. Однако взаимное влияние интервьюера и интервьюируемого на эмоциональном и когнитивном уровне не обязательно является источником ошибок, но может стать очень сильной стороной в качественном исследовательском интервью. Вместо того, чтобы пытаться снижать значимость взаимодействия, в исследо-

вательском интервью следует признавать и использовать знания, полученные в процессе межличностного взаимодействия.

12. *Позитивный опыт.* Качественное исследовательское интервью для интервьюируемого может быть очень полезным опытом. Интервью — это разговор, в котором двое разговаривают о чем-то интересном для обоих. Качественное интервью, проведенное на должном уровне, может стать для интервьюируемого нетривиальным обогащающим опытом. Наверное, в обычной жизни не часто случается, чтобы другой человек час или более интересовался бы исключительно тем, что переживает и что думает респондент по данному вопросу, был бы очень внимателен и чуток и старался понять респондента настолько точно, насколько это возможно. В реальности часто бывает очень тяжело закончить качественное интервью. Респондент может захотеть продолжить диалог и все дальше исследовать проблему и те озарения, которые возникли в процессе интервью.

* * *

Выделенные выше 12 аспектов иллюстрируют способ понимания качественного исследовательского интервью, принятый в этой книге. В главе 3 будут представлены философские взгляды, близкие этому пониманию исследовательского интервью, а в главе 4 этот способ понимания противопоставляется концепциям, принятым в социологических исследованиях.

Интервью как единство трех аспектов беседы

В конце главы, посвященной рассмотрению интервью как беседы, интервьюер-путешественник обнаруживает три контекста понимания беседы. Во-первых, исследовательское интервью трактуется как специфическая профессиональная *разговорная техника*, позволяющая конструировать знание в процессе взаимодействия интервьюера и интервьюируемого так, как это показано в предыдущем разделе. В отличие от взаимных обменов репликами в повседневном общении и от философской беседы, здесь один — профессионал-интервьюер — задает вопросы, а второй — респондент — на них отвечает.

Во-вторых, беседу можно рассматривать как *основную форму познания*. Р. Рорти (*Rorty*, 1979), философ неопрагматистского направления, близкий к постмодернистскому мышлению, особенно подчеркивал момент порождения знания в беседе. Если мы понимаем знание как социально

обозначенные убеждения, а не как точное отображение, именно беседа, а не проникновение в природу, становится определяющей. Можно отбросить представление о разуме, в котором якобы отражается объективный мир, если мы будем «...рассматривать знания как продукт диалога и общественной практики, а не как попытку зеркально отобразить природу» (Rorty, 1979. P. 171). Достоверность нашего знания есть вопрос договоренности между людьми, а не взаимодействия с неодушевленной реальностью. Если мы рассматриваем знание не как обладание истиной, а как обоснование уверенности, мы можем рассматривать *беседу* «как предельный контекст, в котором постижимо знание» (Там же. P. 389).

В-третьих, *человеческая реальность* может быть отождествлена с людьми, ведущими между собой диалог. С точки зрения герменевтической философии Гадамера, мы суть общающиеся существа, для которых реальностью является язык (см. Bernstein, 1983). В своем диалогическом постмодернистском варианте социального конструкционизма Дж. Шоттер пытается описать диалогические миры, в которых мы существуем: «Ведь беседа не есть лишь одна из многих форм нашей активности в мире. Напротив, мы конституируем и самих себя, и наши миры в нашей разговорной активности. Для нас они являются основополагающими. Они образуют обычно не замечаемую основу, в которой берут начало корни нашей жизни» (Shotter, 1993. P. VI).

В контексте данного подхода беседа представляет собой не только конкретный эмпирический метод. Она также включает в себя основную форму конституирования знания; наконец, мир человека представляет собой диалогическую реальность. Эти три понимания беседы — методологическое, эпистемологическое и онтологическое — будут сохраняться на протяжении всей книги, но акцент будет делаться на методологическом аспекте интервью как специальной формы разговорной техники.

В главе 3 будут очерчены философские позиции, сопоставимые с диалогическим подходом к исследовательскому интервью. Особенно сильный акцент делают на беседе как на форме познания постмодернистская и герменевтическая философии, а аспекты диалогического взаимодействия, связанные с социальными отношениями, властью и материальными аспектами, выделяются в постмодернистском и диалектическом понимании беседы.

Глава 3. Постмодернизм, герменевтика, феноменология и диалектика

Сами техники интервьюирования широко представлены в литературе, тогда как к философским следствиям способа понимания в качественном интервью обращаются очень редко. Термины, использованные для описания интервью в предыдущей главе — такие, как *переживание*, *сознание*, *описание*, *смысл*, *интерпретация* и *взаимодействие*, — взяты из обычного языка. В этой главе я рассматриваю философские течения, анализировавшие именно те вопросы, которые являются центральными для качественного исследовательского интервью, — постмодернизм, герменевтику, феноменологию и диалектику.

Подход *постмодернизма* сосредоточен на отношениях внутри интервью, на социальном конструировании реальности в интервью, на его лингвистических аспектах и аспектах взаимодействия, в том числе различиях между устной речью и письменным текстом; он подчеркивает сюжет (*narrative*), конструируемый в ходе интервью. В *герменевтическом* понимании центральным является истолкование смысла, уточнение специфики искомого смысла и обращение внимания на вопросы, которые ставятся к тексту. Понятия *беседы* и *текста* являются основными, и подчеркивается априорное знание интерпретатором предметного содержания текста. *Феноменология* включает в себя внимание к жизненному миру, открытость переживаниям субъекта, примат точных описаний, попытки вынести предварительное знание за скобки и поиск инвариантных сущностных смыслов в описаниях. *Диалектический* подход нацелен на противоречия в высказываниях, на их отношение к противоречиям в социальном и материальном мире. Внимание уделяется скорее новому, чем тому, что образует *status quo*, а также внутренним отношениям между знанием и действием.

Эти четыре философских течения выдвигают на первый план различные аспекты знания, релевантные качественному интервью. Между ними имеются фундаментальные различия, и в конце этой главы мы коснемся некоторых из их запутанных отношений и разногласий. Сложные философские позиции здесь представлены очень кратко и компактно с упором на их эпистемологические аспекты как наиболее соответствующие качественному исследовательскому интервью. Описание этих позиций служит контекстом для осмысления — в последующих главах — теоретических и методических вопросов, возникающих при использовании интервьюирования в качестве исследовательского метода.

Врезка 3.1 содержит краткий список литературы по представленным здесь философским взглядам, в частности в аспекте их применения к исследованиям в общественных науках.

Врезка 3.1

Литература по философии, в которой затрагиваются проблемы, связанные с исследовательским интервью

Постмодернизм

- Andersen, W.T. (1995). (Ed.). *The truth about truth — De-confusing and re-constructing the postmodern world*. New York: Tarcher/Putnam.
- Gergen, K.J. (1994). *Realities and relationships. Soundings in social constructionism*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Kvale, S. (1992). (Ed.). *Psychology and postmodernism*. London: Sage.
- Lyotard, J.F. (1984). *The postmodern condition: A report on knowledge*. Manchester, UK: Manchester University Press.
- Rosenau, M.P. (1992). *Postmodernism and the social sciences*. Princeton, NJ: Princeton University Press.

Герменевтика

- Gadamer, H.G. (1975). *Truth and method*. New York: Seabury.
- Messer, S.B., Sass, L.A., & Woolfolk, R.L. (1988). (Eds.). *Hermeneutics and psychological theory*. New Brunswick, NJ: Rutgers University Press.
- Packer, A.L., & Addison, R.B. (1989). *Entering the circle — Hermeneutic investigation in psychology*. Albany: SUNY Press.
- Palmer, R.E. (1969). *Hermeneutics*. Evanston, IL: Northwestern University Press.
- Radnitzky, G. (1970). *Contemporary schools of metascience*. Gothenburg, Sweden: Akademiforlaget.

Феноменология

- Giorgi, A. (1970). *Psychology as a human science*. New York: Harper & Row.
- Giorgi, A. (1985). (Ed.). *Phenomenology and psychological research*. Pittsburgh: Duquesne University Press.
- Moustakas, C. (1994). *Phenomenological research methods*. Thousand Oaks, CA: Sage.
- Spiegelberg, H. (1960). *The phenomenological movement, Vol. II*. The Hague, The Netherlands: Martmus Nijhoff.

Врезка 3.1. Продолжение

Диалектика

Cornforth, M. (1971). *Materialism and dialectical method*. New York: International Publishers.

Riegel, K.F. (1975). (Ed.). *The development of dialectical operations*. Basel, Switzerland: Karger.

Sartre, J.-P. (1963). *The problem of method*. London: Methuen.

Взаимосвязи

Bernstein, R.J. (1983). *Beyond objectivism and relativism*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press.

Madison, G.B. (1990). *The hermeneutics of postmodernity*. Bloomington: Indiana University Press.

Ryan, M. (1992). *Marxism and deconstruction*. Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press.

Постмодернистское конструирование

Постмодернизм представляет собой широкое течение в современном искусстве и философии, различные варианты которого нашли, в частности, выражение в творчестве таких французских мыслителей, как Ж. Бодрийяр, Ж. Деррида, М. Фуко и Ж.Ф. Лиотар (см. *Anderson, 1995*). Уже долгое время оказывающий влияние на гуманитарные науки постмодернизм теперь добрался и до наук об обществе (*Kvale, 1992; Rosenau, 1992*). В своей книге «Постмодернистское состояние: доклад о знании» Лиотар (1984) характеризует эпоху постмодернизма как утрату веры в универсальные системы мысли. Налицо недостаток веры в метаповествование, задающее законы, — такое, как вера в прогресс через знание и науку, характерная для эпохи Просвещения, марксистская утопия, достигаемая через освобождение рабочего класса, или современная вера в экономический рост.

Философия Просвещения была реакцией на религиозный догматизм Средневековья. Вера в единого, истинного и всемогущего Бога для всех людей и на веки вечные в эпоху модерна сменилась верой в истинную и объективную реальность, универсальную и стабильную. Сегодня — вмес-

те с развенчанием глобальных мировоззренческих систем — уже не существует стабильной основы для поддержания универсальной и объективной реальности. Предпринятая Р. Рорти (*Rorty, 1979*) критика объективизма, вытекающего из представления о «знании как зеркале природы», направлена, в частности, на доминирующие представления когнитивной психологии. Возникшая при этом «иллюзия удвоения мира» навлекла на себя критику с совершенно разных маргинальных позиций — со стороны феноменологической философии Ж.-П. Сартра и М. Мерло-Понти и со стороны радикального бихевиоризма Б.Ф. Скиннера (см. *Kvale, Grenness, 1967*). Модернистское разделение объективного мира и субъективных образов сегодня рушится, сменяясь гиперреальностью знаков, соотносящихся с другими знаками, текстов, соотносящихся с другими текстами.

Философия второй половины XX века характеризовалась серией «поворотов», таких как лингвистический, диалогический, повествовательный и прагматический повороты. Представление о знании как отражении реальности сменилось представлением о «социальном конструировании реальности» (*Berger, Luckmann, 1966*), где в фокусе рассмотрения находятся интерпретация и обсуждение значений в социальном мире.

С крахом универсальных метаповествований, задающих законы, основной упор смещается на локальный контекст, на социальные и лингвистические конструкции обозримой реальности, где знания проверяются практикой. Возникает открытость качественному разнообразию, множественности смыслов в локальных контекстах: знания обозримы, зависят от точки зрения и ценностей исследователя. Человеческая реальность понимается как диалог и действие, знания превращаются в возможность совершить эффективное действие. Сегодня принципиальный вопрос о том, является ли исследование научным, потихоньку подменяется прагматичным вопросом о том, дает ли оно полезные знания.

Качественное исследовательское интервью — это пространство конструирования знания. Знания, добытые с помощью интервью, ниже соотнесены с пятью отличительными чертами постмодернистского конструирования знания: диалогическая, повествовательная, лингвистическая, контекстуальная и связанная природа познания. Эти сплетенные между собой особенности взяты за точку отсчета для прояснения природы знания, полученного в процессе исследовательского интервью, и для развития его познавательного потенциала.

Познание как диалог. Интервью — это разговор, беседа, диалог между двумя партнерами по поводу взаимно интересующей их темы. С утратой веры в объективную реальность, которую можно отразить и схематизиро-

вать с помощью научных моделей, наметился сдвиг в направлении к проговариванию и обсуждению смыслов в жизненном мире. На первый план выдвигается сократово представление о диалоге. Приоритет беседы широко осознается современной философией, в том числе и за пределами философии постмодернизма. Примером может послужить герменевтический анализ беседы у Х.Г. Гадамера и философия дискурса Ю. Хабермаса, где истину следует искать посредством рационального обсуждения, направленного на достижение согласия. Согласно неопрагматической философии Р. Рорти, разговор — базовый способ познания, а согласно диалогическому конструкционизму Дж. Шоттера, мы живем в реальности беседы (см. главу 2).

Как исследовательское интервью, так и философский дискурс опираются на беседу как на путь доступа к знанию. Природу беседы в интервью можно прояснить, опираясь на философский анализ дискурса. Так, у Дж. Поттера и М. Уизерелла (*Potter, Wetherell, 1987*), применивших анализ дискурса, тексты интервью не просто соотносятся с некоторой реальностью за пределами текста, но и сама по себе речь участников становится объектом интереса. Авторы ставят вопросы типа «Как конструируется разговор?» и «Чего он достиг?». Они подчеркивают, что дискурсивный анализ — не столько метод, сколько подход, фокусирующий на конструктивной природе постановки вопросов, расшифровки и анализа в исследованиях с помощью интервью.

Знание как повествование. В открытых интервью люди рассказывают истории, повествования о своей жизни. В современной мысли произошел сдвиг от модернистских формализованных систем знания к повествовательным знаниям, воплощенных в рассказах (*Lytard, 1984*). В связи с ростом скептицизма по отношению к глобальным философским системам началась «ренарративизация культуры»: истина вырабатывается локально, в небольших повествованиях, а коллективные рассказы служат сохранению ценностей сообщества. Повествовательный характер знания в гуманитарных науках был рассмотрен Д. Полкингхорном (*Polkinghorn, 1988*), а специфически повествовательная природа исследований на основе интервью — Э. Мишлером (*Mishler, 1986*), анализировавшего структуру рассказываемых сюжетов.

Знание как язык. Посредник в интервью — язык, а получаемые знания — лингвистические. Современная философия уже пережила лингвистический поворот, когда основное внимание стало уделяться языковым играм, акту говорения, лингвистическому и текстуальному анализу и герменевтической интерпретации. Лингвистический поворот стал еще более радикальным в

постмодернистской философии. Язык конституирует реальность, каждый язык строит реальность по-своему. Сосредоточенность на языке уводит внимание от понятия объективной реальности, а также отдельного субъекта. Больше не существует уникального Я, использующего язык, чтобы описать объективный мир или выразить себя, — это структуры языка говорят через личность.

В исследовательском интервью язык одновременно является и инструментом интервьюирования, и — в форме записей и расшифровок — объектом текстуальной интерпретации. Тем не менее в общественных науках редко случается, чтобы исследователи, использующие интервью, анализировали язык-посредник, использованный ими как инструмент и как объект исследования. Как на исключение можно указать на мнение К. Йенсена (*Jensen, 1989*), ратовавшего за применение лингвистических техник как «статистики» качественного интервью.

Знание как контекст. Интервью происходит в межличностном контексте, и смысл высказываний в интервью зависит от контекста. С разрушением универсальных систем знания локальные разнообразные изменчивые языковые контексты вышли на первый план. Знание, полученное в одном контексте, не может быть ни автоматически перенесено, ни соизмерено со знаниями из другого контекста. Ввиду гетерогенности контекстов на передний план вышли вопросы перевода из одного контекста в другой (например, из беседы интервьюера с участником исследования в разговор с другим исследователем) и перевода из одной модальности в другую (например, из устной в письменную).

Интервью чувствительно к качественным различиям и нюансам значений, которые могут не быть измеримыми и соизмеримыми в разных контекстах и модальностях. Контекстуальность полученного смысла является центральной проблемой повествовательного подхода, как показывает Э. Мишлер (*Mishler, 1986*). Различие между устным и письменным языковым контекстом становится принципиальным при переводе из устной в письменную модальность (*Mishler, 1991*).

Знание как отношения. Буквально, интервью — это *между* взгляд, обмен взглядами между двумя людьми, беседующими на общую тему. В постмодернизме подчеркивается структурность и соотносительность знаний, сплетенных в сложные сети. Знания не существуют ни внутри личности, ни вовне, в окружающем мире; они в отношениях между личностью и миром. Во введении в феноменологическую философию Лиотар (*Lyotard, 1991*) подчеркивает, что интенциональные отношения между субъектом и ситуацией — это не соединение двух изолированных полюсов; напротив, субъект

и ситуация не могут быть определены иначе, как в этих отношениях и череных. Феноменологический психолог и философ М. Мерло-Понти, которого считают предшественником постмодернизма (см. *Madison*, 1990), подчеркивал отношенческую природу знания в своей феноменологии перспективности. Его «Феноменология восприятия» (*Merleau-Ponty*, 1962), критикующая предубеждение о существовании объективного мира в психологии завершается цитатой из «Маленького принца» Сент-Экзюпери: «Человек — это сеть отношений».

Сейчас заметен сдвиг от индивидуального сознания к отношениям между людьми: «Конструкционизм переместил знания из индивида в отношения» (*Gergen*, 1994. P. X). Знания, созданные между-взглядами, являются меж-отношенческими. Отношенческое знание, полученное в интервью, особенно ценится терапевтами. Для Г. Салливана (*Sullivan*, 1954) психиатрическое интервью — это меж-личностная ситуация, а полученные в нем данные не являются ни объективными, ни субъективными, они интерсубъективны. В интервью о терапевтическом интервью юнгианский терапевт Дж. Хилман ответил интервьюеру:

«Самое главное — это то, что мы оба ищем путь. Препятствием для интервью можем стать мы сами: вы — думая о том, что вы должны здесь сделать, я — думая о своих мыслях, мнениях, биографии, о себе. “Вы” и “я” могут препятствовать образованию “между”. Важны не наши взгляды, важно “между”» (*Hillman*, 1984. P. 8).

Новые взгляды на интервью. Нынешнюю волну качественных исследований в общественных науках можно понять, если посмотреть на нее с точки зрения постмодернизма. Теперешний интерес к исследовательскому интервью является, согласно нашему анализу, не только результатом внутреннего развития методологии общественных наук, но отражает более широкий исторический и культурный контекст и конструирование социальной реальности. ИмPLICITная концепция знания, получаемого в результате интервью, и эксплицитный анализ конструирования знания постмодернистскими философами конвергируют на разговорных, повествовательных, лингвистических, контекстуальных и отношенческих свойствах знания. Ни одно из этих свойств знания не является специфичной, чисто постмодернистской находкой последних десятилетий. *Новым является* повсеместное принятие этих аспектов знания как выражения постмодернистской утраты веры в объективную реальность, в том числе признание их переплетенности в общественном конструировании познания социальной реальности.

Из отмеченного сходства конструирования знания в постмодернистском мышлении и в исследовательском интервью не следует, что интервью —

это постмодернистский метод. Характерный фокус интервью на переживаниях и намерениях исследуемого субъекта по своей направленности сильно контрастирует с постмодернистским удалением индивида из центра рассмотрения. Исторически взгляд на беседу как систематический инструмент для создания знания можно проследить по крайней мере от Фукидида и Сократа. Психоаналитическое интервью, разработанное Фрейдом, с начала XX века служило основой для порождения новых психологических знаний. Тем не менее расширяющееся использование качественного интервью как исследовательского метода в общественных науках является новым феноменом последних десятилетий, что связывается здесь с изменениями в образе познания в постмодернистскую эру, отразившимися в метафоре путешественника, введенной в первой главе. Дж. Шойрих (*Scheurich*, 1995) применял постмодернистскую философию для анализа отношений власти между интервьюером и интервьюируемым, а П. Лэзер (*Lather*, 1995) — для расширения понятия валидности.

Теперь я обращаюсь к философским позициям, которые до определенной степени обеспечили тот фон, отталкиваясь от которого развивалась постмодернистская мысль, и которые сами по себе предложили пути анализа, важные для качественного интервью.

Герменевтическая интерпретация

Герменевтика — это изучение интерпретации текстов. Целью герменевтической интерпретации является достижение валидного и общепринятого понимания смысла текста. Хотя предметом исследования классической герменевтики были литературные, религиозные и юридические тексты, произошло расширение понятия «текст», что привело к включению в это понятие дискурса и даже действия. Так, в «Истине и методе» Гадамер (*Gadamer*, 1975) начинает с диалогов Платона и относит как беседу, так и устную традицию к предпосылкам понимания письменного текста, который исторически является вторичным феноменом. В статье «Человеческое действие как текст» П. Рикёр (*Ricoeur*, 1971) распространяет герменевтические принципы интерпретации гуманитарных текстов на интерпретацию объекта общественных наук — осмысленного действия.

Исследовательское интервью — это беседа о жизненном мире человека, с трансформацией устного дискурса в текст для последующей интерпретации. Таким образом, герменевтика вдвойне соответствует исследовательскому интервью, во-первых, потому что проясняет диалог, который порождает текст интервью для дальнейшей интерпретации, а во-вторых,

потому что проясняет последующий процесс интерпретации полученного текста интервью, который снова можно рассматривать как диалог или беседу с текстом.

Герменевтика — это попытка отразить такой способ понимания в гуманитарных науках, как интерпретация, используемая в литературе и исторических исследованиях, а также в теологии и юриспруденции. Г. Радницки (*Radnitsky*, 1970. Р. 22) предлагает определение герменевтики которое я немного сократил: Герменевтика — гуманитарная наука, изучающая такую объективацию человеческой деятельности в области культуры, как тексты под углом зрения их интерпретации, с тем, чтобы в процессе интерпретации находить предполагаемый или выраженный смысл и устанавливать взаимопонимание или, возможно, даже согласие; и в конечном счете осуществлять традицию продолжения и углубления исторического диалога человечества.

Предмет так называемой дилеммы Бетти—Гадамера заключался в том, стоит ли герменевтике привлекать специфические техники литературной интерпретации, как утверждал Бетти, или она включает более фундаментальные проблемы смысла бытия, как полагал Гадамер (см. *Palmer*, 1969). Ниже я подчеркиваю методическое применение герменевтики и выделяю некоторые аспекты герменевтической интерпретации.

Герменевтический круг и каноны интерпретации. Для интерпретации смысла характерен *герменевтический круг*. Понимание смысла осуществляется в процессе, в котором смысл отдельных частей определяется антиципируемым общим смыслом всего текста. Более детальное установление смысла отдельных частей может в конечном итоге изменить первоначальный антиципируемый смысл целого, который, в свою очередь, снова влияет на смысл отдельных частей и так далее. В принципе такая герменевтическая экспликация представления текста — бесконечный процесс, который на практике заканчивается, когда кто-то добирается до осязаемого смысла, валидного единичного смысла, свободного от внутренних противоречий.

Врезка 3.2 описывает семь канонів герменевтической интерпретации литературных текстов. Они взяты из анализа герменевтического цикла Радницкого (*Radnitsky*, 1970) и адаптированы применительно к интерпретации интервью.

Различие между литературным текстом и текстом интервью. Хотя в данной книге предполагается релевантность герменевтического подхода к исследовательскому интервью, необходимо сделать несколько оговорок, касающихся различий между изучаемыми герменевтикой литературными

Врезка 3.2

Герменевтические каноны интерпретации

Первый канон вытекает из герменевтического круга и предполагает постоянный процесс перемещения туда-обратно между частями и целым. Начиная с часто интуитивного смутного понимания текста в целом, интерпретируются его различные части, от этих интерпретаций снова переходят к целому и так далее. В герменевтической традиции такая циркуляция не рассматривается как «порочный круг», скорее как *circulus fructuosus* («плодоносящий круг»). — Пер.) или как спираль, предполагающая возможность постоянного углубления понимания смысла. Проблема не в том, чтобы выйти из круга выявления смысла, а в том, чтобы войти туда верным путем. В процессе анализа качественного интервью принято сначала читать интервью целиком, чтобы приобрести более или менее общее понимание смысла. Затем возвращаемся назад, чтобы уточнить темы и специальные выражения, пытаемся прояснить их смысл, затем снова возвращаемся к более общему смыслу интервью в свете уточненного смысла частей и так далее.

Второй канон состоит в том, что интерпретация смысла заканчивается тогда, когда достигнут «хороший гештальт» — внутренняя единица текста, свободная от логических противоречий. Соответственно интерпретация интервью закончится, когда смысл различных тем образует осязаемую структуру, включенную в связанное целое.

Третий канон состоит в проверке интерпретации частей в сопоставлении с общим смыслом всего текста, и возможно, также с другими текстами данного автора. В анализе интервью это означает сравнение интерпретации отдельного высказывания с общим смыслом интервью, и возможно, с другой информацией об интервьюируемом. В отличие от интерпретации «мертвого» текста, в данном случае существует возможность для исследователя в повторном интервью вступить с интервьюируемым в диалог относительно смысла их высказываний.

Четвертый канон состоит в автономности текста, в том, что текст следует понимать на основе его собственной системы отсчета, выявляя то, что сказано по вопросу в самом тексте. Для анализа интервью это означает, что интерпретация должна придерживаться содержания высказывания и быть направлена на понимание того, какие данные о жизненном мире исследуемого отражены в данном высказывании. Биография человека и психологическое теоретизирование относительно темы в данном случае не так важны; цель — углубить и расширить автономный смысл высказывания в интервью.

Врезка 3.2. Продолжение

Пятый канон герменевтического толкования текста касается *знаний о теме* текста. Проведение качественного исследовательского интервью требует солидных знаний о предмете разговора, так чтобы интервьюер мог чувствовать смысловые нюансы высказываний и разные контексты, в которые может помещаться смысл.

Шестой принцип заключается в том, что интерпретация текста *не является непредвзятой*. Интерпретатор не может «выскочить» из традиции понимания, в которой он живет. Интерпретатор текста может, однако, попытаться сделать эту предвзятость явной и стараться осознать, как именно формулировки вопросов к тексту уже определяют возможные формы ответов. Такое осознание предвзятости необходимо при использовании интервью как метода исследования, так как интервьюер и интерпретатор неизбежно являются со-творцами результатов. Здесь важно возможно яснее осознавать свою собственную предвзятость и механизм ее влияния на результат и стараться принимать это во внимание при интерпретации.

Седьмой канон гласит, что любая интерпретация включает инновацию и *творчество* — «*Jedes Verstehen ist ein Besserverstehen*» (Каждое понимание — лучшее понимание). Интерпретация проникает дальше непосредственно данного и обогащает понимание, привнося в него новых различия и связи, найденные в тексте, расширяя его смысл. Соответственно, непосредственно переживаемый смысл в ситуации интервью расширяется и очищается посредством интерпретации.

ИСТОЧНИК: адаптировано из Radnitzky (1970).

текстами и текстом, получаемым в результате интервью. Во-первых, герменевтика традиционно работает с законченными текстами, тогда как исследовательское интервью представляет собой и создание, и интерпретацию текста. Интервьюер является со-творцом текста, который он же интерпретирует, и может обсуждать свою интерпретацию с собеседником. Текст интервью, таким образом, не является заранее заданным литературным текстом, но рождается одновременно с его интерпретацией; он включает как создание, так и обсужденную интерпретацию текста.

Во-вторых, литературный текст — это законченная работа, задуманная как общение вне той ситуации, в которой она создается. Интервью связано с определенной межличностной ситуацией, оно развивается более или менее спонтанно, интервьюируемые проявляют себя перед интервьюером не

только словами, но и жестами и скрытым обращением к общей ситуации. Расшифрованный текст интервью не полностью сохраняет все богатство смысла, выраженного в живой ситуации интервью.

В-третьих, литературный текст содержит отчетливое и концентрированное выражение смысла; это «возвышенный» текст. Расшифрованное интервью часто непонятно, содержит повторения и многочисленные отвлечения, с большим количеством «шума». Интенсивный процесс прояснения и сокращения часто необходим для выявления того смысла, который вкладывал в высказывание интервьюируемый. Однако то, что кажется «шумом» с точки зрения «чистого» смысла интерпретации, может принести важную информацию, если применить углубленную психологическую интерпретацию непреднамеренных смыслов с позиций «глубинной герменевтики».

Природа качественного исследовательского интервью как беседы с точки зрения герменевтики трактуется Т. Карсоном (*Carson, 1986*) и С. Вебером (*Weber, 1986*). Применение методов герменевтики для интерпретации текста интервью будет показано в главе 12.

Знания и интерес. Стоя на принципиально герменевтических позициях, Хабермас (*Habermas, 1971*) ратовал за соединение знания и человеческих интересов. Он выделил три типа интересов, конституирующих знание: технические, понимания и эмансипации.

Согласно Хабермасу, *естественные науки* характеризуются интересом к техническому знанию, направленному на технический контроль над объективными процессами. Этот познавательный интерес господствовал в позитивистской философии науки, в которой естественные науки считались методологическим идеалом для общественных наук. Так, очевидная цель бихевиористской психологии заключалась в предсказании поведения других людей и контроле над ним.

Герменевтическое исследование в *гуманитарных науках* направляется интересом к достижению возможного консенсуса в понимании между действующими лицами в контексте самопонимания в культуре. Изучение литературы и истории в этом случае служит дальнейшему пониманию человеческой ситуации в целом.

Для критически ориентированных *общественных наук* Хабермас постулировал интерес к эмансипирующему знанию. Информация об общественных законах может стимулировать процесс рефлексии в сознании заинтересованных людей; и неотрефлексированное сознание, относящееся к предпосылкам таких законов, может вследствие этого измениться. Хабермас соотносит психоаналитические интерпретации с интерпретацией тек-

ста в герменевтике и считает психоаналитическую терапию моделью эмансипирующей саморефлексии общественных наук.

Хабермасовская триада интересов, конституирующих знание, может вызвать несколько критических замечаний. Одно из них состоит в том, что естественные науки изображаются узкотехническими, согласно позитивистской концепции естественных наук, — при этом отвергаются другие подходы, такие, например, как экологическое понимание природы. Другое состоит в том, что психоанализ изображен в идеализированной когнитивной манере, свойственной герменевтической интерпретации, и мало внимания уделяется эмоциональным бурям, свойственным терапевтической ситуации, как это показано, например, в сессии, представленной Роджерсом (см. главу 2, «Терапевтическое интервью о ненависти»). Несмотря на эти ограничения, анализ Хабермаса важен, так как он идет дальше обычной дихотомии фактов и ценностей, указывая, как разные человеческие интересы конституируют разные формы научного знания.

В данном контексте мы можем учитывать эмансипирующие возможности, которыми обладает исследовательское интервью, чтобы выйти за пределы поверхностного уровня феномена, продвинуться глубже здравого смысла и стимулировать процесс рефлексии по поводу изучаемого феномена. Общественная наука, ведомая интересом к эмансипирующему знанию, ставит целью раскрыть перед интервьюируемым те находки, которые удалось сделать в его жизненном мире. Передача ему критического понимания жизненного мира, имевшего ранее видимость естественной необходимости, может способствовать изменению социально конструируемого мира.

Феноменологическое описание

Феноменологический подход в широком нефилософском смысле очень широко распространен в качественных исследованиях. В социологию феноменология проникла через основанную на идеях Э. Гуссерля феноменологию Шутца (Schuetz), а затем была введена П. Бергером и Т. Лукманом в их работе «Социальное конструирование реальности» (*Berger, Luckmann*, 1966). Не обращая прямо к философской феноменологии Гуссерля, С. Тэйлор и Р. Богдан в своем введении в качественные исследования (*Taylor, Bogdan*, 1984) опирались на феноменологию. Они рассматривали социальные феномены с точки зрения действующих лиц и описывали мир как переживаемый субъектами, исходя из допущения, что важнейшая реальность такова, какой люди ее воспринимают.

Феноменология зародилась на рубеже XIX—XX веков в форме философии Гуссерля, а затем развивалась как экзистенциальная философия Хайдеггером, а также Сартром и Мерло-Понти — в направлении экзистенциализма и диалектики. Предметами изучения феноменологии сначала были сознание и опыт, затем этот предмет расширился и включил *жизненный мир человека* (Хайдеггер) и *поступок человека* (Сартр). Если учесть, что в центре интервью находятся переживаемые смыслы жизненного мира собеседника, то феноменология, видимо, подходит для прояснения способа понимания в качественном исследовательском интервью.

«Феноменология — это изучение структуры (и ее вариаций) сознания, которому явлены любая вещь, событие или человек» (Giorgi, 1975. P. 83). Феноменология заинтересована в освещении как того, что явлено, и того, как оно явлено. Она изучает взгляды исследуемых на их мир; старается детально описать содержание и структуру сознания субъектов, ухватить качественные различия в их переживаниях и выявить сущностный смысл переживаний. Феноменология пытается проникнуть за пределы непосредственно переживаемого смысла, чтобы сделать незримое зримым. Мы обсудим два вклада философской феноменологии, важных для понимания качественного исследовательского интервью: феноменологический метод и первичность жизненного мира.

Феноменологический метод. Х. Спигельберг (Spiegelberg, 1960; см. также Giorgi, 1994) выделил феноменологический метод, включающий описание, исследование сути и феноменологическую редукцию. Невозможно дать точную инструкцию для *открытого описания*, и Спигельберг иллюстрирует этот метод, используя метафоры; например, «к самим вещам», «видеть и слышать», «держаться глазами открытыми», «не думать, а видеть». Согласно Мерло-Понти (Merleau-Ponty, 1962), важно описать данное настолько точно и полно, насколько это вообще возможно; описывать, а не объяснять или анализировать. Феноменология — это попытка прямого, непосредственного описания опыта, без каких бы то ни было предположений относительно происхождения или причин опыта. В философской феноменологии объективность достигается посредством интенционального сознательного акта и является выражением доверия исследуемому феномену.

В исследовании сути мы переходим от описания отдельных феноменов к поиску их общей сущности. Гуссерль назвал один из методов исследования сути «свободными вариациями в воображении». Он состоит в свободном варьировании всевозможных форм данного феномена. То же, что остается неизменным во всех вариациях, и является сутью феномена.

Феноменологической редукцией называется временный отказ от суждения относительно того, существует или не существует содержание опыта. Редукцию можно описать как попытку вынести за скобки предварительное обыденное и научное знание о феномене, чтобы получить непредвзятое описание сущности этого феномена. Феноменологическая редукция подразумевает не абсолютное отсутствие исходных предпосылок, а скорее критический анализ собственных предпосылок.

Первичность жизненного мира. Качественное исследовательское интервью обладает уникальными возможностями доступа к повседневному жизненному миру и его описанию. Попытка получить непредвзятое описание приводит к восстановлению прав *Lebenswelt* — жизненного мира — в отношении мира науки. Жизненный мир — это мир, с которым мы встречаемся каждый день, который дан нам в прямом и непосредственном переживании, не зависит от объяснений и первичный по отношению к любым объяснениям. Качественное интервью может рассматриваться как одна из реализаций программы Мерло-Понти, программы для феноменологической науки, которая начинается с первичного переживания мира:

«Все мои знания о мире, даже мои научные знания, получены мной, исходя из моей собственной точки зрения или из некоего переживания мира, без которого научные символы были бы бессмысленны. Вся вселенная науки построена на мире, который переживается непосредственно, и если мы хотим подвергнуть саму науку внимательному изучению и прийти к точной оценке ее смысла и границ, мы должны начать с восстановления базового переживания мира, по отношению к которому наука является отражением второго порядка» (Merleau-Ponty, 1962. P. VIII).

Так, географическая карта является абстрактным отображением местности, где мы впервые узнали, что такое лес, горы или река. В этом феноменологическом подходе качественные исследования переживаний субъектом его мира являются базовыми по отношению к более абстрактным научным исследованиям социального мира; в этом смысле, интервью является не только несколькими любопытными деталями в дополнение к базовым научным количественным фактам, полученным с помощью опросников и экспериментов. Качественное интервью — это исследовательский метод, который обеспечивает привилегированный доступ к нашему базовому переживанию жизненного мира. Сосредоточенность описания на живых взаимодействиях в человеческом мире может противостоять технологической колонизации жизненного мира, сводящей качественное разнообразие к изолированным фактам и переменным и трансформирующей интенциональное человеческое взаимодействие в формулу средство-цель.

Следствия, вытекающие из философской феноменологии применительно к качественным исследованиям, были развиты в серии исследований в университете Дюкесн. Первой была работа А. ван Каама «Чувство, что тебя действительно поняли» (*van Kaam, 1959*). Далее метод был развит, систематизирован и осмыслен А. Джорджи и его сотрудниками (см. *Giorgi, 1970; Giorgi, Fisher, Murray, 1975*). Открытый феноменологический подход к смыслу феноменов обыденной жизни был проиллюстрирован выше на примере интервью, описанного Джорджи (глава 2, «Исследовательское интервью, посвященное обучению»), и будет продемонстрирован еще раз в контексте анализа интервью (глава 11, «Конденсация смысла»). В обзоре современной литературы по качественным исследованиям Джорджи (*Giorgi, 1994*) указывает, каким образом более широкий феноменологический подход мог бы углубить качественное понимание. Общее представление о феноменологическом методе дал К. Мустакас (*Moustakas, 1994*). Феноменологическое исследование образования, сосредоточенное на качественном описании нашей концепции мира (*Marton, 1981*), вдохновлялось феноменологией, но не разделяло ее философских оснований. Способ понимания в качественном исследовательском интервью, охарактеризованный выше (глава 2, «Способ понимания в качественном исследовательском интервью»), ориентируется на феноменологическое понимание, отправной точкой которого выступает жизненный мир, качественное описание смыслов и намеренная наивность как выражение феноменологической редукции.

Диалектика объективной ситуации

Диалектика — это изучение внутренних противоречий, противоречий между общим и частным, между видимостью и сущностью, между количеством и качеством. Развитие противоречий — движущая сила изменения. Диалектический материализм основан на фундаментальном допущении; что противоречия материальной и экономической жизни являются основой общественных отношений и сознания. Люди действуют в мире, изменяют его и сами изменяются под воздействием последствий своих действий. Человеческое сознание и поведение изучаются в конкретной социально-исторической ситуации классового общества, его сил и производственных отношений. Предмет гуманитарных наук многогранен и противоречив, состоит из внутренне связанных противоположностей, находящихся в непрестанном изменении и развитии.

Существуют заметные различия между множеством различных диалектических традиций, таких как официальный диалектический материализм бывших социалистических стран, теория деятельности А.Н. Леонтьева, Франкфуртская школа Адорно и Хоркхеймера и экзистенциальный марксизм Сартра, которого мы здесь коснемся. Я не буду обсуждать различия между ними, только предложу некоторые вытекающие из диалектики следствия для понимания качественного исследовательского интервью.

Сартр в «Проблеме метода» пытался выступить посредником между марксизмом, феноменологией, экзистенциализмом и психоанализом. Его критика индивидуализаторского подхода психоанализа распространяется и на большинство современных исследований с помощью интервью: «Сколько раз нам предлагали героические попытки психоанализа Робеспьера и при этом даже не понимали того, что противоречия в его поведении были обусловлены объективными противоречиями ситуации» (*Sartre*, 1963. P. 60). Можно упомянуть также и его критику объективирующего редукционизма в марксизме: «Валери — это, без сомнения, мелкий буржуазный интеллигент. Но не каждый мелкий буржуазный интеллигент — Валери» (*Там же*. P. 56).

В диалектической мысли акцент делается на новом, на том, что еще находится в процессе развития. В концепции социального мира, который развивается через противоречия, важно раскрыть новые тенденции развития, чтобы достичь истинного знания о социальном мире. Статистические средние или репрезентативный случай *status quo* не так важны, как новые тенденции развития *status nascendi**.

С диалектической точки зрения, знание неразрывно связано с действием. Маркс в своих тезисах о Фейербахе критиковал философов за то, что они только объясняют мир, когда важно изменить его. Соответственно, общественные науки пытались давать различные интерпретации социальной реальности, вместо того, чтобы стараться изменить ее. Для Сартра знание и действие — два обобщенных аспекта изначального конкретного отношения: действие — это раскрытие реальности и в то же время ее изменение.

К применению диалектической философии в качественном исследовательском интервью обращались очень мало. Я ссылаюсь на него здесь в стремлении противодействовать преобладающим индивидуалистическим и идеалистическим подходам большинства исследований с помощью интервью. Один пример: исследование с помощью интервью, основанное на марксистской теории, было направлено на изучение двойной нагрузки у замужних женщин, занятых в промышленности и ведущих домашнее хо-

* *status nascendi* (лат.) — зарождающееся положение (*прим. пер.*).

зяйствы. Р. Беккер-Шмидт (*Becker-Schmidt*, 1982) описывает экономические и социальные аспекты мира женщин и конфликты, порождаемые противоречиями в их жизненной ситуации. Специфическое противоречие реакций женщин и их отношений, высказанных в интервью, затем интерпретировалось не только в связи с индивидуальными характеристиками личности опрашиваемых женщин, но и систематически связывались с общими экономическими и социальными противоречиями их обывденного мира, в частности конфликтующих требований, предъявляемых работой и семьей.

Диалектика критикует связность как критерий истины, принятый в герменевтике, и понимание хорошей интерпретации как согласованного гештальта, свободного от противоречий. С диалектической точки зрения, критерий истины, основанный на непротиворечивости в противоречивом мире, ложен. Ф. Хог (*Haug*, 1978) критиковала то, что она обозначила как «потребность в согласии и гармонии в качественных исследованиях». Если социальная реальность сама по себе противоречива, то задача общественных наук — исследовать реальные противоречия социальной ситуации и сопоставить их друг с другом. Другими словами, если социальные процессы противоречивы по своей сути, тогда эмпирические методы, основанные на исключении противоречий, не подходят для исследования противоречивой социальной реальности.

Философия и интервью

Философия обращается к условиям познания в человеческой ситуации; она не дает специальных методов получения эмпирических знаний о человеческой ситуации. Философские направления, описанные выше, анализировали основные аспекты способа понимания в интервью, такие как жизненный мир, смысл, описание, двусмысленность и противоречие, интерсубъективность и изменение. Проясняя природу этих феноменов, постмодернизм, герменевтика, феноменология и диалектика вносят вклад в осмысление и рефлексиию способа понимания в качественном исследовательском интервью. До некоторой степени философские направления могут стимулировать методическое развитие исследовательского интервью — например, открытый феноменологический подход к проведению и анализу интервью, герменевтический подход к интерпретации текстов интервью.

Между философскими направлениями, описанными выше, существует как принципиальное сходство, так и фундаментальные различия. Экзистенциальная философия Хайдеггера, основанная на феноменологии Гус-

серля и на герменевтической традиции, теперь признается предвестником постмодернизма, так же как и философская феноменология Мерло-Понти. Сартр развивал феноменологическую и экзистенциальную философию в контексте диалектики, а ранние работы Лиотара посвящены феноменологии и диалектике.

Хотя эти направления и сходятся в осмыслении широких аспектов способа понимания в интервью, они развивались с разными целями и для различных областей. И между этими направлениями, и внутри них существует множество противоречащих друг другу положений. Идеалистическое сосредоточение на сознании и тексте в феноменологии и герменевтике контрастирует с материалистическим упором на социальные и экономические противоречия общества в диалектике. И феноменология и диалектика ищут суть за пределами внешнего, тогда как в постмодернизме внешнее становится сутью. Феноменология пытается получить непредвзятое описание, герменевтика акцентирует предвидение через интерпретацию. Герменевтика пытается получить непротиворечивую интерпретацию, тогда как диалектика сосредоточена именно на противоречиях сознания и действия как отражении социальных и материальных противоречий. И в то время как герменевтика направлена на достижение консенсуса в интерпретации, постмодернизм подчеркивает плюрализм несхожих интерпретаций. Диалектический материализм предполагает базовую материальную реальность, постмодернизм — лингвистическую и социальную конструкцию общественной реальности.

Эти важнейшие различия не являются предметом обсуждения в данном контексте; в последующих главах философия будет использоваться прагматически для освещения различных аспектов качественного исследовательского интервью. Философские направления будут применяться для осмысления и отражения вопросов, которые встречаются на разных методических стадиях исследования с помощью интервью. Они определяют методический выбор, который мы делаем при опросе, интерпретировании, валидации и составлении отчета об исследовании с помощью интервью. что часто расходится с традиционными представлениями о методе в современных общественных науках.

Глава 4. Качественные исследования в науке и практике

Прежде чем перейти от философского понимания исследовательского интервью к конкретным процедурам организации исследования с его помощью, обозначим некоторые современные позиции в отношении качественных исследований в академических и практических социальных исследованиях. Прежде всего мы обсудим концептуальные противоречия, которые часто отмечают ведущие ученые в этой области, — в частности, научный статус качественных исследований и их отношение к измерениям и объективности. Затем мы обсудим три области практики, в которых качественные исследования занимают видное место: маркетинговые исследования, феминистские исследования и психоанализ. Хотя эти области и различны, их объединяет использование качественных интервью в стремлении расширить и углубить знания, которые могут изменить людей и условия их жизни.

Научный статус интервью

На качественное исследовательское интервью иногда смотрят свысока как на ненаучное — оно может порой давать интересные результаты и служить подготовительным этапом для научных исследований, но само по себе не является научным методом. Похоже, такая критическая позиция охватила все современные качественные исследования. В своей книге «Качественные исследования в образовании» Р. Богдан и С. Биклен (*Bogdan, Biklen, 1982*) перечисляют и обсуждают восемь типичных вопросов о ценности качественных исследований. Заключительная глава книги «Проектирование качественного исследования» (*Marshall, Rossman, 1995*) озаглавлена «В защиту ценности и логики качественного исследования». В главе 15, заключительной главе данной книги, я вернусь к некоторым стандартным возражениям против качественного исследовательского интервью.

Ни в учебниках по методологии общественных наук, ни в словарях английского языка не найти сколько-нибудь определенного и общепринятого определения науки. Некоторые основные дефиниции науки из словаря Вебстера (*Webster's, 1967*) выглядят так (в сокращении): знание, в отличие от невежества или ложного понимания, достигнутое посредством изучения;

систематизированные знания; естественнонаучное знание; знания, содержащие основные истины или операции общих наук, в частности, полученные и проверенные научными методами; система или метод, основанные на научных принципах. Таким образом, характеристика качественного интервью как научного или ненаучного зависит от того, какое определение науки выбрать. Так, интервью не принадлежит к методам естественных наук, хотя может, как будет показано в этой книге, порождать систематизированные знания.

Есть другое, на вид более простое определение науки — как деятельности ученых или производимых ими знаний. Хотя оно тавтологично, это операциональное определение ставит социальную и историческую проблему: кто такой ученый и кто имеет право определять деятельность как научную или ненаучную.

В нашей культуре существуют некоторые общепринятые взгляды на значение науки. Принято, что наука должна порождать знания, и эти знания должны быть новыми, систематичными и достигаться с помощью правильной методологии. Широкое определение науки, которое мы будем здесь использовать, таково: *методическое продуцирование новых, систематизированных знаний.*

Понятия, использованные в этом рабочем определении, — *методическое, продуцирование, новые, систематизированные и знания* — сами являются сложными. В зависимости от того, как определяются эти пять терминов, качественное исследование опять-таки может быть охарактеризовано как научное или ненаучное. Например, «*систематизированное*» может относиться к intersубъективно воспроизводимым данным, к количественным данным, к объективным результатам, к обобщающим находкам и к знаниям, полученным гипотетико-дедуктивным методом. Научный статус интервью и здесь зависит от выбранного определения. Учитывая разнообразие дефиниций науки, любая обобщенная характеристика качественного исследовательского интервью как научного или ненаучного может быть оспорена. Автоматическое отвержение качественных исследований как ненаучных отражает специфическую, ограниченную концепцию науки. Науку можно рассматривать и как область, содержание которой подвергается постоянному уточнению и обсуждению. В последующих главах я буду доказывать, что качественное исследовательское интервью может порождать научные знания — методологически надежные, новые и систематические.

Позитивизм

Одно из философских направлений, которое в целом отвергает качественные исследования как научный метод, известно под именем позитивизма (см., например, *Kerlinger, 1979; Mandler, Kessen, 1959* — о позитивизме в общественных науках; *Radnitzky, 1970* — критический анализ философских оснований позитивизма; *Koch, 1959* — критика последствий позитивизма для психологии). Истину предполагается искать при помощи метода, следуя общим правилам метода, которые в большой мере независимы от содержания и контекста исследования; любое влияние личности исследователя должно быть исключено или минимизировано.

Изначально развитие общественных наук было тесно связано с позитивизмом. О. Конт (O. Comte) в середине XIX века во Франции основал и философский позитивизм, и социологию как науку. Позитивизм начался как позитивное движение, как протест против религиозных догм и метафизических спекуляций и проповедовал возврат к наблюдаемым фактам. Позитивистская наука должна была выявить законы детерминации общества и обеспечить возможность социального управления обществом. Перспектива вклада общественных наук в изменение общества была утрачена в Венском кружке в двадцатые годы XX столетия. Его жесткие требования к логике и валидности научных положений оказали в середине века большое влияние на развитие общественных наук, особенно в Соединенных Штатах.

Представители разных критических школ в общественных науках часто называют позитивизм некритичным. Это, действительно, можно отнести к тем ученым-позитивистам, которые определяют политические, исторические и социальные функции социальных исследований как находящиеся вне науки. В том же, что касается критического подхода к научным фактам и точности научных аргументов, позитивисты во многом способствовали выходу социальных исследований за пределы мифов и здравого смысла.

Согласно позитивизму, молодые общественные науки должны были следовать экспериментальным количественным методам уже устоявшихся естественных наук, в особенности методам наиболее продвинутой на рубеже веков науки — физики. Целью общественных наук должно быть предсказание и контроль за поведением людей. Научные положения следовало строить на основе наблюдаемых фактов; наблюдение фактов и интерпретацию их смысла необходимо было строго разделить. Научные факты должны быть измеряемыми и объективными. Данные должны были быть недвусмысленны и воспроизводимы как интра-, так и интериндивидуально.

Научные положения должны быть ценностно нейтральными, факты отделены от оценок, а наука от политики.

Для философии науки, которая начинает с того, что элиминирует человеческий фактор в исследовании, качественное интервью, основанное на межличностном взаимодействии, должно казаться ненаучным. Способ понимания, используемый в исследовательском интервью, последовательно нарушает позитивистские требования к научным знаниям. Основные аспекты интервью, как показано во врезке 2.1 (см. главу 2), или абсолютно не соответствуют, или прямо нарушают позитивистские представления о науке. Данные интервью состоят из осмысленных предложений, которые сами по себе основаны на интерпретациях и, в свою очередь, являются объектом постоянного процесса интерпретации; таким образом, данные и их интерпретация строго не разграничены. Целью исследовательского интервью не является получение количественных данных; основные находки интервью выражены словесно, часто — обыденным языком. Положения интервью могут быть двусмысленны и противоречивы, а полученные данные — не воспроизводиться на других опрошенных, например, из-за того, что интервьюеры различаются по своему знанию темы интервью и по чувствительности к ее нюансам. И, наконец, основные характеристики способа понимания в качественном интервью, с точки зрения позитивизма, являются источником методологических ошибок, и следовательно, интервью не может считаться научным методом.

Критиковать позитивизм и гегемонию измерений в общественных науках сегодня иногда считают столь же бессмысленным, как и нападать на соломенное чучело. В некоторых науках это чучело может действительно быть сделано из соломы, но недавно, в 1984 году на конгрессе Международного союза научной психологии, Ф. Кликс в своей президентской речи выступал за развитие психологии как естественной науки, в соответствии с принципом Галилея: «Измерять то, что измеряется, и делать измеряемым то, что не измеряется».

Хотя сама наука была призвана систематизировать объективные количественные данные, позитивистские общественные науки отвергали социальную и гражданскую активность исследователей, добывающих эти данные. Более пристальный взгляд на процедуры достижения межличностного согласия между наблюдателями относительно «объективных» фактов выявляет множество теоретических предвзятостей, встроенных в процедуры наблюдения, которое ведет к установлению социальных фактов. Это относится к трансформации значений в данные, например, в психологии — при категоризации групповых действий, или в контент-анализе текста на основе элементарных значений (*Kvale, 1976 a*). С точки зрения пост-

модернизма, количественные данные не являются чем-то заданным, тем более идеалом, к которому могло бы приблизиться исследование с помощью интервью; социальный факт — это социальная конструкция, возникающая из конкретной, избранной технологичной точки зрения на социальный мир.

Хотя позитивистская философия не оказала большого влияния на естественные науки — в одной из статей говорилось даже о «физике физиков» и «физике психологов» как двух совершенно различных реальностях (Brandt, 1973) — и в данный момент утратила актуальность в философии науки, позитивистское понимание науки до сих пор еще может править бал в некоторых разделах психологии. Экстремальной версией подобного отношения был ранний бихевиоризм с его сведением всей психологии к объективному наблюдению за поведением, с запрещением вступать в диалог с испытуемым. Э. Мишлер (Mishler, 1986) документально показывает, сколь долго бихевиористский подход доминировал в исследовательском интервью, а механистическая бихевиористская концепция интервью как реакций (ответов) на стимулы (вопросы) заставляла интервьюеров не только пренебрегать спонтанным желанием собеседников рассказывать истории о своей жизни, но даже подавлять это желание.

Пристальный взгляд на практику формальных количественных исследований в общественных науках показывает, что эта практика связана не столько с современной практикой естественных наук, сколько с административными процедурами бюрократических институтов и с общим технологическим подходом к человеческому действию (Kvale, 1976 b). Причем и бюрократизация подходов к количественным исследованиям, и общий технологический подход к человеческому действию стараются изгнать или уменьшить субъективный компонент у управляемых субъектов. Жестко формализованные процедуры категоризации и квантификации — это пути структурирования и упорядочения социального мира, причем квантификация используется как одно из средств узаконения административных решений. В социальных науках позитивизм повлек за собой философский бюрократизм, который подавлял субъективные и социальные измерения в социологических исследованиях.

Объективность в качественных исследованиях

Часто слышны жалобы на то, что качественное исследовательское интервью страдает недостатком объективности, в особенности из-за собственного ситуации интервью личностного взаимодействия. Обратившись к трудам по методологии общественных наук или к словарям обычного языка

ка, можно найти десятки значений слова *объективность* (см. Polkinghorne, 1989; Webster's, 1967). *Объективность* часто рассматривается как одна из сторон неких поляриностей: объективное—субъективное, непредвзятое—предвзятое, общественное—частное, межличностное—личностное, отражающее природу объекта — отражающее только личное впечатление; реальность как она есть, не зависящая от наблюдателя — реальность, зависящая от наблюдателя; свободное от оценок — нагруженное оценками; беспристрастное—пристрастное; факты—оценки; физическое—смысловое; поведение—сознание; количественное—качественное; стабильное—изменчивое и универсальное—локальное.

Согласно определению объективности как интериндивидуальной согласованности, недостаток согласия между собеседниками свидетельствует, что объективность является скорее субъективным понятием. Ввиду разнообразия концепций объективности качественное интервью не может быть объективно охарактеризовано ни как объективный, ни как субъективный метод. Объективность знания, полученного в результате взаимодействия в интервью, должна обсуждаться с учетом различных трактовок объективности и темы конкретного опроса. Здесь будут обсуждаться три трактовки объективности: объективность как непредвзятость, как интерсубъектные знания и как отражение природы объекта.

Первая точка зрения — понимание объективности как *отсутствия предвзятости* — требует от знаний надежности, проверенности и контролируемости, неискаженности личной предвзятостью. Такая общепринятая концепция *объективного* как непредвзятого предполагает проведение хорошего, солидного, мастерски выполненного исследования, в котором полученные знания систематически проверяются, перепроверяются и верифицируются. В принципе, интервью можно считать объективным методом исследования в том смысле, что это непредвзятый метод. Это будет доказано позже в связи с валидностью как критерием мастерства (см. главу 13. «Валидность как свойство мастерства»).

Вторая точка зрения — понимание объективного как *интерсубъектных* знаний — широко распространена в общественных науках. Научные данные должны быть интерсубъективно воспроизводимы и проверяемы: повторные наблюдения одного и того же феномена разными наблюдателями должны давать один и тот же результат. Объективность в данном случае может относиться к тому, сколько испытуемых или экспертов наблюдают процесс, и ее называют «экспертной надежностью». М. Скривен (Scriven, 1972) критиковал эту количественную концепцию объективности как «ошибку интерсубъективизма» — никакое количество наблюдателей, описавших один и тот же феномен, не гарантирует истины (сценический успех всевоз-

можных магов — только один из возможных примеров обратного). Я могу еще добавить крайнюю позицию одного из центральных персонажей пьесы Ибсена «Враг народа»: «Самый опасный враг свободы и истины — сплоченное большинство... Меньшинство всегда право» (действие IV).

В представлениях об объективности как об интересубъектном соглашении мы можем различать арифметическое и диалогическое представления. *Арифметическая интересубъектность* апеллирует к надежности, измеренной механически, как мера согласия между независимыми наблюдателями. *Диалогическая интересубъектность* опирается на согласие, достигнутое путем рационального обсуждения и взаимной критики среди тех, кто определяет и интерпретирует феномен. Этот процесс может проходить в форме валидации через общение исследователей между собой или исследователей с исследуемыми (глава 13, «Коммуникативная валидность»).

В принципе, качественное интервью может соответствовать понятию объективности в смысле арифметической интересубъектности. Хотя отдельное интервью вряд ли можно повторить, разные интервьюеры, следуя одной процедуре и общей схеме интервью, могут провести с разными исследуемыми очень похожие интервью. С точки зрения диалогической концепции интересубъектности, интервью вообще занимает привилегированную позицию — оно включает беседу и обсуждение смысла между интервьюером и его собеседником.

С третьей точки зрения, объективность может означать также отражение природы исследуемого объекта, предоставление объекту возможности говорить, *адекватность исследуемому объекту*, выражение действительной природы изучаемого объекта. Объективность метода, таким образом, зависит от его отношений с природой изучаемого объекта и предполагает теоретическое понимание содержания предмета исследования. И с этой точки зрения интервью в принципе может быть объективным. Если понимать объект интервью как существующий в лингвистически сконструированном и межличностно согласованном социальном мире, тогда качественное исследовательское интервью как лингвистический, межличностный и интерпретационный метод становится наиболее объективным методом в общественных науках, более объективным, чем методы естественных наук, которые были разработаны для области негуманитарной. Качественное исследовательское интервью и здесь занимает привилегированное положение относительно объективного знания социального мира: интервью чувствительно к природе изучаемого объекта и отражает эту природу, в процессе интервью объект говорит сам.

В заключение отмечу, что само по себе интервью не является ни объективным, ни субъективным методом — суть его состоит в интересубъектном

взаимодействии. Вопрос об объективности знания, получаемого с помощью интервью, связан с всеобщей дихотомией объективизма и субъективизма в западной философии. Р. Бернштейн в работе «За пределами объективизма и релятивизма» описывает *объективизм* как фундаментальное убеждение в том, что существует некая постоянная внеисторическая матрица или схема, к которой мы можем в конечном счете апеллировать при определении природы знания, истины, реальности и добра (Bernstein, 1983). Реалистическая версия объективизма предполагает, что объективная реальность существует независимо от наблюдателя и что существует только один единственно верный взгляд на эту реальность. Противоположная позиция *релятивизма* состоит в том, что все концепции знания, истины, реальности и добра относятся к определенной теоретической схеме, жизненному укладу или культуре. Пытаясь выйти за пределы полярности объективистский реализм — релятивизм типа «все сойдет», Бернштейн следует герменевтической традиции, ратуя за диалогическую концепцию истины, согласно которой истинные знания рождаются в рациональной аргументации участников беседы. А средством беседы выступает язык, который не является ни объективным или универсальным, ни субъективным или индивидуальным, — он интересубъектен.

Качественные и количественные исследования

Одно из наиболее настойчивых требований в современных общественных науках — это то, чтобы научное знание было количественным. Приведем несколько примеров.

«Количественные исследования, направленные на поиск научного объяснения, можно обозначить просто как научный подход» (Calder, 1977. P. 355).

«Ученого не интересуют и не могут интересовать единичные случаи. Ученый ищет законы, систематические связи, объяснения феноменов. А результаты всегда имеют статистический характер.

...Экзистенциальная индивидуальность, сердцевина индивидуальности, всегда ускользает от ученого. Он прикован к групповым данным, статистическим предсказаниям и вероятностным оценкам» (Kerlinger, 1979. P. 270, 272).

«Степень “количественности” наблюдений (их переводимость в цифры) часто является хорошим показателем зрелости науки» (Mussen, Conger, Kagan, 1977. P. 13).

Согласно приведенным высказываниям, данное введение в качественное исследовательское интервью не имеет отношения к науке или, в лучшем случае, является признаком незрелой науки.

Можно перечислить некоторые возможные причины для строгих требований квантификации в современных общественных науках. Это могут быть *онтологические* соображения относительно того, что социальный мир в основе своей представляет собой математически упорядоченную вселенную, в которой все сущее существует в количественной форме; и соответственно, объективные данные науки о социальном мире должны быть количественными. Это также может быть *эпистемологическое* требование того, чтобы данные исследований были количественными, дабы можно было соизмерять данные независимо от теоретического подхода. Далее, это может быть *техническая* заинтересованность в квантификации, так как статистика — мощное орудие для обработки большого количества данных. Требование квантификации может также исходить от предполагаемой аудитории, которой будут предъявлены результаты исследования, — от диссертационных советов, научного сообщества, общественности или государственных структур. Использование цифр может быть и *риторическим* — когда нужно убедить современную аудиторию, солидные цифры могут показаться более заслуживающими доверия, чем качественные описания или интерпретации.

Мне бы хотелось уточнить то, что касается дихотомии качество—количество в методах исследования. *Качество* относится к сути, существенным характеристикам чего-то. *Количество* относится к тому, сколько, к величине, к сумме. В словаре Вебстера (*Webster's, 1967*) *качественный анализ* определяется как химический анализ для определения компонентов вещества, а *количественный анализ* — как химический анализ для определения количества содержания компонентов в веществе. Таким образом, в химии качественный анализ является предпосылкой количественного. В естественных науках часто требуются обе формы анализа. Например, недавнее объявление о наборе геологов для нефтеразведки в Северном море включало требование уметь «...проводить качественное и количественное определение» нефтяных осадков. Хотя квантификация является важным орудием в естественных науках, огромные области геологии, биологии и зоологии основаны на качественных описаниях и интерпретациях, например, исследования Ч. Дарвина или исследования взаимоотношений животных и их среды обитания, проведенные К. Лоренцем. В современной философии естественных наук, например, у Гессе (Hesse), отвергается любое жесткое разделение наук на естественные и гуманитарные (см. *Bernstein, 1983*). Таким

образом, оставляя в стороне более фундаментальный вопрос о том, почему общественные науки должны стараться копировать естественные, мы видим, что даже поверхностный взгляд на современную практику естественных наук опровергает любые попытки автоматически объявить качественные исследования ненаучными.

Вопрос противопоставления количественных и качественных методов в общественных науках одно время очень горячо обсуждался; попытки навести мосты через эту пропасть (*Lazarsfeld, 1944*) и доказательства того, что это псевдопроблема (например, *Reichardt, Cook, 1979; Tschudi, 1989*), не слишком помогли решению этой проблемы. А заголовок одной из статей выглядит как-то преждевременно: «Завершение дискуссии: конец дебатов о качественном и количественном среди исследователей в сфере образования» (*Smith, Heshusius, 1986*). Некоторые концептуальные и практические проблемы, связанные с жестким разделением качественного и количественного, будут еще обсуждаться в этой книге, как и причины того, почему узкое количественное понимание науки все еще актуально.

В учебниках по общественным наукам различаются четыре основных типа измерений: номинальное, порядковое, интервальное и пропорциональное (шкалы наименований, порядка, интервалов и отношений). Качественное исследование, в котором высказывания в интервью распределяются по категориям «или-или», например «конкуренция» или «не конкуренция», использует шкалу наименований (номинального уровня). Если категории анализа учитывают также большую или меньшую степень выраженности, например «сильная», «средняя», «слабая» конкуренция и «отсутствие конкуренции», — использованы шкалы порядка. Шкалы с использованием равных интервалов (как в интеллектуальных тестах) или шкалы отношений, в которых имеется точка абсолютного нуля, как при измерении температуры, находятся, однако, за пределами реальности качественного исследования. Качественное исследование может использовать нестрогие формы измерений — номинальные или порядковые шкалы — и, таким образом, по-видимому, нет теоретических оснований настаивать на жесткой дихотомии качественных и количественных методов.

В практике общественных наук количественный и качественный подходы взаимодействуют. В традиции контент-анализа при исследовании средств массовой информации содержание и форма сообщения, как правило, представленного в виде текста, квантифицируется и таким образом поддается статистической обработке. В более открытом подходе к текстам интервью качественный и количественный анализ переплетаются. Акцент на том или другом будет зависеть от типа исследуемого феномена и от цели исследования. Например, в исследованиях масс-медиа (телевизион-

ные мыльные оперы) для того, чтобы понять и предсказать важность серий, могут потребоваться как лингвистический, так и нарративный анализ сюжета, статистический анализ количества зрителей и их распределения по социальным стратам.

Взаимодействие качественного и количественного подходов происходит не только на стадии анализа, но на протяжении всего процесса исследования (Mayring, 1983). Исследование начинается с качественного анализа уже существующих знаний о феномене и с формирования качественной концепции и гипотез для конкретного исследования. Последующие стадии сбора и анализа данных могут быть преимущественно качественными или количественными, часто присутствуют и тот и другой подходы. Заключительная стадия — отчет о результатах — в основном качественная; более того, таблицы и коэффициенты корреляции требуют качественной интерпретации их значения. Однако может возникнуть тенденция принижать роль качественного аспекта исследовательского процесса при публикации результатов. Оттого ли, что таковы требования издателя, или виноват внутренний цензор исследователя, но «нестрогие» качественные аспекты исследовательского процесса и получившихся результатов имеют тенденцию вымываться, остаются только «строгие» количественные данные как пригодные для публичного предъявления.

Подытожим сказанное: качественные и количественные методы суть средства, и их полезность зависит от способности отвечать на поставленные в исследовании вопросы. Как средства, орудия они требуют разной подготовки, и исследователи различаются как по заинтересованности в количественных вычислениях и способности их производить, так и по способности и интересу к проведению лингвистического или эмпатического анализа качественных данных. Несмотря на теоретическое и практическое переплетение качественных и количественных аспектов исследований в общественных науках, их дихотомия при гегемонии количественной стороны все еще преобладает. На сегодняшний день студенты, изучающие общественные науки, приобретают способность профессионально анализировать социальный мир как математически упорядоченную вселенную и остаются дилетантами перед лицом лингвистически сконструированного социального мира.

* * *

Теперь от академических споров о положении качественных исследований в общественных науках я перехожу к роли качественных исследований в некоторых практических областях, таких как маркетинговые исследова-

дования, феминистские исследования и психоанализ. Законность использования качественного интервью в этих столь разных областях определяется не столько тем, что это соответствует доминирующему представлению о научных методах, сколько тем, что они вносят существенный вклад в изменения людей и условий их существования.

Качественные маркетинговые исследования

В некоторых областях качественные исследования считаются прогрессивными, а количественные — проявлением консерватизма. Это объясняется тем, что качественные исследования чувствительны к человеческой ситуации, они предполагают эмпатический диалог с исследуемыми людьми и могут вносить свой вклад в их освобождение и усиление.

Качественное интервью является уникальным (с точки зрения его чувствительности и силы) методом фиксации переживаний и жизненно важных смыслов обыденного мира исследуемых. Интервью позволяет исследуемому со своей точки зрения и своими словами рассказать другим о своей ситуации. На материале интервью с группами людей, редко принимающих участие в публичных дискуссиях, исследователями, журналистами и писателями было создано несколько книг. Один из примеров — интервью Оскара Льюиса с семьями крестьян-мексиканцев (*Lewis, 1964*). Такие исследования с помощью интервью могут действовать в направлении политического освобождения, привлекая внимание к условиям проживания угнетаемых групп и документально свидетельствуя о них. Однако считать качественные методы сами по себе «прогрессивными» — это иллюзия, что становится ясно, как только мы посмотрим на использование качественного интервью в маркетинговых исследованиях.

В психологии технологический интерес к контролю над объективированными процессами, как правило, ассоциируется с ориентированными на естественные науки экспериментами бихевиористов, научный интерес которых состоял в предсказании поведения и контроле над поведением других людей. Эта направленность бихевиоризма и его методов вполне соответствовала управленческому подходу Тейлора, внедренному в промышленность в начале века (*Kvale, 1976 b*). Последний предусматривал проведение широких исследований временных и двигательных характеристик поведения рабочих, позволяющих контролировать это поведение. Наиболее эффективно результаты этих исследований были использованы на заводах Форда в организации сборочных конвейеров.

В XX веке акцент в экономике сместился с контроля производства продукции на контроль потребления и коммуникации. В обществе потребления обширные знания о переживаниях, смыслах, чувствах, желаниях и жизненных стилях потребителей очень важны для планирования и продажи товаров потребления. Эмпатическое раскрытие переживаемых смыслов и принятие точки зрения потенциального потребителя облегчает манипулирование их покупательским поведением.

Качественные интервью сегодня широко используются в маркетинговых исследованиях, призванных предсказывать и контролировать поведение потребителя. То, что в маркетинговых исследованиях называется «глубинным интервью» или «интервью о мотивах» (*Dichter, 1960*) и «фокусированным интервью» с группами (*Morgan, 1988*), очень близко к качественному исследовательскому интервью, о котором рассказывается в этой книге. Э. Дихтер давно разработал маркетинговое интервью, будучи вдохновлен интерпретационным подходом психоанализа и сензитивными недирективными техниками интервью, которые К. Роджерс использовал в терапии. Схема основных аспектов техники качественного интервью Дихтера была разработана несколькими десятилетиями раньше современной качественной волны в общественных науках.

В исследованиях потребителей важно уйти с уровня поверхностного значения продукта и пробиться к более скрытым, символическим значениям, которые продукт имеет для потенциального потребителя. В «Стратегии желания» (*Dichter, 1960*) Дихтер представляет результаты исследования покупки автомобилей, проведенное им в Плимуте. Начальный отчет от 1939 года выделяет «...новую психологическую технику исследования, позволяющую выйти за рамки современных статистических исследований в понимании факторов, влияющих на продажу машин» (*Там же. Р. 289*). Исследование было основано на анализе случаев в форме подробных бесед-интервью, которые стенографировались и расшифровывались для анализа. «Наши интервью выявили, что машины представляют собой нечто большее, чем просто средство передвижения. Машина — действительно символ, выражение человеческого желания. Ее внешний вид, технические характеристики, социальные функции помогают выстроить эту символическую ценность» (*Там же. Р. 292*). Согласно Дихтеру, эмпатическое психологическое исследование 1939 года изменило стиль рекламы автомобилей, так как во внимание были приняты многие скрытые смыслы продукта и введен новый маркетинговый подход, который сейчас уже является общим местом (*Holbrook, 1995*).

Вопрос о методе здесь проще, чем в общественных науках: в исследованиях потребителей законность исследовательского метода основана на

его вкладе в повышение потребления, которое в свою очередь, увеличивает продажи и прибыль. Парадоксально, что качественное интервью, которое вплоть до последнего времени третировалось как ненаучное в бихевиористской психологии, явная цель которой — предсказывать и контролировать поведение, нашло широкое применение в маркетинговых исследованиях, чье существование зависит от их способности предсказывать и контролировать поведение потребителей на практике.

Само по себе качественное интервью не является ни прогрессивным, ни реакционным; ценность получаемых знаний зависит от контекста и применения этих знаний. Например, качественное интервью может быть использовано для исследования отношения подростков к курению, а полученные знания — для того, чтобы заставить подростков начать курить либо отказаться от курения. Интервью — могущественный инструмент получения знаний о переживаниях людей и их поведении, а знания эти находятся на службе у властей и денег.

В противоположность более откровенному технологическому предсказанию и контролю, отстаиваемому психологией, ориентированной на естественные науки, более мягкие гуманные формы контроля над чувствами и переживаниями обнаружить гораздо труднее. В своей основанной на взглядах М. Фуко (M. Foucault) деконструкции психотерапии и гуманистической психологии П. Ричер указывает на эти скрытые формы контроля как более эффективные, чем техники формирования поведения в бихевиоризме, заключая: «Психология — вся психология — это департамент полиции; психодинамика и гуманистическая психология — это тайная полиция» (Richer, 1992. P. 118).

Феминизм и качественные исследования

Качественный подход к взаимодействию людей занял очень сильные позиции в феминистских исследованиях. В противоположность множеству эклектических качественных исследований, феминистский подход, как правило, сосредоточен на обыденной жизни женщин, работает с методами, подходящими для понимания конкретных жизненных ситуаций женщин, причем понимание является средством для изменения изучаемых жизненных обстоятельств. Центральным моментом феминистских исследований являются различные ситуации, в которых оказываются женщины, и обстоятельства, влияющие на эти ситуации. Исследования основаны на мнении, согласно которому фокусом исследования может быть интерпретация по-

ступков» людей (Olesen, 1994). Феминистские исследования — это «женские исследования женщин», направленные на то, чтобы понять жизнь и переживания женщин; они «...должны иметь в качестве одного из базовых понятий угнетение женщины»; это исследования, которые на каждом этапе подкрепляются взятыми на себя политическими обязательствами (Scott, 1989. P. 69—70).

В постмодернистском феминистском подходе, в противоположность взглядам Просвещения, мораль и политика имеют приоритет перед научными и эпистемологическими теориями. Для исследовательниц-феминисток пол является базовым организующим принципом, который глубоко влияет на конкретные условия нашей жизни.

«Все очень просто: провести феминистское исследование — значит поставить в центр опроса социальное конструирование пола... Очевидная идеологическая цель феминистского исследования в гуманитарных науках состоит в том, чтобы бороться как с невидимостью, так и с искажениями переживаний женщин и использовать способы, которые вели бы к прекращению социального неравенства женщин» (Lather, 1991. P. 71).

Женская сторона науки в целом была подчеркнута Л. Шепхед (Shepherd, 1993), при этом акцент был сделан на чувстве и исследованиях, мотивированных любовью, восприимчивостью и слушанием, субъективностью, множественностью и взаимопереплетением отношений, длительными отношениями доверия, кооперацией и гармоничной работой, интуицией, ощущением связи и целостным видением, а также социальной ответственностью науки. Специфическое сходство феминистского подхода и качественных исследований обсуждались В. Олесен (Olesen, 1994) применительно к субъективности и переживаниям, взаимоотношениям и личностным взаимодействиям, межличностным отношениям исследователя и участников исследования. Более того, некоторые феминистки верят, что нестрогие качественные данные исследований более приемлемы для феминистского подхода, так как количественные методы усиливают нездоровое разделение на тех, кто знает, и тех, кто не знает. В то время как прямолинейные мужские взгляды могут быть зафиксированы опросником, способ, которым женщины хотят устанавливать связи между сферами своей жизни, лучше изучать с помощью качественного глубинного интервью (см. Scott, 1985).

Феминистская концепция отношений исследователя и исследуемого соответствует способу понимания в качественном исследовательском интервью, описанному ранее (глава 2, «Способ понимания в качественном исследовательском интервью»). Кроме того, для постмодернизма характер-

на открытость любым способам планирования исследований, в том числе возможен конфликт между частью движения феминизма, увлеченной текстуальным релятивизмом, и политической программой феминизма, ориентированной на изменения.

Феминистские исследования направлены на изучение общественных движений, организаций и формирование политики, которая продуцирует напряжение в отношении постмодернистски ориентированных исследовательниц-феминисток, полагающих «истину» разрушительной иллюзией. Бесконечная игра знаков и рассказов, зыбучие пески интерпретаций затуманивают существующие формы угнетения. Реальная жизнь женщины теряется в текстах, ведущих к релятивистскому поражению, которое подтверждает *status quo* в мире неравенства (см. критику Olesen, 1994). В то же время О'Хара следующим образом выражает освободительный и моральный потенциал постмодернистского феминизма:

«В постструктуралистских работах феминисток я почерпнул огромное облегчение, увидел надежду и большое чувство ответственности. Идея, утверждающая, что каждый из нас восстанавливает реальность с каждой встречей, наполняет меня дивной надеждой, мощью и чувством общности. Если признать, что абсолютной истины “где-то там” не существует и стало быть нельзя создать безупречные “экспертные системы”, которые могли бы как-то решить наши проблемы математически; ...если мы принимаем, что когда мы вступаем в диалог, мы оба меняемся; если правда то, что мы являемся со-творцами реальности, которая, в свою очередь, творит нас, — тогда мы призваны в новое общество. Если я могу формировать культуру, я должен действовать ответственно» (O'Hara, 1995. P. 155).

Порождение психоаналитического знания

Теперь я обращаюсь к новой форме порождения знаний, которая в основном остается за пределами обсуждения научных методов. Психоанализ — один из разделов психологии, который сейчас, почти век спустя после своего создания, все еще вносит очень существенный профессиональный вклад в психотерапию и продолжает быть предметом интереса широкой публики и других наук, а также представляет собой вызов философам. Центральные разделы современных учебников по психологии основаны на знаниях, первоначально полученных в психоаналитических интервью о снах и неврозах, сексуальности, раннем развитии и развитии личности, о тревоге и мотивации и неосознанных силах (*Rapaport, 1959*).

ПСИХОАНАЛИЗ КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ МЕТОД

Психоаналитическое интервью, в котором порождение знаний не является первичной целью, стало *действительным* психологическим методом, который предоставляет нам важнейшие новые знания о человеке. Однако в учебниках по психологическим методам нет данных об основном методе, с помощью которого получают психоаналитическое знание, — о психоаналитическом интервью. Фрейд (1963) считал терапевтическое интервью методом исследования: «Определенно, одной из отличительных особенностей психоанализа является то, что процесс исследования и процесс лечения идут рука об руку» (Freud, 1963. P. 120).

Врезка 4.1 содержит семь характеристик психоаналитического интервью, выделенных на основе того, что Фрейд (1963) писал о терапевтичес-

Врезка 4.1

Психоаналитическое исследовательское интервью

Изучение индивидуальных случаев. Психоаналитическая терапия — это интенсивное изучение случаев отдельных пациентов в течение нескольких лет. Обширные знания о жизненном мире пациента, о его прошлом, полученные таким образом, дают терапевту исключительно богатый контекст для интерпретации его снов и невротических симптомов.

Открытая манера интервьюирования. Психоаналитическое интервью проходит в структурированной обстановке терапевтического часа, содержание которого свободно и недирективно; интервью основано на психоаналитической теории и проводится в открытой манере. Свободные ассоциации пациента соотносятся с «ровно парящим вниманием» терапевта. Фрейд предостерегал против научного формулирования случаев в процессе лечения, так как это препятствует открытому терапевтическому отношению, которое дает терапевту возможность действовать «...бесцельно и позволять себе быть застигнутым любым сюрпризом, постоянно возникающим при открытом сознании, быть свободным от любых ожиданий» (Freud, 1963. P. 120).

Интерпретация смысла. Суть психоаналитической техники состоит в интерпретации смысла высказываний и поступков пациента. Психоаналитическая интерпретация открыта двусмысленности и противоречиям, множественности уровней сновидений или симптомов. Она требует широкого контекста и возможности постоянных реинтерпретаций: «Полная интерпретация сна будет соответствовать полному завершению анализа: сделанное в самом начале замечание может быть понято в самом конце, много месяцев спустя» (Freud, 1963. P. 100).

Врезка 4.1. Продолжение

Временное измерение. Психоаналитическая терапия разворачивается в течение нескольких лет, в историческом измерении, где уникальным образом переплетаются прошлое, настоящее и будущее. Нововведение Фрейда состояло в том, чтобы видеть человеческие проявления в значимой исторической перспективе: процесс воспоминаний о прошлом — это активная сила терапевтического изменения, и терапия направлена на преодоление вытеснения прошлого, так же как и на преодоление существующего в данный момент сопротивления осознанию неосознанного.

Человеческое взаимодействие. Психоаналитическая терапия происходит посредством эмоционального человеческого взаимодействия при взаимной личностной вовлеченности. Фрейд заметил, что если аналитик посвящает клиенту время, всерьез им интересуется и ведет себя тактично, то развивается глубокая привязанность пациента к терапевту. Сильные эмоции — от любви до ненависти — теоретически интерпретируются как «перенос» на терапевта детского отношения пациента к его родителям. Терапевт намеренно формирует такой перенос как средство преодоления эмоционального сопротивления пациента более глубокому самоосознанию и изменению. Личность пациента раскрывается на различных уровнях глубины в зависимости от интенсивности эмоциональных связей с терапевтом. Влияние собственных чувств терапевта к пациенту, называемое «контрперенос», не стараются уничтожить, но используют в терапевтическом процессе как отраженную субъективность.

Патология как предмет исследования. Предмет психоаналитической терапии — аномальное и иррациональное поведение пациента в кризисе, их кажущиеся бессмысленными и странными симптомы и сны. Патологическое поведение служит увеличительным стеклом для менее заметных конфликтов обычного человека; неврозы и психозы — это крайние варианты нормального поведения, они являются характерным выражением того, что в данной культуре есть неправильного.

Подталкивание к изменению. Взаимный интерес пациента и терапевта состоит в преодолении страдания пациента, которое проявляется в его невротических симптомах. Несмотря на то, что пациенты добровольно обращаются за помощью, они демонстрируют глубоко укорененное сопротивление изменениям в самопонимании и поступках. «Вся теория психоанализа... фактически построена на восприятии сопротивления, которое демонстрирует нам пациент, когда мы пытаемся заставить его осознать неосознанное» (Freud, 1963. P. 68). Хотя понимание может привести к изменению, теория познания в психоанализе предполагает, что фундаментальное понимание феномена может быть сначала достигнуто в попытках изменить этот феномен.

кой технике. Сессия консультирования, основанного на клиент-центрированном подходе Роджерса (глава 2, «Терапевтическое интервью о ненависти»), дает адекватное описание драматического эпизода в этой форме терапевтического интервью. Существует обширная критика по поводу эффективности психоаналитической терапии, по поводу ее соответствия теории, по поводу эмпирической валидности психоаналитических наблюдений (см. *Fisher, Greenberg, 1977*). Здесь эта критика не приводится, вместо этого я подчеркиваю плодотворность психоаналитической терапии в выявлении новых феноменов и новых связей. Выделенные характеристики психоаналитического интервью заметно контрастируют с позитивистскими критериями научности метода, о которых говорилось выше (глава 4, «Позитивизм»). Это может быть одной из причин того, почему психоаналитическое интервью не считается в психологии исследовательским методом.

Хотя позитивистская философия и отвергает этот факт, порождение знаний в психоанализе явилось вызовом для мыслителей тех философских направлений, которые были упомянуты в главе 3. Хотя они, в основном, критиковали спекулятивные и редуционистские тенденции психоаналитической теории, они все же осознали уникальную природу личностного взаимодействия в психоаналитическом интервью и его потенциал для личностного изменения, так же как и его вклад в познание бытия человека. Первую попытку введения в эту область дали Р. Мэй, Э. Энджел и Х. Эллиенбергер (*May, Angel, Ellenberger, 1958*). Есть также работа М. Босса «Психоанализ и Дазайн-анализ» (*Boss, 1963*), основанная на феноменологической экзистенциальной и герменевтической философии М. Хайдеггера, и работа Р. Лэнга «Я и другие» (*Laing, 1962*), вдохновленная экзистенциализмом Ж.-П. Сартра. В числе философов, интересовавшихся психоанализом, можно назвать Сартра и его экзистенциальное соединение марксизма и психоанализа в работе «Проблема метода», феноменологическую и герменевтическую работу П. Рикёра «Фрейд и философия: очерк об интерпретации» (*Ricoeur, 1970*) и критический разбор Дж. Хабермасом психоанализа как модели освободительной общественной науки с точки зрения герменевтики в работе «Знание и интересы человека» (*Habermas, 1971*). Рассмотрение здесь психоаналитического интервью и способа понимания в исследовательском интервью вдохновляется именно этими работами.

Психоаналитическое интервью одновременно связано с исследовательским интервью и его способом понимания и резко от него отличается. Цель терапевтического интервью — облегчить пациенту изменения и получить от конкретного пациента знания, необходимые для стимулирования процесса личностного изменения. Общие знания о человеческом бытии, полученные в психоаналитическом процессе, являются побочным эффектом

процесса помощи пациенту в преодолении его невротического заболевания. Качественное исследовательское интервью — это пространство порождения знаний; его цель — получение знания об исследуемом феномене, и любые изменения, в результате произошедшие в интервьюируемом, являются побочным эффектом. Интенсивные личностные терапевтические отношения могут вскрыть болезненные глубоко запрятанные воспоминания и глубинные уровни личности, недоступные в процессе краткого исследовательского интервью.

Несмотря на эти различия, интервьюеры-исследователи могут учиться манере задавать вопросы и интерпретировать, принятой в терапевтическом интервью. К психоанализу как к исследовательскому методу есть очень много вопросов, да и научный статус психоаналитического знания все еще дискутируется. Некоторые из проблем, касающихся валидности интерпретаций, будут обсуждаться ниже, в главе 13. Парадокс в том, что терапевтическое интервью, которое все еще не признается научным методом и для которого получение обобщенных знаний является побочным эффектом, в результате дало научной психологии самые ценные знания.

ТЕРАПЕВТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ: МЕЖДУ СЦИЛЛОЙ И ХАРИБДОЙ

Проект терапевтического исследования может быть довольно опасным путешествием, лавированием между индивидуальными описаниями случаев практически без всякого метода, с одной стороны, и количественными физиологическими и бихевиоральными измерениями практически без всякого психологического содержания — с другой. Клинические исследования породили долгую историю отвергнутых статей и загубленных диссертаций. Маршрут терапевтического исследования можно сравнить с путешествием Одиссея на обратном пути из Трои с проходом через узкий пролив между Сциллой и Харибдой — приключением, которое он объявил самым опасным в своем долгом исследовательском путешествии.

С одной стороны его поджидало чудовище Харибда, глотавшее корабль целиком вместе с командой. Здесь исследователя в терапии захватывают восхитительные развлекательные истории, героем которых часто становится сам терапевт. В этом случае очень редко можно найти методическое описание того, каким образом получены эти истории, и, тем более, нет анализа ни задействованных нарративных структур, ни валидности представленного знания. Теперь, почти век спустя после появления психоаналитической теории и терапии, основные данные, поддерживающие психоаналитичес-

кую теорию, все еще держатся на знаниях, собранных при помощи психоаналитического интервью — метода исследования, который в рамках общественных наук очень трудно осмыслить сколько-нибудь систематически.

Одиссей так старался избежать лап Харибды, что слишком близко пошел к другому берегу узкого пролива, где шестиглавое чудовище Сцилла пожрало шестерых членов его команды. Современные терапевтические исследования могут так стараться избежать терапевтических рассказов, что попадают в смирительную рубашку позитивизма на другом полюсе и теряют живые терапевтические отношения в ворохе статистических корреляций и коэффициентов значимости, которые могут быть совершенно не значимы для терапевтической ситуации. В этой форме подражательного сциентизма клинический исследователь может стать «святое папы римского» — или, в психоаналитической терминологии, идентифицироваться с агрессором.

Корабль, бороздящий волны современных качественных исследований, похоже, также вошел в узкий пролив и мечется между Харибдой «отсутствия метода» и Сциллой «только метода». Версия интервью, представленная здесь, отдает дань обоим чудовищам. С одной стороны, вряд ли существует методическое обоснование или концептуальное осмысление полученных данных при анализе текста первоначальной беседы или при трансформации живой беседы в записанный текст, так же как и обоснование валидности интерпретации значений в тексте. С другой стороны, существует качественный гиперэмпиризм количественной категоризации и бесконечные цитаты из расшифровок интервью. Такие отчеты об интервью утрачивают живую реальность беседы в той же мере, что и человеческую ситуацию, запечатленную в рассказе участника исследования.

Здесь я обращаюсь к методическим этапам исследования на основе интервью и предлагаю в части III некоторые принципы для преодоления рисков «отсутствия метода» и опоры «только на метод» в опасном предприятии интервьюирования — от первоначального взгляда до окончательного отчета. Цель исследователя-интервьюера заключается в том, чтобы вернуться из своего странствия с повестью, которая бы отдавала должное рассказам самих исследуемых об их жизненном мире и несла бы в себе новое, валидное знание и находки для слушателей и читателей повести.

Часть III.

СЕМЬ ЭТАПОВ ИССЛЕДОВАНИЯ С ПОМОЩЬЮ ИНТЕРВЬЮ

Теперь, от значения слов, вынесенных в подзаголовок книги — *качественное исследовательское интервью*, — перейдем к методам проведения исследования с помощью интервью. Эта методическая часть построена в соответствии с развертыванием семи этапов исследования при помощи качественного интервью. Этапы следующие: выбор темы, планирование, интервьюирование, расшифровка, анализ, проверка (верификация) и написание отчета. В главе 5 в контексте проблемы порождения знания обсуждаются первые два этапа — выбор темы и планирование. Моральный аспект интервьюирования обсуждается в главе 6, описывающей этические проблемы, которые могут возникнуть на каждом этапе исследования с помощью интервью.

С целью улучшения качества получаемого знания в главе 7 рассмотрена ситуация интервью. Описана подготовка к проведению исследовательского интервью и, в качестве иллюстрации типов формулировки вопросов, приведено интервью об отметках. В главе 8 предложены критерии качества качественного интервью, а также рассмотрены этические аспекты ситуации интервью и проблема наводящих вопросов.

Структурирование интервью для последующего анализа описано в главе 9. Технические вопросы расшифровки поднимают принципиальную проблему различий между устной и письменной речью. В конце главы приведена схема использования компьютерных программ для обработки текстов интервью.

Следующие три главы сфокусированы на анализе интервью. Обсуждение «вопроса на 1000 страниц» в главе 10 освещает некоторые ключевые

проблемы анализа интервью. В главе 11 представлен обзор подходов к анализу таких понятий, как конденсация и категоризация смысла, нарративное структурирование и интерпретация. В главе 12 рассматривается проблема множественности интерпретаций, связывается с герменевтической идеей первичности вопроса и обсуждаются — в разных контекстах интерпретации и валидации — вопросы, поставленные к утверждениям интервью об отметках. И, наконец, поиск смысла в философии модерна противопоставлен постмодернистской деконструкции овеществленных смыслов.

Верификация знания, полученного в интервью, трактуется в главе 13, где обсуждаются возможности обобщения, надежность и валидность в качественных исследованиях. Подробно рассматривается валидизация как социальная конструкция, затрагивающая философские концепции знания как беседы и действия, выделяются коммуникативные и прагматические формы валидизации.

Если делать акцент на валидизации как коммуникации и действию, то на передний план выходит отчет об интервью. Цели и формы отчета об интервью представлены в главе 14. Процесс его написания рассматривается как социальная конструкция; предлагаются способы обогащения отчетов, чтобы цитирование в них больших кусков интервью не вызывало чрезмерную скуку.

Глава 5.

Выбор темы и планирование исследовательского интервью

В этой главе представлена попытка планирования исследовательского интервью, позволяющего обойти дилемму «только метод — отсутствие метода», сосредоточив особое внимание на компетентности и мастерстве исследователя-интервьюера. Я начну с различия между формальностью отчета об исследованиях в общественных науках и открытостью полуструктурированного интервью. Анализ эмоциональной стороны интервью-путешествия показывает, как плохо могут пойти дела, если не брать в расчет общий план всего исследовательского интервью. Затем мы более структурированно обсудим семишаговый маршрут исследования — выбор темы, планирование, интервьюирование, расшифровка, интерпретация, верификация и написание отчета. Все этапы иллюстрируются примерами из моего исследования влияния отметок на обучение. Первые два — выбор темы и планирование — изложены более подробно. И, наконец, выходя за пределы метода, рассмотрим исследование как искусство.

Открытость и эмоции

В исследовательском интервью

Статьи в журналах по общественным наукам рисуют скорее формальную картину исследовательского процесса. Требования, выдвигаемые к публикуемым работам, формируют искаженное представление о технологии научного исследования как о логичном, линейном процессе, очень далеком от действительного процесса исследования с его сюрпризами, изменением планов, гипотез и теоретических положений. В реалистичной картине проведения качественного исследования, нарисованной Ч. Маршаллом и Г. Россманом (*Marshall, Rossman, 1995*), показано, что формалистское планирование исследовательского интервью может быть результатом требований исследовательских фондов, где упор делают как раз на ясные и хорошо структурированные предложения.

Одним из примеров более соответствующего нашему предмету описания превратностей современного научного исследования является «История случая в научном методе» — работа радикального бихевиориста Б.Ф. Скиннера (*Skinner, 1961*). Он отвергает формалистские представления об исследовании, описывая множество случайностей и сюрпризов из сво-

ей практики экспериментальных исследований поведения, приведших к важнейшим открытиям в области поведения животных и человека. Так, случайности, вроде падения кормушек или появления детенышей у лабораторных крыс, приводят к появлению новых возможностей в повышении эффективности научения. Эти описания реальных научных исследований поведения могут послужить утешением студентам, начитавшимся мистифицированных стерильных формальных описаний исследований и учебников по методологии.

Особым достоинством качественного интервью является его открытость. Для нестандартизованного качественного интервью не существует никаких стандартных техник или строгих правил проведения исследования. Правда, есть некий набор методов, используемых на каждом этапе исследования. В этот набор включены такие, например, вопросы: «Сколько интервью нужно провести?», «Нужно ли записывать интервью на пленку и затем расшифровывать?», «Как следует анализировать интервью?», «Нужно ли давать интерпретации интервьюируемому?».

Предлагаемый в этой книге подход не столько предписывает использование стандартизованных процедур и техник, сколько обращает внимание на методологические проблемы выбора, возникающие на разных этапах проведения исследовательского интервью. Цель в данном случае — принять осознанное решение о выборе метода, основанное на знании темы исследования, доступном методическом инструментарии и наилучшей для всего проекта последовательности методов. Именно эта открытость и гибкость интервью, множество решений, принимаемых непосредственно на месте (например, следовать ли появившимся в процессе интервью новым возможностям или придерживаться намеченной схемы интервью), предъявляют очень строгие требования к подготовке и компетентности интервьюера. Отсутствие предписанных правил создает широкое поле для проявления мастерства интервьюера, его знаний и интуиции. Интервьюирование — это ремесло, которое гораздо ближе к искусству, чем к стандартизованным методам общественных наук.

Общий термин *нестандартизованное* может относиться к ситуации интервью, тогда как вся процедура исследования с помощью интервью скорее является стандартизованной и часто проходит пять характерных эмоциональных фаз.

Врезка 5.1 описывает эмоциональную динамику исследования с помощью интервью. Эмпирическим обоснованием этого описания являются наблюдения за студентами и моими коллегами, проводившими исследовательские интервью, а также выводы, сделанные мной в процессе собственного исследования об оценках. Интенсивность переживания эмоциональных фаз

Врезка 5.1

Эмоциональная динамика
исследовательского интервьюирования

Фаза антипозитивистского энтузиазма. Проект интервью часто начинается с энтузиазма и вовлеченности. Исследователь сильно увлечен проблемой и хочет провести реалистическое исследование самой жизни. Это должно быть значимое качественное исследование жизни людей, а не позитивистские количественные данные, собранные на основе абстрактных теорий.

Фаза цитирования интервью. На этой стадии у исследователя скапливаются записи первоначальных интервью, и он занят тем, что сказали интервьюируемые. Теперь это уже не идеологический энтузиазм предыдущей фазы, а напротив, личные обязательства и подвижническая идентификация с исследуемыми, которые так глубоко раскрывают обстоятельства своей жизни, зачастую гнетущие. За ленчем интервьюер «нагружает» коллег огромным количеством новых цитат. Хотя поначалу это может впечатлять, через некоторое время коллегам становится трудно сохранять прежний интерес к историям из интервью.

Рабочая фаза молчания. Спустя некоторое время проект интервью погружается в молчание. Исследователь уже не является на ленч с цитатами из интервью. Коллеги, интересующиеся проектом, теперь получают лаконичный ответ: «Интервью расшифровываются» или «Анализ только начался». Эта рабочая фаза характеризуется рассудительностью и терпением.

Агрессивная фаза молчания. Проходит много времени с тех пор, как были закончены все интервью, а результатов все нет. Коллеги, которые спрашивают о проекте, теперь рискуют нарваться на сильное раздражение: исследователь «кошетинивается» и более или менее явно сигнализирует: «Это не ваше дело». Для исследователя кризис середины проекта характеризуется нарушением сроков, хаосом и стрессом.

Финальная фаза истощения. На этой стадии проект интервью становится таким громоздким, что нет уже ни времени, ни энергии для отчета об изначально интересных находках. Один из вариантов этой стадии — отсутствие отчета, когда сотни страниц расшифрованных интервью остаются в папках. Читая лекции, исследователь вспоминает некоторые занятые цитаты, так сказать, «лекторский вариант», но окончательный отчет откладывается. Обычным вариантом окончания исследования является вариант «спасем все, что можно спасти», когда интервью используются как отдельные цитаты без методологического и концептуального анализа. В случаях, когда все же появляется «окончательный отчет», исследователь может только покориться судьбе, так как он все равно не преуспел — не донес до читателя изначальное богатство историй, рассказанных в интервью, в методологически обоснованном виде.

различна. Моменты энтузиазма, обычные для начала исследования, часто появляются и в конце, к примеру, когда в процессе интерпретации обнаруживаются новые смыслы и значения. Эти пять фаз можно встретить и в процессе использования других методов исследования. Однако редко можно встретить такой сильный контраст между начальным энтузиазмом и последующими мучениями, как в исследовательском интервью.

Изображенная здесь картина эмоциональных стадий проекта интервью не является специфически датским феноменом, но не является и неизбежной. Рената Теш (Renata Tesch), открывшая консультационную фирму по качественным исследованиям в Соединенных Штатах, прочитала описание этих эмоциональных тягот. Затем она попросила разрешения использовать это описание в рекламе своей фирмы и после пяти фаз добавила только: «Существует единственная возможность избежать такого положения дел — обратитесь в Организацию Качественных Исследований!».

Может статься, что описание эмоциональных мучений в исследовательском интервьюировании уже устарело; при большом количестве качественных исследований и курсов по ним и при обилии методической литературы новоиспеченные исследователи могут занять куда более выгодную начальную позицию и с большим успехом пройти ступени исследования с помощью интервью.

Семь этапов исследовательского интервью

В этом разделе я выделяю способы планирования исследования, предполагающего использование интервью, которые могут помочь исследователю вынести все тяготы исследовательского процесса и сохранить первоначальные взгляды и обязательства. В качестве первого шага к преодолению эмоциональных испытаний, описанных выше, предлагаются семь этапов исследовательского интервью.

Врезка 5.2 показывает, как исследовательское интервью проходит семь этапов — от первоначальной идеи до окончательного отчета. Чтобы придать открытому и изменчивому исследовательскому интервью некоторую структуру, я сделал упор на линейном развертывании в процессе опроса всех семи методических стадий. Противоположный взгляд — очень хорошее изложение интерактивной природы качественного интервью — можно найти у Э. Страусса и Дж. Корбина (*Strauss, Corbin, 1990*), где представлен глубокий теоретический подход к процедуре и технике интервью, существенно менее формальный, чем описание семи этапов исследовательского интервью. Страусс и Корбин рисуют непрерывное взаимодействие осмыс-

ления полевых исследований, анализа и новых обращений к практике, что в данном упрощенном линейном описании принесено в жертву попытке структурировать часто хаотичную область исследовательского интервью.

Эмоциональную динамику исследования с помощью интервью теперь можно связать с этими семью этапами. Антипозитивистский энтузиазм обычно доминирует в течение кратких этапов выбора темы и планирования. Увлеченное цитирование интервью совпадает с этапом самого интервьюирования. Стадии рабочего и агрессивного молчания соответствуют

Врезка 5.2

Семь этапов исследования с помощью интервью

1. *Выбор темы.* Формулирование цели исследования и описание концепции исследуемой темы еще до начала интервью. На вопросы «почему» и «что» следует ответить еще до того, как задавать вопрос «как», то есть выбирать метод исследования (глава 5).

2. *Планирование.* Прежде чем начинать интервьюирование, спланируйте все исследование, беря в расчет все семь этапов. Планирование производится для того, чтобы достичь знания, к которому вы стремитесь (глава 5), и принять во внимание моральные аспекты исследования (глава 6).

3. *Интервьюирование.* Проведение интервью по схеме, с осознанным подходом к искомым знаниям и межличностным отношениям в ситуации интервью (главы 7 и 8).

4. *Расшифровка.* Подготовка материалов интервью к анализу, который обычно включает расшифровку и перевод из устной формы в письменный текст (глава 9).

5. *Анализ.* Основываясь на цели и теме исследования, а также на природе материалов интервью, следует решить, какой метод анализа годится для данных интервью (главы 10, 11 и 12).

6. *Верификация (проверка).* Убедитесь в обобщенности, надежности и валидности ваших открытий. *Надежность* относится к однородности результатов, а *валидность* результатов означает, что в процессе проведения исследовательских интервью изучалось именно то, что вы намерены были изучать (глава 13).

7. *Написание отчета.* Изложите ваши исследовательские находки и использованные методы так, чтобы форма изложения отвечала критериям научности, были учтены этические аспекты исследования, а конечный продукт был читабелен (глава 14).

этапу расшифровки и особенно этапу анализа. Этап верификации обычно пропускают, и истощение начинает доминировать на этапе написания отчета. Корни этого «наказания господня» кроются в том, что этапы выбора темы и планирования, особенно важные в таком открытом методе, как интервью, проходят слишком быстро.

Краткое изложение сущности исследовательского интервью в одной-единственной книге влечет за собой лишь краткое описание семи методических этапов. Моя основная цель — дать общий взгляд на весь процесс исследования, выделить взаимодействие между этапами и проследить внутреннее переплетение практического выбора метода и философских концепций знания и истины.

Во врезке 5.3 приводятся некоторые книги, в которых этапы качественного интервью описаны более подробно. Выбор темы связан со специфическими предметными областями исследования и не может быть полностью рассмотрен в какой-нибудь одной книге; однако в некоторых главах пособия Н. Дензина и Й. Линкольна (*Denzin, Lincoln, 1994*) дана общая концепция предмета интервью. Сейчас есть богатая методическая литература по планированию качественного исследования, интервьюированию, анализу и написанию отчета. Однако по верификации литературы меньше, а вопросы этики и расшифровки интервью едва затронуты.

Врезка 5.3

Литература по качественным исследованиям

1. Выбор темы.

Denzin, N.K., & Lincoln, Y.S. (Eds.). (1994). *Handbook of qualitative research*. Thousand Oaks, CA: Sage.

2. Планирование

Планирование исследования

Glesne, C., & Peshkin, A. (1992). *Becoming qualitative researchers*. White Plains, NY: Longman.

Marshall, C., & Rossman, G.B. (1995). *Designing qualitative research*. Thousand Oaks, CA: Sage.

Maykut, P., & Morehouse, R. (1994). *Beginning qualitative research*. London Palmer.

Morse, J.M., & Field, P.A. (1995). *Qualitative research methods for professionals*. Thousand Oaks, CA: Sage.

Врезка 5.3. Продолжение

Этика исследования

Eisner, E.W., & Peshkin, A. (Eds.). (1990). *Qualitative inquiry in education*. New York: Teachers College Press (see the chapters by Lincoln, by Smith, & by Soltis).

Guidelines for the protection of human subjects. (1992). Berkeley: University of California Press.

Kimmel, A.J. (1988). *Ethics and values in applied social science research*. Newbury Park, CA: Sage.

Mathison, S., Ross, E.W., & Cornett, J.W. (1993). *A casebook for teaching about ethical issues in qualitative research*. Unpublished manuscript. (Available from: American Educational Research Association. Qualitative Research SIG, Washington, D.C.)

3. Интервьюирование

Rubin, H.J., & Rubin, I.S. (1995). *Qualitative interviewing*. Thousand Oaks, CA: Sage.

Seidman, I.E. (1991). *Interviewing as qualitative research*. New York: Teachers College Press.

Spradley, J. (1979). *The ethnographic interview*. New York. Holt, Rinehart & Winston.

Yow, V.R. (1994). *Recording oral history*. Thousand Oaks, CA: Sage.

4. Расшифровка

Mishler, E.G. (1991). Representing discourse: The rhetoric of transcription // *Journal of Narrative and Life History*. 1. 255–280.

5. Анализ

Miles, M.B., & Huberman, A.M. (1994). *Qualitative data analysis: An expanded sourcebook*. Thousand Oaks, CA: Sage.

Silverman, D. (1993). *Interpreting qualitative data*. Thousand Oaks, CA: Sage.

Tesch, R. (1990). *Qualitative research: Analysis types and software tools*. London: Palmer.

Wolcott, H.P. (1994). *Transforming qualitative data*. Thousand Oaks, CA: Sage.

Врезка 5.3. Продолжение

6. Верификация

Eisner, E.W., & Peshkin, A. (Eds.). (1990). *Qualitative inquiry in education*. New York: Teachers College Press (see the chapters on generalization by Donmoyer and by Schofield).

Kirk, J., & Miller, M.L. (1986). *Reliability and validity in qualitative research*. Newbury Park, CA: Sage.

Kvale, S. (Ed.). (1989). *Issues of validity in qualitative research*. Lund, Sweden: Studentlitteratur.

7. Написание отчета

American Psychological Association. (1989). *Publication manual* (3rd ed.). Washington, DC: Author.

Richardson, L. (1990). *Writing strategies*. Newbury Park, CA: Sage.

Van Maanen, J. (1988). *Tales of the field*. Chicago: Chicago University Press.

Wolcott, H.F. (1990). *Writing up qualitative research*. Newbury Park, CA: Sage.

Интервью об оценках

Следующее описание эмоциональных тягот основано на моих слегка преувеличенных переживаниях, имевших место при исследовании роли оценок в обучении с помощью интервью в старших классах датских школ; примеры из этого исследования использованы на протяжении всего текста этой книги. Общий взгляд, представленный ниже, иллюстрирует семь этапов исследовательского интервью. Затем я вернусь к более общим вопросам этапов выбора темы и планирования.

1. *Выбор темы*. Выбор темы связан с концептуальным прояснением и теоретическим анализом исследуемой темы и формулированием вопросов исследования. Исследование оценок, проводившееся в 1978 году, было начато в результате общественных дебатов относительно влияния оценок на обучение в связи с новой политикой ограничения поступления в колледж на основе среднего балла аттестата в старших классах школы (Kvale, 1980). Были сформулированы гипотезы об оценках. Первая: оценки влияют на

процесс обучения и социальную ситуацию, в которой происходит учение; вторая: доминирование влияния оценок будет возрастать при введении ограничения возможности поступления в колледж на основе среднего балла.

Хотя эти гипотезы трудно назвать новыми — они были сформулированы на основе здравого смысла и данных литературы об оценках в других странах, — они бурно обсуждались в Дании. Я включился в газетную дискуссию с министром образования Дании, который настаивал на том, что от ограничения поступления в университеты на основе среднего балла не будет толку ни в социальном смысле, ни в смысле образования. Цель опроса была — проверить эти гипотезы, что предполагало также исследование основных аспектов воздействия оценок на учеников. Третья гипотеза состояла в предположении об инструментализации обучения через оценивание: учение ради оценок в школе готовит учеников к работе ради зарплаты во взрослой жизни.

2. Планирование. Так как влияние оценок — тема достаточно противоречивая, следовало с самого начала исследования специально позаботиться о методологически правильном планировании и контроле. В качестве одного из способов изучения влияния оценок опрашивались 30 учеников старших классов; предметом интервью были их переживания, связанные с оценками. Это количество опрошенных — компромисс между желанием получить репрезентативную выборку и фондами, отпущенными на исследование. Для того чтобы снизить влияние возможных специфических условий обучения в конкретной школе, интервью брали у учеников трех разных школ, подростков одного возраста, выбранных из списков учащихся в алфавитном порядке. Были проведены интервью с шестью учителями — чтобы иметь альтернативный взгляд на влияние оценок. Для снижения воздействия на результаты конкретного интервьюера, 30 учеников были распределены между четырьмя исследователями — тремя ассистирующими студентами и мной.

Оставшиеся пять этапов исследования подробно рассматриваются в следующих главах, поэтому здесь я охарактеризую их очень кратко.

- *Этап 3. Интервьюирование.* Для индивидуальных интервью, каждое из которых длилось около 45 минут, была разработана детальная схема, каждое интервью записывалось.
- *Этап 4. Расшифровка.* Все 36 интервью — с учениками и учителями — были расшифрованы, что вылилось в 1000 страниц текста.
- *Этап 5. Анализ.* 30 интервью с учениками были распределены по категориям в соответствии с разными формами поведения при оце-

нивании. Интервью и с учениками, и с учителями были также подвргнуты широкой качественной интерпретации.

- *Этап 6. Верификация.* Надежность и валидность проверялись на протяжении всего проекта, включая надежность интервьюеров и счетчиков, а также валидность интерпретаций.
- *Этап 7. Написание отчета.* Результаты исследования составили книгу «Игра оценок в старших классах»* (Kvale, 1980). Тематические и методические аспекты исследования изложены также в более поздних статьях в профессиональных журналах.

В действительности исследование проходило не так четко, как здесь описано. Расшифровка и анализ 36 интервью, проведенных в январе, заняли значительно больше времени, чем планировалось. Предварительные результаты и отчет, которые мы, прежде чем брать интервью, обещали показать ученикам и учителям, были готовы только к июню. Большинство учеников к этому времени были слишком заняты сдачей экзаменов, чтобы интересоваться обсуждением исследования о влиянии оценок.

Интервью и опросники. Позднее два студента-психолога использовали интервью как основу для создания опросника об оценках (Hvolbo, Kristensen, 1983). Они включили высказывания из интервью в свой опросник и попросили еще одну группу учеников обозначить степень своего согласия или несогласия с этими высказываниями. Опросник включал более 150 вопросов и был предложен более чем 200 ученикам из шести школ по всей стране. Цель состояла в получении репрезентативных обобщенных данных. Результаты анализировались с помощью компьютерных программ, составленных заранее.

Эти двое студентов были настолько уверены, что анализ будет сделан очень быстро, что представили свои данные на конференции по обучению в скандинавских странах, проходившую в Финляндии через две недели после того, как планировалось предъявить последний опросник. К моменту выступления на конференции они действительно уже имели основные результаты обработки опросников (включая статистический анализ корреляций и коэффициенты значимости) с таблицами и графиками. По сравнению с этими данными, нечего и говорить о предсказуемости и скорости анализа и написания отчета для качественного исследования с помощью интервью. Вероятность задержек и потерь при использовании стандартизо-

---

* В оригинале на датском языке — «Spillet om karakterer i gymnasiet».

ванных структур и техник для построения опросников и количественного анализа существенно ниже, чем при использовании неструктурированного интервью.

Одним из включенных в опросник высказываний было взятое из интервью утверждение о существовании связи между говорливостью и оценками. Это утверждение цитировалось выше (глава 1, «Беседа как исследование»). Высказывание, приведенное в таблице 5.1, было разбито на два пункта опросника. В таблице 5.1 приведены данные о проценте учеников, согласившихся с этими двумя пунктами (239 человек). Получается, что большинство учеников согласны с первой частью высказывания — что оценка отражает, много ли говорит человек при ответе, — и не согласны со второй частью высказывания — будто оценка отражает то, насколько ты согласен с мнением учителя.

Этот пример демонстрирует и силу и слабость обоих методов. Интервью выявило интересные убеждения относительно того, какое поведение ведет к хорошей оценке, в то время как использование опросника позволило установить, насколько распространенным является данное убеждение в

Таблица 5.1

От утверждения интервью к пунктам опросника

Высказывание, взятое из интервью

Ученик: Оценки часто несправедливы, потому что очень часто — очень часто — они измеряют только то, как много ты говоришь и насколько ты согласен с мнением учителя

Показатели частоты выборов в % от 239 человек

<i>Пункты опросника</i>	<i>Полностью согласен</i>	<i>Согласен</i>	<i>Не согласен</i>	<i>Полностью не согласен</i>
Оценки часто являются выражением того, насколько много ты говоришь в классе	20	62	15	3
Оценки часто являются выражением того, насколько ты согласен с мнением учителя	4	20	57	19

массе учеников. Опросник не воспроизводил высказывания ученика, но интервьюер может уточнить силу соответствующих убеждений и получить конкретные примеры, подкрепляющие эти утверждения (см. контекст этого высказывания в главе 1, «Беседа как исследование»).

В ретроспективе видно, что исследование влияния оценок с помощью интервью могло бы принести еще больше ценных знаний, если бы число интервью было меньше, но их делали бы более долгими, более интенсивными. Опросник, созданный на основе интервью, можно было бы использовать для проверки степени распространенности феноменов, обнаруженных в ходе интервью, а меньшее количество качественных интервью можно было бы подвергнуть более детальной интерпретации.

Выбор темы

Ключевыми вопросами планирования исследовательского интервью являются вопросы «что?», «зачем?» и «как?».

- *Что:* сбор предварительной информации о предмете исследования.
- *Зачем:* уточнение цели исследования.
- *Как:* обзор данных о различных техниках проведения интервью и способах анализа, и принятие решения о том, какие именно из них применить, чтобы получить искомые знания.

Слово *метод* изначально имеет значение «путь к цели». Чтобы найти или указать путь к цели, необходимо знать саму цель. При планировании проекта исследовательского интервью необходимо знать содержание и цели исследования, чтобы принимать осознанные решения относительно использования того или иного метода на разных этапах исследования. Консультации по проекту исследовательского интервью иногда принимают форму изучающего «контр-интервью». Консультанту сначала нужно уяснить, тщательно расспрашивая исследователя, какова тема исследования и основные вопросы, которые предполагается изучить в процессе исследовательского интервью, и лишь затем можно обратиться к специальным вопросам использования методов. Существует стандартный ответ на вопрос о планировании качественного интервью: «Все зависит от темы и цели исследования». Для того чтобы осмысленно ставить вопрос «как?», прежде должны быть получены ответы на вопросы «что?» и «зачем?».

СОДЕРЖАНИЕ

Нынешние исследования с помощью интервью часто начинаются без теоретического осмысления темы исследования и даже без обзора литературы по вопросу. Одно из определений науки гласит, что наука есть систематическое продуцирование новых знаний (глава 4, «Научный статус интервью»). Как исследователю, так и читателю очень трудно определить, являются ли знания, полученные в ходе интервью, новыми, а следовательно, и определить научное значение исследования, если никак не представлены уже существующие знания по теме исследования. Теоретическая наивность, объединяющая многие прикладные проекты исследований с помощью интервью, не обязательно присуща качественным исследованиям. Вклад З. Фрейда и других психотерапевтов в теорию свидетельствует о высоком потенциале теории, основанной на качественном интервью.

Значительная часть любого проекта интервьюирования должна быть проработана прежде, чем включится магнитофон, записывающий первую беседу. На этом этапе строится концепция и теоретическое понимание исследуемого феномена, создается база для пополнения и интеграции знаний. Понимание содержания темы исследования — «Что?» — затем будет влиять на «Как?», на множество решений, которые нужно принимать относительно методов. Знание феномена необходимо, чтобы иметь возможность ставить значимые вопросы, касаются ли они сущности красоты, истины или блага, как в сократическом диалоге, тактики гроссмейстера в чемпионате или течений рок-музыки в интервью с подростками.

Близкое знакомство с содержанием исследования достигается не только знакомством с литературой и теорией. Немного повращавшись в среде, где будет проводиться интервью, можно вникнуть в особенности конкретного языка, в повседневные проблемы, в распределение власти и таким образом обрести ощущение того, о чем будут говорить интервьюируемые. Для антропологических исследований это особенно важно — знание иной культуры необходимо для постановки вопросов.

Одна из причин проведения полевых исследований состоит в необходимости проверить, насколько абстрактны самые конкретные из ваших концепций и вопросов, придуманных дома, в библиотеке. Когда я впервые приехал в Бразилию, то проехал 2000 миль на север центральной части страны и остановился в маленьком городке, так как слышал, что там до сих пор живут индейцы. Помню ощущение невероятного возбуждения: я бросился на улицу, метался по городу до тех пор, пока не нашел эту группу индейцев, подошел

прямо к ним — и не знал, что сказать. Я хотел спросить: «У вас есть система поговин? (специальный тип родственных отношений)». И это было бессмысленно. Фактически, чтобы найти способ задать вопрос о том, есть ли у этих людей система поговин, понадобилось четыре месяца (см. *Lave, Kvale, 1995. P. 221*).

Влияние теоретической концепции содержания на выбор методов можно продемонстрировать на примере воображаемого интервью с учеником относительно *смысла насмешек*. Разные теории будут приводить к тому, что акценты будут расставлены по-разному — на таких феноменах, как чувства, опыт, поведение, — а также будет рассматриваться разное время — прошлое, настоящее или будущее. Скажем, школьный психолог интервьюирует ученика, на которого жалуется учитель, — он постоянно дразнит других и таким образом нарушает работу класса. Интервью может проходить в роджерсианской клиент-центрированной манере, в психоаналитической фрейдистской, в подходе модификации поведения Скиннера.

В роджерсианском подходе вопросы будут касаться того, что переживает и чувствует ученик, когда дразнит других; будут также предприняты попытки через вопросы детализировать и дифференцировать смысл этих переживаний, чтобы помочь ученику выразить свои чувства. Во фрейдистском подходе вопросы будут направлены на межличностную эмоциональную динамику ученика и его семейную ситуацию. С этой точки зрения будут адекватными вопросы, проясняющие, связаны ли между собой насмешки в школе и похожие эпизоды в семье и в соперничестве с братьями и сестрами. При скиннеровском подходе важной будет информация о том, что усиливает данное поведение; то есть, что случается после того, как он дразнит других. Реакции других на поведение существенно усиливают социальное научение, и вопросы будут направлены на то, чтобы выяснить реакцию других учеников и учителя на насмешки, короче: «Каковы непосредственные последствия насмешек?».

Задавая в ходе интервью разные вопросы, можно получить информацию, необходимую для интерпретации смысла насмешек в контексте разных теорий. Три подхода, упрощенно представленные здесь, будут фокусироваться соответственно на актуальных чувствах и переживаниях, на истории семьи и эмоциональной динамике, на будущих поведенческих следствиях. Эти теоретические подходы освещают разные аспекты значения насмешек. Если теория не вводится вплоть до стадии анализа (то есть «подключается» уже после проведения интервью), то можно упустить информацию, соответствующую теоретической интерпретации.

Цель

Выбор темы исследовательского интервью предполагает также и прояснение цели исследования — вопрос «зачем?». Мы обсудим некоторые общие цели исследований. Реализация различных целей иллюстрируется конкретными примерами планирования.

Интервью может быть направлено на обобщенное знакомство с проблемой либо на проверку гипотез. *Ознакомительное* интервью отличается открытостью и очень малой структурированностью. В этом случае интервьюер берет проблему, область, которую следует очертить, или комплекс проблем, нуждающихся в исследовании (как в интервью по поводу опыта научения, представленном А. Джорджи). Интервьюер следует за ответами исследуемого, ищет новую информацию по теме или новый угол зрения. Интервью по *проверке гипотез* более структурировано. Оно может принимать форму сравнения интервью разных групп (например, проверить гипотезу о том, что мальчики больше конкурируют за оценки, воспринимают оценки как конкуренцию). При исследовании групповых различий лучше всего стандартизировать словесные формулировки и последовательность вопросов, чтобы группы можно было сравнивать. Проверка гипотез может реализовываться и в единичном интервью, если вопросы интервью направлены, к примеру, на проверку гипотезы о структурном сходстве учения ради оценок и работы ради денег.

Основная цель интервью может быть как эмпирической, так и теоретической. Скажем, исследование планируется для сбора *эмпирической* информации о влиянии оценок, или исследование планируется для проверки реализации *теории* или для создания на основе наблюдений и интервью эмпирически обоснованной теории — такой, как, например, развернутый теоретический подход Б. Глазера и Э. Страусса (*Glaser, Strauss, 1967*).

Существует гораздо больше форм специфического использования интервью. Интервью часто используются для *изучения случаев*. Цель при этом может состоять в сборе информации о конкретном человеке или организации или в использовании данного случая для иллюстрации более общего феномена. Интервью может служить еще и *вспомогательным методом* в комплексе с другими методами. В исследованиях со включенным наблюдением и в этнографических исследованиях более или менее неформальное интервью является важным источником информации. При создании опросников для очерчивания основных аспектов проблемы и проверки пунктов опросника могут быть использованы пилотажные интервью. В постэкспериментальных интервью исследуемых спрашивают о том, как они поняли замысел эксперимента. Интервью могут быть использованы и как вспомо-

гательный материал для других исследований. Для теоретического анализа оценок можно было бы взять интервью об оценках у учеников и учителей, прослушать записи — это дало бы возможность создать теорию. В этом случае интервью само по себе не является предметом методологического анализа, но служит вспомогательным материалом для теоретической работы и для иллюстраций обсуждаемого явления.

Планирование

За первым этапом выбора темы исследовательского интервью (этап прояснения его содержания и цели) следует второй этап — планирование, предполагающий общее планирование и подготовку методических процедур, направленных на получение искомых знаний. Процедуры планирования на последующих этапах интервьюирования — этапах расшифровки, анализа, верификации и написания отчета — подробно рассматриваются в следующих главах. В этом разделе я обращаю внимание на временное измерение всего процесса проведения интервью — от момента выбора темы до написания финального отчета. Кроме того, обсуждаю некоторые общие аспекты планирования, такие как тип интервью, количество интервьюируемых, доступные для исследования ресурсы, а также проекты, где не стоит использовать интервью.

ВРЕМЕННОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Временное измерение исследовательского проекта нужно держать в голове с момента первичного выбора темы и до момента написания окончательного отчета, принимая во внимание взаимозависимость всех семи этапов. Финальный отчет должен быть предусмотрен с самого начала, а некоторые задачи анализа и верификации стоит выполнять заранее, на более ранних стадиях проекта. Следует также учитывать последствия того, что сам интервьюер в процессе интервьюирования становится мудрее.

Общее видение. Ключевой момент — выработка общего видения исследования еще до начала интервьюирования. Когда мы используем более стандартизованные методы (такие как эксперимент, опросник или тест), сама структура инструментария подразумевает заранее выбранный способ проведения исследования. Методологические альтернативы в этом случае встроены в сам инструментарий, например, в виде альтернативных ответов опросника, компьютерной программы статистической обработки и пред-

ставления численных данных. Однако в открытом и нестандартизованном исследовании с помощью интервью методические альтернативы могут обнаружиться уже в процессе исследования, зачастую тогда, когда слишком поздно принимать решения, более адекватные содержанию и цели исследования.

Взаимозависимость. Существует сильная взаимосвязь методов, выбираемых на разных этапах. Решение, принятое на одном из этапов, имеет определенные последствия, которые как создают, так и ограничивают альтернативы, доступные на следующем этапе. Например, распространение выводов исследовательского интервью на более широкую выборку требует, чтобы определенные критерии, относящиеся к размеру выборки и ее репрезентативности, были выполнены уже на стадии планирования. Если предполагается лингвистический анализ интервью, это будет невозможно или потребует слишком много времени для перешифровки, если интервью при переводе из устной формы в письменную были отредактированы на «правильном» английском.

Принимать во внимание конечный результат. С начала исследований держите в голове конечный пункт. Какова цель исследования и какой конечный продукт предусмотрен? Будут ли опубликованы результаты исследования? В короткой статье? В книге? Представлены только научной аудитории или широкой общественности? Ответы на эти вопросы могут послужить путеводной нитью на всех этапах проведения исследования, помогая принимать обоснованные решения и не упускать из виду цель. Природа финального отчета является решающим фактором для принятия решений на ранних этапах, в таких, например, вопросах, как: информирование интервьюируемых о том, как будут использоваться полученные интервью; получение у них письменного согласия на неограниченное цитирование их ответов; трактовка любых противоречий или конфликтов, которые могут возникать на протяжении интервью. Насколько субъективными и критичными могут быть интерпретации сказанного интервьюируемым, напечатанные в опубликованном отчете?

Стремиться вперед. Старайтесь сделать большую часть работы поздних этапов заранее. Хотя проблемы исследовательского проекта имеют тенденцию проступать на поверхность на поздних этапах, чаще всего истоки их кроются в ранних этапах проекта. Решение подобных проблем улучшает качество полученных интервью. Так, прояснение смысла выражений, используемых в интервью, облегчит дальнейший анализ; контрольные во-

просы, заданные во время интервью, упростят валидизацию. Повышение качества интервью — это не просто результат лучшей техники интервью или лучшего планирования; оно подразумевает также рефлексию темы и цели опроса с самого начала.

Становиться мудрее. По мере того, как разворачивается исследование, интервьюер учится: разговоры с респондентами могут расширять и изменять понимание исследователем изучаемого феномена. Респонденты вносят новые, неожиданные аспекты рассмотрения феномена; в процессе анализа и расшифровки интервью могут быть обнаружены новые отличительные особенности. Одна из основных целей исследования — открытие новых измерений изучаемого предмета. Однако в исследованиях, ориентированных на проверку гипотез, значительные новые открытия в процессе исследования могут создать интервьюеру проблемы. Новые стороны феномена могут быть обнаружены в середине серии интервью, например, проявятся различия в учебной мотивации среди учеников обычных и экспериментальных школ. Возникает дилемма: усовершенствовать схему интервью, включая в нее новые измерения, и тогда не иметь сравнимых групп, или воздержаться от изучения нового аспекта, открытого в процессе исследования. Не существует иного решения проблемы, состоящей в том, что становясь мудрее, ты угрожаешь нарушить стандартизованные условия эксперимента, кроме как максимально ясно представлять себе главную цель исследования с самого начала.

ФОРМЫ ИНТЕРВЬЮ

Существует множество форм и предметов интервью, которые требуют разных подходов. Здесь будут коротко упомянуты лишь некоторые. Индивидуальное интервью видоизменяется в соответствии с содержанием. Например, интервью может быть направлено на сбор фактов, или мнений и отношений, или повествований и жизненных историй (см. *Flick et. al.*, 1991). Можно считать интервьюируемых информантами, у которых мы получаем материал для устной истории (Yow, 1994). В настоящее время часто проводятся групповые интервью с фокус-группами, они используются в маркетинговых исследованиях. Взаимодействие между респондентами часто ведет к возникновению спонтанных и эмоциональных высказываний по поводу обсуждаемой темы. Однако групповое взаимодействие снижает контроль интервьюера над ситуацией интервью, и ценой этого может стать относительно хаотичный сбор данных, при котором трудно систематичес-

ки анализировать перебивающие друг друга голоса (см. *Morgan*, 1998). Разные группы респондентов требуют разного подхода. Например, интервью с представителями элиты предполагают проблемы доступа к ним и обычно требуют от интервьюера хорошего знания темы интервью, чтобы поддерживать беседу на должном уровне (см. *Hertz, Imber*, 1995).

СКОЛЬКО РЕСПОНДЕНТОВ МНЕ НУЖНО?

На обычный вопрос: «Сколько мне нужно респондентов?» — есть простой ответ: «Столько, сколько нужно, чтобы узнать то, что вы хотите знать».

Количество необходимых респондентов зависит от цели исследования. В исследованиях, проводимых с помощью качественных интервью, количество респондентов бывает или слишком маленькими, или слишком большим. Если количество респондентов слишком мало, то нет возможности получить статистические закономерности или проверить гипотезы относительно различия между группами. Если респондентов слишком много, то невозможно сделать глубокие и подробные интерпретации интервью. Если цель состоит в предсказании результатов национальных выборов, то обычно требуется выборка в 1000 человек, так что вопрос о качественных интервью просто не стоит. Если цель состоит в том, чтобы понять мир, переживаемый конкретным человеком, то достаточно этого одного человека.

Если цель состоит в том, чтобы проверить гипотезу о том, что девочки и мальчики по-разному относятся к соревнованию за оценки, то для использования коэффициента значимости Фишера необходимая выборка может быть маленькой — три мальчика и три девочки. В зависимости от распределения результатов значимость различий между двумя группами может быть проверена статистически на уровне $p < 0,05$ (*Siegel*, 1956). Однако если исследование направлено на исследование и подробное описание отношения мальчиков и девочек к оценкам, то должны проводиться новые и новые интервью, вплоть до точки насыщения, когда последующие интервью дают мало новой информации. В современных исследованиях с помощью интервью количество респондентов обычно находится в пределах 15 ± 10 . Видимо, это количество объясняется удачным сочетанием времени и ресурсов, которые имеются в распоряжении, и действием закона минимизации повторов.

Как правило, исследовательское интервью критикуют за то, что полученные результаты не переносимы на другие выборки из-за небольшого количества респондентов. В истории психологии есть парадоксальный от-

вет на это: если поставлена цель получить обобщенное знание, то нужно сосредоточиться на интенсивном изучении отдельных случаев. Одним из примеров является вклад изучения Фрейдом индивидуальных случаев в общие знания по психологии личности и психопатологии. Гораздо меньше внимания обращают на тот факт, что пионерское исследование в естественнонаучной психологии — экспериментально-статистическое исследование запоминания и забывания бессмысленных слогов Г. Эббингауза — было исследованием всего одного случая — его самого. Новаторское исследование когнитивного развития детей Ж. Пиаже начиналось с психоаналитически ориентированных интервью с его собственными детьми. Радикальный бихевиорист Б.Ф. Скиннер в работе «История случая в научном методе» (Skinner, 1961) возражал против частого использования больших выборок и статистики в психологии: статистические средние являются оправданием для тех исследователей, которые недостаточно потрудились над нахождением специфических способов подкрепления программ, контролирующих исследуемое поведение.

Принимая во внимание различия между исследованиями первопроходцев, упомянутыми выше, можно предложить две причины того, что важные знания, полученные от немногих респондентов, оказывается, можно затем распространить на более широкие группы. В количественном отношении каждый случай содержит огромное количество отдельных наблюдений. В качественном отношении сосредоточение на единичном случае дает возможность детально исследовать взаимоотношения между индивидом и ситуацией. Конкретные виды этих отношений могут варьировать от переноса в психоаналитической терапии до программ подкрепления в обучении. Их объединяет то, что посредством интенсивного изучения случая происходит выработка последовательных повторяющихся паттернов.

ДОСТУПНЫЕ РЕСУРСЫ

Время и деньги. Количество ресурсов, необходимых для исследовательского интервью, можно легко подсчитать на этапе планирования. Для этого нужно задать себе вопросы типа: «Каким временем располагает исследователь для проведения исследования?»; «Сколько денег отпущено на вспомогательные работы — например, для распечатывания расшифровок интервью?». Само по себе проведение интервью обычно не занимает много времени, гораздо больше времени и денег уходит на расшифровку. Последующий анализ расшифрованных интервью, как правило, занимает большую часть всего времени исследования.

Качество, а не количество. При взгляде на современные исследования с помощью интервью складывается впечатление, что большинство из них значительно выиграло бы, если бы было проведено меньше интервью, но больше времени было отведено на их подготовку и анализ. Возможно, это защитное гиперреагирование — некоторые качественные исследования с помощью интервью, похоже, планировались в соответствии с количественным принципом: чем больше интервью, тем больше научности. Предлагаемый здесь подход, напротив, делает упор не на количестве интервью, а на их качестве.

Экспертиза. Хорошее интервью требует компетентности — как в предмете обсуждения, так и в человеческих отношениях. Если для проведения интервью нанимаются помощники, то этим новичкам может потребоваться интенсивное обучение, чтобы они смогли проводить интервью на хорошем уровне. К примеру, специфические формы анализа лингвистических аспектов интервью требуют специальной подготовки.

КОГДА НЕ НУЖНО ИНТЕРВЬЮ

В современных социальных исследованиях встречается неоправданное применение интервью, а также использование его для решения задач, которые лучше решать, используя другие методы. Иногда кажется, что основной причиной использования качественного интервью было желание убежать от статистики. При планировании исследования с помощью интервью полезно поразмыслить, нет ли других методов, которые лучше подошли бы для исследуемой темы и целей исследования. Ч. Маршалл и Г. Россман (*Marshall, Rossman, 1995*) предлагают очень четкий обзор различных методов проведения качественного исследования, соответствующих разным темам и целям.

Здесь, может быть, уместно упоминание некоторых тем и целей, для исследования которых качественное интервью не очень подходит. Если целью исследования является предсказание массового поведения (например, предсказание итогов голосования), то необходимо опросить гораздо больше респондентов, чем это можно сделать с помощью занимающего большое время качественного интервью. В таких случаях подходящим методом является опросник с кодированными ответами. То же самое касается проекта, который нужно провести за короткое время: так как опрос обычно проводится быстрее, анализ результатов и написание отчета занимают меньше время, чем исследование с помощью интервью.

Если вы хотите изучать поведение людей и их взаимоотношения с окружающими, то наблюдения в полевых условиях, как правило, дают более валидные знания, чем просто расспрашивание людей об их поведении. Если же тема исследования касается скорее скрытых смыслов и понимания без слов (например, того, что считается само собой разумеющимся в данной группе или культуре), то наиболее валидную информацию могут дать полевые исследования со включенным наблюдением, дополненные неформальными интервью.

Если целью исследования является получение более глубоких знаний о личности, с акцентом на эмоциональные личностные конфликты, то такие знания лучше всего достигаются на основе доверия, появляющегося при тесном личностном взаимодействии в длительном эмоциональном процессе терапии. Необходимой частью терапии является вызов установившемуся образу *Я* личности и провоцирование сильных чувств в этом процессе, как это было в сессии, представленной К. Роджерсом (глава 2, «Терапевтическое интервью о ненависти»). Вызывать настолько сильную эмоциональную динамику просто в исследовательских целях было бы незачем.

Одна из задач этой книги — *предостеречь* некоторых читателей от использования исследовательского интервью, показав, что другие методы могут быть более подходящими для предмета и целей их исследования. Говоря это, не следует забывать, что интервью особенно подходит для изучения того, как люди понимают смыслы в своем жизненном мире, описания их переживаний и прояснения и детализации их взглядов на жизненный мир.

От метода к мастерству

Глава 4, посвященная качественным исследованиям, завершалась описанием дилеммы терапевтического исследования: необходимо пройти по узкому проливу между Харибдой — чудовищем «отсутствия метода» и Сциллой — чудовищем «только метода». Представленные принципы планирования исследовательского интервью могут показаться попыткой провести интервью в опасной близости от чудовища «только метода». Систематическое планирование (если вспомнить метафору, приведенную во введении) навеивает, скорее, образ горного инженера, а не беседующего путешественника.

Чтобы довести качественное интервью до уровня исследования, необходимо выйти за рамки дихотомии «отсутствие метода» — «только метод». Я опишу подход мастера, который обходит это противопоставление жесткого формализма и наивной спонтанности. Мастерство в данном случае

предполагает сдвиг от метода к личности исследователя, связь науки с искусством, переход от навыков новичка к умениям эксперта и обучение мастерству исследователя через ученичество.

Интервьюирование — это ремесло: оно не следует постоянным, не зависящим от содержания и контекста правилам, но полагается на суждения квалифицированного исследователя. Интервьюер сам есть инструмент как терапевтического, так и исследовательского интервью. Результат интервью зависит от знаний, сензитивности и эмпатии интервьюера. Можно снова упомянуть об этом в связи с массовыми опросами и терапией: поскольку существуют ясные стандартные правила проведения опросов, начинающие интервьюеры могут выучить их во всей полноте в течение нескольких часов или дней. Напротив, квалификация в проведении открытого психоаналитического интервью требует академической подготовки, занимающей годы, и нескольких лет личного психоанализа.

Если личность исследователя, проводящего качественное интервью, рассмотреть с точки зрения методологии, то обнаружится, что желателен широкий спектр умений. При обсуждении валидности качественных исследований М. Салнер (*Salner*, 1989) предлагает список требований к исследователю в гуманитарных науках: знакомство с философским анализом, понимание развития рациональной мысли в западной культуре, критический взгляд на общество, обученность формальному анализу обыденного языка, искусственность в использовании разнообразных исследовательских методов, осознание этических аспектов человекознания и эстетическое чувство.

Акцент на решающей роли личности исследователя не подразумевает пренебрежения техникой и знаниями. Для художника владение различными техниками живописи маслом, акварелью, мастерство графика, так же как и знание законов перспективы и цвета, являются предпосылками овладения искусством рисования. Собственно искусство, конечно же, не является продуктом простого следования правилам, основным инструментом остается сам художник, с его чувствительностью и творчеством. Искусство — это тот жанр, которым может вдохновляться интервью. И. Эйсер (*Eisner*, 1991; 1993) рассмотрел практику обучения и исследований с точки зрения художника. Он указал, что такие качества, как чувствительность знатока к качественным отличиям и способность критика передавать новые взгляды и оценивать качество произведения искусства, столь же желательны для исследователя в области образования.

Х. Дрейфус и С. Дрейфус (*Dreyfus, Dreyfus*, 1986) предлагают модель обучения навыкам с временным разрешением дилеммы: обучение на основе эксплицитных правил — обучение на основе интуиции. Дорога к мастерству ведет от основанного на правилах «знания что» к основанному на опы-

те «знанию как». Если в качестве примера взять формирование у взрослых людей навыков вождения, игры в шахматы, постановки медицинского диагноза и умения ухаживать за больными, то можно выделить в процессе обучения и приобретения опыта пять качественно различающихся этапов приобретения умений: новичок, продвинутый начинающий, компетентный, профессионал и эксперт. Заметна эволюция от аналитического поведения неуклюжего субъекта, от обучения новичка посредством усвоения универсальных элементов и комбинирования фактов согласно универсальным правилам к эмоциональному интуитивному умелому поведению. Эксперт «видит» или «чувствует» решения, полагаясь на интуитивные знания, полученные путем обобщения широкого опыта отдельных случаев.

Модель обучения мастерству «новичок—эксперт», в которой обучение представлено как развитие от следования эксплицитным правилам до интуитивного мастерства, не является единственным способом формирования умелого поведения. Научение посредством ученичества обычно достаточно неформально и предполагает лишь малую часть вербального поведения, основанного на правилах, — и на уровне новичка, и на уровне эксперта. Новички участвуют в практике сообщества, учатся «из первых рук», наблюдая и подражая действиям экспертов, и постепенно овладевают мастерством (*Lave, Wenger, 1991*).

Отношенческие, имплицитные и прагматические аспекты профессиональных знаний, включая исследование, довольно трудно представить вербально в форме эксплицитных правил. Д. Элтейд и Дж. Джонсон (*Altheide, Jonson, 1994*) обращались к следствиям имплицитных знаний, оценивая валидность интерпретации в качественных исследованиях. Они указывали на коммуникативные ошибки, возникающие при переводе имплицитных знаний в логику более общеупотребительных текстуальных форм коммуникации. Важные аспекты терапевтического знания лучше всего передаются на примерах, через описания случаев, в рассказах и метафорах, а потом проверяются на практике (*Polkinghorne, 1992*). Такие формы передачи знания скорее ближе мастерству и искусству, чем формально-бюрократическим моделям планирования исследования, и лучше всего передаются через участие в совместной практике. Сегодня все более признанными являются не прямые, связанные с конкретным контекстом формы передачи знаний посредством такой практики, как наставничество и ученичество, причем не только в ремеслах, но и в сложных профессиях, включая научные исследования (*Kvale, 1993 a; Mishler, 1990*).

Формальное ученичество, при котором студенты обучаются интервьюированию в исследовательских коллективах, взаимодействуя с мастерами этого дела, доступно не всем. Когда единственной возможностью является

самостоятельное обучение, иметь руководство лучше, чем не иметь ничего. В этой книге оговорены практические принципы проведения исследовательского интервью, приведены случаи и примеры использования обсуждаемых методов, даны примеры нарушения правил, которые столь же многочисленны, как исключения в немецкой грамматике. Владение интервьюированием основано не столько на определенных правилах метода, сколько на примерах использования метода. Цель — достичь такой степени понимания технического оснащения, при которой профессионал сосредоточивается не на методе, а на задаче, — у М. Хайдеггера в его анализе мастерства плотник сосредоточен не на молотке, а на гвозде и доске.

Приведенные здесь методические этапы и специальные принципы замещают обучение на практике, это подготовительные средства постепенно-го приобретения мастерства в интервьюировании. Однако для того, чтобы счастливо избежать опасности в бурных водах, недостаточно просто управлять кораблем; необходимо еще и подробное знание течений и береговой линии, как и личный опыт плаваний. В опросе с помощью интервью солидное знакомство с темой и контекстом опроса является необходимым условием использования метода интервью на уровне эксперта. В качественном исследовательском интервью метод как следование правилам заменяется у исследователя прекрасным знанием исследуемой темы и владением техниками, которые требуются для проведения интервью.

Вопрос о том, на чем основано исследование — на выполнении правил или на квалифицированных личностных суждениях, касается не только аспекта знания в исследовательском интервью, но и морального аспекта проведения опроса. К этому я обращаюсь в главе 6, рассматривающей этику исследований с помощью интервью.

Глава 6.

Этика проведения исследования с помощью интервью

Проведение интервью — событие, имеющее моральный аспект. Межличностное взаимодействие в ходе интервью влияет на интервьюируемого, а получаемое в процессе интервью знание влияет на наше понимание человеческого бытия. В главе 5 планирование интервью рассматривалось с точки зрения получения знаний о жизненной ситуации человека. Настоящая глава посвящена моральным аспектам применения интервью в опросах.

Вряд ли можно выделить эксплицитные правила или ясные решения этических проблем, возникающих в процессе исследовательского интервью, но можно предложить контекст, на фоне которого исследователь мог бы осмысливать проблемы норм и ценностей. Во-первых, некоторые этические вопросы, возникающие на различных этапах исследовательского проекта, уже обсуждались в связи с этическими принципами осознанного согласия, конфиденциальности и последствий. Соответственно, в качестве более широкого контекста осмысления моральных дилемм, встречающихся в процессе проведения интервью, предлагаются три этические теории: долга, пользы и блага.

Центральная задача общественных наук состоит в расширении знания для улучшения условий существования и укрепления достоинства человека. В преамбуле к этическим принципам Американской психологической ассоциации говорится:

«Психологи уважают достоинство и ценность индивидуума и стремятся к сохранению и защите фундаментальных прав человека. Они обязуются расширять знание о человеческом поведении и понимание людьми самих себя и других людей, а также способствовать использованию этих знаний на благо человека» (American Psychological Association [APA], 1981. P. 633).

Исследования людей должны служить научным интересам и интересам людей: «Решение о том, чтобы начать исследование, опирается на обоснованное суждение отдельного психолога о том, как наилучшим образом способствовать обогащению психологической науки и благу человека» (Там же. P. 637).

Этические проблемы на семи этапах исследования

Принятие решений, касающихся этических вопросов, не является прерогативой какой-либо отдельной стадии исследования с помощью интервью; эти ситуации возникают на протяжении всего исследования. То, что вопросы этики обсуждаются как часть этапа планирования, еще раз указывает на важность принятия во внимание этих вопросов с самого начала исследования вплоть до финального отчета.

Врезка 6.1 дает общее описание этических проблем, которые могут возникать на протяжении семи этапов исследования с помощью интервью. Вопросы, связанные с выбором темы и этапом планирования, обсуждаются в этой главе, а те, что касаются более поздних этапов, рассматриваются в следующих главах.

Этические принципы

ЭТИЧЕСКИЙ КОДЕКС

Предвидя моральные вопросы, возникающие обычно на всех стадиях исследовательского интервью, исследователь может сделать осознанный выбор еще на этапе планирования исследования и обратить внимание на критические или болезненные моменты, которые могут возникнуть во время опроса. Профессиональный этический кодекс исследователей в науках о человеке и философские теории этики служат контекстом для осмысления конкретных этических решений.

Этический кодекс и теории редко дают определенные ответы относительно правильных выборов, которые следует делать в процессе исследования. Они больше похожи на тексты для интерпретации, чем на свод правил, которым должно следовать: они дают схему или принципы, подлежащие оценке, исходя из их пригодности в данной конкретной ситуации. Примеры и описание случаев могут служить помощью в переносе общих принципов в конкретную практику.

Во время подготовки плана всего исследования полезно также сделать набросок *этического протокола*, в котором нашли бы отражение этические проблемы, предвидимые во время исследования. В некоторых случаях это может быть официальное требование; так, в дополнение к исследовательскому протоколу, предоставляемому преподавателям или спонсорам, еще до того, как проект будет принят, может потребоваться «протокол по проблемам человеческих отношений с респондентами» этического комитета (см.

«Принципы защиты людей, участвующих в исследованиях в качестве испытуемых» — *Guidelines...*, 1992). Даже когда формально этого не требуется, подготовленный заранее протокол позволит исследователю принимать во внимание этические и моральные проблемы и помнить о них и во время планирования исследования и при принятии нормативных решений в процессе реализации проекта. Некоторые из вопросов, которые могут быть зафиксированы в этическом протоколе исследовательского интервью, представлены во врезке 6.1.

Врезка 6.1

Этические проблемы семи этапов исследования

Выбор темы. Цель исследовательского интервью, помимо научной ценности добываемого знания, должна оцениваться под углом зрения содействия исследованию улучшению изучаемых в нем сторон человеческого бытия.

Планирование. Этические вопросы планирования включают получение от исследуемого осознанного согласия участвовать в исследовании, обеспечение конфиденциальности и принятие во внимание возможных последствий исследования для данного человека.

Ситуация интервью. На этом этапе необходимо прояснить конфиденциальность ответов исследуемого и принять во внимание такие возможные для него последствия взаимодействия в интервью, как стресс во время самого интервью и изменения в образе Я. Следует учитывать и потенциальную близость исследовательского интервью терапевтическому.

Расшифровка. Здесь снова возникает проблема конфиденциальности и встает вопрос соответствия письменной расшифровки устному высказыванию интервьюируемого.

Анализ. Этические проблемы на этапе анализа включают вопрос о том, насколько глубоко и остро может быть проанализировано интервью, а также имеет ли право голоса интервьюируемый в отношении интерпретации его высказываний.

Верификация. Вопросом моральной ответственности исследователя является публикация данных, верифицированных и защищенных настолько, насколько это возможно.

Написание отчета. При публикации интервью снова возникает проблема конфиденциальности, а также вопрос о последствиях опубликования отчета как для самих интервьюируемых, так и для той группы или организации, которую они представляют.

Кроме принятия проекта этическим комитетом, есть еще возможность проводить постоянные консультации по существенным вопросам с более опытными коллегами-исследователями. Навыки разрешения этических проблем, выработанные конкретным профессиональным сообществом, существенно дополняют этические принципы, правила и примеры, зафиксированные в документах.

Теперь более подробно обсудим три этических принципа проведения гуманитарных исследований: осознанное согласие, конфиденциальность и последствия (см., например, *Eisner, Peshkin, 1990; Kimmel, 1988*).

ОСОЗНАННОЕ СОГЛАСИЕ

Осознанное согласие предполагает информирование респондентов об общих целях исследования и основных пунктах плана, так же как и обо всех возможных потерях и выгодах от участия в исследовании. Осознанное согласие включает также и получение добровольного согласия респондента с сохранением за ним права в любой момент отказаться от участия в исследовании — таким образом создается заслон возможному злоупотреблению властью и принуждению (см. *Moustakas, 1994* и *Yow, 1994* — образцы письменных контрактов с респондентами).

На уровне принципа требование предоставления полной информации для получения от респондентов согласия на участие в исследовании выглядит вполне здраво и обоснованно. Однако на практике реализация принципа осознанного согласия осложняется некоторыми проблемами — такими, как вопрос о том, *кто должен давать согласие*. Вопросы о согласии могут возникать при проведении интервью в организациях, где согласие руководства на проведение исследования может повлечь за собой более или менее выраженное давление на работников, которых заставляют в нем участвовать. Когда в качестве респондентов выступают школьники, то возникает вопрос о том, *кто должен давать согласие на участие* — сами дети, директор школы, попечительский совет школы, учитель или родители?

Осознанное согласие также предполагает вопросы о том, *сколько информации надо предоставлять и когда*. Полная информация о плане и целях исследования исключает обман респондентов. Предоставление информации об исследовании предполагает тщательно выверенный баланс, избегающий крайностей — как пропуска тех аспектов плана, которые могут быть важны для респондентов, так и сверхдетализированной избыточной информации. В некоторых исследованиях с помощью интервью конкретные цели исследования вначале скрываются, чтобы получить естествен-

ный взгляд респондента на тему исследования и избежать навязывания им определенных ответов. В таких случаях после исследования все заблуждения, в которые исследователи ввели респондентов, должны быть рассеяны.

В нашем исследовании об оценках старшеклассников интервьюировали в школе. Директор владел всей информацией о плане и целях исследования воздействия оценок. Ученикам предварительно сказали лишь, что интервью будут касаться школьной ситуации в целом и участие добровольное. Согласие было получено легко, так как учеников на время интервью освобождали от уроков. Решение скрыть информацию о том, что основной целью интервью являются оценки, было принято для того, чтобы понять, насколько заметна роль оценок в повседневной школьной жизни учащихся. Таким образом, первые пять минут вопросы задавались о ситуации в школе в целом, и чем раньше ученик спонтанно упоминал оценки, тем выше был показатель того, что оценки в его жизни играют важную роль. После интервью каждому ученику объясняли цель и основную тему беседы, которые и так уже были ясны из самого течения разговора. Утаивание информации в данном случае посчитали не противоречащим интересам учеников. Намерение в данном случае состояло в том, чтобы получить знание, по возможности незамутненное гипотезами исследователей.

Требование раскрывать всю информацию полностью бывает трудно выполнить, если в процессе реализации проекта из-за появления новых знаний и возникшего нового понимания меняются цели исследования. Некоторые советы по этике могут требовать заранее обосновать каждый вопрос, тогда как полуструктурированное интервью, о котором здесь идет речь, основано на возможности следовать за непредвиденным течением мысли респондента и задавать вопросы, не подготовленные заранее. В книге «Можно ли информировать о качественном исследовании?»* И. Эйзнер утверждает, что понятие осознанного согласия предполагает, что исследователь знает о том, что за событие он будет наблюдать и какие возможные эффекты могут возникнуть, еще до наступления события. Это возможно в тщательно спланированном экспериментальном исследовании, но вряд ли осуществимо в полевых условиях и в исследовательских проектах, где важнейшей составляющей является следование непредвиденным поворотам: «Таким образом, нам всем нравится идея осознанного согласия, но мы не слишком уверены в том, кто должен дать это согласие, до какой степени оно должно быть осознанным и что нам говорить тем, кто должен нам это согласие дать, потому что мы сами не можем сказать, на что, собственно говоря, они должны согласиться» (Eisner, 1991. P. 215).

---

* Eisner E.W. Can Qualitative Studies Be Informed? 1991.

И. Линкольн предложил заменить понятие осознанного согласия понятием диалога, который ведется на всем протяжении исследования и представляет собой «...переговоры с респондентом относительно процесса и результата исследования, в результате чего конечные результаты исследования рождаются в совместном процессе» (Lincoln, 1990. P. 286). Предпосылками непрерывного диалога в качестве подхода к реализации принципа осознанного согласия являются идеалы эгалитаризма и соблюдения взаимных интересов исследователя и исследуемого, которые вряд ли соответствуют множеству современных общественных укладов. Так, в некоторых организациях могут быть совершенно противоположные взгляды на исследуемый феномен, отражающие заинтересованность в сохранении определенных взглядов на природу организации. Диалогический подход предполагает еще и рационализм, который вряд ли совместим с терапевтической ситуацией, в которой основной составляющей процесса является сопротивление пациента интерпретациям терапевта, на преодоление которого могут уйти годы.

КОНФИДЕНЦИАЛЬНОСТЬ

Конфиденциальность в исследовании предполагает, что личные данные, идентифицирующие респондента, не обнаружатся. Если исследование предполагает публикацию потенциально узнаваемой информации, у респондента нужно получить согласие на публикацию узнаваемых данных. В таких случаях это должно быть зафиксировано письменно. Защита неприкосновенности частной жизни респондента посредством изменения имен и различных идентифицирующих деталей является важной частью написания отчета.

В исследовании об оценках учителям и ученикам, дававшим интервью, гарантировали, что их интервью будут использоваться с сохранением конфиденциальности. В книге, посвященной исследованию, было приведено множество цитат из интервью, но любая информация, которая подвергала опасности анонимность учеников, изымалась. Было одно исключение. Решение издавать книгу для широкого читателя впервые было принято в процессе анализа данных через полгода после проведения интервью. Затем я захотел воспроизвести одно интервью полностью, так как оно давало особенно яркое описание влияния оценок на жизнь учеников. В этом случае респондент стал бы узнаваем, и я написал ему, попросив разрешения на публикацию. Однако к этому времени он оставил школу и путешествовал по миру; много месяцев спустя я получил телеграмму из Иерусалима с разрешением опубликовать его интервью.

Сам по себе принцип права респондента на сохранение тайны не лишен этических и научных противоречий. Так, существует вопрос о том, какую информацию делать доступной и кому она должна быть доступной. К примеру, нужно ли показывать родителям и учителям интервью, данные детьми? В исследованиях, затрагивающих интересы нескольких сторон (например, когда интервью берут у супружеских или разведенных пар или проводят исследования в организациях), необходимо заранее, еще до начала интервьюирования, решить, кому будет разрешен доступ к материалам.

Защита конфиденциальности может включать и серьезные юридические проблемы, когда, например, исследователь, пообещав сохранение конфиденциальности и войдя в доверие к респонденту, получает данные о различных злоупотреблениях, насилии, плохом обращении с детьми, употреблении наркотиков или других противозаконных действиях либо самого респондента, либо кого-то другого. Бывали случаи, когда в результате исследования появлялась информация, которая использовалась в судебных процессах, но бывали и случаи, когда исследователи предпочитали идти под суд, но не раскрывать информацию, предоставленную им респондентами. Если перед началом исследования имеются данные, позволяющие предположить, что тема исследования может затронуть конфликты с законом, то в США есть возможность получить сертификат конфиденциальности от федерального правительства, который защищает исследователя от попыток заставить раскрыть личность респондента в судебном порядке (см. *Guidelines*, 1992. P. 6).

Существует конфликт между этическим требованием конфиденциальности и базовыми принципами научного исследования, такими как интерсубъектный контроль и возможность воспроизведения данных другим исследователем. Дж. Смит выразил это так: «Каким образом другие исследователи могут проверить результаты исследования, если неизвестно, кто участвовал в исследовании, где и когда это происходило?» (*Smith*, 1990).

ПОСЛЕДСТВИЯ

Этический принцип *блага* означает, что риск нанесения вреда респонденту должен быть минимальным. Потенциальная польза для респондента и важность получаемых знаний вместе должны перевешивать риск нанесения респонденту вреда и, таким образом, оправдывать решение о проведении исследования (*Guidelines*, 1992. P. 15).

Последствия исследовательского интервью предполагают учет и возможного вреда для респондента, и ожидаемой от участия в исследовании

пользы. Это значит, что на исследователе лежит обязанность осознавать возможные последствия участия в исследовании не только для конкретного человека, но и для организации, которую он представляет.

В идеале должно существовать равновесие между тем, что отдает респондент в исследовании, и тем, что он получает от участия в нем. Иногда в отчетах исследователи в изумлении отмечают, что их респонденты позитивно оценивают свой опыт участия в интервью. Одно только то, что человека достаточно долго слушают, причем слушают благожелательно и внимательно, может сделать интервью уникальным переживанием. Таким образом, интервьюер может предложить респонденту определенную выгоду в виде самого факта его участия в интервью. Интервьюер должен также очень ясно осознавать, что открытость и интимность интервью могут ввести респондента в искушение и заставить его раскрыть информацию, о которой он будет потом сожалеть. Личностная близость в ситуации интервью предъявляет очень строгие требования к интервьюеру: он должен весьма тонко чувствовать, насколько далеко он может зайти со своими вопросами.

На этапе выбора темы в исследовании оценок основная цель была сформулирована как фиксация воздействия оценок на процесс учебы и социальные отношения в школе. Предполагалось, что это воздействие будет расходиться с главными ценностями государственной системы высшего образования в Дании, такими как воспитание независимости, сотрудничества, креативности и создание внутреннего интереса к учению на протяжении всей жизни. Гипотеза состояла в том, что вводимое ограничение на поступление в университет на основе аттестата будет способствовать формированию зависимости, конкуренции, конформизма и негативного отношения к учению. В то время я был уверен, что исследование послужит интересам учеников, зафиксировав воздействие оценок, противоречащее официальным взглядам. Мне казалось, что результаты исследования могут подстегнуть организационные изменения, которые помогут учебе и улучшат социальную обстановку в школе.

Более широкие последствия исследовательских интервью предполагают политические решения относительно желательного использования полученных знаний. В самом начале этой главы было отмечено, что этические принципы Американской психологической ассоциации гласят, что одной из целей психологических исследований является благополучие людей, что приводит нас к политическому вопросу о том, что есть благо человека и общественное благо. Маркетинговые исследования переживаний потребителей проводятся с целью предсказания и манипулирования поведением потребителей в интересах увеличения прибылей производителей (см. глава 4, «Качественные маркетинговые исследования»). Одна из целей

феминистских исследований состоит в том, чтобы бороться с угнетением женщин, следовательно, приоритет отдается политике и морали, а не науке (см. глава 4, «Феминизм и качественные исследования»). Непосредственной целью психотерапии является преодоление страдания пациента, и Ю. Хабермас в своем анализе взаимозависимости знаний и интересов человека назвал психоаналитическую терапию парадигмой принципиальной эмансипации общественных наук (см. глава 3, «Герменевтическая интерпретация»).

РОЛЬ ИССЛЕДОВАТЕЛЯ

Нравственное поведение исследователя — это нечто большее, чем этические знания и разумный выбор; оно затрагивает всю личность исследователя, его чуткость и взятые на себя обязательства решать проблемы и поступать, сообразуясь с моралью: «Очевидно, что для того, чтобы научиться вести себя нравственно, исследователю необходимы и принципы и опыт их практического применения. Но более всего ему нужны две обязательные вещи: чуткость, позволяющая уловить возникновение этической проблемы, и ответственность, которая бы заставляла его чувствовать себя обязанным в таких случаях действовать подобающим образом» (*Eisner, Peshkin, 1990. P. 244*).

Личность исследователя является принципиально важным условием качества научных знаний и обоснованности этических решений в любом исследовательском проекте. При использовании интервьюирования значение личности исследователя еще более возрастает, так как интервьюер сам по себе является основным инструментом получения знаний. Знакомство с проблемами ценностей, этическими принципами и этическими теориями может помочь сделать выбор в тех случаях, когда не научные, а этические вопросы представляют основную трудность. Однако в конце концов решающими факторами являются цельность личности исследователя, его или ее честность и справедливость, знания и опыт.

Можно выделить три этических аспекта роли исследователя: научная добросовестность, отношение к человеку, принимающему участие в исследовании, и независимость исследования. Исследователь как ученый имеет обязательства перед своей профессией, перед людьми, которые принимают участие в проекте, он ответствен за то, что исследовательский проект принесет знания, заслуживающие того, чтобы о них знали, и за то, чтобы знания контролировались и верифицировались настолько, насколько это возможно. Исследователь может играть разную роль в отношении своих респондентов. Ч. Глэсн и Э. Пешкин (*Glesne, Peshkin, 1992*) описа-

ли некоторые роли, которые легко принимаются учеными, проводящими качественные исследования: эксплуататор, реформист, адвокат и друг. Они обсудили этические проблемы каждой из них, например, должен ли исследователь в роли адвоката публиковать информацию, которая может представить его респондента в негативном свете.

Независимость исследования может быть нарушена как «сверху», так и «снизу» — как со стороны спонсоров проекта, так и со стороны его участников. Привязанность к какой-либо из этих групп, все равно к какой, может привести исследователя к игнорированию одних данных и к акцентированию других и, соответственно, к нарушению максимально возможной полноты и непредвзятости исследования данного явления. Интервьюирование — это интерактивное исследование; в результате тесного межличностного взаимодействия с респондентами интервьюер, возможно, будет особенно склонен выступать на их стороне. Интервьюер может столь сильно идентифицироваться с респондентом, что будет не в силах сохранить профессиональную дистанцию и будет все интерпретировать и описывать с точки зрения своего респондента. Существует риск того, что интервьюер может — говоря языком психоанализа — стать жертвой неосознаваемого «контрпереноса» — или, используя выражение антропологов, «стать аборигеном».

ЭТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ НАЧАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Врезка 6.2 содержит некоторые вопросы этического порядка, которые нужно иметь в виду, начиная исследование с помощью интервью. Эти вопросы подводят итог всему обсуждению этапов выбора темы и планирования и обозначают некоторые проблемы следующих этапов, которые будут подняты позже. На эти вопросы нет легких ответов, этические схемы указывают только некоторые принципиальные направления — конкретный материал, необходимый для принятия этических решений, дает обсуждение в исследовательском сообществе. Этические теории задают более широкий контекст для осознания моральных аспектов исследования; некоторые ключевые теории мы обсудим ниже.

Этические теории

С исторической точки зрения научное знание было тесно связано с человеческими ценностями и интересами. Науки, которые сегодня называются «общественными науками», ранее носили имя «моральных наук». В про-

Врезка 6.2

**Этические проблемы на начальном этапе исследования
с помощью интервью**

- Каковы *положительные* последствия исследования?
Как исследование может улучшить жизненную ситуацию людей?
Кто приобретет в первую очередь потенциальные выгоды — человек, который участвует в исследовании? Или его группа? Или потенциальная выгода будет заключаться в получении обобщенного знания, которое повлияет на условия жизни людей?
- Каким образом можно получить от респондентов *осознанное согласие* на участие в исследовании?
Нужно ли получить осознанное согласие устно или следует составить письменный контракт?
Кто должен давать согласие — респонденты или их начальники?
Сколько информации следует давать перед началом исследования и какая информация может подождать до беседы после интервью?
Как поступать с осознанным согласием в тех исследовательских проектах, в которых сам исследователь имеет очень слабое представление о том, как будет проходить интервью?
- Как можно обеспечить респондентам *конфиденциальность*?
Насколько важно сохранение анонимности респондента?
Кто будет иметь доступ к материалам интервью?
Как обеспечить невозможность идентификации респондента?
Можно ли ожидать возникновения юридических проблем, связанных с защитой анонимности респондентов?
- Каковы *последствия* проекта для участвующих в нем людей?
Может ли потенциальный вред для респондентов перевесить потенциальные выгоды?
Будут ли затронуты в интервью терапевтические вопросы, и если будут, то какие предосторожности нужно принять?
Какие последствия для самих респондентов и групп, которые они представляют, может повлечь за собой публикация исследования?
- Какова будет *роль исследователя* в проекте?
Как исследователь может обеспечить научную квалифицированность исследования и защитить его независимость?
Как исследователь может избежать или противостоять давлению сверху — от спонсоров?
Как исследователь может избежать или противостоять чрезмерной идентификации с респондентами и, соответственно, утрате критического взгляда на получаемые знания?

цессе развития современных общественных наук образовалась пропасть между фактами и ценностями, между дескриптивным и нормативным, между тем, что есть, и тем, что должно быть. Эта дихотомия очень заметна в позитивистской философии, с ее очень резким делением на объективную научную и субъективную человеческую стороны исследования. Моральные аспекты исследования, принадлежащие к ценностному полюсу этой дихотомии, отнесли к второстепенным и стали считать проблемой лишь профессиональных этических кодексов и личным делом исследователя.

Пропасть между фактическими знаниями и этическими ценностями сейчас обсуждается как проблема (например, у Хабермаса, в его очерке взаимодействия между человеческими интересами и научными знаниями — см. глава 3, «Герменевтическая интерпретация», а также в феминистских исследованиях — см. глава 4, «Феминизм и качественные исследования»). С утратой веры в идею Просвещения об освобождении посредством знания и веры в прогресс человечества посредством прогресса науки цели и средства научных исследований стали подвергаться тщательному анализу, в котором моральной стороне исследования придается такое же значение, как и научной.

Этические теории обеспечивают нас системой координат для размышлений о конкретных моральных проблемах исследования. Они содержат более широкий контекст осмысления этического выбора, чем частные принципы, выделенные выше. Существуют три глобальные философские этические позиции: принципиальная этика долга, утилитарная этика последствий и нравственная этика умений (см., например, *Eisner, Peshkin, 1990; Kimmel, 1988*).

Принципиальная этика *долга*, еще называемая деонтологической и интенциональной позицией, выносит суждение о поступке независимо от его последствий. Нравственным считается такой поступок, который соответствует принципам — таким, как честность, справедливость и уважение к личности. Этика долга выражена в максимах Канта «Обращайся с любым человеком как с целью, но не как со средством» и «Поступай так, как если бы правила твоих действий могли бы по твоей воле сделаться универсальным законом природы». Эти общие этические принципы могут быть конкретизированы в этических правилах для различных типов исследований. В предельной форме интенциональная позиция может обернуться моральным абсолютизмом, требующим соответствовать абсолютным принципам правильного действия, независимо от того, каковы человеческие последствия поступка.

Утилитарная позиция, также называемая телеологической позицией, делает акцент на последствиях действия: о действии прагматично судят по

тому эффекту, который оно производит. В конечном итоге именно результат действия определяет его правильность. Конечной целью может быть величайшее благо для всех; то есть благо определяется тем, насколько увеличилось счастье, здоровье или знание. В предельной форме утилитарной позиции цель оправдывает средства.

Противоречивость реальных следствий из положений этики долга и утилитарной теории можно прояснить на следующих крайних примерах:

Пациент говорит терапевту по телефону: «Я собираюсь прыгнуть в озеро Сортедамсен и утопиться». Терапевт отвечает: «Что ж, прыгай!».

Пациент несколько дней спустя подает жалобу на терапевта в Этический комитет Датской психологической ассоциации, обвиняя его в подстрекательстве к самоубийству и, тем самым, отсутствии должного уважения к его человеческому достоинству.

Похоже, в данном случае терапевт спонтанно действовал, исходя из утилитарной позиции выживания, и, отвечая пациенту по телефону, использовал парадоксальную технику. Пациент, которому, очевидно, прагматичная интервенция терапевта пошла на пользу, занял позицию долга — принципа абсолютного уважения к своей персоне, который, согласно его жалобе, нарушил терапевт.

И утилитарная этика последствий и интенциональная этика долга порождают вопрос о том, существуют ли универсальные этические принципы, или же все они зависят от ценностей конкретной группы людей.

Третья позиция, идущая от аристотелевых концепций *добродетели* и практического суждения, предполагает этическую позицию, зависящую от контекста. Этическое поведение видится не столько как применение общих принципов и правил, сколько как интернализация исследователем моральных ценностей. Принципиально важна в данном случае личностная целостность исследователя, взаимодействие с изучаемым сообществом и отношение к этическим ценностям этого сообщества. Акцент делается на этической интуиции исследователя, его чувствах и умениях, а также на отношениях между действующими лицами в конкретном сообществе. Учиться этике исследовательского поведения приходится в течение всей жизни, основываясь на нравственных правилах отдельной профессиональной культуры. Набираясь практического опыта, общаясь с более искушенными коллегами по профессии, возможно в форме отношений ученик-учитель, новичок постепенно приобретает чувствительность к контексту и мудрость зрелого этического поведения.

Философии долга, пользы и добродетели делают упор на разных аспектах этического выбора. Эти подходы могут приводить к принятию различ-

ных решений по конкретным вопросам, таким, например, как введение респондентов в заблуждение. Этика интенционального долга будет подчеркивать честность как абсолютный принцип и, таким образом, отвергать любой обман в отношении респондентов в интересах высшего блага. Утилитарная позиция может одобрить обман с точки зрения его позитивных последствий — получения знания и улучшения жизни людей, которые могут быть достигнуты в результате исследования. Позиция контекстуально-блага будет основываться на практических этических умениях исследователя и обосновании им своих поступков, а кроме того, в случае, если возникнет сомнение, — на диалоге с другими людьми из соответствующей группы.

Х. Дрейфус и С. Дрейфус (*Dreyfus, Dreyfus, 1990*) защищают контекстуально-этическую позицию, возможную при феноменологическом рассмотрении развития этической искусственности. Авторы описывают пять ступеней лестницы научения — от новичка до эксперта (см. глава 5, «От метода к мастерству») — и заявляют, что с ростом опытности писанные правила и обоснования становятся фоном для практических умений или привычек. Моральное сознание в повседневной жизни проявляется в бессознательных реакциях на межличностные ситуации, и авторы предполагают, что мы начинаем наше исследование этического опыта на уровне этого спонтанного решения. Высшая форма этического поведения представляет собой способность сохранять включенность наряду с обостренной интуицией. Этический выбор не обязательно остается на уровне индивидуального спонтанного выбора; в случаях разногласий мудрец, принимающий решения, вступит в диалог с теми, кто пришел к иным выводам.

Л. Лёвли в рамках этической концепции блага попытался преодолеть противопоставление эксплицитных и имплицитных умений посредством использования образцов. Образцы могут быть в форме притчи, аллегории, мифа, саги, морализаторской пьесы, истории случая или личного примера. В качестве головоломки для контекстуальной интерпретации берутся фрагменты текста, которые нужно интерпретировать. «Оказывается, что применение морального знания и мудрости подчиняется как рефлексивному суждению, так и следованию правилам и приложению умений» (*Løvlie, 1993. P. 76*).

В следующих двух главах я обращаюсь к получению знания в ситуации интервью и в главе 8, «Этика интервьюирования», вновь вернусь к некоторым поднятым здесь вопросам этики, в частности к последствиям взаимодействия в интервью для интервьюируемого и сходству исследовательского интервью с терапевтическим.

Глава 7.

Ситуация интервью

В интервью знание создается взаимодействием точек зрения интервьюера и интервьюируемого. Интервью с опрашиваемым — самая увлекательная стадия всего исследовательского проекта. Личный контакт и проникновение в жизненный мир собеседника делают интервьюирование восхитительным обогащающим переживанием. Различные формы ведения беседы в интервью обсуждались в главе 2, и там же был описан способ понимания в качественном исследовательском интервью. В этой главе я более детально коснусь некоторых схем и техник проведения интервью и приведу иллюстрации из интервью об оценках.

Беседа в интервью

Цель качественного исследовательского интервью выше была определена как получение качественных описаний жизненного мира собеседника с учетом интерпретации их смыслов. Здесь рассматривается полуструктурированная форма интервью — в нем предусмотрена последовательность тем, которые необходимо затронуть, и предполагаемые вопросы. В то же время допускаются изменения последовательности и формы вопросов, что обеспечивает возможность следовать за полученными ответами и проследить развитие историй, которые рассказывает собеседник. Рассмотрим взаимодействие в процессе интервью, сообразно способу понимания, описанному выше (в соответствии с 12 аспектами интервью: жизненным миром, смыслом, качеством, описательностью, специфичностью, намеренной наивностью, фокусом, двусмысленностью, изменением, сензитивностью, межличностной ситуацией и позитивным опытом — см. врезку 2.1 в главе 2).

Открытый феноменологический подход к обучению у интервьюируемого очень хорошо представлен в следующем отрывке из работы Дж. Спрэдли:

«Я хочу понять мир с твоей точки зрения. Я хочу знать, что ты знаешь, так, как ты это знаешь. Я хочу понять смысл твоего опыта, влезть в твою шкуру, чувствовать так, как чувствуешь ты, объяснять так, как ты объясняешь. Станешь ли ты моим учителем и сможешь ли ты мне помочь?» (Spradley, 1979. P. 34).

Исследовательское интервью — это межличностная ситуация, беседа между двумя партнерами на тему, интересующую обоих; это специфическая форма человеческого взаимодействия, в которой знания рождаются в диалоге. Взаимодействие это не является ни таким анонимным и нейтральным, как заполнение опросных листов, ни таким личностным и эмоциональным, как терапевтическое интервью. Пациент ищет у терапевта помощи: он мотивирован к тому, чтобы быть максимально открытым с терапевтом, с которым у него уже установились доверительные отношения. В исследовательском интервью задача интервьюера состоит в создании за короткое время такого контакта, который позволил бы вывести взаимодействие за пределы вежливой беседы или обмена идеями. Интервьюер должен создать атмосферу, в которой собеседник чувствовал бы себя достаточно безопасно, чтобы свободно говорить о своих чувствах и переживаниях. Для этого нужен тонкий баланс между познавательным поиском и этическими аспектами эмоционального человеческого взаимодействия. Таким образом, интервьюер должен одновременно поощрять выражение личных эмоций и не давать интервью превращаться в терапевтическую ситуацию, к которой он может быть не готов.

Интервьюер получает эмпатический доступ к миру интервьюируемого; жизненные смыслы интервьюируемого могут непосредственно проявляться в ситуации, выражаясь не только в словах, но и в тоне голоса, в экспрессивных проявлениях и жестах при естественном течении разговора, — интервьюер-исследователь использует как исследовательский инструмент самого себя, полагаясь на свои интуитивные телесные и эмоциональные ощущения, дающие прямой, непосредственный доступ к жизненному миру собеседника.

Исследовательское интервью следует ненаписанному сценарию, в котором роли распределены между двумя действующими лицами. Неявные правила их взаимодействия становятся очевидными, когда интервью разрушается, как в примере разговора с безработным о его скитаниях (интервьюер тратил осторожность, и собеседник поменялся с ним ролями):

Собеседник: В отпуске время проходит как-то по дурацки: единственное, на что хватает времени, — пойти и улечься на пляже. Вы любите загорать?

Интервьюер: Что?

С: Вы любите загорать?

И: Ммм, нет.

С: У вас хороший загар.

И: Я ни одного дня летом не провел на пляже, но вообще я выгляжу загорелым. Кроме того, я легко загораю, мне достаточно высунуться в окно, чтобы загореть.

С: Многие бы могли вам позавидовать.

И: Ладно, на чем мы остановились? Чем вы занимаетесь с паузыми?

(Berg Sørensen, 1988. P. 124).

Разговор в исследовательском интервью не является взаимодействием двух равных партнеров. В позициях есть определенная асимметричность: интервьюер определяет ситуацию, дает тему для разговора и дальнейшими вопросами направляет течение беседы. В главе 2 приведен случай такого открытого интервью, описанного А. Джорджи (Giorgi, 1975). Приведенный там же диалог Сократа и Агафона, несмотря на формальное равенство партнеров и мягкое вступление, принимает форму жесткого вопроса, в течение которого Агафона безжалостно «ты-ут-носом» в противоречия его концепции любви и красоты, пока он не сдастся и не признает, что ничего не знает о том, о чем говорил (глава 2).

Тщательная подготовка необычайно важна для взаимодействия и результата интервью. Существенная часть исследования должна быть сделана еще до того, как в ситуации реального интервью включается диктофон. Ключевые вопросы интервью — «что?», «зачем?» и «как?»: «что?» — требует, чтобы было заранее решено, что собственно будет исследоваться; «зачем?» — требует формулирования четко цели интервью и «как?» — предполагает знакомство с различными техниками ведения интервью и выбор той техники, которую следует применить в данном исследовании. Кроме того, прежде чем начинать первое интервью в проекте, необходимо обдумать, как вы его будете анализировать и каким образом будут верифицированы и представлены полученные данные.

Исследовательские интервью различаются по целому ряду параметров. По степени *структурированности* — от четко организованных интервью, содержащих последовательность стандартно сформулированных вопросов, до открытых интервью, посвященных определенным темам, но не предполагающих какой-то заранее определенной последовательности или жестких формулировок вопросов. Иногда задается всего один вводящий в тему вопрос, а все остальное время интервью протекает как разворачивание и расширение ответа интервьюируемого на этот первый вопрос — так, например, как это было в уже упомянутом интервью об обучении, представленном А. Джорджи. Интервью различаются и по *открытости цели*; интервьюер может объяснять цель и с самого начала задавать пря-

мые вопросы или может применять подход «вокруг да около», с непрямыми вопросами, раскрывая цель только по завершении интервью.

Далее, интервью могут различаться и по тому, подчеркивается ли в них исследование или проверка гипотезы, что было упомянуто при обсуждении планирования. Интервью также различаются и по параметру *описание—интерпретация*. Интервьюер может концентрироваться преимущественно на получении нюансированного описания исследуемого феномена, а может попытаться совместно с собеседником прояснить и интерпретировать в процессе интервью полученное описание. Интервью различаются и по параметру *интеллектуальное—эмоциональное* — от рационального логичного обсуждения между интервьюером и интервьюируемым, аналитически проясняющего концепции исследуемого феномена, до попытки интервьюера получить спонтанное и эмоциональное описание предмета изучения и реакций на него. Два интервью, представляющие крайние случаи по параметру интеллектуальное—эмоциональное, были приведены в главе 2 — дискурсивная аргументация Сократа и эмоциональное терапевтическое взаимодействие, представленное К. Роджерсом (Rogers, 1965).

Рамки интервью

Проведение собственно интервью — это стадия исследования, когда во взаимодействии ролей интервьюера и интервьюируемого конструируется знание. Здесь предложены некоторые направления организации ведения интервью, которые стимулировали бы интервьюируемого к высказыванию собственных взглядов на жизнь и мир в целом. Эти приемы организации интервью соответствуют культурным традициям представителей среднего класса северной Европы и Северной Америки. В других культурах люди могут в разговоре с незнакомцем придерживаться других правил касательно проявления инициативы, директивности, открытости и тому подобного.

Необходимо задать для собеседника контекст интервью, проведя с ним короткие собеседования до и после собственно интервью. Для задания контекста служит предварительный *брифинг*, в котором интервьюер определяет ситуацию для собеседника; коротко рассказывает о цели интервью, использовании диктофона, и т.д.; спрашивает у собеседника, не хочет ли он задать какие-нибудь вопросы до начала интервью. Дальнейшие разъяснения относительно всего исследовательского проекта предпочтительно отложить до окончания интервью.

Первые минуты интервью решают все. Прежде чем позволить себе говорить свободно, раскрывать свои переживания и чувства незнакомцу, собеседник захочет получить представление об интервьюере. Хороший контакт возникает, когда интервьюер внимательно слушает, показывает свою заинтересованность, понимание и уважение к тому, что говорит собеседник; в то же время интервьюер должен чувствовать себя свободно и непринужденно, а также четко сознавать, что именно он хочет узнать.

Кроме краткого собеседования, предшествующего интервью, должно быть проведено *собеседование после интервью* или *дебрифинг*. По окончании интервью может возникнуть напряжение или тревога, потому что в разговоре респондент раскрывает личные эмоциональные переживания и может тревожиться относительно целей интервью и использования полученных данных в дальнейшем. Может возникнуть и ощущение опустошенности: собеседник делится очень большим количеством информации о своей жизни и ничего не получает взамен. Это возможно, но как правило, по окончании исследовательского интервью респонденты чувствуют себя реально обогащенными, получая удовольствие от свободной беседы с внимательным слушателем и делая иногда открытия при обсуждении важных для их жизненного мира тем.

Интервьюер может закончить беседу, перечислив некоторые основные моменты, выявленные в интервью. Затем собеседник может захотеть прокомментировать эту обратную связь. Вслед за этим интервьюер может заключить беседу, сказав, к примеру: «У меня больше нет вопросов. Хотите что-нибудь добавить или спросить, прежде чем мы закончим интервью?». Это даст собеседнику дополнительную возможность обратиться к проблемам, о которых он думал или которые взволновали его в процессе интервью.

Дебрифинг лучше проводить, когда диктофон уже выключен. После первого вздоха облегчения интервьюируемый может поднять темы, которые ему не хотелось обсуждать при включенном диктофоне, так как он не чувствовал себя достаточно безопасно. И теперь уже интервьюер может, если собеседнику это интересно, побольше рассказать о целях и построении всего исследовательского проекта.

Живая ситуация интервью, когда высказывания респондента сопровождаются интонациями, мимикой и жестами, обеспечивает более широкий доступ к смыслу высказываний респондента, чем впоследствии расшифрованный текст. Поэтому было бы очень неплохо, если бы интервьюер после интервью минут 10 посидел в сторонке, чтобы осознать и восстановить то, что он узнал в данном конкретном интервью, включая информацию, полученную в межличностном взаимодействии. Эти непосредствен-

ные впечатления, основанные на эмпатическом подходе интервьюера к переданным ему смыслам, могут — в виде заметок или записи на ту же кассету — обеспечить ценный контекст для последующего анализа расшифрованного текста.

Схема интервью

Схема интервью указывает на темы, затрагиваемые в интервью, и их последовательность. Схема может содержать только некоторые общие темы, которых нужно коснуться, или может представлять собой детализированную последовательность тщательно сформулированных вопросов. Это зависит от выбора определенной формы интервью, которая или строго определяет вопросы, их последовательность и связи между ними или оставляет все на усмотрение интервьюера — он может, сообразуясь со своим чувством такта, сам решать, насколько ему нужно придерживаться схемы интервью и до какой степени следовать за реакциями собеседника.

Каждый вопрос интервью можно оценить как тематически, так и в динамическом отношении. Тематически — значит с точки зрения его соответствия теме исследования, динамически — с точки зрения межличностных отношений в интервью. Хороший вопрос должен приносить необходимые знания и одновременно способствовать хорошему взаимодействию в интервью.

Тематически вопросы соотносятся с темой интервью, с теоретическими концепциями, лежащими в основе исследования, и с процедурой дальнейшего анализа. В интервью, направленном на получение спонтанных описаний жизненного мира, и в интервью, предполагающем концептуальный анализ взглядов собеседника на данную проблему, используются разные вопросы. Проще говоря, чем более спонтанна процедура интервью, тем больше вероятность получить спонтанные, живые, неожиданные ответы респондентов. И наоборот — чем более структурирована ситуация интервью, тем легче впоследствии структурировать данные анализа интервью.

В соответствии с принципом «толкания» исследовательского проекта, во время подготовки вопросов необходимо принимать во внимание последующие стадии проекта. Если процедура анализа предполагает категоризацию ответов, то в процессе интервью придется постоянно прояснять смысл ответов, приводя его в соответствие с категориями последующего анализа. Если используется нарративный анализ, то собеседнику предоставляется достаточно свободы и времени для развертывания его рассказа, а вопросы

задают лишь для прояснения основных эпизодов и характеров действующих лиц этого повествования.

Динамически вопросы должны способствовать позитивному взаимодействию, поддерживать течение разговора и стимулировать собеседника на рассказ о своих чувствах и переживаниях. Вопросы должны быть понятными, краткими и не содержать научного языка.

Хороший вопрос для концептуального тематического исследования не должен походить на вопрос динамического интервью. Во время подготовки интервью бывает полезно разработать сразу две схемы: одну с основными тематическими исследовательскими вопросами проекта и другую — с вопросами, которые являлись бы одновременно и тематически и динамически ориентированными.

В таблице 7.1 представлен перевод тематических исследовательских вопросов исследования об оценках в вопросы интервью, направленных на получение знаний по теме и динамически способствующих естественному течению разговора. Абстрактно сформулированные исследовательские вопросы вряд ли приведут к тому, что старшеклассники будут отвечать раскованно, неофициально. Для того, чтобы получить спонтанные подробные описания, академические исследовательские вопросы необходимо перевести в легкую разговорную форму. При этом один исследовательский вопрос может быть прояснен с помощью нескольких вопросов интервью. Таким образом, рассматривая тему с разных сторон, можно получить богатую, разнообразную информацию. С другой стороны, в ответе на один вопрос интервью могут содержаться ответы на несколько исследовательских вопросов.

Роль вопросов «Зачем», «Что» и «Как» может не совпадать в исследовательских вопросах и вопросах интервью. Можно еще раз подчеркнуть, что, планируя исследовательский проект, нужно задавать и отвечать на вопросы «Зачем» и «Что» прежде, чем поднимать вопрос «Как». В ситуации интервью приоритет типов вопросов меняется. В самом интервью главные вопросы следует задавать в дескриптивной форме: «Что случилось и как это случилось?»; «Как вы тогда себя чувствовали?»; «Что вы переживали?» и тому подобные. Цель состоит в том, чтобы вытянуть из собеседника спонтанные описания, а не в том, чтобы получить его более или менее спекулятивные объяснения того, почему что-то случилось. Вопрос «Почему», касающийся собственных причин действий собеседника может быть важен сам по себе. Однако слишком много вопросов «Почему» в процессе интервью могут привести к интеллектуализации беседы и, возможно, напомнить собеседнику устный экзамен. Выявление причин и объяснений того, почему что-то случилось, — это задача в первую очередь исследователя.

Таблица 7.1

Исследовательские вопросы и вопросы интервью

Исследовательские вопросы	Вопросы интервью
Какая из форм учебной мотивации доминирует в старшей школе?	Считаешь ли ты важными те предметы, которые ты изучаешь? Интересен ли тебе сам процесс учения? Какова основная цель твоего обучения в старшей школе?
Обеспечивают ли оценки внешнюю инструментальную мотивацию за счет внутренней мотивации интереса к обучению? →	Ощуаешь ли ты противоречие между тем, что хотел бы читать (изучать), и тем, что ты обязан прочесть, чтобы получить хорошую оценку?
Готовит ли учение ради оценки к работе ради зарплаты?	Получаешь ли ты деньги за хорошие оценки? Видишь ли ты какую-нибудь связь между деньгами и оценками?

Вопросы интервью

Исследовательское интервью протекает скорее как обычный разговор, но имеет специфические цели и структуру: для него характерна определенная систематизированная форма постановки вопросов. Вопросы интервьюера должны быть короткими и простыми. В рассматриваемом здесь типе интервью, направленном на описание жизненного мира, можно задать первый вопрос о конкретной ситуации, а затем уделить внимание различным аспектам явления, затронутым в ответе. Решающим фактором является способность интервьюера ощутить непосредственный смысл ответа и диапазон возможных смыслов, которые раскрываются за ним. А это требует знаний и интереса как к обсуждаемой теме, так и к самому взаимодействию в ходе интервью. Решение о том, который из множества аспектов, затронутых в ответе собеседника, нужно развивать, зависит как от цели и содержания интервью, так и от социального взаимодействия в ситуации интервью.

Врезка 7.1 содержит некоторые основные типы вопросов, которые могут оказаться полезными в полуструктурированном интервью. Более под-

Врезка 7.1

Типы вопросов интервью

А. Вводный вопрос: «Не могли бы вы мне рассказать о ...?»; «Не помните ли случая, когда ...?»; «Что произошло в том эпизоде, о котором вы упомянули?»; «Не могли бы вы описать, как можно более подробно, ситуацию, в которой вы чему-то научились?», — такие вводные вопросы могут породить спонтанные, подробные описания, когда сам собеседник говорит о своих переживаниях как об основном содержании исследуемого феномена. Остальная часть интервью может представлять собой развитие аспектов, которые были затронуты в истории, рассказанной в ответ на первый вопрос.

Б. Отслеживающие вопросы. Ответы собеседника могут быть расширены благодаря любознательности, настойчивости и критичности интервьюера. Это можно сделать с помощью прямых вопросов, относящихся к тому, что только что было сказано. Можно использовать с этой целью и кивки, и «м-м-м», и просто паузы, приглашающие собеседника продолжить его описание. Повторение интервьюером особенно важных слов ответа может способствовать дальнейшему развитию высказывания. Интервьюер должен тренировать в себе способность замечать «сигнальные лампочки» в ответе — такие, как необычные слова, усиленные интонации и тому подобное, которые могут сигнализировать о целом комплексе важных для собеседника тем. Ключевой проблемой в данном случае является способность интервьюера слушать собеседника, когда он говорит о том, что важно для него, и в то же время не забывать об исследовательских целях проекта.

В. Проясняющие вопросы. «Не могли бы вы еще что-нибудь рассказать об этом?»; «Нельзя ли более подробно описать то, что случилось?»; «А случилось ли еще что-нибудь подобное?», — в данном случае интервьюер следует за ответом собеседника, проясняя содержание, но не акцентируя конкретные аспекты высказывания.

Г. Конкретизирующие вопросы. Реагируя на ответы собеседника, интервьюер может задавать и более конкретные вопросы, например: «Что вы тогда подумали?»; «Что вы предприняли, когда почувствовали, что у вас растет тревога?»; «Как реагировало ваше тело?». Когда интервью содержит множество общих высказываний, интервьюер может попытаться получить более точные описания, спросив: «Вы сами это тоже испытали?».

Врезка 7.1. Продолжение

Д. Прямые вопросы. В данном случае интервьюер прямо задает темы и аспекты их рассмотрения, например: «Вы когда-нибудь получали деньги за оценки?»; «Когда вы упомянули о соревнованиях, вы имели в виду состязания вроде спортивных или деструктивную конкуренцию?». Такие прямые вопросы желательно отложить и не задавать в первые моменты интервью. Их следует задать после того, как собеседник уже высказал свой собственный спонтанный взгляд и показал, таким образом, какие аспекты данного явления имеют для него важное значение.

Е. Косвенные вопросы. В данном случае имеются в виду проективные вопросы, типа: «Как, вам кажется, воспринимают другие ученики соревнование за получение оценок?». Ответ может содержать мнение об отношении других учеников, но может быть и косвенным выражением собственного отношения респондента, которое он прямо не высказывал. Для того, чтобы проинтерпретировать ответ, потребуется очень аккуратно расспросить его дополнительно.

Ж. Структурирующие вопросы. Интервьюер отвечает за ход интервью и должен отметить момент, когда тема исчерпана. Интервьюер может вежливо прямо пресечь многословный ответ, который не соответствует теме исследования, сказав, например: «Сейчас я бы хотел перейти к другой теме...».

З. Молчание. Вместо того, чтобы превращать интервью в перекрестный допрос, непрерывно обстреливая собеседника градом вопросов, интервьюер-исследователь должен брать пример с психотерапевтов, используя молчание, чтобы побудить собеседника продолжить интервью. Допуская паузы в разговоре, мы даем собеседнику достаточно времени, чтобы все припомнить и обдумать, и затем он сам нарушает молчание, чтобы сказать нечто важное.

И. Вопросы-интерпретации. Интерпретация в ходе интервью может использоваться в виде простого перефразирования ответа, например: «То есть вы считаете, что...?», или же попыток прояснить высказывание: «Если я правильно понял, вы почувствовали, что...?», «Можно ли то, о чем вы сейчас говорили, описать такими словами: ...?». Возможна и более непосредственная интерпретация сказанного учеником: «Правильно ли я понял, что в основном ты тревожишься об оценках из-за возможной реакции твоих родителей?». Более абстрактный вопрос можно задать, например, таким образом: «Не кажется ли вам, что между ситуацией соревнования с другими учениками из-за оценок в классе и отношениями, которые у вас сложились дома, с вашими братьями и сестрами, есть какая-то связь?».

робное обсуждение вопросов интервью можно найти у И. Сейдмана (*Seidman*, 1991). Кроме тематического и динамического аспектов вопросов, интервьюеру следует стараться помнить и о последующем анализе, верификации и написании отчета. Интервьюер, четко представляющий, о чем и зачем он расспрашивает собеседника, будет в процессе беседы добиваться недвусмысленности высказываний, проясняя значения и смыслы, соответствующие проекту, и обеспечит таким образом более прочный плацдарм для последующего анализа. Такой процесс прояснения смыслов в ходе интервью может еще показать собеседнику, что интервьюер действительно слушает его, ему интересно то, что говорит интервьюируемый. В идеале, в момент окончания интервью заканчивается и проверка гипотез и интерпретаций, так как в процессе расспрашивания интервьюер находит им подтверждение или опровергает их.

Если предполагается написание отчета или цитирование интервью, то стоит, если получится, попытаться воспроизвести социальный контекст интервью и, там, где это возможно, эмоциональную окраску взаимодействия, дабы то, что было сказано, стало понятно читателям, которые не были свидетелями живой ситуации интервью. Умению воспроизводить обстановку и настроение разговора можно поучиться у журналистов и писателей.

Пока речь шла в основном о вопросах интервьюера. Умение интервьюера активно слушать то, что говорит собеседник, может, однако, оказаться важнее, чем искусенность в специальных техниках расспрашивания. В обучении терапевтов акцент делается на мастерстве слушателя, на развитии эмпатического активного слушания, чуткого к нюансам и многослойности смысла того, что говорят им их пациенты. З. Фрейд (*Freud*, 1963) рекомендовал терапевтам слушать своих пациентов с «неослабевающим вниманием», дабы постичь смысл их слов (глава 4, «Порождение психоаналитического знания»).

Важность слушания подчеркивается и в феноменологическом и в герменевтическом подходах к интервьюированию (глава 3, разделы «Герменевтическая интерпретация» и «Феноменологическое описание»). Существует феноменологический идеал непредубежденного слушания, при котором собеседнику предоставляют возможность развертывать описания своих переживаний, не прерывая его вопросами и не сбивая предубеждением, которое заключено в вопросах. Герменевтический подход предполагает слушание и интерпретирование многочисленных слоев смысла, заключенного в высказывании интервьюируемого, принимая во внимание возможность постоянных реинтерпретаций в рамках герменевтического круга интервью. Внимание обращают и на предубеждения, содержащиеся как в ответах интервьюируемого, так и в вопросах интервьюера.

Интервью об оценках

Для того чтобы проиллюстрировать манеру ставить вопросы в качественном исследовательском интервью, ниже приведен отрывок из интервью. В данном случае заранее была разработана схема интервью, соединяющая в себе исследование и проверку гипотезы. Интервью было проведено перед занятиями на исследовательском семинаре в Сэйбрукском институте (Сан-Франциско) в 1987 году. Хотя ситуация интервью в данном случае является искусственной, данный отрывок в сжатой форме рисует адекватную картину полуструктурированной разновидности интервью. Интервью воспроизведено дословно с очень небольшими стилистическими изменениями.

С. Квале (СК): Сейчас я попытаюсь продемонстрировать способ понимания в качественном исследовательском интервью. Мне нужен доброволец. Выберем достаточно нейтральную тему — это не глубинное психоаналитическое интервью. Интервью займет примерно десять минут, а потом мы его обсудим.

Женщина лет 30—40 вызвалась быть добровольцем.

СК (1): Спасибо за вашу готовность участвовать и быть моим собеседником. В Европе я несколько лет изучал воздействие оценок, и сейчас мне интересно было бы узнать, какое значение придают оценкам американские студенты и школьники.

Сначала я хочу задать вам вопрос, на который, может быть, ответить будет непросто. Если попытаться вспомнить время, когда вы ходили в начальную школу, то могли бы вы вспомнить первый раз, когда вы получили оценку?

Студентка (1) Я помню это время, но первый раз, может, и не вспомню.

СК(2): Вспомним это время. Вы можете сказать мне, что тогда происходило?

СТ(2): Я хорошо училась. Я помню, что у меня была красная звездочка на тетрадке с высшим баллом 100. Я помню это время как волнуемое и очень интересное.

СК(3): Хорошо. Вы помните только красную звездочку, или еще что-то с ней связанное?

СТ(3) (смеется): Цвет я очень хорошо помню. Она сияла. Я помню, что меня все время награждали. Я помню, как меня хвалили однокласс-

ники, и учитель, и родители — они очень суетились вокруг моих оценок. А еще были другие дети, которые не так хорошо отвечали, не так хорошо учились. Там были разные эмоции, но в основном я помню праздничное настроение.

СК(4): Вы сказали — разные эмоции. Вы можете их описать?

СТ(4): Ну, я была любимицей учительницы, и кто-то мог бы сказать: «Ага, может быть, она этого и не заслуживала, может, это просто оттого, что учительница ее очень любила». И я чувствую сейчас какое-то раздвоение, потому что я была не только любимицей учительницы, но еще и получала самые высокие оценки, и это создавало какой-то диссонанс в том, как меня воспринимали мои одноклассники.

СК(5): Вы можете описать этот диссонанс?

СТ(5): Я думаю, что существует какое-то разделение между теми, кто хорошо учится, и теми, кто учится не так успешно, и это, особенно в начальных классах, определяется тем, что у тебя стоит в тетрадке.

СК(6): Это было в школе с самого начала? С первого класса?

СТ(6): С третьего класса.

СК(7): С третьего класса. Да, это было очень давно. Вы можете вспомнить, что они говорили? Или...

СТ(7): Нет, это было, скорее, чувство...

СК(8): Чувство...

СТ(8): Да-а, это было чувство, будто я установила какую-то дистанцию между собой и классом...

СК(9): Из-за Ваших хороших оценок.

СТ(9): Да-а.

СК(10): Вы что-нибудь пытались с этим сделать?

СТ(10): Я после этого уже не так хорошо училась. Это на меня очень сильно действовало. Я больше хотела быть с ними, чем с учительницей, и даже больше, чем быть в учительском списке лучших. Так что это было очень важно.

СК(11): Это был очень важный опыт — (Да.) — для Вас, и Вы оказались включены в конфликт между учительницей и Вашими одноклассниками или переживали это как конфликт. (Да.) Ваши родители вмешивались в эту ситуацию?

СТ(11): Этого я не помню, потому что это было для меня... Мое восприятие оценок изменилось очень сильно. Для них это было очень незначительно. Их все это продолжало удовлетворять, было все так же приемлемо, и в общем меня продолжали вознаграждать за то, что я хорошо учусь, успешно. Так что эта двойственность поддерживалась.

СК(12): Этот диссонанс между, скажем, лояльностью по отношению к учителю и расположением одноклассников — такая ситуация когда-нибудь еще повторялась? Это Вам не напоминает что-то другое...?

СТ(12): Да это все время повторяется в моей жизни. Как только я начинаю меньше внимания обращать на моих друзей или на коллег, то сразу получаю какой-то сигнал: «Ну-ка, что для меня важнее?». А для меня важнее всего дружба.

СК(13): Ммм... Это главный вопрос.
Вы до этого несколько раз упомянули слово «вознаграждали» — что Вы имели в виду под этим «вознаграждением»?

СТ(13): Ох, когда я была в третьем классе, то, наверное, позволяли смотреть телевизор, или куда-то пойти, или попозже лечь спать, покупали мороженое, какую-то еду...

СК(14): То есть материальное вознаграждение — (Да.) — за оценки?
И это заставляло вас лучше учиться, или Вы и так учились?

СТ(14): Это заставляло меня сильнее хотеть хорошо учиться, так что да, я лучше училась.

СК(15): Я где-то слышал про «отметочные деньги».

СТ(15): Отметочные?..

СК(16): Деньги. Что некоторые получают деньги за отметки.

СТ(16): Если они хорошо учатся?

СК(17): Да, а Вы их когда-нибудь получали?

СТ(17): Нет. Только еду! (Смеется). Мороженое.

СК(18): Есть такое понятие «льстить» или «подлизываться». Или подыгрывать учителю. Вас когда-нибудь в этом обвиняли?

СТ(18): Да.

СК(19): Обвиняли. И как Вы это воспринимали?

СТ(19): Это было обидно.

СК(20): Дети в Дании, которых я опрашивал, тоже упоминали этот конфликт. У них возникали хорошие отношения с учителем, и почти автоматически другие ученики могли начать поговаривать о подлизывании... Так. Теперь попробуем прыгнуть вперед — попробуйте вспомнить последний раз, когда Вы получали оценки.

СТ(20): Что-нибудь кроме зачет—незачет?

СК(21): Да.

СТ(21): Я вспомнила провал по английскому в колледже! Это меня очень травмировало. То есть я не смогла закончить колледж вместе со всеми. Совершенно неожиданно. Мне было очень плохо. Но я закончила, выполнив тест по телефону вместе с учителем и, в конечном итоге, закончила последний год вместе с моим классом. С их стороны это было очень мило.

СК(22): Тогда Вы оказались на другом полюсе.

СТ(22): Мне и друзья многие так говорят! (Смеется).

СК(23): Так что, похоже, это почти непрекращающийся конфликт как в отношении учителя, так и в отношении одноклассников. А где же вы сами? Остались в стороне?

СТ(23): Я рада, что больше с этим дела не имею.

СК(24): Да, я вижу...

А если обратиться конкретно к учебному процессу, полученные оценки как-то влияли на то, как Вы учились?

СТ(24): Да, я очень беспокоилась о том, чтобы выбрать подходящую тему сочинения, правильно провести исследования и достичь нужного результата, не обязательно самого лучшего. Так что сейчас (в Сэйбруке, учась по программе для соискателей докторской степени, где система оценок только зачет—незачет), у меня больше свободы при написании эссе, больше возможностей выразить собственное мнение. Я думаю: «Ну, попробуем, это может быть и не примут, но это не будет провалом». Это дает мне большую свободу творчества, и мое желание рисковать увеличилось. Когда я знала, что мне поставят оценку, возможности рисковать почти не было, понятно: мне нужно было утвердиться среди одноклассников, говорить об этом и быть уверенной, что я на том же уровне, что и все. Теперешний опыт настолько индивидуален и так безопасен, что мне больше хочется творческого риска.

СК(25): Правильно ли я Вас понял — можно сказать, что Ваш опыт с оценками, когда Вы старались достичь безопасности, был не слишком творческим и Вы не рисковали? (Да.) Тогда как с системой зачет—незачет Вы позволяете себе мыслить творчески и рисковать?

СТ(25): Да-а. И в частности, в этой ситуации (в Сэйбруке) очень трудно сравнивать себя и как-то выделяться на фоне однокашников, с которыми нет особой близости, так что эта ситуация лучше.

СК(26): О'кей. Есть еще что-то, что Вы хотели бы сказать, прежде чем закончим интервью?

СТ(26): Нет, не думаю.

СК(27): О'кей. Большое спасибо за сотрудничество.

Затем интервью обсудили в аудитории, причем были такие реплики:

СК(28): Как Вы себя чувствовали, когда у Вас перед всеми брали интервью на эту тему (об оценках)?

СТ(27): Я думала, что это хорошая возможность для меня — задуматься над этим. Я долгое время даже не вспоминала об этом, но в терапии, которую я недавно проходила, я узнала, что долгое время была гораздо ближе к учительнице, чем к друзьям, и долго с этим работала. Так что мне было легко об этом говорить, потому что я очень ясно представляла, что случилось.

Способ ставить вопросы и затронутые темы в этом искусственном демонстрационном интервью об оценках соответствует 30 интервью в исследовании об оценках, проведенном в Дании, которое обсуждается на протяжении всей книги. Однако немногие ученики давали столь подробное яркое описание своих переживаний, связанных с оценками.

Знания, получаемые в интервью. В этом коротком интервью ясно выделено несколько аспектов социального влияния оценок — в первую очередь, всепроникающий конфликт между лояльностью по отношению к учителю и к одноклассникам; положение любимицы учителя, когда хорошие оценки создают диссонанс в восприятии ученицы одноклассниками, устанавливает дистанцию между ней и классом. Этот диссонанс сохраняется в ее жизни, выражается в том, что для нее дружба важнее всего (реплики 3 и 5). В третьем классе это даже заставило студентку специально добиваться более низких оценок, чтобы не отделяться от класса (реплика 10). В системе оценивания зачет—незачет в данной программе подготовки к получению докторской степени ей стало легче, потому что исчезла необходимость сравни-

вать свои оценки с оценками одноклассников. Соответственно, обучение стало для студентки более творческим опытом, она смогла больше рисковать (реплика 24).

В схеме интервью значение оценок рассматривалось с трех теоретических позиций, о которых говорилось выше: подходов Роджерса, Фрейда и Скиннера (глава 5, «Планирование»). Они использовались в интервью как общие подходы к исследованию различных аспектов значения оценок. Таким образом, когда студентка описывала «смешанные эмоции» (реплика 3) и «Это больше, чем чувство» (реплика 7), то, в соответствии с рожерианским подходом, я старался способствовать углублению чувства и смешанных эмоций, повторяя именно эти слова (реплики СК 4 и 8). Фрейдистский подход в широком смысле был использован в вопросе «Ваши родители вмешивались в эту ситуацию?» (реплика СК 11) и позже — в вопросе о том, не напоминает ли ей конфликт лояльности относительно учителя и одноклассников другие ситуации в ее жизни (реплика СК 12). Ответ студентки подтвердил, что конфликт повторялся, но при этом она не упомянула отношений в семье. Я отметил для себя, что ее конфликт лояльность—оценки, возможно, является воспроизведением детского конфликта ревности и соперничества сиблингов за внимание родителей.

Теория подкрепления Скиннера была реализована (реплика СК 13) в процессе прояснения значения термина «вознаграждать», который использовала студентка (реплики 3 и 11). Студентка рассказала, как в детстве в качестве награды за хорошие оценки ей позволяли смотреть допоздна телевизор или покупали мороженое. В самом начале интервью (реплика 3) студентка упомянула подкрепления за хорошие оценки — такие как похвала одноклассников, учительницы и родителей. Если бы это интервью не было демонстрационным, не проводилось в присутствии группы и было бы более продолжительным, то какие-то из этих теоретических подходов были бы реализованы более подробно.

Ситуация интервью. Несмотря на то, что интервью проводилось в присутствии группы, атмосфера была довольно свободной. Одной из причин этого была открытость студентки — она вызвалась добровольно, таким образом показав, что не боится проведения интервью в присутствии аудитории, она также проходила терапию и, следовательно, свободно могла говорить о своих личных переживаниях. А еще, как выяснилось, тема интервью — оценки — для нее имела некоторый личный смысл в ее школьные годы.

Мой опыт проведения интервью об оценках позволил мне относительно легко слушать и разворачивать значимые, с точки зрения студентки,

темы. Однако мне казалось, что на меня присутствие аудитории оказывает большее влияние, чем на мою собеседницу, — в частности, иногда я не отслеживал важные моменты в ответе и не выдерживал пауз (реплики СК 20 и 24). Мне казалось, что возникшая тема, может быть, слишком болезненна, чтобы исследовать ее в присутствии других студентов.

Перед началом интервью и в самом его начале были коротко сформулированы цели и контекст интервью (брифинг) (реплика СК 1). Интервью завершилось коротким завершающим обсуждением (дебрифингом) — перед окончанием интервью студентку спросили, не хочет ли она сказать еще что-то (реплика СК 26), а после интервью — спросили о том, как она себя чувствовала в процессе интервью (реплика СК 28).

Типы вопросов. Теперь проясним употребление некоторых типов вопросов, представленных во врезке 7.1. Первый вводный вопрос о конкретном эпизоде получения оценок (реплика СК 1/А) достиг цели, и последующие две трети интервью представляли собой в основном отслеживание (Б) ответа студентки (реплика СТ 2) относительно «красной звездочки». Это слово было «красной лампочкой», сигналом того, что я должен остановиться и прояснять. Само слово, а также, возможно, ее тон и мимика показывали, что это символ какого-то значимого переживания. Отслеживающий вопрос, в котором присутствовало повторение слов «красная звездочка» (реплика СК 3/Б), привел к эмоциональному ответу, богатому информацией (реплика СТ 3).

Продолжающееся прояснение, повторение другого значимого выражения — «смешанные эмоции» — и запрос на дальнейшие описания (реплика СК 4/Б и В) раскрыли базовый для собеседницы конфликт между лояльностью к учителю и лояльностью к одноклассникам. Эта тема последовательно развивалась вплоть до замечания студентки (реплика СТ 12): «А для меня важнее всего дружба». В некоторых ответах этой последовательности я слышал потенциально важные выражения вроде «разделения» и «дистанции» (реплики СТ 5 и 8), но вместо того, чтобы отслеживать их, я задавал конкретизирующие (реплика СК 6/Г) и интерпретирующие (реплика СК 9/И) вопросы.

Затем я сделал несколько шагов назад и повторил выражение студентки, которое меня заинтересовало теоретически, — «вознаградить» — и спросил ее о его смысле (реплики СК 13/Б и В). Это привело к конкретному ответу о мороженом и телевизоре как наградах, в то время как прямой отслеживающий вопрос о выплате денег за отметки (реплика СК 15/Д) не получил подтверждения.

Тогда, в первый раз с момента начала интервью, я обратился к схеме и задал прямой вопрос о том, обвиняли ли студентку в подлизывании к учителю (реплика СК 18/Д). Студентка ответила утвердительно, но так напряженно, что я предпочел не углубляться и попытался ее утешить (реплика СК 20). Собеседница не уточняла ситуацию и повисла пауза, в результате чего я сменил тему, задав вопрос о недавнем эпизоде с оценками. Я стремился отследить ответы студентки (реплики СТ 20–22), интерпретируя их так, чтобы развернуть конфликт лояльности (реплика СК 23/И), но студентка вежливо прервала меня замечанием (реплика СТ 23): «Я рада, что больше с этим дела не имею». Затем была введена вторая тема, взятая из схемы интервью об обучении и оценках (реплика СК 24/Д), и этот вопрос вызвал длинный ответ собеседницы (реплика СТ 24) об оценках, которые подавляют творчество и способность рисковать, что, в свою очередь, снова напомнило о конфликте лояльности, подробно описанном ранее.

Большинство вопросов в этом интервью были проясняющими (В), часто в форме повторения значимых слов из ответа студентки, реже — в форме прямых вопросов об эпизодах оценивания и их воздействии. Было несколько интерпретирующих вопросов, таких как вопросы, проясняющие смысл: «Правильно ли я Вас понял — можно сказать, что ваш опыт с оценками, когда вы старались достичь безопасности...» (реплика СК 25/И), который последовал за подтверждением и дальнейшим развитием (реплика СТ 25). Ранее прямая интерпретация высказывания студентки (реплика СТ 8): «Из-за ваших хороших оценок» (СК 9/И) — была немедленно принята: «Да-а» (реплика СТ 9).

Широкие интерпретации, проверка надежности ответа с помощью отслеживающих вопросов и проверка гипотез в этом интервью не использовались — отчасти из-за того, что было мало времени, отчасти — потому, что интервью проводилось в присутствии всей группы, а также из-за чувствительности собеседницы к некоторым из затронутых тем. Таким образом, данное интервью не соответствовало выдвинутым ранее идеальными требованиям интерпретации, валидации и поддержания разговора до момента выключения диктофона. В главе 8 я обращаюсь к некоторым факторам, обеспечивающим качество интервью.

Глава 8.

Качество интервью

В первых разделах этой главы я коснусь вопросов качества в исследовательском интервью. Предложены критерии оценки качества исследовательского интервью и устанавливается их связь с характеристиками интервьюера и интервьюируемого. Чтобы проиллюстрировать проблемы, возникающие при использовании нечетких критериев для определения качества интервью, я привожу интервью Гамлета. Затем, в связи с этическими правилами исследования, обсуждается вопрос о «моральном качестве» интервью. В самом конце мы обратимся к наиболее типичному возражению против научной достоверности интервью — к проблеме наводящих вопросов.

Качество интервью

Интервью является сырьем для последующего процесса анализа смысла, поэтому качество первоначального интервью — главное, что определяет качество последующего анализа, верификации и финального отчета.

Из шести критериев качества, представленных во врезке 8.1, последние три особенно важны для создания идеального интервью, в котором смысл того, что сказано, проинтерпретирован, верифицирован и передан еще до того, как выключается диктофон. Это требует мастерства и компетентности, предполагает, что интервьюер знает, «что» он спрашивает так же хорошо, как «зачем» и «как». Хотя такие критерии качества кажутся недостижимым идеалом, они могут служить ориентиром.

В трех интервью, приведенных в главе 2, предложенные здесь критерии качества реализуются по-разному. Например, интервью, предложенное А. Джорджи, содержит короткие вопросы и длинные ответы; оно обеспечивает подробные спонтанные ответы, соответствующие теме обучения в повседневной жизни; при этом ответы отслеживаются и проясняются. В сессии, проведенной К. Роджерсом, консультант отслеживает и проясняет смысл ответов клиента, а в конце клиент спонтанно интерпретирует смысл взаимодействия. В третьем примере Сократ критически интерпретирует смысл и противоречия высказываний Агафона о любви и красоте и в заключение строит логическую цепочку аргументов, которые Агафон в конце концов признает верными. Все три интервью являются самодостаточными в одном отношении — они передают важное знание как оно есть и остаются при этом открытыми для дальнейшей интерпретации.

Врезка 8.1

Критерии качества интервью

- Объем спонтанных, подробных, конкретных и соответствующих теме ответов, полученных в интервью.
- Чем короче вопросы интервьюера и длиннее ответы респондента — тем лучше.
- Насколько интервьюер глубоко прослеживает и проясняет смысл соответствующих аспектов ответов.
- Идеальное интервью по большей мере интерпретируется в процессе самого интервью.
- Интервьюер старается верифицировать свои интерпретации ответов респондента в процессе интервью.
- Интервью говорит само за себя — это самодостаточный рассказ, который не нуждается в большом количестве лишних описаний и объяснений.

Эти критерии качества не безусловны. На семинаре одна из участниц рассказала о неудачном интервью, которое она проводила с юным автором в «писательской школе». Темой был процесс письма этого автора; однако во время интервью контакт между интервьюером и респондентом был слабым, а высказывания автора — фрагментарными и поверхностными. Не было соответствующих рассказов и описаний, интервьюер не могла найти никакой связи между ответами и не находила в них глубинного смысла. Запись интервью показалась ей бесполезной. А потом она обнаружила, что автор раньше сказал ей, что пытается стать постмодернистским писателем. С этой точки зрения, фрагментарность, несогласованность и поверхностные высказывания, лишенные глубинных смысловых интерпретаций, были не результатом плохой техники проведения интервью, а вытекали из самого литературного текста, автор которого играл роль писателя-постмодерниста.

Собеседник в интервью

Похоже, что одни люди в роли интервьюируемых предпочтительнее, чем другие. Хороший респондент готов к сотрудничеству и мотивирован на разговор, он красноречив и понятен, правдив и последователен, он дает

точные и соответствующие вопросу интервьюера ответы, он делает логичные выводы, не противоречит постоянно сам себе, он придерживается темы интервью и не уходит раз за разом в сторону. Хороший собеседник может живо и подробно описывать свою жизненную ситуацию, рассказывает захватывающие истории, которые потом легко анализировать. Респонденты в интервью об обучении, представленном Джорджи в интервью об оценках, были, согласно этим критериям, хорошими собеседниками.

Какими бы приятными ни казались респонденты интервьюеру, все же в первую очередь, безусловно, они должны давать в процессе опроса ценные знания по теме исследования. Нарисованный выше портрет идеального респондента похож на представителя интеллектуальной элиты среднего класса, взгляды которого не обязательно соответствуют мнению большинства. Отработанное красноречие и гладкость выражений в некоторых случаях могут маскировать довольно неоднозначное отношение к теме исследования.

Идеального респондента не существует — для различных видов интервью подходят разные типы людей, поэтому где-то нужны точные наблюдения свидетеля, где-то — тонкие заключения на основе эмоций и личных переживаний, где-то — способность рассказывать захватывающие истории. Таким образом, все интервьюируемые в трех интервью, приведенных в главе 2, были хорошими собеседниками, соответствующими разным целям — Агафон давал Сократу возможность ловить себя на противоречиях, клиент психотерапевта проживал и познавал эмоциональную природу терапевтического взаимодействия, а женщина, которая научилась украшать интерьеры, давала богатые непосредственные описания обучения в обыденной жизни.

Понимая, что у некоторых людей брать интервью труднее, мы все же настаиваем на том, что задача интервьюера — мотивировать на беседу практически любого человека, помочь ему высказаться и получить в результате интервью богатый материал.

Квалификация интервьюера

Интервьюер сам по себе является инструментом исследования. Хороший интервьюер прекрасно разбирается как в предмете обсуждения интервью, так и в человеческих отношениях. В течение всей беседы интервьюер должен быстро решать — что спросить и как спросить; какие аспекты ответа собеседника начать отслеживать, а какие — нет; какие ответы интерпретировать, а какие — нет. Интервьюер должен обладать знаниями по теме

исследования, владеть искусством ведения беседы, хорошо владеть языком и быть чутким к лингвистическим особенностям стиля высказываний собеседника. Он должен иметь вкус к хорошему рассказу и быть в состоянии помочь собеседнику развернуть свое повествование.

Мастерство интервьюера приходит с опытом. Чтение книг может лишь направить, практика же остается основным способом постижения ремесла интервьюера. Это не исключает чтение интервью, прослушивание записей и наблюдение за работой более опытных интервьюеров, но все же обучение прежде всего заключается в личном опыте проведения интервью. Уверенность интервьюера приобретается в практике; проведение нескольких пилотажных интервью до начала интервью исследовательского проекта увеличивает способность интервьюера создавать безопасное и стимулирующее взаимодействие.

В пилотажные интервью для тренировки можно включать разыгрывание ролей, когда собеседники играют такие, например, роли: роль Молчуна, Болтуна, Интеллектуала или Крутого, который старается управлять ходом интервью.

Во врезке 8.2 приведены некоторые критерии квалификации интервьюера, желательные для проведения хорошего интервью, то есть интервью, дающего обширные знания и соответствующего этическому требованию создания благоприятной для собеседника ситуации.

Врезка 8.2

Критерии квалификации интервьюера

1. *Знания.* Обладает широкими познаниями по теме интервью, может поддерживать разговор по теме на должном уровне. Знакомство с основными аспектами темы позволит интервьюеру понять, какие проблемы важно исследовать, не стараясь при этом блеснуть своими знаниями.
2. *Структурирование.* Вводит цель интервью, подчеркивает течение всей процедуры, заканчивает интервью, например, несколькими словами о том, что собеседники узнали в процессе разговора, а также интересуется, нет ли у интервьюируемого каких-либо вопросов, касающихся ситуации.
3. *Ясность.* Задает ясные, простые и короткие вопросы; говорит отчетливо и понятно; не использует научные выражения или профессиональный жаргон. Исключения делаются для интервью, изучающих стресс. Там вопросы могут быть сложными и запутанными, так как цель этого интервью — выявить реакцию собеседника на стресс.

Врезка 8.2. Продолжение

4. *Мягкость*. Позволяет собеседнику закончить то, что он говорит, дает ему возможность думать и говорить в своем собственном ритме. Добродушен, спокойно переносит паузы, обозначает допустимость обсуждения нетривиальных и провокационных мнений, а также возможность проявлять эмоции.

5. *Чуткость*. Активно прислушивается к содержанию сказанного, слышит в ответе множество смысловых нюансов и старается добиться более подробного описания оттенков смысла. Интервьюер обладает развитой эмпатией, прислушивается к эмоциональным посланиям, вложенным в слова, слышит не только то, что сказано, но и то, как сказано, а также отмечает то, что не сказано. Интервьюер чувствует, когда тема становится слишком эмоциональной для продолжения интервью.

6. *Открытость*. Интервьюер слышит, какие аспекты темы интервью важны для собеседника. Слушает с неослабевающим вниманием, открыт новым аспектам темы, которые может ввести собеседник, и готов их исследовать.

7. *Ведение, управление*. Интервьюер знает, что хочет отыскать: он знаком с целями интервью, с тем, какие именно знания важно получить. Он контролирует ход интервью и не боится пресекать отклонение интервьюируемого от темы.

8. *Критичность*. Не принимает на веру все, что ему говорят, стремится проверить надежность и валидность того, что говорит ему собеседник. Этой критической проверке могут быть подвергнуты как сами по себе высказывания собеседника, так и логичность и последовательность его положений.

9. *Хорошая память*. Интервьюер помнит все, что говорил собеседник на протяжении всего интервью, может воспроизвести более раннее высказывание и попросить развернуть его, может соотнести то, что было сказано в разные моменты интервью, и связать все это в единое целое.

10. *Способность к интерпретации смыслов*. На протяжении всего интервью стремится прояснить и расширить смысл высказываний собеседника, интерпретирует то, что было сказано, причем его интерпретации могут как подтверждаться, так и опровергаться собеседником.

Еще раз обратимся к трем интервью из главы 2. Интервьюер, расспрашивающий об украшении интерьера, задает ясные вопросы, ведет себя мягко и открыто по отношению к тому, что говорит собеседник, чутко прослеживает ответы и ведет интервью так, чтобы узнать то, что хочет знать о переживании наущения. Интервьюер-терапевт ведет себя мягко и

создает ощущение безопасности, позволяя клиентке эмоционально критиковать его, чутко прислушивается к тому, что говорит клиентка, и возвращает ей сказанное с небольшой долей интерпретации. Сократ структурирует свое интервью, начав с речи Агафона и обозначив цель своих вопросов о природе любви. Затем он прогоняет своего собеседника через безжалостный допрос. Хорошо помня высказывания Агафона, он интерпретирует противоречия в его ответах, критически анализирует их логику на основании своего собственного четкого концептуального знания любви и красоты.

Можно упомянуть и короткий отрывок интервью насчет разговорчивости и оценок (глава 1, «Беседа как исследование»). Воспроизводя ответ, полученный ранее в интервью, и открыто спрашивая об этом, интервьюер сразу получает две интересные гипотезы учеников о связи между разговорчивостью ученика и его оценками, а также о связи между оценками и согласием с мнением учителя. Интервьюер не принимает высказывание полностью на веру, но прослеживает его, сначала открыто и даже наивно расспрашивая об этой зависимости, а затем, во втором вопросе, открыто оспаривая эту связь, что побуждает ученика, который продолжает держаться своего мнения, приводить примеры в поддержку своего высказывания.

Несмотря на критерии, данные во врезке 8.2, не существуют абсолютных стандартов квалификации интервьюера. В интервью с действительно важной темой все технические правила и критерии могут потерять смысл при экзистенциальной значимости предмета разговора. Имея практику проведения различных типов интервью с разными людьми, опытный интервьюер может выйти за пределы технических рекомендаций и критериев, а иногда даже сознательно игнорировать или нарушать правила.

Один из случаев нарушения правил в интересах качественного интервьюирования произошел на семинаре, посвященном интервью. Участники разделились на группы и интервьюировали друг друга. По инструкции интервьюер должен был исследовать значение авторитета для собеседника. Все группы, кроме одной, возвратились на пленарное заседание с позитивными отчетами. Негативный опыт был получен в группе, в которой интервьюер держался требовательно, враждебно и отчужденно, постоянно перебивал собеседника, нарушая все правила хорошего интервью, в результате чего вся эта группа вернулась раздраженная и злая. Сам интервьюер дал этому очень простое объяснение — вместо того чтобы расспрашивать о значении авторитета, он сыграл роль авторитарного интервьюера, получив таким образом широкий спектр спонтанных реакций собеседника на феномен авторитета.

Интервью Гамлета

Не существует определенных критериев оценки качества интервью. Пример из литературы показывает, насколько оценка техники проведения интервью зависит от его целей и содержания.

Гамлет: Видите вы вон то облако в форме верблюда?

Полоний: Ей-богу, вижу, и действительно, ни дать ни взять — верблюд.

Гамлет: По-моему, оно смахивает на хорька.

Полоний: Правильно: спинка хорьковая.

Гамлет: Или как у кита.

Полоний: Совершенно как у кита.

Гамлет: ... (В сторону.) Они сговорились меня с ума свести!

(Гамлет. Акт III, сцена 2. Перевод Б. Пастернака)

Первое замечание о качестве этого интервью касается его продолжительности. Интервью Гамлета очень короткое. Однако эти семь строчек настолько насыщены и богаты содержанием, что становятся предметом гораздо более длинных комментариев. Напротив, современные исследовательские интервью часто слишком длинны и полны пустопорожней болтовни. Если человек знает, что спросить, зачем спросить и как спросить, то он может проводить короткие интервью, наполненные смыслом.

Оценка качества гамлетовской техники интервью зависит от того, как его интерпретировать. Этому короткому отрывку можно дать сразу несколько интерпретаций. На первый взгляд, интервью представляет собой пример использования ненадежной техники — несколькими наводящими вопросами Гамлет заставляет Полония дать три совершенно разных ответа. Таким образом, интервью не дает воспроизводимого надежного знания относительно *формы облака*, о котором шла речь.

При другом взгляде, можно было бы изменить тему интервью: речь идет уже не о форме облака, а о *личности Полония*, о том, достоин ли он доверия. Тогда интервью дает надежное, проверенное трижды знание о Полонии как о ненадежной личности — на все три вопроса он отвечает так, как подсказывают ему вопросы Гамлета. При такой смене цели и темы интервью наводящие вопросы уже не являются источником ненадежного знания, они становятся изощренной косвенной техникой ведения интервью.

Затем интервью Гамлета приближается к триединому идеалу — интерпретации, валидации и передачи содержания в конце интервью. Повторяя один вопрос в разных вариантах и каждый раз получая «один и тот же» косвенный ответ относительно личности Полония, интервью становится «самоинтерпретирующимся» еще прежде, чем Гамлет заключает его своей

интерпретацией «в сторону»: «Они сговорились меня с ума свести!». По поводу второго требования — верификации — можно сказать, что немногие современные интервьюеры умеют так же последовательно повторять вопрос в разных вариациях, чтобы проверить надежность ответа. Что касается третьего требования — коммуникации, — то короткое интервью проведено настолько хорошо, что говорит само за себя. Я бы сказал, что когда зрители смотрят спектакль, то, как правило, они переживают переключение гештальта (изменение темы интервью — с формы облака на степень надежности личности) еще до того, как Гамлет произносит свою реплику «в сторону».

До сих пор я рассматривал интервью Гамлета изолированно, вне контекста, не учитывая его положение во всей драме. С третьего взгляда интервью представляется отражением *отношений власти* при дворе. Принц демонстрирует свою силу, заставляя придворного говорить все, что хочет он. Или придворный демонстрирует свой способ управлять властными отношениями при дворе. В предыдущей сцене Полоний сам дает урок того, что в современных учебниках называют косвенной, воронкообразной техникой интервью. Полоний просит посланника, который едет в Париж, поинтересоваться поведением его сына, который изучает там музыку. Наставляя посланника, он рекомендует ему начать с широкого подхода: «Сперва спросите про датчан в Париже», — а затем постепенно приближаться к конкретному человеку, предполагая в нем, наконец, такие пороки, как пьянство, ругань, распутство. «...На удочку насаживайте ложь и подцепляйте правду на приманку». И он заключает свой урок: «Издалека, обходом, стороной с кривых путей выходим на прямой» (*там же*, акт II, сцена I). Если Полоний так искусен в технике косвенного расспрашивания, то на самом ли деле его обманула техника Гамлета? Или он увидел эту схему и подыгрывал Гамлету как придворный?

Центральная тема этой пьесы, написанной на границе Средневековья и современности, — испытание реальности; не просто неуверенность в мотивах других, но озабоченность хрупкой природой реальности. В этом случае интервью Гамлета можно считать иллюстрацией *глобального недоверия к видимому миру*, включая форму облаков и личность знакомых персонажей.

С этической точки зрения оценка интервью Гамлета опять-таки зависит от интерпретации целей и содержания. При первом чтении кажется, что наводящие вопросы ведут лишь к ненадежному знанию о форме облака. При втором прочтении, интервью представляет собой намеренный обман Полония — здесь уже речи не идет об информации, последствия разговора могут стать для протагонистов вопросом жизни и смерти. Этика принципов в данном случае перевешивается чисто утилитарной заинтересованностью в том, чтобы выжить.

В заключение можно сказать, что качество полученного Гамлетом знания, так же как и этическая оценка интервью, зависит от интерпретации целей и темы интервью. Далее мы более подробно рассмотрим проблемы этики и наводящих вопросов. Эти проблемы никак не могут быть чисто техническими: они поднимают фундаментальные вопросы природы человеческого взаимодействия в интервью и реальности, о которой в нем идет речь.

Этика интервьюирования

Качество интервью с точки зрения этики в этой книге рассматривается в первую очередь с позиций этических принципов осознанного согласия, конфиденциальности и последствий. Подчеркнуть некоторые этические проблемы, связанные с исследовательским интервью, поможет его сравнение с интервью терапевтическим.

✓ *Осознанное согласие.* Во время коротких бесед до и после интервью собеседника необходимо поставить в известность о целях и процедуре интервью. Если предполагается дальнейшее использование текста интервью, то предпочтительнее иметь письменное соглашение, подписанное и интервьюером и интервьюируемым, подтверждающее осознанное согласие последнего участвовать в интервью и содержащее разрешение на использование записи в будущем. Оно может также содержать информацию о конфиденциальности и о том, кто будет иметь доступ к записи, о праве исследователя публиковать текст интервью целиком или частично и о возможности для интервьюируемого ознакомиться с расшифровкой записи и с интерпретацией. Как правило, такие вопросы не кажутся респондентам особенно важными, но в случае, если исследование вызывает или усиливает конфликт, особенно конфликт внутри организации, письменное соглашение может послужить защитой как исследователю, так и респонденту.

Конфиденциальность. Качественное исследовательское интервью сопровождается этическими проблемами, отличными от тех, которые возникают при использовании стандартизованных опросников или в терапевтическом интервью. Конфиденциальность в этих случаях обеспечивается подсчетом средних значений ответов или закрытыми дверями терапевтического кабинета — в исследовательском интервью здесь больше проблем. Вопросы обеспечения конфиденциальности на этапе расшифровки и написания отчета будут рассмотрены в последующих главах (глава 9, «Расшифровка интервью»; глава 14, «Этика написания отчета»).

Последствия. Последствия участия в интервью для интервьюируемых касаются как самой ситуации, так и эффектов, появляющихся позднее. В исследовании об оценках выгоды исследования казались очевидными, исследователи не видели никакого вреда для учеников, которых интервьюировали, и считали, что получение более полных знаний о воздействии оценок — в интересах самих учеников. Однако некоторые проблемы для респондентов все же имели место. Датские школьники смущались, описывая собственное отношение к определенным формам поведения, связанного с оценками, таким, как соревнование за оценки и лезть как способ получить хорошую оценку (см. глава 7, «Интервью об оценках»). В этих пунктах их ответы часто становились расплывчатыми и чересчур общими. Цели исследования требовали, чтобы эти вопросы прояснились более интенсивно и решительно, так как нужно было получить надежные знания о поведении под воздействием оценок, но это не делалось в интересах благополучия учеников; когда они соглашались на интервью, им не говорили, что их могут спросить о том, что заставит их чувствовать себя виноватыми или изменит их мнение о себе.

Исследовательское и терапевтическое интервью. Некоторые возможные последствия исследовательского интервью станут особенно ясны, если сравнить его с терапевтическим. Хотя исследовательское интервью очень многое взяло у терапевтического, важно различать эти два вида интервью. Основная цель терапии — изменить пациента. Основная цель исследовательского интервью — получить знания. Однако способность интервьюера-исследователя внимательно слушать может в некоторых случаях привести к возникновению квазитерапевтических отношений, для развития которых большинство интервьюеров-исследователей не имеют ни соответствующей подготовки, ни достаточно времени. В зависимости от продолжительности, темы и собеседника исследовательское интервью может очень близко подойти к терапевтическому. Квазитерапевтические отношения могут быть спровоцированы длительными повторяющимися интервью с одним собеседником, при которых может возникнуть тесный межличностный контакт (раппорт). Если тема интервью затрагивает очень личные и эмоционально нагруженные проблемы, то в некоторых случаях интервью может пробудить глубокие личностные проблемы, разрешение которых требует терапевтической помощи. Эмоционально нестабильные респонденты, более или менее сознательно стремящиеся получить профессиональный совет, могут попытаться превратить исследовательское интервью в личную терапию.

При планировании исследования во внимание должна приниматься любая возможность приближения ситуации интервью к терапевтическим от-

ношениям, что требует постоянного наблюдения. Если исследовательский проект предполагает интервьюировать чувствительных респондентов или затрагивать болезненные вопросы, то возможно заключить соглашение с терапевтом, который мог бы «быть на подхвате» и помогать разрешать личные проблемы, если таковые актуализируются во время интервью.

В некоторых случаях есть возможность оказать респондентам ответные услуги. Одно такое исследование касалось перехода пациентов с психическими расстройствами от жизни в государственной клинике к обычной жизни в городе Орхусе. По предложению своего руководителя, трое студентов-психологов проводили с пациентами интенсивные личные интервью на всем протяжении этого периода перехода, а затем, для того чтобы облегчить им возвращение к обычной жизни, организовали для них консультационную группу. В подобных терапевтических исследованиях можно, таким образом, обменивать терапию на информацию, предоставляя помощь, облегчающую те трудности, с которыми могут столкнуться респонденты.

Подозрительное отношение к высказываниям собеседника, как в интервью Гамлета, тоже довольно часто встречается в некоторых формах психологических исследовательских интервью и может быть основано на терапевтической установке. В терапии вполне этичным считается скептическое отношение к словам пациентов о том, что они потеряли смысл и цель своей жизни и пришли к терапевту затем, чтобы он помог им понять, чего же они на самом деле хотят и в чем видят смысл. В отличие от терапевтического интервью, в котором недоверчивое отношение к высказываниям пациента может быть частью неявного терапевтического контракта, использование в исследовательском интервью скрытых техник и интерпретация смысла высказываний собеседника с позиций неверия в его мотивы чреваты возникновением этических проблем.

Когда исследователь высказывает интерпретацию, выходящую за рамки самопознания интервьюируемого, появляется сразу несколько вопросов: «Нужно ли сталкивать собеседника с интерпретацией, о которой он, возможно, не просил?»; «Сделать это во время интервью? В процессе анализа интервью? Во время написания отчета?»; «Что делать с разногласиями между интервьюером и интервьюируемым относительно интерпретации темы?». В терапии ответы на эти вопросы относительно просты. Пациенты сами приходят к терапевту и платят ему за то, чтобы он помогал им меняться, включая и болезненные изменения в самоосознании, встречающиеся в их диалогах на протяжении многих лет. В психоанализе проработка сопротивления пациента интерпретациям терапевта составляет существенную часть терапевтического процесса. Однако в исследовании именно интер-

вьюер приходит к респонденту, его не просят об интерпретациях, которые вели бы к изменению понимания собеседником себя и мира вокруг. Скажем еще более определенно: в терапии незтичным будет такое положение дел, при котором терапевтические беседы, о которых просит пациент и за которые он очень дорого платит, не приводят к новым инсайтам или эмоциональным изменениям. Но в исследовательском интервью, о котором просят уже респондента, незтично было бы провоцировать новые интерпретации себя респондентом или его эмоциональные изменения.

Внутреннее противоречие между поиском научного знания и нравственным уважением личности интервьюируемого можно проиллюстрировать следующим примером (см. Fog, 1992). Как терапевт, проводящий исследовательские интервью, Й. Фог обращается к дилемме исследователя, который, с одной стороны, хочет, чтобы интервью было максимально глубоким и обладало новизной, рискуя при этом нарушить права личности, а с другой стороны, стремится максимально уважать собеседника и при этом рискует тем, что полученный эмпирический материал будет очень поверхностным. Фог упоминает женщину, несколько раз очень энергично сказавшую интервьюеру, что она счастлива в браке. В то же время эта женщина подавала множество вербальных и невербальных сигналов, опровергающих это утверждение, и рассказывала о ситуациях, когда она испытывала злость по поводу своего брака. Таким образом, полученная в интервью информация была двусмысленной и поставила интервьюера в ситуацию выбора между научными и этическими соображениями. Должен ли он оставить ее версию без комментариев или стоит исследовать свою версию о том, что эта женщина отвергает реалии своего брака, а затем продвинуться дальше и показать ей все те несоответствия и противоречия, которые она допустила, рассказывая о своем браке? Следствием второго выбора для женщины были бы радикальные изменения в понимании самой себя и своего брака. Это могло бы быть частью имплицитного контракта в терапевтическом интервью, но определенно выходит за пределы контракта обычного исследовательского интервью, и в данном случае таких попыток не было предпринято.

Наводящие Вопросы

Можно сказать, что на сегодняшний день, среди всех проблем, связанных с исследовательским интервью, наибольший интерес вызывают наводящие вопросы. Проблема иногда формулируется в виде вопроса: «Может ли вообще результат интервью не быть обусловлен наводящими

вопросами?». Сама форма вопроса включает «парадокс лжеца» — ответ: «Да, это серьезная опасность» — может быть спровоцирован самой наводящей формой этого вопроса, а ответ: «Нет, это не так» — может демонстрировать, что наводящие вопросы не влияют на результат.

Существует установленный факт — даже небольшое изменение формы вопроса в опроснике или в опросе свидетелей может повлиять на ответ. Когда публикуются результаты исследований общественного мнения в избирательной кампании, то сторонники политических партий, получивших низкий рейтинг, обычно немедленно начинают искать отклонения в формулировках вопросов. В психологическом эксперименте, изучавшем надежность свидетелей, разным участникам показывали один и тот же фильм, в котором сталкивались две машины, а потом просили оценить их скорость. Среднее значение скорости в ответах на вопрос: «Как быстро шли машины в тот момент, когда они врезались друг в друга?» равнялось 41 миля в час. Другие эксперты, которые видели тот же фильм, но при этом в вопросе слово *врезались* было заменено на слово *вошли в контакт*, в среднем оценили скорость как 32 мили в час (Loftus, Palmer, 1974). Политики очень хорошо умеют переформулировать наводящие вопросы репортеров, но если наводящие вопросы задают тем, кого легко сбить с толку, например маленьким детям, то данные исследований могут получиться не соответствующими действительности — ключевой вопрос для тех, кто сегодня занимается проблемой насилия над детьми.

Часто, зная, что формулировка вопросов может исподволь влиять на содержание ответа, исследователи забывают, что наводящие вопросы являются существенной частью многих процедур опроса — их использование зависит от целей и предмета исследования. Если у расспрашивающего возникает подозрение, что какая-то информация утаивается, то наводящие вопросы могут быть заданы специально. Тогда вся тяжесть опровержения перекладывается на собеседника, как, например, в вопросе «Когда вы перестали бить свою жену?» Полицейские и адвокаты также систематически применяют наводящие вопросы для проверки последовательности и надежности высказываний человека. В исследовании личности с помощью теста Роршаха психолог использует наводящие вопросы, чтобы «установить границы» специфических форм восприятия двусмысленных чернильных пятен. В исследованиях Ж. Пиаже (интервью с детьми об их понимании физических понятий) вопросы, ведущие в ложном направлении, применялись для проверки устойчивости понимания детьми, к примеру, того, что такое вес. В диалоге Сократа о любви он многократно использует такие наводящие вопросы, как, например, «Ты говорил... не так ли?», для того, чтобы показать противоречия в понимании Агафоном любви и красоты.

В качественном исследовательском интервью особенно удобно использовать наводящие вопросы для того, чтобы многократно проверить надежность высказываний интервьюируемого, а также для того, чтобы проверить правильность интерпретаций интервьюера. Таким образом, в противовес широко распространенному мнению, наводящие вопросы не всегда снижают надежность интервью, но могут ее увеличивать. Кроме того, в настоящее время они не только не используются слишком широко, но, наоборот, сознательно задаваемые наводящие вопросы слишком редко применяются в качественном исследовательском интервью.

Стоит заметить, что наводящими могут быть не только предшествующие ответу вопросы — реакции интервьюера (вербальные и телесные) на ответ могут как позитивно, так и негативно его подкреплять, воздействуя тем самым на дальнейшие ответы собеседника. Технические проблемы использования наводящих вопросов в интервью чересчур подчеркиваются, в то время как наводящему воздействию исследовательских вопросов, основанных на самом проекте исследования, уделяется гораздо меньше внимания. Вспомним различные виды ответов, полученные в рожерианском, фрейдистском и бихевиористском подходах в воображаемом интервью по поводу насмешек (глава 5, «Выбор темы»). Ориентированные на проект исследовательские вопросы определяют, какой тип ответов можно получить. То есть задача состоит не в том, чтобы избегать наводящих вопросов, а в том, чтобы осознавать приоритетность вопросов и стараться сделать ориентирующие вопросы явными, таким образом давая читателю возможность оценить их влияние на результаты исследования и определить валидность этих результатов.

Тот факт, что проблеме наводящих вопросов уделяется столько внимания, может быть следствием наивного эмпиризма. Это может быть вера в существование беспристрастного наблюдения за объективной социальной реальностью, независимой от наблюдателя; вера, которая предполагает, что интервьюер собирает вербальные ответы так же, как ботаник собирает на природе растения, а шахтер добывает из-под земли редкие металлы. С альтернативной точки зрения, вытекающей из постмодернистских взглядов на конструирование знания, интервью — это разговор, в котором факты возникают в межличностном взаимодействии, соавторстве и совместном творчестве интервьюера и интервьюируемого. Ключевой вопрос не в том, должны ли вопросы интервьюера вести куда-либо, а в том, куда они должны вести, и в том, ведут ли они в нужном направлении, которое даст новые, заслуживающие доверия и интересные знания.

Глава 9.

От речи к тексту

Перед тем как обратиться к анализу знаний, сконструированных во взаимодействии в процессе интервью, рассмотрим расшифровку интервью. Расшифровка — это не только техническая работа, сама по себе она является процессом интерпретации. В то время как взаимодействие в ситуации интервью широко освещено в методической литературе, переводу интервью из устной формы в форму записанного текста уделялось меньше внимания. Эта глава посвящена процедуре превращения разговора в нечто доступное анализу — записи устного взаимодействия в ходе интервью, их расшифровке и переводу в форму записанного текста, а также использованию компьютерных программ для анализа интервью. Практические проблемы, возникающие при расшифровке, приводя к теоретическим вопросам о различиях между устной и письменной речью, в свою очередь, ведут нас к осознанию роли языка в исследованиях с помощью интервью, которой не уделялось должного внимания.

Запись интервью

Методы записи интервью для документирования и последующего анализа включают аудиозапись, видеозапись, запись от руки и запоминание. Сегодня для этого обычно применяется *диктофон*. В этом случае интервьюер может позволить себе сосредоточиться на теме интервью и динамике взаимодействия. Слова, тон, которым они произносятся, паузы и тому подобное запечатлеваются навсегда, и потом к ним можно снова и снова возвращаться, чтобы еще раз прослушать. Однако аудиозапись дает внеконтекстную версию интервью: она не содержит визуальных компонентов ситуации — ни обстановки, ни мимики, ни жестов участников разговора.

Видеозапись фиксирует визуальные аспекты интервью. Записывая мимику и позы, видеозапись обеспечивает более широкий контекст для интерпретации, чем аудиозапись. Видеозапись дает уникальную возможность для анализа межличностного взаимодействия в интервью — именно это привело к широкому использованию видео в исследованиях и обучении терапии.

Большое количество информации делает анализ видеозаписи очень длительным процессом. Для большинства проектов исследовательских интервью, особенно для тех, где интервью предполагается много, а также для тех, где основной интерес представляет содержание сказанного, ана-

ли: видеозаписей слишком обременителен. Видеозаписи полезны для обучения интервьюеров, они дают им возможность осознать свою мимику и жесты во время интервью, особенно те, что способствуют или препятствуют общению. То же самое можно сказать о более тонких способах подкрепления определенных видов ответов с помощью кивков, улыбок и поз, которые интервьюер может не осознавать и которые не фиксируются диктофоном.

Следует заметить, что включение видеоряда не решает проблемы объективного представления ситуации интервью. Современные исследователи, использующие видео, хорошо осознают конструктивную природу своих материалов, являющихся результатом многих выборов, которые делает исследователь, — углов, кадрирования, освещения, последовательности кадров и др. (см., например, *Harel, Papert, 1991*).

Интервью также можно зафиксировать, используя субъективное восприятие интервьюера, его *воспоминания*, полагаясь при этом на его эмпатию и память — записывая основные моменты интервью после сессии, пользуясь заметками, сделанными во время интервью, или без них. Очевидно, что памяти можно доверять не во всем, и при анализе надо учитывать, например, то, что детали быстро забываются или что память обладает избирательностью. Однако непосредственные воспоминания интервьюера содержат визуальную информацию о ситуации, а также впечатление об атмосфере и личностном взаимодействии, которые по большей части теряются при аудиозаписи. Активное слушание интервьюера и его воспоминания могут в идеале служить еще и как селективный фильтр, сохраняющий только те смыслы, которые необходимы для предмета и целей исследования.

Хотя сейчас воспоминания часто ругают как субъективный метод, избилующий отклонениями, ими не следует пренебрегать, так как воспоминания являются основной эмпирической базой психоаналитической теории, основанной на эмпатическом слушании терапевта и его воспоминаниях о терапевтическом интервью. З. Фрейд разрабатывал теорию психоанализа, когда диктофонов еще не было. Он воздерживался от записей в течение психотерапевтической сессии, с неослабевающим вниманием слушал, следил за смыслом того, что говорилось, и делал записи сразу после сессии (*Freud, 1963*). Этот тип сосредоточенности основан на активном слушании в течение сессии, он требует сензитивности и тренировки. Современные интервьюеры-исследователи могут и не обладать такими качествами, используя в качестве реальных данных записи и расшифровки. Можно даже предположить, что если бы диктофоны существовали во времена Фрейда, то психоаналитическая теория и не пошла бы дальше бесконечного цитирования слов пациента, а психоанализ так и остался бы достоянием узкого круга

венских психоаналитиков, потерявшись в хаосе записей и расшифровок их терапевтических сессий.

Запись. Наиболее часто встречающийся метод записи интервью — аудиозапись с последующей расшифровкой — мы рассмотрим более подробно. Первое требование расшифровки записанного интервью — полная, хорошая запись. Некоторые интервьюеры имеют горький опыт, когда отличное интервью не попадает на пленку по техническим причинам или чаще — из-за ошибок людей. Интервьюер может быть настолько захвачен новизной и сложностью ситуации интервью, что просто забывает включить диктофон, или само интервью может быть настолько напряженным, что из головы вылетают все мысли о технике.

Второе требование расшифровки — хорошая слышимость. Диктофон и микрофон высокого качества обязательны. Нужно также найти помещение, в котором нет шумового фона — голосов из соседней комнаты или шума транспорта. Для обеспечения хорошего качества записи необходимо, чтобы микрофон находился в одинаковой близости от обоих участников беседы; чтобы интервьюер не побоялся попросить бормочущего собеседника говорить громче; чтобы интервьюер все время помнил о будущей работе по расшифровке и старался не стучать по столу кофейной чашкой или чем-нибудь еще, заставляя впоследствии расшифровщика слушать громовые раскаты (более подробные рекомендации по обеспечению высококачественной записи интервью см. *Yow, 1994; Poland, 1995*).

Надежность и Валидность расшифровки

В настоящее время интервью редко анализируются непосредственно по аудиозаписи. Обычно процедура анализа начинается с того, что запись интервью переводят в письменную форму. Хотя это кажется совершенно простым и понятным действием, существует несколько методических и теоретических проблем расшифровки. Например, как только расшифровки сделаны, к ним начинают относиться как к *совершенно* верным эмпирическим данным исследовательского проекта. Однако расшифровки вовсе не являются «железными» данными исследовательского интервью, это лишь искусственные построения, возникшие при переводе речи из устной формы в письменную. Любой перевод из одного контекста в другой предполагает множество суждений и решений. Я уточню конструктивную природу расшифровок, подробнее рассмотрев их надежность и валидность.

Надежность. Вопрос надежности интервьюера очень часто возникает в исследовательском интервью. При этом, в противоположность социолингвистическим исследованиям, рассматривая интервью, проведенные в рамках общественных наук, вопрос о надежности расшифровщика поднимают очень редко. С технической точки зрения эту надежность легко проверить — для этого нужно, чтобы два человека независимо друг от друга расшифровали и напечатали один и тот же отрывок интервью, а затем, пользуясь компьютерной программой, сосчитать количество слов, которые различаются в этих двух текстах, и получить, таким образом, количественную оценку надежности.

Интерпретационный характер ясно виден из сравнения двух расшифровок одной записи в таблице 9.1. Неодинаковые слова выделены курсивом. Обе расшифровки сделаны психологами, получившими инструкцию расшифровать запись настолько точно, насколько это возможно. Кроме того, расшифровщики имели разный стиль. Расшифровщик *А*, похоже, записывал все дословно, сохраняя больше слов, и, видимо, старался больше угадать, чем расшифровщик *Б*, который записывал только то, что было ясно и отчетливо, и его запись больше соответствовала письменной речи. Наиболее заметное различие между двумя расшифровками состоит в передаче вопроса интервьюера: в одном случае — «because you don't get grades?» («Потому что не получаешь оценки?»), в другом — «of course you don't like grades?» («Конечно, тебе не нравятся оценки?»). Соответственно, ответ собеседника звучал двусмысленно: «Да, я думаю, это так...».

Качество расшифровки можно улучшить, если дать четкую инструкцию относительно процедуры и целей расшифровки и предварительно провести проверку надежности. Однако, даже имея подробную инструкцию, двум расшифровщикам может быть достаточно трудно договориться полностью о том, что на самом деле было сказано. Повторное прослушивание может показать, что причиной некоторых разногласий стали плохая запись и недослышанные слова. Другие разногласия, интересные с интерпретационной точки зрения, не могут быть разрешены единогласно, например, каково окончание предложения? Где была пауза? Сколько должно продлиться молчание, чтобы можно было считать его паузой в разговоре? Принадлежит ли конкретная пауза интервьюеру или его собеседнику? А если рассматриваются и эмоциональные аспекты беседы, такие, как, например, «напряжение в голосе», «хихиканье», «нервный смех» и так далее, то в исследовательском проекте должна быть специально разработана процедура определения интересующей надежности расшифровки.

Две расшифровки одного отрывка из интервью

Расшифровка А

Интервьюер: Ты говоришь, *потому что не получаешь* оценки? Это правда?

Собеседник: Да, я думаю, что это правда, потому что если я получаю оценки, я буду работать за оценки, а это противоположно тому, чтобы работать... *ммм*, расширяя свои знания или преодолевая *свои* ограничения, или *что-то*... слушать новым идеям...

Расшифровка Б

Интервьюер: Ты говоришь, что, *конечно*, тебе не нравятся оценки?

Собеседник: Да, я думаю, это правда, потому что если я получаю оценки, я буду работать за оценки, а это противоположно тому, чтобы работать, расширяя свои знания или преодолевая *эти* ограничения, (нечеткая запись)... слушать новым идеям...

Валидность. Убедиться в валидности расшифровки интервью гораздо сложнее, чем в ее надежности. Вопрос о том, что такое валидность расшифровки, можно прояснить на примере двух расшифровок рассказа семилетней школьницы афроамериканского происхождения (см. таблицу 9.2). Две расшифровки отрывка длинного рассказа (упражнения, сделанного в классе) выполнены двумя исследователями и представлены Э. Мишлером (Mishler, 1991). Расшифровка А — это дословная передача устной формы рассказа. Школьный учитель посчитал, что весь рассказ бессвязный и беспорядочный и не соответствует критериям связности и адекватного использования языка. Расшифровка Б — это идеализированная реализация того же отрывка, переданная в поэтической форме исследователем, знакомым с лингвистической практикой устной речи чернокожих.

В данном случае рассказ представляется подлинным *tour de force** и в результате получается замечательное повествование. Ни одна из этих расшифровок не является более объективной, чем другая. Скорее, они обе представляют собой различные письменные конструкции одного и того же устного отрывка: «Различные расшифровки — это конструирование различных миров, причем каждая создается для того, чтобы соответствовать нашим конкретным теоретическим положениям и позволить нам исследовать реализацию этих положений» (Mishler, 1991. P. 271).

* творческим усилием (фр.)

Таблица 9.2

Две расшифровки рассказа Леоны о ее щенке*

Расшифровка А

...и тогда мой щенок пришел/ он спал / и он был — он был/ он старался проснуться / и он порвал мне брюки / и он опрокинул овсянку — все кругом запащ-
кал / и / мой отец пришел / и он сказал

...

Расшифровка Б

Вот мой щенок пришел
Он спал
Проснуться он старался
Порвал мне брюки
И все кругом
Залил овсянкой
И мой отец пришел
И говорит

...

* См. *Mishler*, 1991.

Расшифровка включает в себя перевод с устного языка, в котором действуют свои правила, на письменный язык, в котором правила другие. Расшифровка — это не копирование или представление некоторой первоначальной реальности. Это интерпретирующее построение, являющееся полезным инструментом для выполнения определенных целей. Расшифровка — это деконтекстуализированное сохранение, абстракция, так же как топографическая карта — это абстракция местности, с которой ее снимают. Карта подчеркивает одни аспекты местности и опускает другие, отбор этих характеристик зависит от намерений составителя. Автомобильные, авиационные, агротехнические и геологические карты одной и той же топографической зоны будут существенно отличаться. Например, объективная карта не показывает точной формы острова Гренландия: его форма зависит от избранной формы проекции на плоскость изогнутой поверхности планеты, которая (проекция) в свою очередь зависит от того, как намерены использовать эту карту.

Соответственно, на вопрос: «Что такое правильная расшифровка?» — ответа быть не может, так как не существует истинного перевода с устного на письменный. Более конструктивный вопрос будет звучать так: «Какая расшифровка полезна для целей моего исследования?». Так, дословное

описание необходимо для лингвистического анализа, включение пауз, повторений и тона голоса соответствует, например, психологической интерпретации уровня тревоги или смысла отказа. Трансформация разговорной речи в литературную облегчает передачу смысла рассказа респондента читателям.

Устная и письменная речь

Если исследователь пренебрегает вопросами расшифровки, то его дорога в ад будет выстлана распечатками расшифровок. Интервью — это захватывающий разговор между двумя людьми. Расшифровка — застывшая во времени абстракция, оторванная от своей основы межличностного взаимодействия. Живой разговор лицом к лицу в расшифровке застывает. Расшифровка — это перелом, перевод одной формы повествования (устного дискурса) — в другую (письменный дискурс). *Транс-крибировать* (расшифровать) значит *транс-формировать* (изменить), перевести одну форму в другую. Попытки дословного транскрибирования интервью дают гибрид, искусственную конструкцию, которая не адекватна ни живой устной речи, ни формальному стилю письменного текста. Расшифровка — это перевод с одного языка на другой; то, что в герменевтической традиции говорится о переводчиках: *traduire traittori*, переводчики суть предатели, — можно сказать и о расшифровщиках.

То, что риторические формы устной и письменной речи различаются, часто упускается в процессе расшифровки интервью в общественных науках; единственное исключение — это Б.Д. Поланд (*Poland, 1995*). Осознавая социальную природу расшифровки, он подробно обсуждает процедуры, с помощью которых можно сделать ее более достойной доверия и, таким образом, повысить точность качественного исследования. Социолингвистика и этнометодология обратили внимание на различия между устной и письменной речью (*Ong, 1982; Tannen, 1990; Tedlock, 1983*). В историческом лингвистическом исследовании, приводя в пример особенности работы Гомера, У. Дж. Онг подчеркивает, что мысль и форма первоначальной устной культуры близки к жизненному миру человека, они ситуативны, проникнуты эмпатией и участием, аддитивны, совокупны, полемичны и чрезмерны. Напротив, для письменной культуры характерны аналитичные, абстрактные и объективно дистанцированные формы мысли и экспрессии.

Расшифровки интервью читать часто скучно, скука возникает из-за повторений, незаконченных предложений и множества отступлений. Несогласованные на первый взгляд высказывания могут быть согласованы в кон-

тексте живого разговора, сопровождаемые интонацией, мимикой и языком тела, добавляющими нюансы к тому, что сказано, или противореча ему. Такие расхождения между тем, что произносится, и мимикой и жестами, сопровождающими слова, намеренно используется в некоторых формах юмористических или иронических высказываний.

Проблемы с расшифровками интервью зависят не столько от техники расшифровки, сколько от различий, внутренне присущих устной и письменной разновидностям дискурса. Расшифровка — это деконтекстуализированный разговор. Если в качестве основной посылки интерпретации принять зависимость смысла от контекста, тогда изолированная расшифровка дает очень скудный материал для интерпретации. Интервью происходит в контексте, в котором пространственные, временные и социальные переменные даны участникам непосредственно в их разговоре лицом к лицу, но недоступны читателю расшифровки, находящемуся вне контекста. В отличие от записи интервью, в литературном произведении описывается непосредственный контекст разговора, включая невербальную коммуникацию в той степени, в которой автор считает ее необходимой для рассказа. То же самое относится и к журналистским интервью.

Расшифровка вырвана из времени: живая, дышащая беседа заморожена в письменном тексте. Слова разговора, сменяющие друг друга, как фигуры в импровизированном танце, зафиксированы в неподвижных написанных словах, доступных многократному публичному анализу. Слова расшифровки приобретают вес, который не предполагался непосредственным контекстом беседы. Течение беседы с открытым веером возможных направлений и смыслов, которые нужно было исследовать, подменяется фиксированным, неподвижным письменным текстом.

Обычно в разговоре мы располагаем непосредственным доступом к смыслу того, что говорит собеседник. Когда происходит анализ интервью, записи и особенно расшифровки, то между исследователем и первоначальной ситуацией начинает образовываться непрозрачный экран. Записанная, оформленная речь приковывает внимание к себе, а эмпатически пережитые, прожитые смыслы первоначальной беседы выцветают. Бледные засушенные цветы гербария занимают место свежих, ярких полевых цветов. Расшифровка становится частью фундаментальных вербальных данных исследовательского интервью, а не тем смыслом, который возбуждал и оживлял личностное взаимодействие в ситуации интервью.

То, что расшифровка основана по большей части на интерпретации, в процессе анализа часто забывается, и расшифровка начинает казаться железным обоснованием для интерпретирования. Игнорирование множества технических и теоретических проблем, связанных с переводом разговора

в письменную форму, может быть следствием того, что общественные науки пренебрегают лингвистическими средствами исследовательского интервью. Сегодня общественные науки простодушно используют язык, на котором, собственно, и основаны их профессиональная практика и исследования. Хотя большинство современных программ подготовки в сфере общественных наук включают курсы по статистическому анализу количественных данных, поистине редкостью является даже рудиментарное введение в лингвистический анализ языковых качественных данных.

«Невозможность опереться на концепцию стабильных универсальных, внеконтекстных и ясных отношений между представлением и реальностью, между языком и смыслом сталкивает исследователей со сложными серьезными теоретическими и методологическими проблемами» (Mishler, 1991. P. 278). Пренебрежение лингвистическими сложностями в процессе перевода устной речи в письменную присуще философии наивного реализма с присущей ей неявной гипотезой о неизменности некоторых самородков истинных смыслов при переводе из одного контекста в другой. В противоположность этому постмодернистская концепция знания подчеркивает контекстуальность смысла и внутренние отношения между смыслом и формой. В этой концепции внимание сосредоточено как раз на разрывах в общении, на нарушении смысла. Нюансы и различия, трансформации и прерывистость смысла становятся самой сутью знания. Постмодернистский подход к познанию не разрешает всех технических и теоретических проблем расшифровки. Однако акцент на лингвистическом конструировании реальности, на контекстуальности смысла и на знании как результате разрывов и превращений на стадии расшифровки предполагает особую сензитивность и сосредоточенность, которые в исследованиях с использованием интервью часто недооцениваются.

Расшифровка интервью

Перевод интервью из устной формы в письменную перестраивает беседу таким образом, что она становится более доступна пристальному анализу. Структурирование материала в форме текста облегчает охват его в целом и само по себе является началом анализа. Величина и форма расшифровки зависят от таких факторов, как природа материала, цели исследования, наличие времени и денег и — что важно помнить — наличие надежного и терпеливого человека, который будет все это печатать. Расшифровка записи и превращение ее в текст ставит ряд технических и ин-

терпретационных вопросов, для решения которых существует несколько стандартных правил, хотя это не отменяет необходимость делать выбор.

Напечатать одно или несколько пилотажных интервью для интервьюера было бы полезным упражнением. Это позволит ему понять, насколько важно качество акустики при записи, а также необходимость получения ясных ответов в ситуации интервью. Опыт расшифровки даст интервьюеру возможность осознать некоторые из многих решений, которые приходится принимать при переводе устной речи в написанный текст, позволит ему почувствовать, какого времени и каких сил требует расшифровка интервью.

Набор текста. Время, необходимое для расшифровки интервью, будет зависеть от качества записи, скорости, с которой расшифровщик будет набирать текст, требований точности и необходимой степени детализации. Расшифровка больших массивов интервью — работа напряженная и утомительная. Это напряжение можно снизить, если обеспечить высокое качество акустики.

Что касается интервью в исследовании об оценках, то опытной секретарше в среднем требовалось около 5 часов, чтобы дословно распечатать часовое интервью, протокол его занимал от 20 до 25 страниц в зависимости от количества сказанного и плотности печати.

Кто должен расшифровывать? В большинстве исследований записи расшифровывает секретарь, который лучше, чем исследователь, набирает текст. Те исследователи, кого интересует прежде всего способ коммуникации и лингвистический стиль, могут решить делать расшифровку собственноручно, дабы сохранить детали, необходимые для их конкретного анализа. Некоторые дают машинистке сделать первую расшифровку всех интервью в исследовании, затем исследователь сам все их читает, выбирает те интервью или те части интервью, которые будут предметом подробного анализа, и распечатывает их заново сам.

Стиль. В расшифровке есть одно основное правило — в отчете должно быть совершенно ясно обозначено, каким образом была сделана расшифровка. Обычно это делается на основании письменных инструкций расшифровщику. Если в одном исследовании работают несколько расшифровщиков, то стоит позаботиться о том, чтобы они придерживались одной процедуры при наборе. Если этого не сделать, то будет очень сложно сравнивать интервью между собой.

Хотя стандартной формы или кода для расшифровки исследовательского интервью не существует, необходимо принять несколько стандартных

решений: нужно ли расшифровывать высказывания дословно, слово за словом, включая частые повторения, или интервью должно быть превращено в более формальный письменный текст? Воспроизводить ли дословно все интервью, или расшифровщику нужно сократить и подытожить некоторые его части, не содержащие информации, соответствующей целям исследования? Нужно ли фиксировать паузы, интонационные ударения и выражения эмоций — такие, как смех и вздохи? И если паузы учитываются, то насколько подробно их нужно фиксировать?

На эти вопросы не существует корректных стандартных ответов, они зависят от того, как исследователь намерен использовать расшифровку. Одна из возможных линий редактирования, справедливая в отношении респондентов, — представить себе, как бы они сами хотели сформулировать свои ответы в письменной форме. Тогда расшифровщик от лица респондента переводит его стиль устной речи в письменную форму в соответствии с основным способом выражения данного конкретного респондента. Степень детализации расшифровки будет зависеть от того, кто и как намеревается ее использовать; например, что касается пауз, то в некоторых случаях достаточно просто отметить «короткая пауза» или «длинная пауза», тогда как для детального социолингвистического анализа длительность пауз нужно фиксировать в миллисекундах.

Выбор вида расшифровки зависит от аудитории, которой намереваются представить текст. Исследователю, чтобы помочь ему вспомнить интервью? Респондентам, чтобы подтвердить, что их взгляды переданы в интервью адекватно, а может быть, и для того, чтобы пригласить их расширить сказанное? Исследовательской группе для подробного анализа интервью, или критически настроенным коллегам, стремящимся проверить материал, на котором исследователь строит свои заключения? Или широкому читателю, ждущему от интервью иллюстраций конкретных случаев из жизни?

Выбор вида расшифровки зависит и от ее предполагаемого использования. Если исследователю нужно дать некоторое общее представление о взглядах респондента, то допустимо перефразировать и сокращать высказывания. Если же анализ будет проводиться в форме категоризации или конденсации общего смысла сказанного, то расшифровку желательно несколько подредактировать. Однако если расшифровка служит материалом для социолингвистического или психологического анализа, она должна быть детальной и дословной. Даже многочисленные «хм» обычного разговора, которые раздражают при чтении расшифровки, могут пригодиться для дальнейшего анализа. Например, можно выяснить, являются ли «хм» интервьюера селективно прослеживаемыми ответ и таким образом подкрепляющими определенные виды ответов собеседника. Кроме того, если

предполагается психологическая интерпретация, то фиксировать нужно еще и эмоциональный тон беседы. В этом случае именно паузы, повторения и тому подобное могут дать важный материал для интерпретации.

В исследовании В. Якобсена (*Jacobsen, 1981*), посвященном социальной адаптации в университете студентов-языковедов (датский язык), и студентов-медиков к их профессиям, интервью расшифровывались дословно, с сохранением всех «хм», «правда ведь?» и тому подобного. Якобсен подсчитал использование этих «прокладок» у «датчан» и медиков соответственно, и обнаружил, что «датчане» используют «правда ведь?» заметно чаще. Вместе с другими признаками он проинтерпретировал этот факт как присущий гуманитариям, исходя из того, что в этой субкультуре основной упор делается на диалог и попытки получить от собеседника подтверждение своей интерпретации, включая обращения к собеседнику типа: «Не правда ли?». Напротив, для медиков более характерны лекции — то есть монологичные, авторитарные высказывания не подлежащих обсуждению истин.

Вопрос степени детализации расшифровки можно проиллюстрировать отрывком разговора о соперничестве из-за оценок, в чем многие ученики сознаются с трудом, так как это в Дании считается нехорошим поведением.

Интервьюер: Наличие оценок влияет на отношения между учениками?

Ученик: Нет, нет — нет, никто не смотрит свысока на тех, кто получает плохие оценки, это не так. Я в это не верю: ну, может, кто-то так и делает, но не я.

Интервьюер: Это значит, что в классе нет соперничества?

Ученик: Правильно. Нету.

На первый взгляд, этот школьник говорит, что никто не смотрит свысока на учеников с низкими оценками, и подтверждает вывод интервьюера о том, что в классе нет соперничества из-за оценок. Если прочесть этот отрывок критически, то можно прийти к противоположному выводу — мальчик сам вводит в разговор сообщение о том, что на учеников с низкими оценками смотрят свысока: отрицая сначала существование этого, он в нескольких строчках своего высказывания повторяет отрицание тремя «нет» и четырьмя «не». Многократное отрицание того, что на других учеников смотрят свысока, может (при увеличении количества отрицаний) внезапно привести к качественному изменению для читателя, и высказывание приобретет смысл прямо противоположный высказанному. Если бы приведенный выше отрывок не был расшифрован дословно, а был бы кратко пересказан, например, так: «Никто не смотрит свысока на тех, кто получает

плохие оценки, и никто не соперничает из-за оценок», — то реинтерпретация демонстрируемого смысла высказывания в прямо противоположный была бы невозможна. Эффект множественных отрицаний, уничтожающих сами себя, используется в литературе, в «Гамлете» например:

Гамлет: Сударыня, как вам нравится пьеса?

Королева: По-моему, леди не слишком протестовала.

(Гамлет, акт III, сцена 2)

Этика. Расшифровка поднимает и этические вопросы. Интервью может касаться болезненных тем, где важно обеспечить *конфиденциальность* респондента, а также людей и организаций, упомянутых в интервью. Наряду с необходимыми и простыми задачами, про которые, правда, иногда забывают, существует необходимость охранять записи и расшифровки и уничтожать их, когда надобность в них отпадает. В непростых случаях лучше как можно раньше, еще на стадии расшифровки, замаскировать личность интервьюируемого, а также легко узнаваемые события и персонажей интервью. Это особенно важно, если людей в исследовательской группе много и доступ к расшифровкам имеют сразу несколько человек.

Некоторые респонденты *вследствие* чтения расшифровки своего интервью могут испытать шок. Дословно переданная устная речь может производить впечатление несогласованной, путаной и даже речи человека, чьи интеллектуальные возможности существенно ниже нормы. Респондент может оскорбиться и отказаться от любого сотрудничества и любого использования того, что он говорил. Если расшифровка возвращается респонденту, то необходимо с самого начала учитывать, что ей придется придать форму более беглого повествования, соответствующего письменной речи. Или же придется сопроводить расшифровку разъяснением относительно различий между устной и письменной речью. Помните, что публикация несогласованного дословного интервью с многочисленными повторениями может привести к тому, что конкретные люди или группы людей будут морально запятнаны.

Когда проводилось исследование об оценках, то учителя, выразившие интерес к исследованию, получили черновик той главы из книги, в которой обсуждались их высказывания. Учитель датского языка, которого очень много цитировали, позвонил и попросил меня вырезать его высказывания из книги или переформулировать их. Дословные цитаты его высказываний обнаружили, что этот учитель датского языка говорил на очень плохом датском. Он счел это предосудительным с точки зрения его профессии. В то время я еще плохо понимал разные правила построения устной и письмен-

ной речи и был уверен, что дословная расшифровка интервью является наиболее мягкой и объективной. Однако я удовлетворил его просьбу и изменил цитаты в соответствии с правилами письменной речи, что к тому же сделало текст более читабельным.

Компьютерные средства анализа интервью

В последнее десятилетие были разработаны компьютерные программы, облегчающие анализ расшифровок интервью. Они заменили требующий времени метод «склеек» сотен страниц бумаги «электронными ножницами». Программы помогают структурировать материал интервью для последующего анализа, но ответственность за интерпретацию все равно лежит на исследователе.

Компьютерные программы служат для упорядочения текстовых баз данных, сохраняют часто очень большие массивы расшифровок интервью и позволяют производить множество аналитических операций (обзор см. *Tesch, 1990; Weitzman, Miles, 1995; Miles, Huberman's, 1994*. В приложении приведено краткое введение, позволяющее выбирать компьютерные программы для качественного анализа). Программы позволяют проделывать такие операции, как делание заметок для памяти, запись размышлений по поводу интервью для дальнейшего анализа, кодирование, поиск ключевых слов, подсчет слов и построение графических изображений. Некоторые программы позволяют производить кодирование в процессе записи и делать пометки во время чтения расшифровки.

В настоящее время наиболее часто встречающаяся форма компьютерного анализа — кодирование или категоризация положений интервью. Исследователь читает всю расшифровку и присваивает категории интересующим его отрывкам; затем с помощью программ кодирования—декодирования закодированные отрывки могут быть декодированы и заново просмотрены, после чего их или кодируют заново или применяют комбинированные коды. Возможности некоторых программ устанавливать связи между категориями и формировать концептуальные структуры более высокого порядка иногда позволяют строить новые теории.

Компьютерные программы анализа текстов интервью могут делать за исследователя большую часть нудной, механической работы и таким образом дают ему возможность сосредоточиться на смысловых творческих интерпретациях того, что было сказано в интервью. Еще одно их преимущество состоит в том, что программы заставляют исследователя составлять для компьютера ясные команды, которые потом (когда они есть в отчете)

дают читателю возможность проникнуть в сам метод анализа интервью, часто представляющий таким черным ящиком. Однако использование компьютера в качественном анализе может усилить существующую тенденцию овеществлять расшифровку и пренебрегать ее основой — живой социальной ситуацией. Современное увлечение кодированием может свести работу к анализу изолированных переменных, вырванных из контекста живого межличностного взаимодействия. Учитывая техническую легкость этого, компьютерное программное обеспечение может повлечь за собой пренебрежение контекстуальной базой высказываний в ткани живой беседы.

Дальнейший технический прогресс в этой области может противостоять распространившемуся стремлению овеществлять расшифровки интервью. На сегодняшний день по большей части анализ интервью производится на базе расшифровок, а оригинальные записи где-то складываются, но используются при анализе очень редко. Однако в последние несколько лет появилось новое поколение компьютерных программ, которые можно использовать непосредственно для анализа аудио- и видеозаписей, в обход расшифровки. Непосредственное прослушивание и структурирование оригинальной устной речи позволяет эмпатически слушать то, что было сказано в процессе интервью.

Возможности программы анализа и структурирования текста *Textbase ALPHA* расширяет программа *KIT*, которая работает с *Windows* (см. *Tesch*, 1990). Новая программа *KIT* делает расшифровку излишней — она записывает и сохраняет источник (интервью и естественное речевое взаимодействие) прямо в компьютере в устной форме (программа «*Qualitative Interview and Therapy Analysis*» — «Качественное интервью и анализ терапии» — разработана Карлом Вернером Скоу в Центре качественных исследований в университете Орхуса). Запись интервью переводится на компакт-диск и сохраняется в компьютере в цифровой форме. Во время воспроизведения речь может быть подана на монитор, можно записать комментарии и расшифровку центральных моментов для будущего отчета. Закодированные отрывки могут быть легко восстановлены для повторного прослушивания, перекодирования или выполнения других операций аналитической программы — в этом случае можно работать не с расшифровкой, а непосредственно с записанным интервью.

Преимущества *KIT* не исчерпываются тем, что она сохраняет время и деньги, которые обычно тратятся на расшифровку всех интервью. *KIT* еще и обеспечивает такую скорость декодирования, что позволяет аналитику переходить от отрывка к отрывку или от интервью к интервью менее, чем за секунду. Многие методологические и теоретические проблемы перевода устной речи в письменную можно просто обойти, если аналитик работает

непосредственно с записями живых разговоров. Такие технические изобретения могут дополнить современный процесс теоретического исцеления устной речи от отчужденности письменного текста и вырвать живую беседу из-под власти расшифровки в исследованиях с помощью интервью.

В следующих трех главах я обращаюсь к современному состоянию анализа текстов интервью. Сначала мы обсудим некоторые общие вопросы современного анализа интервью (глава 10); затем выделим основные подходы к анализу (глава 11), и, наконец, будут представлены примеры интерпретации положений интервью (глава 12).

Глава 10. **«Вопрос о 1000 страниц»**

Выступая на семинарах, посвященных качественным исследованиям, слышишь иногда вопрос: «Какой метод наиболее подходит для анализа 1000 страниц уже собранных мной расшифровок?».

Эта глава и является ответом на «вопрос о 1000 страниц». Она включает некоторые итоги уже рассмотренных нами стадий исследовательского интервью, а также подготавливает почву для более подробного анализа стадий, который будет производиться в двух последующих главах.

Отвечать или не отвечать на «Вопрос о 1000 страниц»?

Первая импульсивная реакция на такой вопрос — не отвечать или ответить: «Нечего задавать такой вопрос!» Если исследовательский проект был сделан так, что возникает вопрос о 1000 страниц, ответить на него уже нечего. Более адекватный ответ был бы следующим: «Нужно так проводить исследование, чтобы необходимость задавать этот вопрос не возникла».

Предлагаемый подход идет несколько дальше простого игнорирования подобного вопроса. Концепция качественного исследования предполагает, что на «вопрос о 1000 страниц» можно ответить, если повнимательней взглянуть на его формулировку. Вопрос не только поднят слишком поздно — он является наводящим. Конечно, все вопросы можно назвать наводящими, они могут быть раскрывающими и маскирующими, продуктивными и непродуктивными. В исследовательском интервью слишком большое внимание уделяется влиянию наводящих вопросов на ситуацию интервью, в то время как наводящего влияния вопросов, адресуемых к тексту интервью во время его анализа, скорее не замечают. «Вопрос о 1000 страниц» в той формулировке, в какой он представлен выше, ведет в неверном направлении — он является маскирующим и непродуктивным.

Подсказка о способе анализе вопросов позаимствована нами из фильма Антониони «Репортер». В одном эпизоде, когда белый репортер интервьюирует африканского шамана, тот отвечает ему на один из вопросов примерно следующее: «Я не буду отвечать на твой вопрос. Мой ответ скажет обо мне меньше, чем твой вопрос говорит о тебе».

Что означает «Вопрос о 1000 страниц»?

Материалом для данного анализа выступают 13 слов формулировки «вопроса о 1000 страниц», приведенного выше. Цель анализа — раскрыть смысл вопроса, подчеркнуть его предубежденность и выявить скрытое непонимание существа качественного исследования. Основная задача носит профилактическую направленность: нарисовать такую схему проведения исследовательского интервью, чтобы исследователь никогда не обнаружил в себе желания задать «вопрос о 1000 страниц». Метод анализа вопроса будет обсуждаться в заключительной части главы. Основная форма анализа состоит в том, чтобы выбрать из вопроса 7 ключевых слов и проанализировать их по отдельности.

Как (3) мне найти метод (4), чтобы проанализировать (7) 1000 страниц (2) расшифровок (5), которые я уже (1) собрал (6)?

«УЖЕ» — СЛИШКОМ ПОЗДНО!

Ответ прост: вопрос задан слишком поздно!

Никогда не задавайте вопрос о том, как проанализировать расшифровки *после* проведения интервью — на этой стадии уже слишком поздно начинать думать. Ответ здесь напоминает ответ статистика: «Проконсультируйтесь со мной по поводу анализа данных прежде, чем вы свои данные соберете».

Подумайте о методе анализа интервью до его проведения. Решение о том, как будет проводиться анализ, — или, по крайней мере, размышление об этом — будут направлять подготовку схемы исследования, процесса проведения интервью и его расшифровку. Каждая стадия исследовательского проекта предполагает принятие решений, которые определяют как возможности, так и ограничения последующих стадий проекта.

Метод анализа нужно планировать не только непосредственно перед интервьюированием. До некоторой степени (хотя бывает по-разному) анализ встроен в процесс самого интервью. Прояснение смысла сказанного может быть просто в форме: «Я так понял, что смысл того, что Вы только что сказали, таков...». Позднее исследователь может попытаться подтвердить или опровергнуть свою гипотезу во время интервью, как это делается во время интервью при приеме на работу, когда интервьюер постоянно проверяет свои гипотезы относительно квалификации соискателя.

При такой форме анализа — интерпретации «по ходу» — значительная часть процесса анализа переносится в саму ситуацию интервью. Окончательный анализ от этого не становится легче или проще, но строится на более солидном фундаменте. Можно сказать, что идеальное интервью уже проанализировано к моменту выключения диктофона. Проведению анализа смысла в самой ситуации интервью противодействуют социальные и этические ограничения, но мысль о таком анализе может служить методическим идеалом для исследовательского интервью.

Соответственно, в альтернативной формулировке «вопроса о 1000 страниц» должно быть изменено время: *«Как мне проводить интервью таким образом, чтобы его смысл можно было проанализировать последовательно и творчески?»*.

«1000 СТРАНИЦ» — СЛИШКОМ МНОГО!

Ответ на эту количественную часть вопроса тоже очень прост: 1000 страниц расшифровок — слишком много материала, чтобы им можно было распорядиться с толком.

Точное значение вопроса может зависеть от интонации. Если вопрос задан безнадежным голосом, то это может означать ситуацию перегрузки огромным количеством качественных данных, полной потерянности в джунглях расшифровок. Смысл вопроса тогда может быть таким: «Спасите меня от моих 1000 страниц, я не могу выбраться из этого лабиринта!».

Когда голос звучит более уверенно, то тот же самый вопрос может иметь другой смысл: молодой усердный школяр выполнил свою практическую работу и документально подтвердил свою причастность к науке, собрав так много данных; теперь он ожидает похвалы эксперта и его совета относительно того, что ему делать с этими данными. Такой вопрос может содержать «перевернутый позитивизм» — поиск научной респектабельности в перевернутом идеале позитивизма: вместо большого количества количественных данных собрано большое количество качественных данных.

Однако независимо от того, каким голосом задан вопрос — уверенным или безнадежным, — его формулировка ведет в ложном направлении, выявляет стремление к количеству — 1000 страниц, — а не к содержанию и качественному значению сказанного.

С тысячей страниц расшифровок справиться обычно слишком трудно. Материала чересчур много, чтобы весь его просмотреть и выделить глубинные смыслы сказанного. Анализ занимает слишком много времени и, как правило, ведет к поверхностным выводам, не законченным вследствие

временных ограничений. Если и существуют причины, по которым необходимо столь огромное количество материалов интервью (1000 страниц соответствуют примерно 30—40 часам интервью), то эти причины должны быть совершенно ясно сформулированы перед проведением интервью. При этом может выясниться, что для целей исследования достаточно меньшего количества интервью, или что целям исследования больше соответствует использование опросника.

Заново сформулированный «вопрос о 1000 страницах», в котором акцент смещается с количества на смысл, может звучать так: *«Как мне действовать, чтобы найти смысл многих интересных и сложных историй, которые рассказали мне мои респонденты?»*.

«КАК?» — СПРОСИТЕ СНАЧАЛА «ЧТО?» И «ЗАЧЕМ?»

Не стоит задавать вопрос о том, «как» анализировать интервью, если не получены ответы на вопросы «что?» и «зачем?». Содержание и цели предшествуют методу.

При анализе интервью то, что не было сказано, иногда может быть не менее важно, чем то, что произнесено. В вопросе, который здесь анализируется, слово «как» не содержит «что» и «зачем» исследования. Термин *метод* первоначально означает *путь к цели*. Если нет цели, то очень трудно указать путь.

Способ анализа зависит от того, «что» анализируется — от предмета исследования — и от того, «зачем» — от целей интервью. Так, интерпретация гамлетовского интервью основана на прояснении темы и целей интервью — исследовании формы облаков или проверке гипотезы о том, достоин ли доверия Полоний (глава 8, «Интервью Гамлета»). В общем, теоретическая концепция того, что исследуется, дает основу для принятия решения о том, как исследовать, то есть о методе, который следует использовать для анализа содержания. Так, психоаналитическое понимание высказываний интервью как выражения неосознаваемых влияний потребует одной формы анализа, а бихевиористское понимание высказываний как элементов в цепи стимулов и реакций — другой. Далее, если исследование предполагает проверку гипотез относительно различий между группами людей, то анализ должен быть системным и проводиться одинаково для каждой группы, чтобы проверить наличие возможных различий между ними. Напротив, для исследовательских целей больше подходит исследование интересных аспектов индивидуальных интервью и глубокая их интерпретация.

Определение предмета исследования и целей интервью можно продолжить и дальше, разработать еще глубже или вообще сделать по-другому, не так, как здесь. Важно лишь, чтобы «что» и «зачем» исследования были ясны еще до того, как выбран метода анализа.

Технический акцент «вопроса о 1000 страниц» на «как» можно переформулировать следующим образом: «Как мне действовать, чтобы выяснить, что говорит мне интервью о том, что я хочу знать?».

«МЕТОД» ПРОТИВ ЗНАНИЯ

На методический аспект «вопроса о 1000 страниц» невозможно ответить из-за формы самого вопроса. Не существует стандартных методов, нет *via regia**, который позволил бы получить сущностные смыслы и глубоко скрытые значения того, что было сказано в интервью.

Требование метода может быть порождено акцентом на технологичность и надежность за счет знания и валидности. Поиск техник анализа может быть поиском «технологической палочки-выручалочки» для выполнения исследователем своей задачи анализа и конструирования смысла.

Не существует стандартных методов анализа текста, которые бы соответствовали множеству доступных техник статистического анализа. Частично это объясняется тем, что качественный анализ сравнительно молод, и тем, что в общественных науках в этой области мало междисциплинарных связей. Однако дефицит стандартных технологий качественного анализа может объясняться также богатством и сложностью самого предмета. Все-таки общие подходы к анализу качественного материала, включая и различные технические процедуры, существуют. В следующей главе будут описаны пять подходов к анализу смысла интервью: категоризация, конденсация, нарративное структурирование, глубинная интерпретация и ситуативные тактики порождения смысла.

Кроме того, вопрос о *методе* также может относиться к получению результатов, обладающих интересубъектной надежностью. Далее, этот вопрос касается того, как разные читатели могут приходить в процессе анализа к одному и тому же смыслу, а это может быть отражением общей озабоченности тем, что количество интерпретаций в качественных исследованиях соответствует количеству интерпретаторов. При использовании определенного метода с определенной целью (например, категоризации высказываний респондента для сравнения отношения к проблеме разных групп лю-

* королевский путь (*лат.*)

дей) желательна высокая intersубъектная воспроизводимость категоризации. То есть результаты сравнения не должны меняться в зависимости от того, кто делал категоризацию ответов в группе. Однако жесткие требования к intersубъектной надежности для всех форм анализа интервью могут привести к тирании наименьшего общего знаменателя: если интерпретацию считать надежной только в том случае, когда ее может подтвердить каждый, то такой критерий может привести к тривиальности интерпретации. Здесь снова можно привлечь консенсуалистскую концепцию истины: наблюдение или истолкование считается валидным только в том случае, если любой может повторить его, независимо от качества наблюдений и аргументации.

Акцент на методе (в смысле стандартных процедур или intersубъектной надежности) может сопровождаться еще и пренебрежением к знаниям и опыту в процессе анализа интервью. Этот вопрос может предполагать «экстернализацию» интерпретации смысла и сведение ее к фиксированным правилам и критериям, в то время как исследователь должен выходить за пределы метода, развивать свое мастерство, свои знания и умение интерпретировать. Психологические исследования часто склонны в духе эмпиризма полагать наивность наблюдателя и непредвзятость интерпретатора условием получения объективных результатов. В противоположность этому, современные взгляды подчеркивают, что предпосылкой валидной интерпретации являются знание предмета и наличие опыта в исследуемой области. Важность общей осведомленности при наблюдениях очевидна для множества разных областей. Когда анализируется интервью с шахматистом, то знание исследователем шахмат (причем на более высоком уровне, чем уровень интервьюируемого) является предпосылкой для того, чтобы исследователь мог увидеть решение, которого не видит его собеседник. В психоаналитической традиции очень долгое время особое внимание уделялось подготовке и умению аналитика делать психоаналитические наблюдения и интерпретации.

Альтернатива методическому акценту «вопроса о 1000 страниц» будет такой: *«Как интервью может помочь мне расширить мои знания о явлении, которое я изучаю?»*.

«РАСШИФРОВOK» — БЕРЕГИСЬ!

Не стоит считать, что интервью — это расшифровки: интервью это живой разговор. Берегитесь расшифровок!

Расшифровки не должны быть предметом исследования, как это предполагается в «вопросе о 1000 страниц», они должны быть средством, инструментом интерпретации того, что сказано во время интервью. Хотя интервью возникает в форме устного дискурса, оно предстает в форме письменного текста. Расшифровка — это незаконорожденное дитя, гибрид устного дискурса (развернутого во времени, лицом к лицу, в живой ситуации, где все, что говорится, адресовано конкретному слушателю, находящемуся здесь же) и письменного текста, созданного для обобщенного, далекого читателя.

Сосредоточенность на расшифровке может способствовать омертвляющему анализу, который сократит текст почти до набора слов или отдельных значений, считающихся вербальными данными. Первоначальный живой разговор лицом к лицу теряется в бесконечных расшифровках, появляясь только в виде нарезанных фрагментов цитат. Интервью становится закрытым, оно больше не открыто возможным смыслам, которые можно исследовать и развивать.

Альтернативный подход к расшифровкам предполагает диалог с текстом, переходящий в воображаемый разговор с «автором» о смысле этого текста. Здесь читатель спрашивает, о чем этот текст, входит в текст, стараясь развить, прояснить и расширить то, о чем в нем говорится. Можно считать смыслом текста то, что там ясно выражено, можно (в соответствии с «глубинной герменевтикой») стараться найти скрытый в тексте смысл.

Альтернатива акценту на расшифровке «вопроса о 1000 страниц» такова: *«Как мне проанализировать то, что рассказал мне мой собеседник, чтобы обогатить и углубить смысл того, что он мне говорил?»*.

«СБОР ДАННЫХ» ВМЕСТО СОАВТОРСТВА

Высказывания собеседника не собираются — они рождаются в соавторстве с интервьюером.

Интервью — это интер-субъектное действие, предпринимаемое двумя людьми, беседующими о том, что интересно обоим. Интервьюер не просто собирает высказывания собеседника, как собирают камешки на морском берегу. Его вопросы направлены на те аспекты темы разговора, к которым обращается собеседник, его активное слушание и прослеживание ответов собеседника также определяют течение разговора.

Существует тенденция принимать результаты социального взаимодействия по мере их появления как данное, забывая изначальный дискурс и совместное социальное конструирование окончательного результата. Такое

омертвление может усиливаться посредством расшифровок интервью; фиксированная письменная форма берет верх, и изначальное взаимодействие лицом к лицу в ситуации интервью вянет.

Овеществление совместно созданного интервью в виде расшифровки собранных высказываний имеет как социальные, так и временные последствия. С социальной точки зрения забвение того, что высказывания в интервью являются результатом совместного социального творчества, и пренебрежение конструктивным вкладом интервьюера в ответы, ведет к искаженному видению интервью как простого отражения интервьюируемого, за исключением разве что влияния прямых наводящих вопросов. В этом случае упускается из виду альтернатива: намеренное использование роли интервьюера как со-автора интервью и рефлексия социального построения интервью.

С точки зрения временной переменной, сосредоточение внимания на расшифровке — наборе высказываний — может превратить интервью в нечто застывшее, окончательное, вместо того, чтобы рассматривать составляющие его высказывания как ступени лестницы, ведущей к непрерывному развертыванию смысла того, что сказано. В последнем случае анализ расшифровки является продолжением разговора, начатого в ситуации интервью. Ответы интервьюируемого открывают горизонт возможных смыслов, которые можно исследовать в следующем за разговором анализе текста интервью. Фокус анализа смещается с того, что уже было сказано, выходит за пределы непосредственно данного — к тому, что могло бы быть сказано.

Продолжающийся диалог с текстом может привести к новому разговору с интервьюируемым, развивающим зону возможных смыслов первоначального интервью. Чаще анализ происходит в форме воображаемого диалога с текстом, разворачивающего свой горизонт возможных смыслов.

Альтернативой «коллекционерской» версии «вопроса о 1000 страниц» будет такой вопрос: *«Как мне провести диалог с текстом, который мы породили вместе с интервьюируемым?»*.

«АНАЛИЗ» ВМЕСТО ПОВЕСТВОВАНИЯ (НАРРАТИВА)

Не давайте стадии анализа раздуваться настолько, чтобы она заняла основную часть времени, отведенного на исследовательский проект.

Анализ интервью располагается между первоначальной историей, рассказанной респондентом исследователю, и окончательной историей, которую исследователь рассказывает аудитории. *Анализировать* значит делить что-то на части и элементы. Расшифровка разговора и понимание интервью

как набора высказываний может повлечь за собой разбиение рассказанной респондентом истории на отдельные части, будь то параграфы, предложения или слова. А тогда очень легко забыть, что в открытом недиригентном интервью респондент рассказывает исследователю историю, или несколько историй, и что сама по себе расшифровка может приближаться к форме нарративного текста.

Структуры и функции сюжетов народных сказок и литературных произведений, известные в гуманитарных науках, могут быть использованы для выявления и анализа нарративных структур, используемых респондентом. Нарративный подход к анализу интервью, возвращающий к первоначальной рассказанной респондентом истории и предвосхищающий окончательную историю, которую нужно донести до аудитории, может предотвратить блуждания в джунглях расшифровок. Понимание интервью как повествования может даже сделать расшифровку более читабельной, поскольку первоначальное интервью было намеренно создано как рассказ. Нарративная концепция исследовательского интервью сохраняет единство формы первоначальной ситуации интервью, анализа и окончательного отчета.

Нарративная альтернатива аналитической версии «вопроса о 1000 страниц» будет следующей: *«Как я могу превратить историю, рассказанную мне респондентом, в историю, которую я хочу рассказать аудитории?»*.

Метод анализа

В преддверии этой главы был задан вопрос об исследовательском интервью: «Какой метод наиболее подходит для анализа 1000 страниц уже собранных мной расшифровок?».

На него был дан ответ: вопрос задан слишком поздно, чтобы на него можно было ответить удовлетворительно, а кроме того, на вопрос в этой формулировке вообще ответить трудно. Затем, чтобы сделать явными все скрытые в этом вопросе предубеждения относительно исследовательского интервью и подчеркнуть ненужность самого вопроса, была подробно проанализирована его формулировка. Для анализа этого вопроса не применялось никаких стандартных методов — скорее, чтобы выявить смысл вопроса, испытывались разные подходы. Общая структура анализа состояла в том, чтобы выбрать 7 из 13 ключевых слов, составляющих предложение, и поочередно их проанализировать. Кроме того, анализ не был полностью внеконтекстным — значения, извлеченные из ключевых слов, регулярно пересекались, что указывало на смысловые линии, пронизывающие вопрос в целом. При помощи анализа отдельных слов была сделана попытка выя-

вить контекст вопроса. Чтобы найти скрытый смысл, например, интонации, делались определенные предположения о том, каким тоном был задан «вопрос о 1000 страниц» — безнадежным или уверенным. Были предприняты краткие экскурсы в этимологию терминов *метод* и *анализ*.

Первоначальное предложение было перефразировано по-разному, что трансформировало его смысл в разном направлении. Альтернативные варианты «вопроса о 1000 страниц» смещали фокус внимания с того, что было сказано, на то, что могло бы быть сказано, раскрывая некоторые возможные смыслы, которые в первоначальной формулировке оставались недоступными. Для того, чтобы увидеть возможности, от которых вопрос может нас увести, необходимы определенные общие (фоновые) знания об исследовательском интервью. Анализ принял форму воображаемого диалога, попыток ответить на первоначальный «вопрос о 1000 страниц», расспрашивая о его возможном смысле. Анализ напоминал последовательность вопросов и ответов в воображаемом разговоре, который вылился в совместную историю об исследовательском интервью. Первоначальная формулировка «вопроса о 1000 страниц» вела в направлении непродуктивном. Различные перефразирования первоначального вопроса были сделаны в попытке направить анализ туда, где можно было бы сделать конструктивный вклад в знания.

Деконструкция «вопроса о 1000 страниц» включал в себя и разрушение предассудков, содержащихся в этом вопросе, и построение альтернативных формулировок, обогащающих анализ интервью. Интерпретация была сосредоточена на напряжении между тем, что было сказано, и тем, что не было произнесено в вопросе. Это взаимодействие между сказанным и не сказанным не приводит к единственному, истинному смыслу вопроса, зато оно поддерживает разговор о смысле, который был начат этим вопросом.

Мне могут возразить, что этот анализ «вопроса о 1000 страниц» слишком короток и поверхностен, что он недостаточно всеобъемлющ для того, чтобы действительно проникнуть вглубь и разобраться в сложных смыслах этого вопроса и скрытых в нем предубеждениях. Я был бы рад, если бы кто-нибудь расширил приведенный выше анализ и включил бы в него другие аспекты множества поднятых этим вопросом проблем.

Первоначальный вопрос касался 1000 страниц расшифровок вопросов и ответов, и было сказано, что этот материал чересчур велик, чтобы провести его всеобъемлющий анализ. Приведенная выше интерпретация 13 слов «вопроса о 1000 страниц» потребовала около 2940 слов, при этом количество слов в первоначальном тексте относится к количеству слов в интерпретации как 1:226. Соответственно, смысловая интерпретация 1000 страниц потребует 226 000 страниц, что составит около 1000 книг.

Глава II. Методы анализа

Существуют методы, которые могут сделать анализ интервью более доступным, чем тот, что иллюстрирует ответ на «вопрос о 1000 страницах». Эти методы помогают организовать текст интервью, представить его в сравнительно небольшом объеме и выявить скрытые смыслы того, что было сказано. Можно выделить пять основных подходов к анализу интервью: категоризация значений, конденсация смысла, структурирование смысла посредством нарратива, интерпретация смысла, ситуативные методы порождения смысла.

В главе о методах анализа некоторые читатели могут надеяться найти магический инструмент, который до конца раскроет смысл, спрятанный во множестве страниц непонятных расшифровок. Следующий ниже обзор методов их разочарует — здесь нет никаких магистралей, прямиком ведущих к смыслу интервью. Техника анализа — всего лишь инструмент, полезный для некоторых целей, соответствующий некоторым типам интервью и удобный для некоторых исследователей. Однако основной груз задачи анализа интервью лежит на исследователе, на вопросах о теме исследования, которые он задает себе с самого начала и ответы на которые он ищет, планируя исследование, проводя интервью и делая расшифровки.

Этапы анализа

Цель качественного исследовательского интервью была определена как описание и интерпретация предмета исследования в жизненном мире респондента. Между описанием и интерпретацией лежит некоторый континуум.

Во врезке 11.1 представлены шесть этапов анализа. Они не обязательно следуют один за другим во времени либо по логике (более подробное освещение соотношения между описанием и интерпретацией см. *Giorgi, 1992; Wolcott, 1994*). Первые три этапа — описание, раскрытие и интерпретация во время интервью — обсуждались ранее (глава 8, «Качество интервью»). В этой главе я рассматриваю четвертый этап — анализ расшифрованного интервью, а затем обращаюсь к повторному интервьюированию и действию в контексте обсуждения валидизации как коммуникации и действия (глава 13, «Коммуникативная валидность» и «Прагматическая валидность»).

Подходы к анализу интервью

До последнего времени исследователи могли полагаться только на техники, подсказанные собственной интуицией или случайно найденными идеями, рассеянными в литературе по качественным исследованиям. Анализ производили, прослушивая раз за разом записи или вырезая и склеивая выдержки из расшифровок. Чаще всего анализ заканчивался вследствие усталости или недостатка времени, а не тогда, когда возникало ощущение, что материал достаточно проанализирован, выделена его основная структура и смысл, — вспомните финальную фазу эмоциональных проблем, связанных с проведением исследовательского интервью (врезка 5.1 в главе 5).

За последнее десятилетие положение изменилось. Существует несколько книг с обзорами различных методов качественного анализа (*Miles, Huberman, 1994; Silverman, 1993; Tesch, 1990; Wolcott, 1994*). Ниже я выделю пять основных подходов к качественному анализу и буду использовать термин *анализ*, имея в виду все эти пять подходов в целом, а термин *интерпретация* сохраню для одного из этих способов, предполагающего более глубинное толкование.

Рисунок 11.1 символически представляет форму и объем результатов основных пяти подходов к анализу смысла интервью. Черточки на рисунке символизируют объем текста, причем ясно видно, что во всех подходах, за исключением интерпретации, *результат* анализа занимает существенно меньше места, чем сам текст интервью. В противоположность подходам, в которых текст сокращается, интерпретация часто предполагает расширение текста, и результат формулируется гораздо более многословно, чем интерпретируемое высказывание (например, интерпретация стихотворения литературным критиком).

Результаты, как правило, представляются в словесной *форме* в случаях конденсации смысла, интерпретации и нарративного анализа, возможно, с несколькими рисунками для облегчения структурирования повествования. Результаты категоризации представляются в форме числовых значений, которые затем могут быть подвернуты статистическому анализу. Эклектический ситуативный анализ может содержать и слова, и рисунки, и числа. Приведем обзор всех пяти подходов, прежде чем описать каждый из них в отдельности,

Конденсация смыслов представляет собой сокращение всего значимого, что высказал респондент, и выражение его в более кратком виде. Длинные предложения сжимаются в короткие, в нескольких словах выражающие основной смысл высказывания. Таким образом, конденсация смыслов

Подходы к анализу смысла	Текст интервью	Результат анализа
Конденсация	----- ----- ----- ----- ----- -----	----- -----
Категоризация	----- ----- ----- ----- ----- -----	+/- 1-2-3-4-5-6-7
Нарратив (повествование)	----- ----- ----- ----- ----- -----	Начало → Цель Враги > Герой < Помощники ----- -----
Интерпретация	----- ----- ----- ----- ----- -----	----- ----- ----- ----- ----- -----
Ситуативный	----- ----- ----- ----- ----- -----	+/- 1-2-3-4-5-6-7 □ → □ ----- -----

Рис. 11.1. Пять подходов к анализу интервью

Врезка II.1

Шесть этапов анализа

Первый этап состоит в том, что *респондент описывает* в интервью свой жизненный мир. Он спонтанно рассказывает, что переживает, чувствует и делает в связи с темой разговора. Ни со стороны интервьюера, ни со стороны собеседника нет ни интерпретаций, ни объяснений.

Второй этап наступает, когда *респондент сам открывает* в процессе интервью новые связи, видит новые смыслы в том, что он переживает и делает. Например, школьник, описывающий влияние оценок, задумывается о том, как оценки способствуют деструктивному соперничеству между учениками. Сам интервьюируемый начинает видеть новые связи в своем жизненном мире на основе своих спонтанных описаний, свободных от интерпретаций интервьюера.

На третьем этапе *интервьюер в процессе интервью интерпретирует и выражает в сжатой форме (конденсирует)* смысл того, что описывает собеседник, и «возвращает» его к смыслу сказанного. У собеседника есть возможность ответить — например: «Я не это имел в виду»; «Это именно то, что я пытался сказать»; «Нет, это не совсем то, что я чувствовал. Это больше походило на...». В идеале диалог продолжается до тех пор, пока не остается лишь одна возможная интерпретация, или пока не будет установлено, что у респондента многозначное и, возможно, противоречивое понимание предмета разговора. Эта форма интервьюирования предполагает непрерывную «интерпретацию по ходу», с возможностью тут же «на месте» — «здесь-и-теперь» — подтвердить или опровергнуть интерпретацию интервьюера. В результате получается самокорректирующееся интервью.

На четвертом этапе *расшифрованное интервью интерпретируется интервьюером* — одним или вместе с другими исследователями.

В этом процессе можно выделить три части: во-первых, *структурирование* часто громоздкого и сложного материала интервью для анализа. Сегодня это, как правило, делается путем расшифровки и применения компьютерных программ для анализа качественного материала. Вторая часть состоит в *прояснении* материала, в стремлении сделать его доступным анализу — например, при этом убирается лишний материал (такой, как отступления и повторения), разделяется необходимое и необязательное. Что считать необходимым и необязательным, опять-таки зависит от целей исследования и теоретических предпочтений. *Хороший анализ* предполагает развитие смыслов интервью, вытаскивание на поверхность собственного мнения респондента, так как оно дает исследователю новый взгляд на явление. Пять основных подходов к анализу смысла — конденсация (выражение в сжатой форме), категоризация, нарративное структурирование, интерпретация и, наконец, ситуативные методы.

Врезка 11.1. Продолжение

Пятый этап представляет собой *повторное интервью*. Когда исследователь проанализирует и проинтерпретирует уже проведенное интервью, он может «вернуть» свою интерпретацию респонденту. Продолжая «самокорректирующуюся» интервью, респондент получает возможность прокомментировать интерпретацию интервьюера, а также расширить свои первоначальные высказывания.

Возможный шестой этап может состоять в расширении континуума описания и интерпретации, а также включении в него *действий*, которые респондент начинает совершать, исходя из нового понимания, пришедшего к нему во время интервью. В таких случаях исследовательское интервью приближается к психотерапевтическому. Изменения могут вносить и действия в более широком социальном контексте — например, действенное исследование, в котором исследователь и его собеседники участвуют вместе на основе знаний, приобретенных ими в ходе интервью.

предполагает сокращение большого текста интервью до более кратких, емких формулировок.

Категоризация значений состоит в том, что интервью распределяется по категориям и эти категории кодируются. Длинные предложения сводятся к простым категориям типа «+» или «-» (наличие или отсутствие явления), или вводятся просто номера, или шкала от 1 до 5, например, чтобы обозначить степень выраженности явления. Таким образом, категоризация сокращает и структурирует большой текст, сводя его к нескольким таблицам и рисункам. Категории можно разработать заранее, или они могут появиться ситуативно в процессе анализа. Категории можно взять из теории, из разговорного языка или выбрать из собственных выражений респондента.

Представленный здесь обзор пяти основных методических подходов к качественному анализу сам по себе является грубой категоризацией качественного многообразия методов анализа. В данном случае категоризация проводилась с точки зрения того, как различные методы генерируют смысл; другие же углы зрения будут порождать другие категоризации. Таким образом, разные типы анализа, ведущие к получению качественных или количественных данных, лингвистических или психологических, приведут к другим категоризациям методических подходов к анализу интервью.

Нарративное структурирование включает временную и социальную организацию текста с целью выявления его смысла. Оно сосредоточено на

истории, рассказанной в ходе интервью, и выявляет ее структуру и сюжет. Если нет спонтанно рассказанных историй, в нарративном анализе можно попытаться создать последовательную историю из множества событий, о которых сообщалось в интервью. Так же как и в случае конденсации значений, нарративный анализ в основном остается в пределах разговорного языка. Нарративное структурирование обычно сокращает текст интервью, однако оно же может и расширить текст, разворачивая потенциал, заложенный в простой истории, и превращая ее в более разработанное повествование.

Интерпретация смысла идет от структурирования явных смыслов текста к более глубоким, в той или иной степени спекулятивным интерпретациям текста. Примеры интерпретации смысла можно найти в гуманитарных областях — например, критические интерпретации фильмов или спектаклей или психоаналитические интерпретации снов пациента. В противоположность категоризации, лишаящей высказывания контекста, интерпретация восстанавливает их контекст, помещая их в более широкую систему координат. К примеру, контекстом для интерпретации отдельного высказывания может быть все интервью в целом, а может — целая теория. В отличие от сокращающих текст категоризации и конденсации, интерпретация с большой вероятностью ведет к увеличению объема текста, как это было при интерпретации интервью Гамлета (глава 8, «Интервью Гамлета») или «вопроса о 1000 страницах» (глава 10).

Продуцирование смысла посредством ситуативных приемов представляет собой эклектический подход. Чтобы выявить значения и смыслы различных частей материала, можно использовать многочисленные подходы к тексту интервью, основанные на здравом смысле, как и изощренные методы текстового или количественного анализа. Результат такого смыслопорождения может быть представлен в словесной форме, в виде чисел, в рисунках и блок-схемах, а также в их сочетаниях.

Теперь мы подробно, на примерах, рассмотрим эти пять подходов к анализу интервью, а более подробные руководства по применению тех или иных техник можно найти в упомянутой выше литературе. Конденсацию смысла можно проиллюстрировать феноменологическим анализом интервью, представленного А. Джорджи, а категоризацию значений — анализом интервью из исследования влияния оценок. Нарративный анализ и ситуативный анализ будут описаны очень коротко, но будет дан список литературы, где эти подходы рассматриваются более подробно. Интерпретация смысла здесь также будет описана вкратце, так как именно она будет основной темой следующей главы.

Конденсация смысла

А. Джорджи применил основанную на феноменологии конденсацию смысла к интервью по поводу обучения, представленному ранее (глава 2, «Исследовательское интервью, посвященное обучению»). Основной целью этого исследования было «...попытаться точно определить, что такое обучение для обычных людей, занимающихся своими повседневными делами, и как совершается обучение» (Giorgi, 1975. P. 84). Методологическая цель проекта состояла в использовании феноменологии для качественного исследования: «Мы заинтересованы в том, чтобы показать, что исследование можно провести строго и дисциплинированно, не приводя обязательно данные к количественному выражению, хотя и это имеет свою ценность. Основная задача исследования — показать, как можно систематически работать с данными, которые выражены средствами обычного языка» (Там же. P. 95—96).

В таблице 11.1 представлена конденсация значений первых отрывков из интервью об обучении. «Естественные смысловые единицы» ответов респондента приведены в левой колонке, а их основное содержание — в правой. В этом эмпирическом феноменологическом анализе присутствуют пять стадий. Первая — все интервью читается полностью, чтобы получить о нем общее представление. Вторая — исследователь выделяет из высказываний респондента «естественные смысловые единицы» в том виде, как они были высказаны. Третья — доминирующая в естественных смысловых единицах тема формулируется как можно проще. Здесь исследователь пытается читать ответы респондента без предубеждения и определять тему высказывания с точки зрения респондента, но так, как ее понимает исследователь.

Четвертый шаг состоит в проверке смысловых единиц с точки зрения конкретной цели исследования. Основные вопросы исследования: «Что такое обучение?» и «Как совершается обучение?». К содержанию смысловых единиц подходили с точки зрения вопроса: «Что данное высказывание говорит мне об обучении?». На пятой стадии существенные, необходимые темы всего интервью связывались воедино в описательное утверждение. Таким образом, метод состоит в конденсации выраженных значений во все более и более сущностный смысл структуры и стиля обучения.

Таблица 11.2 содержит сущностные описания стиля обучения, полученные в ответ на вопрос исследователя «Как происходило обучение?». Сущностные описания показывают структуру обучения в обыденных ситуациях. Затем Джорджи рассматривает эти структуры в связи со стандартными психологическими теориями учения того времени, долго считавшими межличностный контекст обучения несущественным, то есть отвергавшими тот факт, что обучение — это ярко выраженный межличностный феномен.

Таблица 11.1

Естественные смысловые единицы и их основное содержание*

Естественная единица	Основное содержание
<p>1. В первую очередь приходит в голову то, что я узнала от Миртис о внутреннем декоре. Она рассказала мне, как мы видим окружающее. Она теперь по-другому смотрит на разные помещения. Она сказала мне, что, когда тыходишь в помещение, ты обычно не замечаешь, сколько там горизонтальных и вертикальных линий, по крайней мере, не обращаешь на это внимание сознательно. А еще, если взять кого-то, кто понимает в украшении интерьера, он сразу интуитивно почувствует, столько ли там вертикалей и горизонталей, сколько нужно.</p>	<p>1. Роль вертикальных и горизонтальных линий в украшении интерьера.</p>
<p>2. Так вот, я пришла домой и начала смотреть на эти линии в нашей гостиной, и сосчитала эти горизонтальные и вертикальные линии, многие из них я никогда и не воспринимала как линии. Балка... Действительно, я никогда раньше не думала о ней как о вертикали, просто выступ стены. (Смеется.)</p>	<p>2. Р-т смотрит на горизонтальные и вертикальные линии в своем доме.</p>
<p>3. Я обнаружила, что было не так с оформлением нашей гостиной: много, слишком много горизонталей и недостаточно вертикалей. Поэтому я начала двигать вещи и менять их вид. Я передвинула кое-что из мебели и убрала несколько безделушек, какие-то линии замаскировала и... для меня это действительно стало выглядеть по-другому.</p>	<p>3. Р-т обнаружила слишком много горизонтальных линий в гостиной и удачно изменила ее вид.</p>
<p>4. Это интересно, потому что когда через несколько часов с работы пришел мой муж, я ему сказала: «Посмотри на гостиную — все по-другому». Не зная того, что я обнаружила, он не мог увидеть все так же, как я. Он видел, что все изменилось, видел, что вещи передвинуты, но не мог сказать, что горизонтальные линии были замаскированы, а вертикальные подчеркнуты. Так я почувствовала, что что-то знаю, чему-то научилась.</p>	<p>4. Муж подтвердил изменения, не зная, почему это произошло.</p>

* Giorgi, 1975.

Сущностное описание стиля обучения*

Обучение для респондентки произошло, когда она получила знание от значимого другого и конкретную демонстрацию этого знания, которое было связано с проблемой, долго ее беспокоившей. Когда респондентка обнаружила, что она может применить это знание в своей собственной ситуации и своим способом, принимая во внимание все неожиданности, которые предполагает новая ситуация, она почувствовала, что научилась. Таким образом, респондентка научилась, сначала проявив внимание к другому, затем самостоятельно применив знание, которое она получила, при одобрении со стороны другого значимого для нее человека.

---

* *Giorgi, 1975.*

Джорджи также описывает, как его эмпирический феноменологический метод соотносится с феноменологической философией, особенно с подходом М. Мерло-Понти (глава 3, «Феноменологическое описание»). Это касается верности феномену, приоритета жизненного мира, дескриптивного подхода, выражения ситуации с точки зрения субъекта, понимания ситуации как единицы исследования, включающей исследователя, и поиска смысла. Здесь есть единство содержания и метода, метода интервью и концепции обучения, основанной на феноменологическом понимании исследуемого явления, при котором обучение понимается как интенциональная осмысленная деятельность в обыденной жизни субъекта.

В заключение замечу, что этот эмпирический феноменологический метод может пригодиться для анализа обширных и часто сложных текстов интервью, так как он основан на поиске естественных смысловых единиц и выявлении их основного содержания. (Дальнейшее развитие и применение этого метода см. *Fischer, Wertz, 1979; Giorgi, 1985*). Следует заметить, что конденсация смысла не ограничена лишь феноменологическим подходом и применялась также в других качественных исследованиях (см. *Mayring, 1983; Tesch, 1990*).

Категоризация значений

В качестве иллюстрации процедуры категоризации я использую анализ интервью об оценках. Интервью тридцати школьников были подвергнуты категоризации с целью проверить гипотезу о том, что оценки в качестве

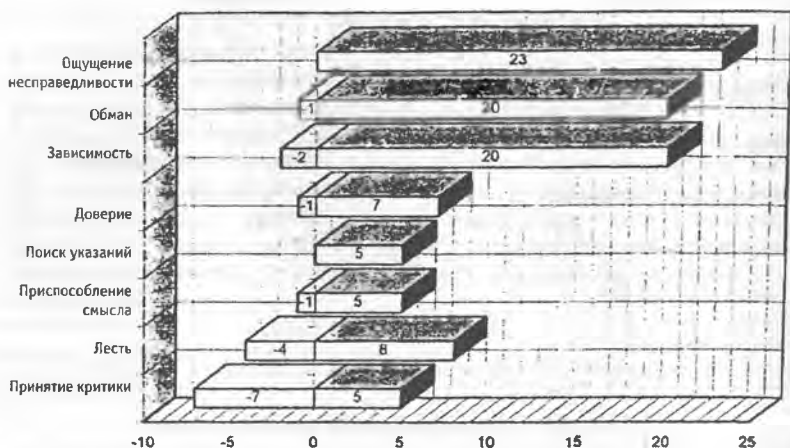
Основные сферы	Субкатегории
Отношения с учителями	Ощущение несправедливости Доверие Зависимость Принятие критики Приспособление смысла Поиск указаний Обман Лесть
Отношения с одноклассниками	
Я-концепция	
Отношения со временем	
Эмоциональные отношения	
Мотивация учения	
Форма обучения	

Рис. 11.2. Сферы и категории влияния оценок

мерила качества обучения влияют как на обучение, так и на социальные отношения в школе. Расшифровки 30 интервью составили 762 страницы. На основании педагогической литературы и пилотажных интервью влияние оценок в школьном обучении было распределено по семи основным сферам, которые в свою очередь подразделялись на субкатегории.

На рис. 11.2 семь сфер влияния оценок на обучение представлены в левой колонке, а восемь субкатегорий одной из этих сфер («Отношения с учителями») — в правой колонке. Для остальных шести сфер тоже были найдены соответствующие субкатегории, содержание которых отвечало каждой сфере (на рис. 11.2 их нет). Всего было найдено 42 категории. Категории были взяты из предыдущих исследований оценок и из пилотажных интервью этого проекта. Каждой категории было дано определение, например: *Обман* — в целях получения более высоких оценок ученик пытается создать впечатление, что он знает больше того, что знает; например, с энтузиазмом поднимает руку (когнитивная категория, связанная с предметом, приемлемая). *Лесть* — чтобы получить более высокие оценки, ученик стремится завоевать симпатии учителя (эмоциональная категория, часто не связанная с предметом, неприемлемая).

Каждое интервью было целиком закодировано с использованием 42 категорий отношений и видов поведения в связи со школьными оценками. Категоризация была сделана максимально близко к пониманию ученика, так, чтобы ученики сами могли принять категоризацию своих высказываний. Категории высказываниям присваивали два человека, независимо друг

Рис. 11.3. Влияние оценок на отношение ученика к учителю. Цифры справа показывают, сколько учеников из 30-ти подтвердили возникновение отношений и поведения, связанных с оценками. Отрицательные числа слева показывают, сколько человек опровергают наличие таких отношений и поведения. Так как несколько человек ничего об этом не говорили, или говорили очень смутно, то сумма подтверждений и отрицаний меньше 30

от друга, и их оценки затем объединялись. Если мнения расходились, то решение старались найти в диалоге. В случаях, когда согласие не было достигнуто, присоединялся третий кодировщик.

На рис. 11.3 показано, сколько учеников из тридцати подтвердили или опровергли восемь категорий сферы «Отношения с учителем». В целом результаты подтверждают гипотезу о том, что оценки влияют на отношения учеников с учителями. Наличие чувства несправедливости подтверждают от 23 до 30 учеников, и никто не опровергает; 5 подтверждают и 7 опровергают принятие критики учителей из страха, что это отразится на их оценках. Примерно в той же степени гипотеза подтвердилась и для остальных шести сфер влияния оценок. Гипотеза о том, что после введения (за год до исследования) основанного на оценках ограничения доступа в колледж влияние оценок увеличилось, получила очень слабую поддержку.

В дополнение к этой форме категоризации интервью об оценках были подвергнуты еще и более глубокой интерпретации, некоторые примеры которой будут обсуждаться в главе 12.

Категоризация смысла высказываний школьников служила нескольким целям.

(а) Категоризация структурировала подробные и сложные интервью и давала возможность разом охватить все случаи возникновения поведения, связанного с оценками, во всех 30 интервью. Таким образом, можно было представить в семи таблицах (как на рис. 11.3) основные результаты 762 страниц расшифровок, касающиеся распространенности связанных с оценками отношений и поведения учеников.

(б) Категоризация позволила проверить гипотезу относительно влияния оценок на обучение.

(в) Количественный анализ поведения, связанного с оценками, такой, как показано на рис. 11.3, позволил читателям судить о том, насколько типичны для интервью в целом были те цитаты, которые использовались в приложенном качественном анализе.

(г) Категоризация позволила исследовать различия видов поведения, связанного с оценками, у разных учеников: сравнить мальчиков с девочками и успешных учеников с неуспешными. В этом исследовании между ними не было обнаружено существенных различий.

(д) Кроме того, измерения позволили сравнить результаты этого исследования с результатами других исследований влияния оценок.

(е) Категоризация сама по себе дала возможность проверить надежность кодировщиков и предоставила некоторые возможности проверки надежности интервьюеров — это будет обсуждаться позже (см. ниже, «Контроль анализа»).

Категоризация смысла долгое время использовалась для анализа качественного материала. Категоризация соответствует позитивистскому акценту на измерение в общественных науках, но не ограничивается им. В традиции контент-анализа во время второй мировой войны были разработаны несколько техник анализа вражеской пропаганды. Многие техники в этом обзоре затронуты нами не были (см., например, *Miles, Huberman, 1994; Tesch, 1990*).

Структурирование смысла посредством нарратива

Анализ интервью можно рассматривать как форму нарративного повествования, как продолжение истории, рассказанной респондентом. Нарративный анализ того, что было сказано, приводит к новой истории, которую еще только надо рассказать, к истории, развивающей темы первоначально-

го интервью. Анализ может быть также конденсацией или реконструкцией множества сказок, поведенных разными собеседниками, превращением их в историю, еще более богатую, еще более конденсированную и последовательную, чем разрозненные рассказы отдельных респондентов.

Интервью, использованное для демонстрации конденсации смысла (см. выше, «Конденсация смысла» и главу 2, «Исследовательское интервью, посвященное обучению»), началось со спонтанного рассказа респондентки о том, как она научилась понимать разницу между горизонталями и вертикалями при украшении интерьера комнаты. Джорджи использовал содержание рассказа для выявления сущностного смысла обучения, при этом он не анализировал рассказ как нарратив.

Книга Э.Дж. Мишлера «Исследовательское интервьюирование — содержание и нарратив» (*Mishler, 1986*) стала первым исследованием использования нарратива в исследовательском интервью. Он выявил множество интерпретационных возможностей понимания интервью как нарратива, подчеркивая временные, социальные и смысловые структуры нарратива. Нарратив содержит *временную* последовательность, узор событий. Он имеет *социальную* составляющую: кто-то кому-то что-то говорит. И он обладает *смыслом*, сюжетом, придающим рассказу цель и единство. Одна из основных социальных функций нарратива — укрепление социальных связей: групповые нарративы способствуют установлению групповой идентичности и сохранению единства группы (см. также *Polkinghorne, 1988*).

Нарративное измерение интервью часто упускается. Мишлер рассказывает, как в своем исследовании взаимодействия врач—пациент он столкнулся с длинным рассказом одного из пациентов о его финансовом положении. Сначала Мишлер воспринял его как длинное отступление, и при первом анализе интервью не обратил на него внимания. Затем, более пристально взглянув на этот рассказ с точки зрения нарратива, он увидел, что рассказ приводит к чрезвычайно важному проникновению в суть взаимодействия врач—пациент. Дословная и нарративная версии расшифровки рассказа Леоны о ее щенке (глава 9, «Надежность и валидность расшифровки» и таблица 9.2) были взяты из статьи Мишлера (*Mishler, 1991*), в которой он обсуждает нарративную структуру рассказа и подчеркивает необходимость лингвистической компетентности для обнаружения и развития нарративных структур.

Интервьюер-исследователь может уделять внимание нарративам и во время самого интервью, и в процессе анализа, и, конечно, на этапе написания отчета. Когда во время интервью возникают спонтанные рассказы, интервьюер может побудить своего собеседника развернуть повествование. Можно помочь собеседнику составить последовательный рассказ.

Здесь, для иллюстрации, можно привести такую аналогию: маленький ребенок прибегает к родителям, пытаясь рассказать о каком-то драматическом событии, которое он только что пережил. Но он слишком перевозбужден, и ему необходима чья-нибудь помощь, чтобы сделать его рассказ понятным — так, чтобы другим стало ясно, что и в какой последовательности происходило. Более того, интервьюер во время интервью может подталкивать к нарративным формам, например, прямо попросив собеседника рассказать историю или пытаясь вместе с ним структурировать различные события, входящие в последовательный рассказ.

Начиная роман, автор держит в голове основной сюжет, который развивается в процессе написания. Вопросы интервью тоже можно рассматривать как ведущие к созданию истории, которую интервьюер хотел бы рассказать после интервью. Ключевые моменты этой истории, которые должны быть переданы читателям, интервьюер тоже с самого начала держит в голове. В обоих случаях персонажи в процессе написания могут зажить своей собственной жизнью, и направление их развития, следуя собственной структурной логике, может отличаться от направления, в котором автор собирался их повести. В результате может получиться хороший рассказ, дающий новые убедительные откровения и открывающий новые перспективы понимания исследуемого феномена.

В процессе анализа исследователь может выбирать между тем, чтобы быть «искателем нарратива» (то есть искать нарративы, содержащиеся в интервью), и тем, чтобы стать «создателем нарратива» (формировать последовательную историю из множества разных событий). В обоих случаях исследователь может использовать концепции и средства, разработанные в гуманитарных науках для анализа нарратива, — такие как актантичная модель, предложенная Проппом на основе русских волшебных сказок, и нарративная модель Лабова (см. Cortazzi, 1993; Jensen, 1998).

Интерпретация значений

Хотя слова *анализ* и *интерпретация* в этой книге используются как взаимозаменяемые термины, в данном разделе я использую слово «интерпретация» для обозначения более широкого и углубленного толкования значений в духе философской герменевтики (глава 3, «Герменевтическая интерпретация»). Исследователь имеет свой взгляд на предмет исследования, и с этой точки зрения он интерпретирует интервью. Интерпретатор выходит за пределы сказанного прямо, вычлняя структуры и смысловые отношения, которые невозможно увидеть в тексте с первого взгляда. Это

требует определенной дистанцированности от того, что сказано, дистанцированности, которая обеспечивается методической или теоретической позицией, восстанавливающей определенный концептуальный контекст сказанного.

Влияние различных концептуальных установок в процессе интерпретации иллюстрируется статьей Э. Шефлен «Сюзан улыбнулась: об объяснениях в семейной терапии» (*Schefflen, 1978*). Статья написана в форме рассказов группы терапевтов, которые наблюдают и комментируют терапевтическую сессию. В какой-то момент дочь Сюзанна загадочно улыбается. Дискуссия наблюдателей относительно значения этой улыбки, приведшая к появлению шести различных интерпретаций, тоже может пролить свет на проблемы интерпретации интервью.

Один из терапевтов предположил, что улыбка была саркастической, и, таким образом, ввел парадигму экспрессии, в которой действия человека считаются атрибутом чего-то, что находится у него внутри. Затем еще один член группы предложил вторую интерпретацию, отметив, что Сюзанна улыбнулась сразу же после того, как к ней повернулся ее отец, протянул к ней свои руки и сказал: «Я думаю, Сюзанна любит нас. Мы, конечно же, ее любим». Теперь улыбка виделась ответом на реплику отца. К третьей интерпретации привело следующее наблюдение: после того, как Сюзанна улыбнулась, к ней повернулась ее мать и сказала: «Ты никогда не ценишь то, что мы пытаемся для тебя сделать». Теперь улыбка интерпретировалась как провокация, как стимул для замечания матери.

В этих трех объяснениях улыбка Сюзанны интерпретировалась как выражение внутреннего состояния, как реакция и как стимул. Первое объяснение сосредоточивалось только на Сюзанне, второе добавляло контекст предшествующего разговора и отношения отец—дочь, а третье включало контекст последующего разговора и отношения мать—дочь. Четвертая интерпретация явилась следствием более пристального внимания к межличностному взаимодействию и заключалась в таком наблюдении: все три члена семьи часто действуют и реагируют друг на друга посредством ухода. Когда Сюзанна улыбнулась, ее отец отвернулся и замолчал, а когда мать начала свое замечание, Сюзанна реагировала похожим образом. Пятая интерпретация появилась, когда запись сессии прокрутили снова и терапевты заметили случай, похожий на последствия улыбки Сюзанны. До этого момента были еще два случая, когда отец к ней обращался, Сюзанна улыбалась, а мать делала ей замечание. Это было признаком программированного взаимодействия в семье, актеры следовали неписаному правилу и действо-

вали в соответствии с существовавшим ранее сценарием. Согласно этой интерпретации, перешедшей из личностного в культурный контекст, Сюзанна улыбалась согласно своей роли в семейной драме, исполнения которой от нее ждали. Шестая интерпретация доказывала, что, хотя улыбка Сюзанны была реакцией на обращение к ней отца, это не было адекватной реакцией. Говоря языком Бейтсона, улыбка была на метауровне по отношению к высказыванию отца, ее метакоммуникация разрушала предложение отца включиться в разговор.

Обсуждая интерпретации улыбки Сюзанны шестью терапевтами, Шефлен не присоединился ни к одной из этих моделей: «В различных доктринах эти интерпретации представляются как противостоящие друг другу истины, но, хотя и с разных точек зрения, они все валидны. И, соответственно, в тот или иной момент, они все тактически полезны» (*Schefflen*, 1978. Р. 59). В течение терапии можно сознательно использовать разные способы объяснения как особую тактику, которая тактически полезна в данный момент для изменения привычных тенденций отказывать, игнорировать, проецировать и обвинять: «В ходе семейной терапии наши клиенты могут научиться у нас различным подходам и завершить терапию, обладая более гибкой и универсальной стратегией восприятия и осмысления своих переживаний» (*Там же*. Р. 68). К вопросу о множественности интерпретаций мы снова обратимся в главе 12, а прагматический подход к валидации интерпретации в соответствии с ее полезностью рассмотрим в главе 13.

Интерпретация иногда лишает нас доверия к смыслам и значениям, прямо высказанным в разговоре. Критическая дистанция в интерпретации существует в виде «герменевтического подозрения» к тому, что человек говорит прямо, и к тому, что прямо выражено в тексте. Смысл интерпретируется так, как если бы в словах было нечто большее, чем то, что сказано; за непосредственно высказанным подозреваются скрытые намерения или заговор. Так, приведенное выше интервью Гамлета интерпретировалось как выражение всепроникающего недоверия к словам и действиям окружающих, ведущего к разговорам типа «С кривых путей выходим на прямой» (глава 8, «Интервью Гамлета»). В общественных науках герменевтическое подозрение выражено в психоанализе и марксизме, где интерпретатор ищет смысл за или под тем, что непосредственно высказано, — в психоанализе то, что говорится прямо, считается выражением неосознанных влечений, а в марксизме — проявлением идеологии, скрывающей базовые противоречия строя, или проявлением действия экономических сил.

Ситуативное порождение смысла

Наверное, наиболее часто встречающаяся форма анализа интервью — это ситуативное использование различных подходов и техник для извлечения смысла. В отличие от описанных выше приемов конденсации и категоризации, для анализа материала интервью в целом не применяются стандартные методы. Вместо этого во время анализа происходит свободное взаимодействие техник. Исследователь может прочитать все интервью, получить общее представление, затем вернуться к определенным отрывкам, может быть, провести кое-какие измерения (например, подсчитать высказывания, демонстрирующие различное отношение к явлению), более глубоко интерпретировать отдельные высказывания, превратить части интервью в нарратив, найти метафоры, отражающие материал, попытаться представить находки наглядно — в виде диаграмм и так далее. Такая тактика извлечения смысла в тех случаях, когда трудно с первого раза получить общее представление об интервью, может дать возможность выявить связи и структуры, значимые для исследовательского проекта.

М. Майлз и Э. Хуберман (*Miles, Huberman, 1994*) описывают и дают примеры тринадцати таких способов извлечения смысла из качественных текстов. Они разделены на описательные и объяснительные, на конкретные и более концептуальные, абстрактные.

Выделение паттернов, тем (1), определение правдоподобия (2) и кластеризация (3) помогают аналитику увидеть «что с чем совмещается». *Поиск метафор (4)*, как и предыдущие три тактики, — это способ достичь большей интегрированности разрозненных данных. *Подсчет (5)* — это тоже знакомый способ увидеть «что там».

Сравнения и контрасты (6) — это общая тактика, которая оттачивает понимание. Иногда необходима еще и дифференциация, такая как *разделение переменных (7)*.

Нам необходимы приемы и для того, чтобы видеть явления и отношения между ними более абстрактно. Для этого применяются *обобщение частного в общем (8), факторизация (9)* — аналог известной количественной техники, *определение отношений между переменными (10) и поиск промежуточных переменных (11)*.

В конце концов, как мы можем систематически составить связное понимание данных? Для этого обсуждаются тактики *построения логической цепи свидетельств (12) и создания концептуальной/теоретической последовательности (13)* (*Там же. Р. 245—246*).

В процессе анализа интервью об оценках было испробовано несколько ситуативных техник, и один из примеров, касающийся оценок и разговорчивости, будет приведен в главе 12.

Вопросы анализа

Теперь перейдем к некоторым принципиальным вопросам анализа: всепроникающий характер интерпретаций, количественный и качественный анализ, теоретические предпосылки.

Всепроникающий характер интерпретации. Анализ не является изолированной стадией, он пронизывает весь проект исследовательского интервью. Во врезке 11.1, посвященной шести этапам анализа, было особо подчеркнуто, что описание и интерпретация не прекращаются на протяжении всего исследования. Всеохватность интерпретации подчеркивалась и в описании семи этапов планирования интервью (глава 5), и в ответе на «вопрос о 1000 страницах» (глава 10). Предлагалось прояснять смысл высказываний и делать интерпретации во время самого интервью, и был выдвинут постулат о том, что идеальное интервью должно быть проинтерпретировано еще до окончания взаимодействия (глава 8). Превращение устной речи в письменный текст трактовалось как перевод и интерпретация, что было проиллюстрировано разными расшифровками рассказа Леоны о ее щенке (глава 9, «Надежность и валидность расшифровки» и таблица 9.2). Интерпретация продолжает играть свою роль в процессе верификации и написания отчета (главы 13 и 14). Осознание того, что интерпретация пронизывает весь исследовательский проект, может противоречить слишком большому вниманию, которое, как правило, уделяется методам анализа как *единственному* способу отыскать смысл интервью.

Количественный и качественный анализ. Идеологическое противоречие между качественными и количественными методами в общественных науках обсуждалось ранее (глава 4, «Качественные и количественные исследования»). В процессе конкретного анализа интервью об оценках качественный и количественный подходы многократно переплетались и взаимодействовали. Можно упомянуть три примера такого взаимодействия: качественный процесс определения категорий для подсчета, качественное различие категорий посредством подсчета и проблема измерения такого сложного явления, как отказы.

Предпосылкой для измерения поведения, связанного с оценками, были категории, выработанные качественным путем на основе данных литературы и пилотажных интервью. Необходимость кодировать высказывания

интервью способом «или—или» требовала точных определений категорий. Когда мы проверяли категории в пилотажных интервью, то возникли дальнейшие качественные дифференциации поведения, связанного с оценками, — например, категория «соперничество» разделилась на более тонкие категории, обладающие в представлении школьников совершенно разным смыслом: «стремление сравнивать», «ревность к оценкам», «спортивный интерес» и «деструктивное соперничество». Эта процедура количественного разделения предшествовала качественной разработке категорий и внесла свой вклад в качественную дифференциацию этих категорий. Само развитие и дифференциация категорий является в основном качественным усилием, а создание приемлемых категорий может быть столь же значимым вкладом в знание, как и количество наблюдений, сделанных для разработки различных категорий.

С чисто количественной точки зрения можно было ожидать, что чем чаще форма поведения, связанного с оценками, получала подтверждение или опровержение, тем более определенной является соответствующая категория. Однако в некоторых случаях такой количественный подход к кодированию может порождать проблемы, как, например, в случае с интерпретацией многократного отрицания соперничества как возможного его подтверждения (глава 9, «Расшифровка интервью»). Если следовать процедуре категоризации, основанной на самопознании школьников, это следовало бы закодировать как признак отсутствия соперничества. Но при более глубокой интерпретации, ведущей к подтверждению соперничества, этот пример выявляет принципиальные ограничения квантификации качественного материала интервью. Было бы слишком рискованно давать точную цифру того, сколько раз должно повториться «нет», чтобы его можно было бы понять как «да». Решение о том, когда увеличение количества отрицаний превратится в свою противоположность и станет подтверждением, требует принципиальной качественной интерпретации лингвистического стиля, пауз и интонаций высказывания. Для такого сложного, двусмысленного и противоречивого высказывания количественное измерение принципиально невозможно. Невозможно себе представить точный количественный критерий того, сколько требуется отрицаний, чтобы они превратились в невольное подтверждение.

Теоретические предпосылки. Теоретическая база исследования формирует контекст принятия решений о том, как будет анализироваться интервью. Различные техники анализа являются средствами ответа на различные тематические вопросы. Теоретические концепции предмета исследования, которыми пользуется аналитик, влияют на то, как он анализирует интер-

вью. Анализ интервью может быть как частью формирования теории, так и применением или проверкой теории.

Б. Глазер и Э. Страусс в своем практически обоснованном теоретическом подходе попытались посредством анализа данных разработать теоретическую интерпретацию того, что люди видят и слышат (*Strauss, Corbin, 1990*). Полевые исследования включали наблюдение, а также проведение формальных или неформальных интервью. В процессе всего исследования, по мере того как росло понимание исследователя, разрабатывалась эмпирически обоснованная теория, постоянно происходило кодирование и перекодирование наблюдений.

При обсуждении планирования был использован пример о насмешках в качестве иллюстрации того, как различные теоретические концепции приводят к различным формам опроса (глава 5, «Планирование»). Этот вопрос снова поднимался в связи с демонстрационным интервью об оценках (глава 7, «Интервью об оценках»). Фрейдистский, рожерианский и скиннеровский подходы к пониманию таких явлений, как насмешки и оценки, также приводили к различным формам анализа текста интервью, подчеркивая различные аспекты и контексты явлений.

На метатеоретическом уровне существуют противоположные концепции смысла, извлекаемого посредством анализа, такие как постмодернистские, герменевтические, феноменологические и диалектические взгляды на исследовательское интервью, которые обсуждались в главе 3. В них предполагается поиск смысла, а не его построение, в духе метафор шахтера и путешественника применительно к исследовательскому интервью. В «шахтерском подходе» аналитик вскрывает и очищает смысл, который более или менее глубоко скрыт в интервью. В «подходе путешественника» аналитик наряду с интервьюируемым участвует в создании смысла, о котором рассказывает, и посредством интерпретации конструирует тщательно продуманный рассказ.

Контроль анализа

Контроль является ключевой проблемой анализа обширного сложного материала интервью. В отличие от человека, который читает критический анализ стихотворения, читатель отчета об интервью не имеет доступа к записи и сотням страниц интервью, на которых основана интерпретация исследователя. Ни один текст интервью не оказывает такого сопротивления интерпретатору, какое оказывает пациент в терапевтической ситуации. Читая исследовательское интервью должен полагаться на то, какие имен-

но высказывания и в каком контексте исследователь выберет из интервью. Здесь будут упомянуты два подхода к контролю анализа интервью: использование нескольких интерпретаторов и экспликация процедуры.

Несколько интерпретаторов. Анализ интервью исследователь часто делает в одиночку, в результате чего у читателя оказывается недостаточно материала, чтобы оценить, насколько взгляды исследователя влияют на результаты анализа. Если одно и то же интервью предложить проинтерпретировать нескольким исследователям, то станет возможен определенный контроль случайных или субъективных сдвигов в анализе. Для категоризации часто используют нескольких кодировщиков, то же самое следовало бы чаще делать и при интерпретации глубинного смысла интервью.

При категоризации интервью в исследовании об оценках согласие между экспертами достигалось как в диалоге, так и арифметическим путем (глава 4, «Объективность в качественных исследованиях»). *Надежность кодировщика* проверяли на контрольном интервью. В данном случае два кодировщика независимо друг от друга в 39% случаев присваивали одинаковые коды и в 61% случаев — разные. Для 60 из 61% случаев различающихся кодировок в процессе обсуждения между двумя кодировщиками было достигнуто соглашение, а для оставшегося 1% пригласили третьего, за которым оставили последнее слово. То, что два кодировщика достигли согласия, показывает, что и другие кодировщики, используя ту же самую процедуру кодирования, скорее всего точно так же проведут категоризацию интервью. Сделали еще одну проверку, чтобы посмотреть, не покажется ли мне — руководителю проекта, что моя собственная категоризация часто более приемлема, чем то, что делают платные помощники из числа студентов. В данном случае эти предположения не подтвердились.

Кроме того, категоризация позволила произвести некоторую проверку *надежности интервьюера* — посмотреть, зависят ли описанные школьниками влияния оценок от того, кто из четырех интервьюеров проводил интервью. Между двумя интервьюерами были обнаружены значительные расхождения в объеме зафиксированного поведения, связанного с оценками. Оказалось, что один из них очень добросовестно следовал схеме интервью и в первую очередь заботился о том, чтобы школьники коснулись как можно большего количества тем, обозначенных в плане. А другой гораздо чаще исследовал интересные повороты, возникавшие в интервью.

Когда при различных формах анализа обнаруживаются различные смыслы, их можно проработать совместно — в диалоге, ведущем к согласию. Или же обе стороны могут представить свои аргументы в пользу разнящихся смыслов, так же, как это делается на официальных заседаниях. Привлечение нескольких аналитиков может служить не только заслоном

от случайностей или субъективных предрассудков, но и обогащению анализа, так как привлекается сразу несколько взглядов. Дискуссии относительно различных интерпретаций могут привести к концептуальному прояснению и проработке обсуждаемого вопроса, как это было, например, при обсуждении интерпретации улыбки Сюзан (см. выше, «*Интерпретация значений*»).

Экспликация процедуры. Альтернативой или дополнением к контролю анализа с помощью нескольких интерпретаторов может быть представленный исследователем образец материала, использованного для интерпретации, и ясное описание различных этапов процесса анализа. В феноменологическом анализе Джорджи «карты» исследователя были выложены на стол на всеобщее обозрение. Читатели могли проследить и проверить все этапы анализа. Джорджи говорил (*Giorgi, 1975*), что другой исследователь, глядя по-другому на те же самые данные, мог бы написать другое общее описание, хотя вряд ли совсем уж другое: «Следовательно, контроль вытекает из контекста исследователя и его взгляда на данные. Если известны контекст и намерение, то, как правило, расхождения всем понятны, даже если не все с ними соглашаются. Таким образом, основное, что надо помнить об этом виде исследований, состоит не столько в том, может ли быть принята другая позиция в отношении данных (этот пункт принимается прежде всего), сколько в том, может ли читатель, принимающий точку зрения, которую защищает исследователь, увидеть то, что видел исследователь, согласен он с его мнением или нет. Это основной критерий для качественного исследования» (*Giorgi, 1975. P. 96*).

В следующей главе я попытаюсь «выложить карты на стол» по поводу интерпретации высказываний интервью об оценках, чтобы дать возможность читателю проследить этапы процесса интерпретации.

Глава 12.

Многообразие интерпретаций

В этой главе мы детально рассмотрим один из подходов к анализу интервью — развернутые критические интерпретации значения высказываний в интервью, дополнив его некоторыми ситуативно применяемыми техниками. В первую очередь речь пойдет о множественности интерпретаций и герменевтической первичности вопроса. Затем мы приведем как пример множественности интерпретаций отчеты интервью об оценках. Вопрос валидизации множественных интерпретаций связан с различными заданными вопросами и контекстом, а также с выборками, на которых производится валидизация. В заключение по поиску смысла противопоставляя постмодернистская деконструкция субстанциализированных смыслов.

Первичность Вопроса

Наиболее часто встречающееся возражение против интерпретации интервью звучит примерно так: «Разные толкователи обнаруживают в одном и том же интервью различные смыслы, следовательно, интервью не является научным методом».

Непохожие друг на друга интерпретации одних и тех же отрывков интервью действительно бывают, но гораздо реже, чем это принято считать. Приведенное выше возражение включает в себя требование объективности, полагая, что высказывание должно иметь единственно правильное объективное значение, и следовательно, цель интерпретации — отыскать это одно и только одно истинное значение. В противовес этому требованию однозначности герменевтический и постмодернистский способы понимания допускают правомерность множественных интерпретаций (см. главу 3, «Герменевтическая интерпретация» и «Постмодернистское конструирование»). Существует множество вопросов, которые можно задать тексту, причем разные вопросы ведут к различному пониманию текста. Герменевтическая диалектика вопросов—ответов зависит не только от вопросов, поставленных к тексту читателем, но и от степени открытости читателя по отношению к вопросам, которые ставит перед ним текст.

Предубежденность интерпретатора влияет на вопросы, задаваемые им к тексту. Эти вопросы также определяют смыслы, обнаруживаемые в тексте. Теперь перейдем к некоторым типам вопросов к тексту, различаемым в герменевтике. Первый из них касается соотношения авторского смысла и

того смысла, который видит читатель. В чем суть интерпретации — выяснить, что *намечался вложить в текст автор* (что на самом деле Ибсен хотел сказать своей пьесой «Пер Гюнт»), или интерпретация обращена к *тому смыслу, который текст имеет для нас* сегодня? Интерпретация интервью предполагает тот же вопрос — действительно ли наша цель состоит в том, чтобы проанализировать, к примеру, интервью об оценках, дабы выявить индивидуальное понимание каждым учеником своих оценок? Или цель исследователя состоит в том, чтобы на основе описаний школьников выстроить более широкую интерпретацию значения оценок в системе образования?

Еще одна проблема интерпретации заключается в том, что нужно интерпретировать — *букву текста*, например юридического текста, или его «*дух*»? Важен высказанный смысл или подразумеваемый? В исследовательском интервью этот вопрос оборачивается вопросом об уровне, на котором производится интерпретация. Нужно ли анализировать интервью на уровне сказанного? Или нам необходимо добраться до латентного, не вполне осознанного самим собеседником смысла, как это делают «глубинная герменевтика» и психоанализ?

Третья проблема представляет собой принципиальный вопрос о том, существует ли *одна-единственная корректная интерпретация* литературного текста или библейской истории, или *множественность интерпретаций правомерна*. Можно ли сказать про евангелия Нового Завета, что они имеют одну правильную интерпретацию, или их нужно считать многозначными, открытыми для разных интерпретаций? Если принять принцип правомерности множественности интерпретаций в процессе анализа интервью, то бессмысленно жестко требовать от интерпретаторов, чтобы они обязательно достигли согласия. Достаточно ясно сформулировать факты и доводы, приведшие к данной интерпретации, чтобы правильность интерпретации мог проверить читатель.

Четвертая проблема включает вопрос о том, какие аспекты темы нужно проинтерпретировать и насколько широким может быть при этом контекст. Герменевтическая интерпретация текста, психоаналитические исследования, а также психологические исследования, включающие интервью, часто отличаются индивидуалистической и идеалистической сосредоточенностью на переживаниях и интенциях индивида. При этом в небрежении оказываются *социальный и материальный контекст*, в котором живет человек (см. критику Ж.-П. Сартром «психоанализации» причин политики Робеспьера — глава 3, «Диалектика объективной ситуации»). Однако сам по себе метод интервью не обязательно должен быть идеалистическим или индивидуалистическим. Эти черты методу интервью придает контекст, в котором он реализуется.

В современных исследованиях с помощью интервью основной проблемой является не многообразие интерпретаций, а недостаточно ясно сформулированные исследовательские вопросы к тексту. Мы можем отличить предвзятую субъективность от субъективности разных взглядов, ориентируясь на разницу в интерпретациях (см. также главу 4, «Объективность в качественных исследованиях»). *Предвзятая субъективность* означает просто неряшливую и ненадежную работу; исследователь замечает только те факты, которые подкрепляют его мнение, избирательно интерпретируя и включая в отчет высказывания, подтверждающие его собственные выводы, и пропуская все, что им противоречит. О *субъективности взглядов* можно говорить тогда, когда исследователи с разными взглядами ставят разные вопросы к одному и тому же тексту и приходят к различным интерпретациям его смысла. Именно это и представляет собой сильную сторону исследовательского интервью. Если эксплицировать различия точек зрения тех, кто читал текст, то различия в интерпретациях становятся понятными (см. критерий качественного исследования А. Джорджи в главе 11, «Контроль анализа»). Если эксплицировать взгляды на текст интервью у тех, кто его интерпретировал, и уточнить вопросы, которые они ставили к данному отрывку, то несколько интерпретаций одного и того же текста обнаружат не слабость, а богатство и силу исследовательского интервью.

Когда несколько разных интерпретаций появляются случайно, то отчасти это объясняется тем, что вопросы к тексту были поставлены нечетко. Проблема здесь не только в том, чтобы ясно сформулировать вопросы исследователя к тексту, но также в том, какие вопросы к тексту можно считать правомерными. При интерпретации юридических текстов может быть жизненно важным, например, правомерно ли при интерпретации закона спрашивать о намерениях тех, кто этот закон составлял, или в расчет при анализе конкретного случая можно принимать только букву закона, в том виде, в котором он существует на данный момент. Решение относительно того, какие вопросы к тексту правомерны, что отчасти определяет диапазон ответов, в конечном счете представляет собой вопрос власти. В юриспруденции окончательное решение о правомерном контексте интерпретации юридического текста принимает политически уполномоченный на это Верховный Суд.

Вопросы, поставленные к тексту интервью

В качестве примера соотношений между вопросами, поставленными к тексту, и ответами, из него полученными, приведем интерпретации высказываний из интервью об оценках. Один из вопросов касается контекста ин-

рpretации, другой — относится к тому, считать ли интервьюируемого источником информации или объектом анализа, третий вопрос касается положений интервью, которые содержат информацию, не обладающую эмпирической валидностью, но могут дать ценные знания о причинах появления и последствиях невалидного знания.

И КОНТЕКСТА ИНТЕРПРЕТАЦИИ

«Я знаю, что кто-то может назвать подлизой того, кто демонстрирует, что этот предмет интереснее для него, чем другие, говорит: “Как интересно”, задает много вопросов, просит объяснить. Я так не думаю...

На занятиях по религии, где нам ставят оценки (учитель), но экзаменов в конце года нет, есть время поговорить о чем-нибудь еще. Ну, народ делает домашние задания на этих уроках, но иногда мы, ну, двое-трое, обсуждаем с учителем что-нибудь интересное. А после этого, бывает, кто-то бросит: “Ну-ну, похоже, кто-то подлизывается”.

(Позже, в интервью о других учениках). Мы иногда не знаем, делают они это, чтобы подлизаться, или нет, но иногда это выглядит как-то слишком приспособленчески. *(Напряженным голосом).* Это неприятно... Нелегко вычислить, подлизывается человек или действительно ему интересно.

Это высказывание старшеклассницы содержит очень много информации о влиянии оценок на отношения между учителями и учениками. Однако не совсем ясно, что означают ее замечания. Чтобы выявить их смысл, к ому высказыванию нужно задать вопросы нескольких видов. Первая линия расспрашивания обращена к смыслу текста в трех разных контекстах интерпретации: собственного понимания, критического понимания с позиции здравого смысла и теоретического понимания.

Контексты интерпретации представлены в левой колонке таблицы 12.1, соответствующие им выборки для валидации — в правой. Сначала я

Таблица 12.1

Контекст интерпретации и выборка для валидации

Контекст интерпретации	Выборка для валидации
Самопонимание	Интервьюируемая
Критическое понимание с позиций здравого смысла	Генеральная совокупность
Теоретическое понимание	Исследовательское сообщество

дам толкование высказывания о подлизах в трех контекстах: самопонимания, критического понимания с позиций здравого смысла и теоретического понимания, а после этого опишу соответствующие выборки для валидации.

Самопонимание. В этом случае интерпретатор пытается в сжатой форме сформулировать то, как сам интервьюируемый понимает смысл своего высказывания. Интерпретация более или менее ограничена собственным пониманием собеседника — это конденсированное перефразирование смысла высказывания собеседника в интервью с его собственной точки зрения — так, как его понял исследователь. Конденсация смысла, использованная Джорджи, так же как и категоризация в интервью об оценках, были сделаны в контексте собственного понимания собеседников (глава 11, «Конденсация смысла» и «Категоризация значений»).

Эта школьница интересуется религией, ей нравится обсуждать ее с учителем, но она чувствует, что другие ученики могут воспринимать это как попытку подлизаться. В аналогичных ситуациях она сама затрудняется определить, подлизывается другой ученик или действительно интересуется предметом обсуждения, причем переживает эту неопределенность очень болезненно.

Критическое понимание с позиций здравого смысла. В данном случае интерпретация выходит за рамки переформулирования собственного понимания собеседницы — того, что она сама чувствует и думает по поводу темы разговора, — и происходит в контексте здравого смысла. Границы интерпретаций могут быть шире, чем просто мнение собеседника, могут отражать критику высказываний и быть сосредоточены и на содержании высказывания, и на личности говорящего. Приведенные выше интерпретации высказываний с отрицанием соперничества (глава 9, «Расшифровка интервью»; глава 11, «Вопросы анализа») вышли за пределы собственного понимания школьников, так как для того, чтобы оценить множественные отрицания как означающие возможное подтверждение, необходимо было подключить критическое прочтение с точки зрения здравого смысла.

Учитывая общие знания о *содержании* высказывания, можно расширить и обогатить интерпретацию. Если задать вопрос: «Что говорит нам это высказывание о самом феномене приспособленчества?», то высказывание девочки можно истолковать как проявление созданной оценками базовой неопределенности отношений учитель—ученик. При господстве оценок сам предмет и человеческие отношения в школе «инструментализируются». Они становятся просто средствами получения оценки выше средней.

Соответственно, в классе возникает недоумение — на самом ли деле у человека есть искренний интерес к предмету, или это просто способ «заморочить» учителя, чтобы получить более высокую оценку.

Вопросы, заданные к тексту, могут быть направлены и на человека, касаться того, что данное высказывание говорит о собеседнике. Так, в приведенной ранее интерпретации интервью Гамлета вопросы менялись — от демонстрируемого содержания, то есть формы облаков, к личности Полония, к тому, достоин ли он доверия (глава 8, «Интервью Гамлета»). По отношению к приведенному выше высказыванию школьницы вопрос: «Что оно говорит о собственном отношении девочки к подхалимажу?» — может привести к мнению, что девочка придерживается двойного стандарта. Одно и то же действие — заинтересованный разговор с учителем — воспринимается ею более положительно, если это делает она сама, и менее положительно, если это делает кто-то другой. Для нее в теме обсуждения содержится конфликт (у нее напрягается голос), и можно предположить, что она принадлежит к группе учеников, обвиняемых другими в подхалимаже.

Теоретическое понимание. В третьем контексте для интерпретации смысла высказываний применяется теория. Соответственно, интерпретации выходят за рамки собственного понимания собеседника и даже за рамки понимания с точки зрения здравого смысла, например, когда они опираются на психоаналитическую теорию личности или на марксистскую теорию общественного устройства.

Например, высказывание девочки можно было бы несколько спекулятивно проинтерпретировать с использованием психоаналитического понятия «проекции»: неосознанно ученица проецирует свое собственное заискивающее неприемлемое поведение на других учеников и отказывается признавать его за собой.

В рамках марксистского учения о школе как механизме адаптации к наемному труду, где оценки служат в качестве школьного средства платежа (Bowles, Gintis, 1976; Kvale, 1972), приведенное высказывание может быть истолковано как отражение того, что школьное обучение носит товарно-потребительский характер. Школьники учатся — получая за свое учение оценки — различать потребительную стоимость и меновую стоимость своей работы. Их вопросы к учителю могут вести к утилитарной выгоде получения знаний лучшего качества. Вопросы могут быть и частью отношений инструментального обмена. Они заинтересованно задают вопросы о том, что не имеет для них собственной ценности; вопросы служат исключительно для того, чтобы произвести положительное впечатление на учителя — впечатление, которое можно будет обменять на хорошую оценку. Таким

образом, в школе ученики учатся подчинять потребительную стоимость своей работы ее меновой стоимости.

Взаимосвязанность контекстов интерпретации. Три контекста интерпретации вытекают из различных трактовок взглядов интерпретатора и ведут к различным интерпретациям. Контексты можно и дальше дифференцировать, но они могут и переходить друг в друга. Инструментальное отношение к учению (знание — лишь способ получения более высокой оценки), которое выше обсуждалось в контексте здравого смысла, вытекает и из социологических и марксистских теорий обучения. В то же время мышление в парадигме средство—цель может быть частью обыденного понимания школы. Для некоторых датских школьников такое инструментальное отношение является очевидной частью их самоосознания.

«Мои интересы очень далеки от тех, что приняты в старшей школе. Я хожу сюда с единственной целью — как можно лучше сдать экзамены, затратив как можно меньше усилий».

Контексты интерпретации, предложенные выше, служат для того, чтобы сделать вопросы, поставленные к тексту, как можно более очевидными. Всего лишь одно описание заискивания привело к появлению целого ряда интерпретаций. Соответственно предложенным здесь взглядам множество интерпретаций не является ни случайностью, ни субъективностью, но представляет собой ответы на различные вопросы к тексту. Ответы, которые мы получаем, обусловлены не только теми вопросами, что мы задаем собеседнику, но и вопросами, заданными к тексту интервью.

ТРИ ВЫБОРКИ ВАЛИДИЗАЦИИ

Трем контекстам интерпретации, выделенным выше, соответствуют три выборки валидации — сам интервьюируемый, генеральная совокупность и исследовательское сообщество.

Интервьюируемый. Когда интервьюируемого просят рассказать о том, как он сам понимает свое высказывание, то вопрос о валидности интерпретаций исследователя, в принципе, решает сам интервьюируемый. Согласие или несогласие ученицы с интерпретацией ее высказывания — она сама не подлизывается, но уверена, что другие могут это делать, — в данном случае и служит критерием валидности. В контексте собственного

понимания, который применялся для категоризации интервью об оценках, высказывание девочки было осторожно классифицировано как не подтверждающее существование подхалимажа. На самом деле, если анализируется множество интервью, то очень редко есть возможность каждую отдельную интерпретацию давать собеседнику, чтобы он мог подтвердить ее или опровергнуть. Поэтому исследователь старается давать свои интерпретации в контексте понимания собеседника, опираясь на то, как сам исследователь видит это понимание.

Генеральная совокупность. Интерпретации даются в контексте понимания людей вообще, всех людей. Дискуссии присяжных в суде — один из примеров критического понимания с точки зрения здравого смысла. Тогда критерием валидности будет возможность достижения консенсуса относительно того, что интерпретация логична и обоснована. Высказывание о подхалимаже выше было истолковано как выражение базовой неопределенности в отношениях учитель—ученик, возникшей благодаря оценкам. Тут уж читателям решать, была ли интерпретация обоснована и подтверждена документально. В этом случае валидность интерпретации не зависит от того, принимает ли ее интервьюируемый; она зависит от того, убедили ли представителей широкой публики представленные документы и аргументация.

Исследовательское сообщество. Когда высказывание интерпретируется в контексте определенной теории, валидность интерпретации будет зависеть от того, валидна ли сама используемая теория для данного объекта исследования, и от того, насколько логично вытекает из этой теории конкретная интерпретация. Оценка валидности теоретической интерпретации предполагает компетентность в области конкретной теории. Таким образом, в отличие от жюри, которое осторожно оценивает валидность критических интерпретаций с точки зрения здравого смысла, теоретическая интерпретация оценивается сообществом исследователей.

Валидность интерпретации подхалимажа — как выражения товарного характера школьного обучения — здесь будет зависеть от решения о том, валидна ли сегодня теория товарно-денежных отношений К. Маркса, можно ли применить ее не к экономике, а к образованию, и обосновано ли применение товарных категорий в данной конкретной интерпретации. В этом случае, валидность интерпретации будет зависеть от диалога между теоретически подкованными людьми, знающими современные трактовки марксистской теории.

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ СОДЕРЖАНИЯ ИЛИ ЛИЧНОСТИ

До сих пор я обращал внимание на валидность интерпретации исследователем высказывания интервьюируемого. Но понятие валидности применимо и к содержанию самих высказываний интервьюируемого. То, что говорит наш собеседник, может быть истинно или ложно, его свидетельства о собственном поведении или поведении других могут быть надежны или ненадежны.

Когда разговор заходит о валидности высказываний собеседника, необходимо различать два взгляда на интервьюируемого: как на *информатора*, исследуемого, свидетеля и как на *объект анализа*. Здесь можно опять вспомнить интервью Гамлета с Полонием (глава 8, «Интервью Гамлета»). Если рассматривать Полония в качестве источника информации о форме облаков, то, благодаря наводящим вопросам Гамлета, содержание его ответов бесполезно. Если же рассматривать его как объект анализа, то для Гамлета косвенное сообщение о том, насколько Полонию можно верить, — вопрос жизни и смерти.

В интервью Сократа и в интервью, представленном Джорджи, собеседники рассматривались как источники информации — источник концептуальных знаний о любви и красоте и источник эмпирических знаний о природе научения, соответственно (глава 2). В терапевтическом интервью, представленном К. Роджерсом, содержание обвинений клиентки было, видимо, искаженным (глава 2). Однако по всей видимости ложные обвинения сообщали нечто важное о клиентке, обвиняющей терапевта в том, что он ее ненавидит. И, в конце концов, с помощью терапевта, который зеркально отражал ее высказывания, она сама это осознала.

Школьники, участвовавшие в интервью об оценках, были, с одной стороны, информаторами: они давали информацию о влиянии оценок на обучение и рабочую ситуацию в старших классах. Ребята были свидетелями взаимодействия в классе — «включенными наблюдателями». Их задача состояла в том, чтобы как можно более точно сообщать о своих переживаниях относительно влияния оценок на их собственное поведение и поведение других учащихся. С этой точки зрения, предполагающей анализ высказываний с точки зрения их *достоверности*, внимание должно быть сосредоточено на содержании наблюдений и переживаний собеседника. Второй подход предполагает *симптоматическое* прочтение, при котором предметом интереса будет собственное отношение собеседника к тому феномену, который он описывает. Школьники, с которыми проводили интервью, представляли школьников вообще, они были объектами воздействия оценок, их высказывания описывали влияние, оказываемое оценками на учащихся.

С этой точки зрения интересно было собственное отношение школьников к феномену, например, их сопротивление и нежелание говорить об определенных аспектах оценивания, их колебания при описании подхалимажа, отказ признавать влияние оценок на ситуацию в школе или явное преувеличение влияния оценок.

Различные вопросы валидности, поднятые прочтением в аспекте достоверности или симптоматическим прочтением, могут быть проиллюстрированы на примере следующего высказывания:

«Оценки часто несправедливы, потому что очень часто — очень часто — они измеряют только то, как много ты говоришь, и то, насколько ты соглашаешься с учителем».

Контекст этого высказывания был представлен ранее (глава 1, «Беседа как исследование»). С точки зрения достоверности этого высказывания, школьник дает две точные формулировки: «...Оценки очень часто измеряют (а) только то, как много ты говоришь, и (б) то, насколько ты соглашаешься с учителем».

В принципе оба утверждения могут быть подтверждены или опровергнуты эмпирически. Можно использовать метод «триангуляции». Триангуляция означает, что один и тот же феномен исследуется с разных точек зрения, чтобы определить его точное место. В данном контексте это означает использование разных информаторов и разных методов, чтобы определить точное значение и валидность высказывания. Что касается разных информаторов, то еще несколько школьников тоже отметили связь между количеством высказываний и полученной оценкой, а также то, что согласие с учителем ведет к получению более высокой оценки. Когда эти два утверждения были включены в опросник для более широкой выборки школьников, то большинство подтвердили первое утверждение и отвергли второе (см. врезку 5.4 в главе 5). Учителя в своих интервью отвергли оба эти утверждения. Эти утверждения не новы — одно из них или даже оба были несколько ранее выдвинуты другим «информатором» — ректором университета в Копенгагене Людвигом Холбергом в его речи от 1736 года, в которой он критиковал университетские экзамены за то, что в них более всего ценится беглость речи студента.

При применении ситуативной «методической триангуляции» было получено косвенное подтверждение достоверности первого утверждения о разговорчивости. При прочтении всех 30 интервью обнаружилось поразительное разнообразие в количестве страниц, содержавшихся в каждом, несмотря на то, что все интервью проводились в течение одного урока. Повинуясь моей интуиции, я проранжировал все интервью по количеству

страниц, а потом вычислил коэффициент корреляции между количеством страниц и средней успеваемостью каждого ученика. Итоговое значение коэффициента корреляции было 0,65 при уровне значимости $p < 0,001$. Таким образом, существует значимая связь между тем, сколько ученик говорил во время интервью, и его средней успеваемостью. Однако эту связь можно проинтерпретировать по-разному: ученик получает более высокую оценку потому что много говорит, или ученики с более высокой успеваемостью лучше осознают проблемы оценивания и им легче обсуждать оценки с интервьюером?

В контексте данного метода можно отметить, что ситуативный подход к порождению смысла привел к значимой количественной связи, что позволило поставить вопрос о дальнейшей качественной интерпретации. Итак, два вида триангуляции — по информантам и по методам — свидетельствуют (правда, не окончательно) в пользу эмпирической валидности утверждения ученика о наличии связи между разговорчивостью и оценками.

Даже если на эмпирическом уровне высказывание с точки зрения достоверности абсолютно ложно, оно может с точки зрения симптоматического прочтения давать очень важные знания относительно воздействия оценок на учеников. При симптоматическом прочтении возникают два вопроса, обращенные в противоположном направлении: (а) как проявляется отчасти неверное понимание оснований оценивания, каким образом оно складывается?; (б) каковы последствия отчасти неверного понимания оснований оценивания для обычной школьной жизни?

КАК СКЛАДЫВАЕТСЯ НЕВЕРНОЕ ПОНИМАНИЕ

В интервью об оценках было несколько высказываний, содержание которых — с точки зрения проверки достоверности — можно было бы считать неверным. В отрывке о подхалимаже, приведенном выше, подлизывался не интервьюируемый, а другие. Из 30 учеников ни один не сказал, что подлизывался к учителю сам, но 8 из них прямо говорили, а еще 8 намекали, что подлизываются другие ученики (см. рис. 11.3). Если рассматривать школьников как источник информации, то их надежность в качестве свидетелей наличия подхалимажа должна быть поставлена под вопрос, так как большое количество высказываний как о своем поведении, так и о поведении других, очевидно, не соответствовало действительности.

При симптоматическом прочтении эмпирически некорректные высказывания о подхалимаже могут давать важные знания о психологической ситуации, в которую школьники поставлены системой оценок, — то есть о

том, почему они вынуждены давать искаженное понимание. Похоже, что заискивание для датских старшеклассников — неприемлемое поведение, неприемлемое настолько, что они не распознают его в самих себе, но при этом некоторые из них уверены, что именно оно необходимо для получения высоких оценок. Это связано с базовой неопределенностью отношений учитель—ученик. Ученики могут воспринимать одни и те же действия у себя — как выражение искреннего интереса к предмету, а у другого — как расчетливое вычисление меновой стоимости с целью получить максимально высокую оценку. При таком ситуационном анализе поведение, связанное с оценкой, деиндивидуализируется и интерпретируется как попытка учеников разрешить в своем сознании противоречие между требованиями школьной ситуации, в которой они получают оценки.

Симптоматическое прочтение направлено на анализ истоков неверного понимания, скрытых в условиях жизненного мира человека, истоков, создающих и поддерживающих неадекватную концепцию социальной реальности. З. Фрейд был шокирован, когда, разрабатывая психоанализ, обнаружил, что множество рассказов пациентов (рассказов, которые он считал достоверными) о том, как в детстве их сексуально совращали, в свете новой информации оказывались выдуманными. Лживые рассказы о сексуальном совращении были важным основанием сексуальной теории происхождения неврозов. Обнаружение того, что многие из этих рассказов были эмпирически недостоверны, привело к кризису психоаналитической теории, вплоть до «коперниканского переворота» Фрейда: он считал решающим в развитии невроза не сами факты сексуальных домогательств, а фантазии о них.

Похожий переворот — от проверки достоверности к симптоматическому прочтению искаженного рассказа — мы находим в английском исследовании Т. Хаган (*Hagan*, 1986). Живущих в трущобах матерей опрашивали относительно их опыта взаимодействия с системой социального обеспечения. Они рассказали множество историй об унижительных встречах с социальными работниками. Из других источников Хаган узнала, что некоторые эпизоды, повествующие о грубом унижительном обращении со стороны персонала службы, содержали явные преувеличения и искажения. Ее первой реакцией на это было желание отказаться от метода интервью, так как он давал ненадежную информацию о поведении персонала. Однако взглянув на дело по-другому, она сочла искаженные данные экспрессивным средством, симптомом унижительной жизненной ситуации матерей. Жизнь за счет социальной службы серьезно угрожала их самоуважению. Искажения в передаче их взаимодействия с персоналом службы социального обеспечения можно рассматривать как одно из средств поддержания самоува-

жения клиентов службы социального обеспечения в глазах интервьюера и, возможно, в своих тоже.

Ни одна из приведенных выше интерпретаций не является окончательной. Так, отказ Фрейда от теории неврозов, построенной на сексуальном соращении в детстве, затем подвергся критике со стороны ученых феминистской ориентации. Они считали эту новую интерпретацию уходом от его провоцирующих открытий сексуального насилия в викторианском обществе и переходом к безобидной теории о фантазиях, как более приемлемой для буржуазного общества.

СЛЕДСТВИЯ НЕПРАВИЛЬНОГО ПОНИМАНИЯ

Эмпирически ложные высказывания интервью могут иметь реальные последствия для поведения интервьюируемого. В приведенных ниже высказываниях цифрой 8 обозначена средняя оценка датской оценочной шкалы.

«Возьмем, к примеру, 8 как среднюю оценку в классе. Если вы хотите получить больше восьми, то вы должны сделать так, чтобы учитель вас заметил и выделил среди других учеников. Поэтому ваша более высокая оценка почти неизбежно получается за чей-то счет».

Ученик, сказавший это, и еще несколько ребят были убеждены, что в классе обязательно должна быть какая-то средняя оценка, и, значит, у учителя есть ограниченное количество более высоких оценок, которые он должен распределить между учениками. Если один получает оценку выше, то другой ученик в классе автоматически должен получить оценку ниже, чтобы сохранить среднюю. Уверенность учеников не соответствует официальным правилам оценивания в Дании и не согласуется с данными, полученными при интервьюировании учителей.

Хотя уверенность учеников — в том, что в классе должна быть какая-то средняя оценка, — безусловно эмпирически неверна, она составляет часть их социальной реальности и может иметь последствия для их поведения в школе. Несколько школьников рассказали, что уверенность в том, что оценки в классе расставляются согласно кривой нормального распределения, приводит к деструктивному соперничеству — от пассивного отказа помогать другим до активных попыток помешать другим ученикам из страха, что повышение их оценок приведет к тому, что его собственная позиция в классе изменится к худшему.

Хотя содержание высказывания о фиксированной средней оценке с точки зрения его достоверности скорее всего не соответствует действи-

тельности, при последовательном чтении оно дает важные знания о том, на каком фоне разворачивается такая форма поведения учеников, как деструктивное соперничество из-за оценок. В социологии явление, когда эмпирически ложное убеждение имеет реальные социальные последствия, называют теоремой Томаса — если люди верят, что идея реальна, то последствия этой идеи становятся реальностью.

ВОПРОСЫ, ПОСТАВЛЕННЫЕ К ТЕКСТУ

Выше я уже показал, каким образом разные вопросы, поставленные к тексту, приводят к разным ответам. Так, один вид вопросов приводит к прочтению высказываний учеников с точки зрения их переживаний, проясняющему, как сами ученики понимают оценивание. Другой вид вопросов приводит к *анализу достоверности*, исследующему валидность информации о воздействии оценок, которую дают ученики. Ученики в данном случае рассматриваются как свидетели, как источник информации. Расспрашивание предполагает и *симптоматическое прочтение*, сосредоточенное на самих учениках и причинах, заставляющих их высказывать именно такие мысли. И, наконец, существует еще и *прочтение с точки зрения последствий*, которое обращено к вере учеников в то, что оценивание в школе происходит определенным образом. Вопросы затрагивают различные контексты интерпретации, в которых валидизация ответов происходит на разных выборках — это сами школьники, которые давали интервью, генеральная совокупность и исследовательское сообщество.

Первый момент, который необходимо здесь отметить, — это развернутость анализа. Интерпретации более чем в 10 раз объемнее, чем первоначальное высказывание ученика (см. также рассмотренную ранее интерпретацию «интервью Гамлета» и интерпретацию «вопроса о 1000 страницах»). Этот анализ приводит к расширению первоначального текста интервью, и анализировать таким образом каждую из сотен страниц текста интервью вряд ли возможно. В данном случае остальные сотни страниц послужили фоновым контекстом для приведенной выше интерпретации отдельного высказывания о подхалимаже, инструментальной мотивации, связи разговорчивости с оценкой и соперничестве.

Второй момент заключается в том, что конкретные процитированные здесь высказывания не являются типичными для всех интервью, но содержат особенно острые и сложные описания явления, о котором другие ученики говорили не так ярко. Их выбирали, исходя из тех теоретических соображений, что они поднимают вопросы, принципиально важные для понимания влияния оценок на учеников.

Третий момент состоит в том, что некоторые из этих теоретически интересных высказываний было очень трудно недвусмысленно категоризировать сообразно их значению. Туманность, многозначность и противоречивость этих высказываний порождали ошибки при попытках получить категории с высокой интерсубъектной надежностью, хотя с точки зрения интерпретации, они касались существенных аспектов исследуемых феноменов.

Четвертым можно назвать тот факт, что разные интерпретации одного отрывка интервью не являются результатом случайности или субъективной предвзятости, а возникают вследствие разных исследовательских вопросов. Соответственно, важно четко формулировать поставленные к тексту вопросы, а в некоторых случаях — доказать адекватность и правомерность этих вопросов. В приведенном выше примере это касается, например, правомерности применения экономической теории товарно-денежных отношений к школьному обучению.

Пятым моментом является то, что вопросы, поставленные к высказываниям учеников, и сделанные различия не вытекают из какой-то жесткой схемы интерпретации. Они были разработаны в процессе анализа интервью об оценках и специфичны именно для данного содержания и контекста. Они определялись как самой природой темы интервью — социальным контекстом оценивания, — так и герменевтическим подходом к интерпретации смысла, а также конкретными теоретическими взглядами. Приведенные здесь вопросы к интервью об оценках, возможно подойдут и для интерпретации других видов интервью, но тогда их форму придется приспособить к конкретной теме исследования и исследовательским вопросам.

В поисках «истинного смысла»

Очень часто исследователям задают примерно такой вопрос: «Как вы узнаете, что поняли именно то, что человек имеет в виду?» Очень хочется ответить: «А что вы на самом деле подразумеваете, когда спрашиваете о том, что он “имел в виду на самом деле”?». Но такой ответ заводит нас в тупик.

Размышление о смысле «вопроса об истинном смысле» предполагает веру в существование неких базовых самородков смысла, которые где-то сложены и которые надо раскопать и достать нетронутыми с помощью объективной техники интервьюера, уподобляемого шахтеру, добывающему из-под земли драгоценные металлы. Вопрос об «истинном смысле» — это наводящий вопрос, и, в данном случае, он ведет к бесконечной погоне за чем-то неопределенным, иллюзорным. Несколько лет назад поиск истинного, действительного смысла в философии подошел к концу. А исследовате-

ли-интервьюеры все еще продолжают гоняться за призраками, охотятся за «истинным смыслом» переживаний своих собеседников. Психотерапевты все еще продолжают добывать «истинный смысл» в неосознаваемых глубинах душ своих пациентов. И те и другие считают, что истину отыскивают, а не создают.

Концепция хранилища смысла, лежащая в основе вопроса об истинном смысле, поднимает вопрос о том, где хранятся эти смыслы, а также о том, кому принадлежит смысл высказывания. Вопрос о владельце смысла можно проиллюстрировать воображаемым диалогом.

А: Ты на самом деле имел это в виду?

Б: Нет, это не то, что я сказал.

А: Ну да, ты сказал это, и именно это ты имел в виду!

Б: Я знаю, что я хотел сказать, и я знаю, что не имел в виду того, что ты говоришь, что я имел в виду!

А: Я тебя знаю, и я знаю, что ты действительно имел в виду!

В этой перепалке обсуждаются сразу две вещи: истинный смысл высказывания, который обсуждается явно, и нечто более скрытое — вопрос о том, кто прав и кто вправе определять истинный смысл высказывания — тот, кто сказал первоначальную фразу, или его партнер, который ее интерпретирует. В подходе, основанном на взаимоотношениях, считается, что смысл разговора не принадлежит ни одному из них, но существует между ними, во взаимодействии. Интерпретация разговора в этом подходе будет рассматривать диалог как борьбу за власть, состязание за право определять конечный смысл высказывания.

Понимание исследовательского интервью как добычи полезных ископаемых ведет к вере в то, что мир дан нам в виде смыслов или чисел, которые должны быть познаны посредством научных исследований. Поиск самородков истинного смысла приводит скорее к омертвлению субъективного, а не к его разворачиванию, дифференциации и обогащению. В русле концепции, где интервьюер — это путешествующий рассказчик, пересказывающий истории, смысл этих историй создается в разговоре, во взаимодействии.

Постмодернистский подход воздерживается от поиска застывших истинных смыслов и подчеркивает дескриптивные нюансы, различия и парадоксы. По мере того, как происходит движение от модернистского поиска единственно истинного и реального смысла к раскрытию смысла в отношениях, субстанциональная концепция смысла меняется на отношенческую. Когда разные интерпретаторы конструируют разные смыслы историй, приведенных в интервью, — это не слабость, а сила метода интервью. Смысл и

числа суть конструкции социальной реальности. Интервью не дает прямого доступа к истинным сферам чистого смысла, но в нем смысл создается социально, посредством словесного взаимодействия. Интервьюер тоже является создателем и соавтором окончательного текста интервью. В этой концепции взаимоотношений интервьюер не открывает неких уже существующих смыслов, а помогает интервьюируемому развивать свои смыслы в процессе интервью.

П. Латер (*Lather, 1995*) рассматривала отношения при построении смысла в процессе чтения текста с точки зрения постмодернизма. Наш процесс чтения определяется рамками целого ряда соглашений, и она задалась вопросом о том, как мы можем научиться читать своим собственным способом. Она отказалась от всех простых аналитических схем и обратилась к многоуровневому анализу данных, преследуя цель собрать, сопоставить и классифицировать различные способы чтения. Вдохновленная работой Дж. ван Маанена (*van Maanen, 1988*), который в своих «Сказках поля» подсчитал различные этнографические жанры (см. главу 14, «Написание текста как социальное конструирование»), Латер выделила различные прочтения одного и того же учебника. Однако стили чтения учебника вполне могут быть перенесены на чтение текста интервью. *Реалистическое* чтение представляет собой поиск «туземной» точки зрения, стремление постичь суть текста и истину. Читатель берет на себя роль наблюдателя и живописателя, занимая позицию «всевидящего ока». *Критическое* чтение на основе герменевтики подозрения демистифицирует тайны, оно направлено на поиск глубинной истины, стоящей за главенствующим дискурсом текста. Читатель берет на себя роль освободителя себя и (или) другого, стремясь найти истину за пределами идеологии и ложного сознания, он обращает внимание на более широкие социальные, политические и экономические вопросы, принимает роль адвоката, берет на себя риск говорить от имени других, сообщать, чего они хотят и в чем нуждаются. *Деконструктивистское* чтение преумножает, дестабилизирует и денатурализирует. Текст читается как документ, содержащий следы неосознанных несказанностей и невысказанных допущений. Деконструктивистское чтение использует рисунки, искусство, литературное творчество и стирает различия между фактом и фикцией. Эти различные виды чтения, предложенные Латер, подразумевают различные вопросы, поставленные к тексту, и ведут к различным ответам о смысле текста.

При переходе от концепции смысла, хранящегося у индивида, к концепции создания смысла во взаимодействии в процессе беседы в исходном интервью (и в процессе разговора читателя с текстом интервью) социальные отношения и распределение власти между исследователем и его собеседни-

ком становятся более ясными. Можно ли сказать, что интервьюер владеет смыслом, созданным в процессе и по поводу интервью, интерпретируя его в избранном им самим контексте? Или первоначальные «авторы» положений интервью должны иметь право голоса в процессе интерпретирования и сообщения другим их рассказов? Этот вопрос не является лишь проблемой валидности интерпретации, это вопрос этики и власти, права приписывать смысл высказыванию другого.

В процитированном выше воображаемом диалоге о смысле партнеры, по-видимому, находились на одном социальном уровне и решали, кто из них главный. Если интерпретатор смысла обладает статусом профессионального эксперта, то первоначальный оратор, возможно, более смиренно принял бы приписываемый ему «истинный» смысл. В качестве «великого интерпретатора» эксперт может извлечь смысл из жизненного мира собеседника и реконтекстуализировать первоначальный смысл, рожденный во взаимодействии, согласно своей теоретической схеме. Это может быть осмысленным и правомерным в качестве абсолютно новых историй, рассказанных интерпретатором, но если пытаться это зафиксировать как истинный смысл предмета обсуждения или как подлинный неосознаваемый смысл слов пациента, то возникают проблемы. Исследовательское интервью таит опасность «экспертификации» смысла, когда эксперт изымает смысл из жизненного мира собеседника и овеществляет его в своих категориях, чтобы отобразить некую еще более фундаментальную реальность. Здесь важно не упустить того, что скрытые или неосознаваемые смыслы, приписываемые интервьюируемому и пациентам, часто могут быть просто отражением явных и сознательных теоретических воззрений эксперта.

У. Эко (*Eco*, 1990; 1992) обращался к превратностям интерпретирования в академических текстах и в своих романах. «Имя розы» можно прочитать как пародию на модернистских охотников за смыслом; как критику модернистского поиска истинного объективного смысла, «безумной страсти к истине», нашедшей выражение в интеллектуальном догматизме схоластических диспутов в Парижском университете; а также главного героя-эмпирика — «детектива», который ищет объективную истину, пытаясь разгадать загадку, которая в значительной мере создана им самим.

В его более позднем романе «Маятник Фуко» (*Eco*, 1989) дана карикатура на релятивизм Нового Времени, с его безграничными интерпретациями, где что угодно может означать что угодно, как в следующем отрывке об интерпретации количественных измерений:

— Истины? — рассмеялся Аглиэ... — И все же среди такого количества глупостей бывают также и неоспоримые истины. Господа, не будете ли вы так любезны подойти со мной к окну?

Театральным жестом он распахнул створки, поманил нас и указал на стоявший вдалеке, на углу улочки, пересекавшейся с бульваром, деревянный киоск, в котором, очевидно, продавались билеты лотереи Мерано.

— Господа, я предлагаю вам измерить этот киоск. Вы увидите, что длина прилавка равна 149 сантиметрам, то есть одной стомиллиардной расстояния от Земли до Солнца. Если разделить высоту задней части на ширину окна, получим $176 : 56 = 3,14$. Высота передней части равняется 19 дециметрам, т.е. числу лет в греческом лунном цикле. Сумма высот двух передних и двух задних ребер дает $190 \times 2 + 176 \times 2 = 732$, а это — дата победы при Пуатье. Толщина прилавка — 3,1 сантиметра, а ширина рамы окна — 8,8 сантиметра. Заменяя целые числа соответствующими буквами алфавита, получим $C_{10}H_8$ — химическую формулу нафталина.

— Фантастика! — воскликнул я. — Вы это все измерили? (Р. 288).

Глава 13.

Социальное конструирование Валидности

Обратимся теперь к вопросу о том, как избежать крайностей субъективного релятивизма, с одной стороны (когда что угодно может означать что угодно), и абсолютистской погони за единственно верным, объективным смыслом — с другой.

Верификация знаний в общественных науках обычно обсуждается в связи с понятиями надежности, валидности и репрезентативности. В этой главе основное внимание будет уделено валидации, ее взаимосвязи с философским пониманием истины, концепциям валидности в общественных науках и практическим вопросам верификации знаний, полученных в ходе интервью. Будут рассмотрены классические концепции истины, а также постмодернистский подход, рассматривающий валидность как социальную конструкцию. Практические следствия для исследовательского интервью, вытекающие из этого подхода, предполагают акцент на качестве проведения исследования и на коммуникативных и прагматических формах валидации.

Триединство надежности, Валидности и репрезентативности

В современных общественных науках понятия репрезентативности, валидности и надежности получили статус «святой троицы» от науки. Похоже, они принадлежат к некоторой абстрактной реальности храма науки, очень далекой от жизни брэнного мира, на которую должны с почтением молиться все истинно верующие в науку.

В качестве введения ко множеству контекстов и дискурсов верификации и социального конструирования знания, начну с истории моей собственной встречи с понятием валидности. В шестидесятые годы, будучи студентом-психологом, я прочел кучу книг, в которых говорилось о важности валидности, надежности и репрезентативности в научных исследованиях. Я пытался запомнить определения прогностической валидности, конкурентной валидности, содержательной валидности и внешней валидности, бился над пониманием конструктивной валидности. Сами термины *валидность* и *надежность* в норвежском языке (учился я в Норвегии) не существуют — это иностранные англо-латинские слова. Психометрические дискуссии о валидности казались мне абстрактными и эзотерическими,

пребывающими в какой-то далекой философской вселенной, вместе с трансцендентными априорными категориями Канта и тому подобным.

Встречаясь в кампусе с представителями естественных наук, я отважился расспросить нескольких из них об этих фундаментальных научных понятиях и был немало озадачен, обнаружив, что часто сами имена этой методологической «святой троицы» от психологии были им незнакомы. Однако для нас, студентов-психологов, эти понятия были совершенно реальны. Валидность, надежность и репрезентативность часто включали в экзаменационные вопросы, дабы отличить студентов, давших клятву верности этой научной троице, от всех остальных.

Позже, путешествуя по Соединенным Штатам, я узнал и другие значения терминов *валидность* и *надежность*. Например, когда я расплачивался чеком в супермаркете, мне сказали, что мои европейские водительские права не идентифицируются как валидные, или в научной дискуссии — что мой аргумент невалиден. Еще мне говорили, что информация о подержанных машинах, которую я просматривал, ненадежна, продавец машин был известен как ненадежный человек. Здесь термины *валидный* и *надежный* использовались в разговорной речи, были важны для постоянного взаимодействия в обыденной жизни.

Когда я занялся качественными исследованиями, позитивистская троица снова была тут как тут, теперь исследователи традиционного толка использовали ее для отрицания качественных исследований. Стимул «качественное исследовательское интервью» автоматически вызывал условно-рефлекторную реакцию типа: «Результаты не надежны, они провоцируются наводящими вопросами» или «Результаты, полученные в интервью, нерепрезентативны — было слишком мало испытуемых», или «Результаты невалидны, они основаны только на субъективных интерпретациях».

Некоторые из тех, кто проводит качественные исследования, иначе относятся к вопросам валидности, надежности и репрезентативности. Они их просто игнорируют или отказываются от них, как от реакционных позитивистских понятий, препятствующих проведению творческих качественных исследований. Другие приверженцы качественных исследований — например, Дж. Линкольн и И. Гьюба (*Lincoln, Guba, 1985*) — пошли дальше релятивизма, свойственного свирепому антипозитивизму, и вернулись к словам обыденного языка для обсуждения действительной ценности своих открытий, используя такие понятия, как точность, надежность, зависимость и подтверждаемость.

В контексте постмодернизма вопросы надежности, валидности и репрезентативности часто игнорируются как пережитки модернистской теории соответствия истины реальному миру. Существует множество спосо-

бов познания и множество разных истин; понятие же валидности проводит четкую границу между истинным и неистинным. В противоположность этому П. Латер (*Lather, 1995*), восстанавливая ценностную нагруженность практики с феминистских постструктуралистских позиций, обращается к понятию валидности как к стимулу для дискуссии, как к благой одержимости и пытается переделать понятие валидности так, чтобы его можно было использовать в постмодернистской проблематике, ослабив господство позитивизма.

Я еще вернусь к критике точности результатов интервью со стороны в заключительной главе 15. Здесь же я попытаюсь концептуализировать репрезентативность, надежность и валидность так, чтобы они были адекватны качественному исследованию. Мое рассмотрение основано на очень мягком варианте постмодернизма; отвергая понятие объективной универсальной истины, он допускает возможность существования конкретных локальных истин для данной местности, личности и сообщества, с акцентом на обыденной жизни и местных преданиях (*Kvale, 1992; Rosenau, 1992*). Этот подход не ведет к отказу от понятий надежности, репрезентативности и валидности, но определяет их заново, в форме, соответствующей исследовательскому интервью. Понимание верификации начинается в жизненном мире и разговорной речи, где вопросы надежности наблюдений, переноса опыта с одного случая на другой, валидных аргументов являются частью обычного социального взаимодействия.

Репрезентативность

Когда речь заходит об исследовательском интервью, всегда возникает вопрос о репрезентативности его результатов. В обычной жизни мы делаем обобщения более или менее спонтанно. Получив какой-то опыт в одной ситуации или с одним человеком, мы предвидим новые такие же случаи, формируем ожидания относительно того, что может случиться в других подобных ситуациях или с такими же людьми. Научное знание тоже требует обобщений — с точки зрения позитивизма, цель общественных наук состоит в создании универсальных обобщенных законов человеческого поведения. Противоположный этому гуманистический взгляд предполагает, что каждая ситуация уникальна, каждый феномен имеет свою собственную внутреннюю структуру и логику. В психологии поиск универсальных законов человеческого поведения характерен для школ естественнонаучной ориентации, таких как бихевиоризм, понятие же об уникальности отдельного человека доминирует в гуманистической психологии. В постмо-

дернистском подходе поиск универсального знания, равно как и культ уникальной индивидуальности, сменился подчеркиванием гетерогенности и контекстуальности знания, произошел сдвиг от обобщения к контекстуализации.

Формы репрезентативности. Вопрос о качественной генерализации рассматривался, в частности, при изучении конкретных случаев. Р. Стэйк дает такое определение: «Качественное исследование случаев характеризуется тем, что основное время исследователь проводит на месте, лично соприкасаясь с происходящими в ситуации действиями и операциями, обдумывая и пересматривая смысл того, что происходит» (Stake, 1994. P. 242). Путем анализа генерализации на материале исследования случаев, Стэйк выделил три формы обобщения данных: натуралистическая, статистическая и аналитическая.

Естественное обобщение основано на личном опыте: у человека оно развивается как функция опыта, выводится из имплицитного знания о том, каков мир, и приводит, скорее, к формированию ожиданий, чем к формальным предсказаниям. Их можно вербализовать, превратив, таким образом, интуитивные знания в отчетливо сформулированные суждения.

Статистическое обобщение — формально и четко. Оно основано на данных, полученных от людей, случайным образом выбранных из популяции. При использовании статистического вывода уровень надежности переноса на популяцию в целом закономерностей, открытых на узкой выборке, представлен коэффициентами вероятности. Когда интервьюируемые выбираются случайным путем, а результаты интервью квантифицируются, то данные могут быть подвергнуты статистическому обобщению. Например, про обнаруженную корреляцию между разговорчивостью и отметками можно сказать, что вероятность того, что эта связь, обнаруженная на выборке из 30 школьников, отобранных случайным образом для исследования об оценках, является случайностью, — всего 1/1000 (глава 12, «Вопросы, поставленные к тексту интервью»).

Конечно, чаще всего собеседники в интервью отбираются не случайным образом, а по другим критериям — типичности, крайней выраженности интересующих особенностей или просто доступности. Например, выборка женщин, обратившихся за помощью в кризисный центр для жертв насилия, сформировалась сама и не является случайной выборкой из данной популяции. Их сильная мотивация к получению помощи может дать ценные знания о том, что значит быть объектом насилия. Однако результаты обследования стихийно сформировавшейся выборки не могут быть статистически репрезентативны для популяции в целом.

Аналитическое обобщение предполагает обоснованное суждение о том, насколько результаты одного исследования могут указывать на то, что то же самое может проявиться и в другой ситуации. Оно основывается на анализе сходства и различия обеих ситуаций. В противоположность спонтанному естественному обобщению, исследователь в данном случае обосновывает притязания на обобщение посредством логики убеждения. Существует несколько видов логик убеждения, например, юридическая аргументация в суде, аргументы в пользу обобщения, основанные на теории. Конкретизируя свидетельства в поддержку своего заключения и эксплицируя аргументы, исследователь может дать читателю возможность самому судить об обоснованности притязаний на обобщенность (см. также об индуктивном обобщении — Yin, 1994).

В своей статье «Обобщение, опирающееся на отдельно взятые случаи» в оценивании систем М. Кеннеди (*Kennedy, 1979*) ратует за установление правил для формулирования выводов о степени обобщенности результатов из исследований единичных случаев — правил, с которыми могут согласиться разумные люди. Если исследователь склонен изучать отдельные случаи, чтобы сделать общие выводы, то практик старается получить знания об общем, чтобы проинтерпретировать отдельный случай и соответственно этому действовать в ситуации. В качестве примеров Кеннеди рассматривает ситуации из юридической и клинической практики.

В юриспруденции как наиболее подходящий прецедент рассматривается аналогичный предшествующий случай, имеющий наибольшее количество черт, сходных с данным случаем. Валидность этого обобщения зависит от того, насколько релевантны сравниваемые характеристики, а это находится в прямой зависимости от богатства, полноты и детальности описания случая. Кеннеди определяет критерии релевантности сравниваемых характеристик в юридических и клинических случаях. Для клинических случаев эти критерии включают точность описания, информацию об истории развития случая и мультидисциплинарную диагностику.

В юриспруденции решение о том, является ли предложенный случай прецедентом, который может быть распространен на рассматриваемый случай, принимает суд.

«Таким образом, решение о применимости полученных результатов к новой ситуации принимает получатель информации. <...> Как и обобщения в юридической сфере, клинические обобщения остаются на совести получателя информации, а не того, кто ее первоначально предоставил, и эксперты должны взять на себя ответственность обеспечить достаточно информации, чтобы можно было делать такие обобщения» (*Kennedy, 1979. P. 672*).

Обобщение исследователя и обобщение читателя. Здесь встает вопрос о том, кто должен делать аналитические обобщения качественного исследования случая — исследователь, читатель или пользователь? Должен ли исследователь формализовать и обосновывать свои обобщения, или ему следует оставить обобщения читателю? В науке, как правило, именно исследователь выстраивает и доказывает обобщенность своих открытий — посредством статистики или соответствующей логики. В описанных Кеннеди юридических и клинических случаях решение о том, является ли предыдущий случай настолько похожим на актуальный, чтобы его можно использовать как прецедент, принимает судья или клиницист. В обоих случаях совершенно очевидно, что данные, необходимые для аналитической генерализации, предоставляет исследователь. Примером читательского обобщения могут послужить рассказы З. Фрейда о его терапевтических случаях, которые описаны и проанализированы настолько живо и убедительно, что читатели до сих пор переносят многие из его открытий на текущие случаи.

Цели обобщения. Дж. Шофилд (Schofield, 1990) предложил три цели обобщения. Первая цель — изучение того, *что есть*, — попытка установить типичное, общее, обычное. При этом стараются максимально увеличить соответствие между исследовательским случаем и тем, что происходит в обществе в целом. Вторая цель — это *то, что может быть*: целью обобщения выступает не то, что есть, а то, что возможно. Шофилд упоминает исследование компьютеризации школ, в котором изучались не типичные в этом отношении школы, а те, что находились на переднем крае внедрения компьютеров в обучение. Это было сделано из соображений, что передовые в этом отношении школы дадут результаты, которые можно будет обобщить и представить себе будущую роль компьютеров в школе. Сюда можно добавить исторический пример — когда К. Маркс анализировал ситуацию с наемными работниками и противоречия между потребительной и меновой стоимостью труда, наемные работники составляли лишь небольшой процент всего занятого населения. Десятилетия спустя наемный труд стал доминирующей формой труда и анализ наемного труда начал распространяться на все ситуации с рабочими.

Третья цель обобщения — то, что *могло бы быть*, — направлена на ситуации, которые мы считаем идеальными или исключительными, и изучаем их, чтобы посмотреть, что могло бы происходить. В качестве примера Шофилд упоминает классы для особо одаренных детей и хорошие школы без расовой дискриминации. В конструктивистском и постмодернистском подходах акцент на том, что «могло бы быть» распространяется от априор-

ных идеалов на более открытые формы. Так, Р. Донмойер (*Donmoyer*, 1990) защищает использование анализа единичных случаев, учащих читателя представлять себе возможности, расширять и обогащать репертуар социальных конструкций, доступных практикам и всем остальным. Сюда можно добавить интерес к этнографическим исследованиям как случаям, демонстрирующим богатейшее разнообразие поведения людей и, соответственно, показывающим нам возможные вариации развития нашего собственного общества. К. Джерджен (*Gergen*, 1992) описывает построение новых миров как одну из потенциальных возможностей постмодернистской психологии. Вызов состоит в том, чтобы вместо «обсуждения того, что есть» — «обсуждать то, чем это может стать». «Генеративная» теория призвана развенчать традиционное мышление и открыть новые желанные альтернативы мысли и действию. Вместо того, чтобы скрупулезно описывать только то, что есть, или предсказывать направления будущего культурного развития, исследования могут стать одним из инструментов трансформации культуры.

Надежность и валидность интервью

На протяжении всей этой книги я подчеркивал, что вопросы верификации не относятся к какой-то отдельной стадии исследования, что к ним нужно обращаться во время всего процесса исследования. В качестве введения к обсуждению концептуальных вопросов валидности и истины восстановим кратко некоторые конкретные моменты, касающиеся надежности и валидности расспрашивания в интервью, рассмотренные в предыдущих главах.

Надежность. Понятие надежности относится к устойчивости результатов исследования. Вопросы надежности в процессе интервьюирования, расшифровки и анализа рассматривались в предыдущих главах. Надежность интервьюера обсуждалась отдельно в связи с наводящими вопросами, которые — за исключением случаев, когда они применяются намеренно, как часть техники интервьюирования, — могут случайно повлиять на ответы (так, как это было в примере с различными формулировками вопроса о скорости автомобиля, вызывавшими разные ответы, — см. глава 8, «Наводящие вопросы»). Надежность интервьюера в исследовании об оценках обсуждалась в связи с категоризацией ответов интервьюируемых (глава 11, «Контроль анализа»). Что касается расшифровок интервью, то интересующая надежность расшифровок иллюстрировалась примером, когда один

и тот же отрывок перепечатывали два разных человека (глава 9, «Надежность и валидность расшифровки»). По поводу категоризации интервью об оценках были приведены проценты intersубъективной согласованности категоризации одного и того же отрывка между двумя кодировщиками (глава 11, «Контроль анализа»). Хотя для того, чтобы противостоять неоправданной субъективности, желательно повышать надежность результатов интервью, — чрезмерное стремление к надежности может противодействовать творческим нововведениям и разнообразию.

Валидность. Хотя валидизация в этой главе рассматривается как отдельный этап, она также необходима на всех семи стадиях исследовательского интервью. В предлагаемом здесь подходе основная тяжесть валидации переносится с момента окончания процесса (то есть с проверки полученных результатов) на весь процесс и представляет собой контроль качества на всех стадиях создания нового знания.

Врезка 13.1 дает обзор вопросов валидности на всем протяжении исследовательского интервью. Перед обращением к концептуальным вопросам валидности, включая валидизацию как социальную конструкцию, будет дан краткий обзор проблемы обобщения качественных исследований.

Валидность в модернистском и постмодернистском контекстах

Определение валидности включает в себя вопросы об истине и познании. Сначала мы рассмотрим некоторые значения понятия валидности, затем обратимся к классическим концепциям истины и, наконец, — к постмодернистской концепции познания. Затем в связи с валидностью будут рассмотрены такие практически важные для исследовательского интервью вопросы, как мастерство исследователя, общение и действие.

В словарях обыденного языка термин *валидность* относится к истине и корректности высказывания. Валидный аргумент — это аргумент прочный, хорошо обоснованный, проверенный, сильный и убедительный. Валидный вывод корректно следует из своих посылок. В учебниках по общественным наукам можно найти как узкие, так и широкие определения валидности. В позитивистском подходе научная валидность сводится к измерению. Например, «Валидность часто определяют, задавая вопрос: “Вы измеряете действительно то, что вы думаете, что измеряете?”» (*Kerlinger, 1979. P. 138*). Качественное исследование тогда лишено валидности, если его результаты не выражены в цифрах. В более широком смысле валидность от-

Врезка 13.1

Валидизация на протяжении семи стадий

1. *Выбор темы.* Валидность исследования основана на качестве его теоретических предпосылок и на логике выведения из теории исследовательских вопросов.

2. *Планирование исследования.* Валидность получаемого знания зависит от того, насколько адекватны предмету и целям исследования планирование проекта и используемые методы. С точки зрения этики валидный план исследования предполагает, что оно будет делаться во благо, при минимизации вредных последствий, и полученные знания будут благотворно воздействовать на жизнь людей.

3. *Интервьюирование.* Валидность в данном случае относится к тому, насколько можно доверять рассказам собеседника, и еще — к качеству самого процесса интервьюирования, которое предполагает осторожное расспрашивание относительно смысла сказанного и постоянную проверку полученной информации — валидизация *in situ*.

4. *Расшифровка.* Вопрос о том, что определяет валидность расшифровки и перевода устной речи в письменную, решается выбором лингвистического стиля расшифровки.

5. *Анализ.* В данном случае это вопрос о том, являются ли валидными поставленные к тексту вопросы и достаточно ли логична интерпретация.

6. *Валидизация.* Предполагается принятие продуманного решения о том, какая форма валидизации соответствует конкретному исследованию, о применении конкретной процедуры валидизации, а также решения о том, к какой выборке следует обратиться для валидизации.

7. *Отчет.* Решается вопрос о том, является ли данный отчет валидным описанием основных результатов исследования, а также вопрос о роли читателей этого отчета в валидизации результатов.

носится к тому, насколько метод исследования способствует исследованию того, что намечались исследовать, «насколько наши наблюдения действительно отражают интересующие нас явления или переменные» (Pervin, 1984. Р. 48). При таком широком понимании валидности качественные исследования в принципе могут давать валидные научные знания.

Эти определения из учебников основаны на позитивистской эпистемологии и соответствуют теории истины. Стандартное определение валидности определено критериями, которые в 1955 году Л.Дж. Кронбах и П.Э. Мил

(Cronbach, Meehl, 1955) сформулировали для психологических тестов. В психологии валидность связывается прежде всего с психометрикой; конкурентная и прогностическая валидность психологических тестов выражается в коэффициентах корреляции, отражающих связь между тестовыми результатами и неким внешним критерием. Психометрические тесты (например, тесты интеллекта) часто применялись для прогнозирования школьной успеваемости. При этом внешний критерий был очень прост — средние оценки в школе. Если же задаться вопросом о том, что измеряет школьная оценка, то проблема становится более сложной. Оказалось, что оценки позволяют предсказать будущие оценки в школе и, в меньшей степени, — успехи после ее окончания. В данном случае вопрос прогностической валидности имеет не только эмпирическую значимость, но поднимает такие нормативные проблемы, как вопрос о том, что должно служить критерием успеха — престижность профессии, доход, общественный вклад?

Вопрос о том, что есть валидное знание, предполагает и философский вопрос о том, что есть истина. В философии приняты три классических критерия истины — соответствие, согласованность и прагматическая полезность. Критерий *соответствия* характеризует взаимосвязь между тем, что утверждает знание, и объективным миром; критерий *согласованности* относится к последовательности и внутренней логике утверждения; и *прагматический* критерий связывает истинность познания с его практическими следствиями.

Хотя эти три критерия истины не обязательно исключают друг друга, каждый из них занимает сильные позиции в определенных философских традициях. Критерий соответствия является центральным для позитивистских общественных наук, где валидность знания определяется степенью его соответствия объективной реальности. Критерий согласованности очень силен в математике и герменевтике. Прагматический критерий превалирует в прагматизме и, до некоторой степени, в марксизме. Эти три критерия истины можно считать абстракциями некоторого единства, в котором всеобъемлющая верификация результатов качественных исследований включает наблюдение, беседу и взаимодействие.

Вера в объективность мира стала основой модернистского понимания истины и валидности. В позитивистской философии знание становится отражением реальности: существует только один верный взгляд на этот независимый от нас внешний мир и только одно соответствие — один к одному — между элементами реального мира и нашими знаниями об этом мире. В эру постмодернизма такие основы истинного и валидного знания, как средневековый абсолютный Бог или модернистская объективная реальность, исчезли. Концепцию знания как зеркала реальности сменило пред-

ставление о знании как социальной конструкции реальности. Истина создается в диалоге, требование валидных знаний возникает, когда конфликтующие интерпретации и возможности для действия становятся предметом обсуждения и согласования между членами сообщества.

В науке решающим моментом является обсуждение внутри исследовательского сообщества методов, находок и природы исследуемых явлений. Движение от «познания-как-наблюдения» к «познанию-как-беседе» было проиллюстрировано в одной из телевизионных программ, посвященных развитию естественных наук: после показа микроскопа для изучения клетки, являющегося последним словом техники, и огромных телескопов для космических исследований камера неожиданно показала комнату с элегантной мебелью XVIII века. Переход сопровождался словами ведущего, который говорил примерно следующее: «В действительности новые научные знания определяются не этими чудесами техники и не результатами наблюдений — они рождаются в процессе обсуждения этих наблюдений учеными, как в этой комнате Британского Королевского научного общества».

Социальное построение валидного знания закреплено в концепции конструктивной валидности, сформулированной впервые специалистами по психометрике Кронбахом и Милом для психологических тестов. Это относится к разным способам измерения теоретических конструктов — таких как интеллект или авторитарность. Конструктивная валидность предполагает наличие связей с другими измерениями этого конструкта и логическим анализом их взаимоотношений. Кронбах (*Cronbach, 1971*) позднее расширил понятие конструктивной валидности и начал применять его как к качественным выводам, так и к числовым данным. По мнению Кронбаха, конструктивная валидность есть открытый процесс, в котором валидизировать — значит исследовать: «...Валидизация это нечто большее, чем подтверждение, это процесс выработки более обоснованной интерпретации наблюдения» (*Cronbach, 1971. P. 443*).

Ч.Х. Черрихолмс (*Cherryholmes, 1988*; см. также *Tschudi, 1989*) утверждал, что конструктивная валидность — понятие дискурсивное и риторическое. Конструкт и его измерение валидизируются, когда обоснование их взаимоотношений убеждает исследовательское сообщество. Конструктивная концепция валидности выходит за пределы первоначального дискурса психологического тестирования и планирования эксперимента и открывает простор (в анализе Черрихолмса) для множественных дискурсов — феноменологического, интерпретативного, критического и деконструктивистского. Эта радикализация конструктивной валидности сближает ее с постмодернистским подчеркиванием социального конструирования знания.

Теперь рассмотрим некоторые следствия из приведенного выше обсуждения для валидации качественных исследований. Во-первых, отказываясь от теории соответствия истины реальности в качестве основы для понимания валидности, мы, вслед за К. Поппером, смещаем акцент с верификации на фальсификацию. Погоня за абсолютным, определенным знанием сменяется концепцией знания, отстаивающего свои притязания. Валидизация становится вопросом выбора между соперничающими интерпретациями, которые могут быть опровергнуты, вопросом проверки и выдвижения аргументов в пользу сравнительной надежности тех или иных соперничающих знаний (*Polkinghorne, 1983*). В данном случае валидизация опирается на *уровень мастерства* в исследовании.

Во-вторых, модернистская вера в знания как зеркало реальности отступает, и на первый план выходит социальное конструирование реальности с согласованностью и практикой как критериями истины. Метод больше не считается гарантией истины. В социальном конструировании реальности упор делается на мнение сообщества. Самым важным становится *передача* знания, при этом в научный дискурс включаются эстетика и риторика.

В-третьих, с ослаблением модернистской мании все узаконивать возник акцент на *прагматическом* доказательстве посредством действия. Уже не интересно узаконивать знания посредством внешнего подтверждения, обращаясь к некоторым гигантским системам или мета-нарративам, потеряв интерес и к модернистскому фундаментализму, защищавшему знания с помощью некоего бесспорного стабильного основания. Подтверждение знания заменено его применением, знания становятся способностью производить эффективные действия. Критерии эффективности и их желательность становятся главным вопросом, поднимая этические проблемы правильности действия. Ценности не отделяются от реальности научного знания, а пронизывают его создание и применение.

Теперь обратимся к следствиям из приведенного выше обсуждения исследовательского интервью, связанным с пониманием валидизации как мастерства, как коммуникации и как действия. Это не ведет к созданию новых, стабильных критериев, подменяющих собой психометрическое понятие валидности, и не гарантирует однозначных знаний. Скорее, это расширит рамки, в которых ставится вопрос о валидности знаний в социальных исследованиях: «Вместо методов, основывающихся на решении, постмодернистские общественные науки предполагают методы, умножающие парадоксы, изобретающие все более проработанный репертуар вопросов, каждый из которых стимулирует бесконечное множество ответов» (*Rosenau, 1992. P. 117*).

Валидность как свойство мастерства

Я попытаюсь теперь демистифицировать понятие валидности, вернуть ее из философских абстракций в обычную практику научных исследований. В альтернативном понятии валидности — от соответствия объективной реальности до отстаиваемых притязаний знания — валидность определяется при проверке источников невалидности. Чем сильнее попытки опровергнуть некоторое утверждение, которые ему удастся выдержать, тем больше это знание достойно доверия. Валидизация зависит от степени мастерства проведения исследования, от постоянной проверки, постановки вопросов и теоретической интерпретации результатов.

Понятие валидности как уровня мастерства не ограничивается постмодернистским подходом, но при присущем постмодернизму отказе от объективной реальности, с которой соотносится знание, это понятие становится центральным. Принципиально важны в этом случае мастерство и репутация исследователя. Основанная на качестве проведения его прошлых исследований, репутация исследователя является важным вкладом в ту валидность, которую другие исследователи приписывают полученным им результатам. Валидность — это не только функция от используемого метода. Личность исследователя (*Salner*, 1989), в том числе его моральные достоинства (*Smith*, 1990), принципиально важна для оценки качества произведенного научного знания. Мы выделим три аспекта валидизации как исследования — проверку, постановку вопросов и теоретическое осмысление полученного знания.

Валидизировать — значит проверять. Исследователь критическим взглядом окидывает весь анализ, ясно определяет свою позицию в отношении предмета исследования и методов контроля, которые он намеревается использовать, чтобы учесть избирательность восприятия и предвзятость интерпретации. Вообще он в этом случае как бы играет роль «адвоката дьявола» по отношению к своим результатам.

В литературе по качественным исследованиям предлагаются различные способы проверки результатов. Исследовательская концепция валидизации присуща солидному теоретическому подходу Б. Глазера и Э. Страссуса (*Glaser, Strauss*, 1967). У них валидизация не является некоей финальной верификацией или результатом контроля — верификация встроена в процесс исследования, в течение которого происходит постоянная проверка надежности, правдивости и обоснованности результатов. М.Б. Майлз и А.М. Хуберман (*Miles, Huberman*, 1994) подчеркивают, что для определения валидности качественного исследования не существует канонов или

незыблемых правил принятия решения. Их подход состоит в анализе множества источников возможных искажений, которые могут снизить валидность качественных наблюдений и интерпретаций. Они подробно описывают тактики проверки и подтверждения качественных результатов. Этот процесс включает: проверку репрезентативности и влияния исследователя, триангуляцию, оценку значимости свидетельств, проверку смысла того, что было скрыто, использование экстремальных случаев, анализ неожиданностей, поиск негативных свидетельств, проведение тестов «если—то», исключение ложных отношений, воспроизведение результатов, проверку конкурирующих объяснений и получение обратной связи от респондентов (Там же. Р. 263).

У.М. Руниан (*Runyan, 1981*) обсуждает вопросы валидизации множественных интерпретаций в психобиографии в связи с эпизодом, когда Ван Гог отрезал себе левое ухо и отдал проститутке. В литературе предлагается более дюжины объяснений этого действия — от того, что оно было навеяно газетной шумихой по поводу Джека-Потрошителя, до того, что оно было вызвано посещением боя быков в Арле, было аутоагрессией или оживлением эдиповых мотивов. Руниан детально обсуждает надежность и обоснованность различных интерпретаций. Его обсуждение включает проверку эмпирических данных «за» и «против» интерпретации, анализ теоретической согласованности, а также критическую оценку и сравнение относительного правдоподобия различных интерпретаций одного и того же действия. В целом, чем больше обвинений в фальсификации выдержит какая-либо интерпретация — тем она крепче.

Валидизировать — значит задавать вопросы. При определении валидности следует ответить сначала на вопросы «Что?» и «Зачем?», а после на вопрос «Как?». Содержание и цели исследования предшествуют методу. Обсуждая вопрос «Правдивы ли фотографии?», Х.С. Беккер (*Becker, 1979*) ставит общий вопрос «Что есть истина?», конкретизируя его так: «О чем говорит правду эта фотография?». И, чтобы решить вопрос, о чем говорит правду эта фотография, он предлагает нам спросить самих себя: «На какой вопрос она смогла бы ответить?».

Обычно исследовательское интервью критикуют за то, что его результаты невалидны, так как респондент может говорить неправду. Такую возможность необходимо проверять в каждом конкретном случае (см. *Dean, Whyte, 1969*). Вопросы валидности зависят также от того, что спрашивает исследователь. В герменевтической интерпретации вопросы, заданные к тексту, приобретают первостепенное значение. В исследовании об оценках приоритет вопросов, поставленных к положениям интервью, был проде-

монстрирован при интерпретации высказываний учеников о соперничестве, разговорчивости и подхалимаже (глава 12, «Вопросы, поставленные к тексту интервью»). Разные вопросы, заданные к текстам интервью, приводят к получению разных ответов. Так, один тип вопросов вел к прочтению высказываний учеников как индикаторов их *переживаний*. Другой тип — к прочтению их как более или менее *достоверных сведений*, при котором интервьюируемые считаются свидетелями или информаторами. Постановка вопросов может предполагать также *симптоматическое* прочтение, сфокусированное на самих интервьюируемых и на причинах того, что они дают именно такие ответы. Для разных вопросов к тексту интервью используются разные формы валидизации. В исследовании об оценках они варьировали от критического прослеживания высказываний учеников в процессе интервью до статистического анализа, который проводился, чтобы проверить наличие связи между разговорчивостью и оценками, о которой говорили школьники, и до согласования интерпретаций о возникновении и последствиях представлений об оценках.

Л. Ричардсон (*Richardson, 1994*) исследовала геометрическое понятие триангуляции, которое применялось выше для валидизации прочтения высказанных учениками суждений о существовании связи между разговорчивостью и оценками (см. глава 12, «Вопросы, поставленные к тексту интервью»). Ричардсон отвергает использование жесткого, фиксированного, двумерного треугольника в качестве центрального образа валидности в постмодернистских текстах, так как он содержит представление о неподвижной точке или объекте, который может быть триангулирован. «Скорее, центральным образом служит кристалл, который соединяет в себе симметрию и материю с бесконечным разнообразием форм, субстанций, видоизменений, многомерности и точек зрения» (*Richardson, 1994. P. 522*). Затем она показывает, как кристаллизация с помощью постмодернистских текстов смешанного жанра дает нам углубленное, комплексное и частичное понимание темы. Множество вопросов к высказываниям школьников об оценках и множество их прочтений могут рассматриваться как кристаллизации, раскрывающие постоянную трансформацию смысла оценки.

Валидизировать — значит *теоретизировать*. Валидность — это не только вопрос метода. Исследование методологических вопросов валидизации порождает теоретические вопросы о природе исследуемого феномена. Решение о том, исследует ли метод то, что намеревались исследовать, предполагает наличие теоретической концепции того, что исследуется. В категориях обоснования теории: верификация интерпретации является неотъемлемой частью разработки теории.

В исследовании об оценках неубедительные результаты попыток провести триангуляцию убежденности школьников в наличии связи между разговорчивостью и оценками, сравнивая разных информантов, не обязательно говорят только о проблемах метода. Они поднимают теоретический вопрос о социальном конструировании школьной реальности. Учителя и ученики могут жить в разных социальных реальностях в понимании того, какое поведение учеников ведет к получению хороших оценок. Возможно, что у учеников есть своего рода «суеверие», и они верят, что связь есть, когда ее там нет, или, может быть, учителя не замечают или отказываются признавать, что такая связь есть. Неоднозначность оснований (выдвигаемых учителем) для выставления оценок и противоречащие друг другу мнения учеников и учителей относительно того, какое поведение ведет к получению хороших оценок, представляются очень существенным аспектом социальной реальности школы. Сложность валидизации качественных исследований отнюдь не обязательно есть результат изначальной слабости качественных методов. Напротив, она может быть следствием того, что качественные методы необычайно глубоко проникают в сложную исследуемую социальную реальность и формулируют вопросы к ней.

Коммуникативная валидность

Коммуникативная валидность предполагает проверку валидности знаний в диалоге. Валидные знания возникают, когда противоречащие друг другу утверждения обсуждаются в диалоге. Решение о том, валидно ли наблюдение, принимается, когда участники дискуссии приводят свои аргументы. В герменевтическом подходе к значимому действию как к тексту П. Рикёр (*Ricoeur*, 1971) отвергает мнение, что все интерпретации текста равны, — логика валидизации позволяет нам обходить ограничения как догматизма, так и скептицизма. Обращаясь к герменевтическому циклу и критериям фальсификации, он описывает валидизацию как процедуру аргументации, сравнимую с юридическими процедурами и юридической интерпретацией. Валидизация основана на логике неопределенности и качественной вероятности, где всегда возможно приводить аргументы «за» или «против» интерпретации, сталкивать интерпретации между собой и выбирать между ними.

Коммуникативный подход к валидности обнаруживается в нескольких подходах в общественных науках. В психоанализе валидность интерпретации выясняется в диалоге между пациентом и терапевтом. Диалог применяется и в оценочных исследованиях социальных систем. Так, И.Р. Хауз

(House, 1980) подчеркивал, что при оценке системы исследование направлено, в основном, не на предсказание событий, а на то, сможет ли аудитория, которой предназначен отчет, увидеть новые связи и ответить на новые, но при этом адекватные вопросы. Кронбах (Cronbach, 1980) отстаивал дискурсивный подход, при котором валидность основывается на публичном обсуждении. Интерпретация теста продолжает оставаться открытой и неустоявшейся, тем более благодаря роли, которую играют ценности в действиях, основанных на тестах. Цель исследовательского отчета — продвинуть осмысленную дискуссию. «Чем больше мы узнаем, и чем более мы открыты с самими собой и с нашей клиентурой, тем более валидным становится использование тестов» (Cronbach, 1980. Р. 107). Обсуждая нарративные исследования, И.Дж. Мишлер (Mishler, 1990) определяет валидизацию как социальное конструирование знания. Валидность знания устанавливается в дискурсе, посредством которого результаты исследования уже могут рассматриваться как надежные настолько, чтобы другие исследователи могли полагаться на них в своей работе.

Когда разговор является конечным контекстом понимания знания, как утверждает Р. Рорти (глава 2, «Интервью как единство трех аспектов беседы»), вопрос о природе дискурса становится сущностно важным. Сегодня есть опасность, что концепции истины как диалога и коммуникативной валидизации могут превратиться в пустые общие позитивные и неопределенные термины, лишенные необходимой концептуальной и теоретической дифференциации. Теперь коснемся некоторых конкретных вопросов относительно того, как, зачем и кто должен общаться.

Как. Коммуникация может включать в себя убеждение посредством рационального дискурса либо популистской демагогии. Формы убеждения в истинности знания будут различаться в жесткой логической аргументации философского диалога, в судебных процедурах и при юридической интерпретации в зале суда, в риторическом завораживании аудитории рассказчиком и в гуманистической терапии, основанной на позитивных чувствах и взаимной симпатии.

Для философских обсуждений, таких как диалоги Сократа, характерна рациональная аргументация. Обязанность участников — проанализировать высказывание, определить его истинность или ложность на основании аргументированной точки зрения, в результате чего побеждает лучший аргумент. Такая дискуссия представляет собой идеальную форму аргументации — в ней нет напряжения социальной власти, единственная форма власти — власть лучшего аргумента.

Зачем. Этот вопрос касается цели дискурса об истинности знания. Каковы цели и критерии признания этих знаний истинными? Дискурсивная теория Ю. Хабермаса (*Habermas*, 1991) предполагает консенсуальную теорию истины: идеальный дискурс имеет целью универсально валидную истину как идеал. И. Эйзнер (*Eisner*, 1991) выступал в защиту качественных исследований как искусства, основанного на искусности и критике, считая личный опыт, литературу и даже поэзию валидными источниками знаний. Цель в данном случае — достижение консенсуса. «Консенсуальная валидизация в основе своей является соглашением между компетентными другими о том, что описание, интерпретация, оценка и тематика образовательной ситуации правильны» (*Там же*. Р. 112). Ж. Лиотар (*Lyotard*, 1984) с позиций постмодернизма утверждал, что консенсус — это только стадия в обсуждении, а не цель, которую он формулирует как *паралогию* — создание новых идей, новых дифференциаций, новых правил дискурса. Для Лиотара дискуссия — это не диалог партнеров, а, скорее, состязание соперников.

Кто. Понятие коммуникативной валидности предполагает вопрос о том, кто с кем общается. Кто является законным партнером в диалоге об истинном знании? В валидации интервью об оценках участвовали три интерпретативных сообщества. Членами интерпретативного сообщества, валидирующего интерпретации, могли быть *сами интервьюируемые. общественность*, которая дает интерпретацию с позиций критического здравого смысла, наподобие присяжных, или *сообщество ученых*, обладающих методологической и теоретической компетентностью в определенной области. Беря пример с «отраженных групп» в психотерапии (когда «одностороннее зеркало переворачивают»), и семья, проходящая психотерапию, наблюдает за группой терапевтов, обсуждающих межличностное взаимодействие внутри этой семьи. — *Andersen*, 1987), мы тоже можем «перевернуть» исследование и заставить интервьюируемых слушать и комментировать разговоры исследователей об их интервью.

Собственно, в валидации посредством переговоров в сообществе ученых нет ничего нового — в естественных науках принятие научной общественностью было последним и окончательным критерием установления истинности предположения. Относительно новым в качественных исследованиях общественных наук является акцент на истине как результате переговоров в конкретном контексте, при расширении интерпретативного сообщества за счет включения самих респондентов и непрофессиональной общественности. Коммуникативная валидизация напоминает образовательный процесс, где истина постигается в процессе коммуникации, при взаимном обучении и изменении в диалоге и исследователя и исследуемого.

Однако излишнее доверие к intersубъектной валидации может повлечь за собой недостаточную работу исследователя, недостаток доверия к его интерпретациям, а также — нежелание брать на себя ответственность за интерпретацию. Это может быть проявлением общей популистской тенденции, когда валидизировать интерпретации предоставляется читателю (как это делается при валидации посредством реакции читателя), и происходит подчинение идеологии общества потребления: «Покупатель всегда прав».

Власть и истина. Различные профессиональные сообщества могут по-разному конструировать знание — соответственно, могут возникать конфликты по поводу того, представители какой профессии имеют право решать, что есть валидное знание в данной области, например, в области здоровья. Более того, существует специальный вопрос о том, кто будет принимать решение о компетентности члена интерпретативного сообщества и наделять его законными полномочиями. Во многих случаях отбор членов сообщества для принятия решений по вопросам истинности и ценности принципиально важен для результатов этих решений, например, когда выбирают присяжных, или комиссию для защиты диссертации, или комитет по распределению академических должностей.

Консенсуальная теория истины Хабермаса основана на идеальном диалоге, в котором нет доминирования, диалоге, специально освобожденном от пут отношений власти, присущих дискурсу реальной жизни, что, заметим еще раз, противоречит постмодернистскому пониманию научного обсуждения как силовой игры, присущему Лиотару. Выражаясь обобщенно, можно сказать, что ученые стремятся не найти истину, а обрести силу: «Игры научного языка стали играми богатых, где самый богатый, кто бы он ни был, имеет самые высокие шансы оказаться правым. Богатство, эффективность и истина стали эквивалентами» (Lyotard, 1984).

Прагматическая валидность

Прагматическая валидизация — это верификация в буквальном смысле («сделать истинным»). Для прагматика истина — это то, что помогает нам действовать таким образом, чтобы получить желаемый результат. Знание — это, скорее, действие, а не наблюдение. Эффективность знаний, в которые мы верим, доказывается эффективностью наших действий. При прагматической валидации знаний проверка заменяется применением. Маркс во втором тезисе о Фейербахе утверждает, что вопрос, ведет ли

человеческая мысль к объективной истине, не теоретический, а практический. Человек может доказать истину, то есть реальность и силу своей мысли, на практике. А в одиннадцатом тезисе он еще более заостряет эту мысль: философы до сих пор только по-разному интерпретировали мир, тогда как дело в том, чтобы его изменить.

Прагматическое понимание валидности идет дальше коммуникации — оно предъявляет к знаниям более жесткие требования, чем простое согласие в диалоге. Прагматическая интерпретация основана на наблюдении и интерпретации, при обязательстве действовать согласно интерпретации: «Действие говорит громче слов». При акценте на стимуляции изменений прагматический интерес к знаниям может входить в противоречие с тенденцией социального конструкционизма ходить по кругу бесконечных интерпретаций, а также с погружением постмодернистского анализа в безграничные деконструкции.

Прагматический интерес к знаниям с тем, чтобы помочь пациенту измениться, является неотъемлемой частью терапевтического интервью, где сообщение интерпретаций служит стимуляции изменения пациента. Дж. Линкольн и И. Гьюба (*Lincoln, Guba, 1985*) в своем естественнонаучном исследовании пошли дальше консенсуальной валидации и обратились к критериям качества качественного исследования, ориентированным на действия (таким как опрос, повышающий уровень понимания участников и их способность предпринимать действия), помогающие им лучше контролировать свою жизнь. Действенное исследование движется от описания социальных условий к действиям, которые могут изменить сами исследуемые условия. Оценка системы также идет дальше критериев соответствия и включает прагматическую валидность: «Окончательная проверка надежности результатов оценивания — реакция на него тех, кто принимает решения и использует информацию» (*Patton, 1980. P. 339*).

Можно различить два типа прагматической валидации — знания могут сопровождать действия, а могут стимулировать их изменение. В первом случае валидизация высказывания респондента основана на поддерживающем действии, которое *сопровождает* высказывание. Имеется в виду нечто большее, чем просто словесно высказанное убеждение, оно должно сопровождаться действиями. Так, в исследовании расовых предрассудков широкий опрос шел дальше просто высказываний респондента против расовой сегрегации и был направлен на то, чтобы определить, сопровождаются ли высказывания соответствующими действиями.

Вторая, более жесткая форма прагматической валидации, касается того, может ли вмешательство, основанное на знаниях исследователя, *стиму-*

мулировать реальные изменения в поведении. Фрейд при валидации терапевтических интерпретаций не полагался на самопонимание пациента и его высказывания. Он не считал ни согласие пациента с его интерпретациями, ни их отрицание достаточным основанием для того, чтобы подтвердить интерпретацию или отказаться от нее. И согласие, и отрицание могут быть результатом внушения или проявлением сопротивления терапевтическому процессу. Он рекомендовал использовать косвенные формы валидации: наблюдение за реакцией пациента на интерпретацию (например, изменение свободных ассоциаций, снов, восстановленных или забытых моментов жизни) и изменение невротических симптомов (Freud, 1963. P. 279). Д.П. Спенс (Spence, 1982) тоже подчеркивал прагматический эффект интерпретации: нарративная правда строится в ходе терапевтической встречи, она убеждает, как хороший рассказ, и ее нужно судить и с точки зрения эстетической ценности, и с точки зрения лечебного воздействия ее риторической силы.

В совместных действенных исследованиях исследователи и исследуемые вместе разрабатывают знания о социальной ситуации, а затем применяют эти знания, предпринимая новые действия в этой ситуации и проверяя, таким образом, валидность знаний на практике. П. Ризон (Reason, 1994) описывает исследование работников здравоохранения, которое было основано на включенном опросе, сопровождающемся систематической проверкой теории в контексте действий в реальных условиях. Темой исследования был стресс, возникающий при наличии скрытых обстоятельств в рабочей ситуации, например, подозрение в употреблении наркотиков или жестоком обращении с детьми в семьях, которые посещались медицинскими работниками. Сначала сотрудники в этом исследовании получали знания в совместных дискуссиях, разыгрывая ситуации, а затем — прямо высказывая свои опасения семьям, с которыми они работали. Ризон обсуждает валидность этого совместного исследования и подчеркивает необходимость не останавливаться на простом согласии, когда исследователи объединяются в группу для защиты от тревоги, которую можно преодолеть с помощью постоянного взаимодействия между действиями и осмыслением посредством включенного опроса.

Как. Формы прагматической валидации бывают разные: это может быть реакция пациента на интерпретацию его сна психоаналитиком, реакция на воздействие поведенческого терапевта, предпринятое с целью изменить вероятность подкрепления его проблемного поведения, реакция аудитории на системную оценку отчета и сотрудничество исследователя и респондентов в действенных исследованиях.

Зачем. В принципе, научный дискурс лишен определенности. Отсутствует требование немедленных действий, постоянно могут появляться новые аргументы, изменяющие или опровергающие прежние знания. В противоположность ненавязчивому согласию научного дискурса, контексты практики могут потребовать действий и решений, предполагающих принуждение к согласию. Это встречается в судебных процедурах, на переговорах в диссертационной комиссии, при принятии решения о терапевтическом вмешательстве и решений о структурных изменениях в исследовании действий.

Прагматический подход предполагает, что истина — это все, что помогает нам действовать так, чтобы получить желаемый результат. Решение о том, что такое желаемый результат, включает в себя этику и ценности. При оценке систем признается нравственный нормативный аспект валидации, так как «валидность оценки зависит от того, истинна ли она, надежна ли и соответствует ли нормам» (House, 1990. P. 255). Важность ценностей в процессе валидации можно проследить по изменению акцентов в социальных исследованиях — от первоначального описания социального мира, с акцентом на то, *что есть*, до постановки акцента на том, *что могло бы быть*. Так, постмодернистская концепция генеративной теории К. Джерджена (Gergen, 1992) (см. выше, раздел «Репрезентативность») включает в себя исследования, которые открывают новые возможности осмысления и действия как средства изменения культуры.

Кто. Вопрос «кто» подразумевает исследователей и тех, кто будет использовать полученные знания. М.К. Паттон (Patton, 1980) подчеркивает репутацию исследователя как важный критерий того, будет ли принят отчет об исследовании в качестве основания действия. Вопрос «кто» предполагает также этические и политические аспекты проблемы. Кто будет принимать решение о направлении изменений? Существует возможность личного сопротивления изменениям в терапии и конфликтных желаний у тех, кто заинтересован в результатах исследования. Итак, в ситуации валидации оценивания систем аудиторией кому принадлежит решающее слово, кого необходимо включить в число принимающих решение: спонсоров исследования, руководителей оцениваемой системы, работников этой системы или ее клиентов?

Власть и истина. Прагматическая валидация ставит вопрос о власти и истине в социальных исследованиях. Кто обладает властью решать, какие результаты данного исследования являются желательными, или определять направление изменения? Какие ценности будут составлять основание действия? И, еще шире — кто обладает властью решать, к какой истине нужно стремиться, какие исследовательские вопросы стоит задавать прежде все-

го? Согласно М. Фуко, мы должны остерегаться приписывания власти конкретным людям и их намерениям; вместо этого стоит анализировать сетевые организации и многочисленные области динамики властных знаний.

Валидность Вопроса о Валидности

Я все время ратую за включение валидизации в само ремесло проведения исследований и за расширение понятия валидизации за пределы одного только наблюдения, включение в него коммуникации о полученных знаниях и их прагматического эффекта. Понимание валидности как мастерства, ремесла, как коммуникации и действия не отменяет важности точных наблюдений и логичной аргументации, но включает в себя более широкие концепции природы истины в социальных исследованиях. Диалогические и прагматические аспекты знания в позитивистской традиции считались иррелевантными или вторичными по отношению к получению объективных наблюдений. В постмодернистской концепции знания именно обсуждение и применение знаний становятся сущностными аспектами построения социального мира. Вместо того чтобы придумывать жесткие критерии, коммуникативная и прагматическая валидизация расширяет постановку вопроса о валидности в социальных исследованиях.

Далее я стремился демистифицировать понятие валидности, утверждая, что верификация информации и интерпретаций — это обычная деятельность в повседневной жизни. Чрезмерное внимание к валидизации может даже быть контрпродуктивно, вести к общему снижению валидности. Вместо того, чтобы дать результатам, знаниям говорить самим за себя, валидизация может превратиться в манию узаконивания, которая затем начнет разрушать валидность — чем больше валидируем, тем больше потребность в еще большей валидации. Такая неадекватность сильного и многократного подчеркивания истинности утверждения выражена в народной мудрости: «Остерегайся, когда клянутся, что правду говорят».

В идеале степень мастерства при проведении исследования проявляется в полученных знаниях, которые настолько убедительны сами по себе, что, так сказать, уже содержат в себе валидизацию, подобно яркому произведению искусства. В подобных случаях процедура исследования абсолютно ясна, результаты очевидны, а выводы сразу воспринимают как истинные, красивые и доброкачественные. Тогда всякая внешняя сертификация или официальный штамп подтверждения валидности становятся делом десятым. В этом смысле валидным будет исследование, делающее излишним вопрос о валидности.

Глава 14.

Работа над отчетом

Когда понимание валидизации и генерализации расширяется и включает в себя общение с читателями, написание отчета становится ключевой фазой исследовательского проекта. Отчет — это не просто воспроизведение взглядов интервьюируемых, сопровождающееся комментариями исследователя в форме его интерпретаций. Отчет об интервью сам по себе — социальная конструкция, в которой выбор автором стиля написания и литературных приемов создает особенный взгляд на жизненный мир респондента. Процесс написания — это один из аспектов социального конструирования знания, полученного в интервью, и именно отчет становится для исследовательского сообщества той базой, на основании которой оно определяет валидность полученных знаний. Нынешняя сосредоточенность на разговоре и риторике в социальных исследованиях, наряду с тем, что называется кризисом репрезентации, приводит к тому, что презентации результатов исследования уделяется особое внимание.

Отчеты об интервью часто скучно читать. Мы опишем некоторые способы улучшения стандартных моделей написания отчета и выделим некоторые этические проблемы, связанные с написанием отчета. Наконец, после обсуждения написания как социальной конструкции будут предложены пути обогащения отчета.

Скучные отчеты об интервью

Примерно три тысячи лет назад Одиссей возвратился в Грецию из своего дальнего исследовательского плавания. Устный рассказ Гомера об этом путешествии был позднее записан в форме, существующей и по сей день. Почти столетней давности рассказы З. Фрейда о его терапевтических случаях до сих пор вызывают жаркие споры. Современные исследовательские интервью, может быть, так долго и не проживут — чтобы отчет жил своей жизнью после публикации, необходимо, чтобы его читали. Приведу некоторые впечатления от чтения современных отчетов.

Утомительные результаты интервью. Исследовательские интервью часто скучно читать — для них характерны длинные, бестолковые, дословные цитаты, которые даются фрагментарно, с примитивной категоризацией, нередко искусственно растянутые. Сотни страниц цитат из расшифро-

вок, разбавленные редкими комментариями и несколькими таблицами с цифровыми данными категоризации вряд ли можно назвать интересным чтением. Захватывающие рассказы респондентов в процессе анализа и написания отчета безжалостно порублены на мелкие цитаты и изолированные переменные.

Такой стиль написания отчета, возможно, сложился под влиянием качественного гиперэмпиризма, в котором множеству цитат из интервью отводится роль основных фактов. Многочисленные дословные расшифровки почитаются железным доказательством того, что было сказано на самом деле. Различия в устной и письменной формах речи не видны в дословных расшифровках интервью с их скучными повторениями, эканьями и меканьями и незавершенными предложениями.

После изматывающего чтения отчетов об интервью хочется драматического рассказа о терапевтическом случае с нарративами, которые могут как развлечь, так и принести какие-нибудь свежие, будоражащие открытия. Может даже захотеться прочесть отчет о лабораторном эксперименте с его четкой жесткой логикой, элегантным планированием, ясным описанием, обязательным обсуждением результатов и учетом возможных источников ошибок, которые могут сделать результаты недостоверными.

Мрачное впечатление от качественных отчетов — отнюдь не новость:

«30 лет я зевала над бесчисленными, якобы образцовыми качественными исследованиями. Несчетное число текстов я забросила, наполовину прочитав, наполовину просмотрев. За новую книгу я бралась с большой опаской — хотя тема мне интересна, автор тоже, — что текст будет скучный» (*Richardson, 1994. P. 516—517*).

Может быть несколько причин появления бесцветных отчетов об интервью. Пишущий может быть так перегружен массивным и сложным материалом, что теряет любое сколько-нибудь личное отношение к интервью. Исследователь может очень сильно идентифицироваться с респондентами, «стать аборигеном» и оказаться не в состоянии сохранять концептуальную и критическую дистанцию между собой и высказываниями собеседника. Боязнь субъективной интерпретации может привести к отчету, состоящему из скучнейших серий неинтерпретированных цитат, отчету, в котором автор воздерживается от теоретической интерпретации, как от какой-то опасной формы спекуляции. Разрастание объема отчета может быть вызвано просто тем, что исследователь не знает, какую историю он хочет рассказать, и, следовательно, не способен выбрать основные моменты, которыми он хотел бы поделиться с аудиторией. Не зная «что» и «зачем», определить форму истории — ее «как» — проблематично.

Метод как «черный ящик». Если читателю действительно интересны результаты интервью, он может захотеть представить себе схему исследования и методы, использование которых дало такие интригующие знания. И здесь он, скорее всего, встретит «черный ящик». Читателю нужно будет гадать о социальном контексте проведения интервью, об инструкциях, данных респондентам, о заданных вопросах и процедурах расшифровки и анализа. Читателю, который хочет оценить доброкачественность результатов, реинтерпретировать или применить полученные данные, просто необходима информация о методических стадиях исследования. Однако в отчете связь между начальным разговором и конечным отчетом часто теряется.

Качественные интервью могут содержать детальные описания жизненной ситуации респондента, его переживаний и действий, но могут быть фактически лишены описания ситуации интервью и действий исследователя, предпринятых для получения от собеседника информации, которая записана в отчете. Хотя сила качественных исследований — в детальных описаниях и использовании исследователя в качестве инструмента, собственная активность исследователя при получении этих знаний практически не видна.

Одна из причин пренебрежения методом может состоять в том, что исследовательское интервью практически не может происходить в соответствии с дискретной, формальной процедурой. Очень многое оставляется на импровизацию и интуицию интервьюера и интерпретатора. Следующая причина в том, что не существует устоявшихся общих соглашений относительно отчета о качественном исследовании. Уникальная природа исследовательского интервью фактически бросает исследователю вызов — не замалчивать методическую сторону, а напротив, описать со всей возможной точностью конкретные шаги, процедуры и решения, принятые в данном исследовании.

Возможная причина невнимания к методу в отчетах об интервью — реакция на позитивистское поклонение методу, которое науку приравнивало к формальным бюрократическим процедурам. Мы можем и дальше строить догадки о том, что методическая совесть исследователя нечиста, что его исследование не отвечает установленным канонам научного социального исследования. Эта методическая неуверенность может затем привести к исключению любого упоминания о методе — применяемые процедуры просто «заталкиваются в угол». Если попробовать привлечь психоаналитические интерпретации защитных механизмов, то можно объяснить вытеснение метода тревогой и чувством вины из-за несоответствия своей работы существующему идеалу.

Проведение исследования с мыслью о финальном отчете

Цель отчета — проинформировать других исследователей и публику о важности и надежности результатов. Отчет должен внести новые знания в исследование данной области и должен быть написан таким образом, чтобы читатель мог проверить выводы. Отчет об интервью — это конечный результат долгого процесса. Все самое ценное из материалов бесед, все, что достойно передачи другим, должно быть выражено в ограниченном объеме статьи или книги, представляющей основные цели, методы, результаты и практическую значимость исследовательского интервью.

В качестве одного из возможных способов сделать отчет более читабельным я бы предложил держать в голове финальный отчет с самого начала исследования. В рассказе о пяти тягостных стадиях проекта исследовательского интервью отчет был назван стадией окончательного истощения (глава 5, «Открытость и эмоции в исследовательском интервью»). В качестве противоядия предлагалось четко удерживать направление движения проекта от начала к финальному отчету. То есть исследователь должен на протяжении всех стадий проекта держать в голове первоначальный вариант того рассказа, который он хотел бы поведать читателям. Во врезке 14.1 показано, как последовательно сохранять направленность на финальный отчет на протяжении всех семи стадий исследовательского интервью.

Как писать для читателей

До последнего времени не наблюдалось особого интереса к тому, как описывать результаты исследовательского интервью. К написанию отчета об интервью часто относились как к простому представлению того, что было сделано и что обнаружено, и не очень заботились о читателях и о тех, кто будет пользоваться отчетом.

Напротив, исследователи, проводившие оценку систем и маркетинговые исследования, очень хорошо осознавали воздействие формы отчетов на предполагаемую аудиторию — в том, что касается длины отчета или соотношения качественных и количественных данных. Так, М.К. Паттон (*Patton*, 1980) пишет, что тот, для кого предназначен подробный, снабженный документальными доказательствами и элегантный по форме отчет, может отправить его в корзину. На адресата и на то, какое решение он примет,

Врезка 14.1

Проведение исследования с мыслью о финальном отчете

1. *Выбор темы.* Чем раньше и чем яснее исследователь сможет представить себе конечный результат своего исследования — историю, которую он хотел бы рассказать, — тем легче будет писать отчет.

2. *Планирование.* В качестве основы методических разделов будущего отчета ведите постоянные записи процедур планирования. При планировании исследования представляйте себе окончательную форму опубликованных интервью, включая этические условия получения от респондента информированного согласия с учетом возможности дальнейшего опубликования рассказов интервьюируемого. Этический идеал требует, чтобы исследователь способствовал улучшению жизненной ситуации человека. С этой точки зрения сообщение результатов общественности (как научной, так и широкому читателю) приобретает первостепенное значение.

3. *Собственно интервью.* Идеальное интервью можно передавать читателю в той форме, в которой оно пребывает после выключения диктофона.

4. *Расшифровка.* Во время расшифровки стоит держать в голове, что интервью, подлежащие публикации, должны быть читабельны, при этом нужно помнить и о защите конфиденциальности респондента.

5. *Анализ.* При нарративном анализе процессы анализа интервью и написания отчета сливаются и воплощаются в историю, которую нужно рассказать читателю. При других формах анализа также следует помнить о представлении результатов, и анализ интервью тоже встраивается в описание результатов.

6. *Верификация.* Если валидизацию понимать как коммуникацию и действие, то, как написан отчет об исследовании, становится ключевым вопросом.

7. *Написание отчета.* Если с самого начала исследования работать на составление финального отчета, то должно получиться читабельное, методологически обоснованное, интересное изложение результатов.

может произвести гораздо большее впечатление общение лицом к лицу, возможно, сопровождающееся несколькими страницами отчета об основных итогах исследования.

Что касается маркетинговых исследований, было установлено, что менеджеры низшего звена часто желают получить множество количествен-

ных данных, чтобы обосновать свои решения и, таким образом, получить алиби на случай, если дела пойдут плохо. Менеджеры высшего уровня, ответственные за будущее компании, чаще предпочитают качественные методы с новыми творческими интерпретациями: «Те, кто действительно хочет извлечь из работы пользу, решить конкретные вопросы, больше склонны учитывать качественные исследования, тогда как те, кто занят поисками алиби, выбирают количественные» (*Osiatinsky, 1976. P. 58*).

Близость исследовательских интервью к обычной жизни с ее живыми описаниями и захватывающими повествованиями делает отчеты об интервью потенциально интересными для широкой публики. В некоторых случаях это может привести к конфликту между требованиями научной общест-венности и широкой публики, между представлением результатов в научной документально обоснованной и контролируемой форме и иллюстративным, развлекательным подходом. Эту дилемму — представлять ли захватывающие рассказы или формальное обоснование метода и результа-тов — можно проиллюстрировать отчетами, составленными для совершенно разных мест: для художественной галереи и для суда.

В *искусстве* самое важное — конечный продукт (картина, скульптура), а не методы и процесс достижения этого результата. Техника рисования может быть интересна коллегам-художникам и искусствоведам, но сама по себе она не может быть причиной того, что на произведение искусства обра-щают серьезное внимание. Картина несет послание, она убеждает своей экспрессией и стилем. В литературе содержание и форма шекспировских драм до сих пор волнует нас, хотя очень мало известно о прообразах героев драмы или о приемах письма, которые использовал Шекспир.

Напротив, в отчете для суда, составленном психологом на основании интервью о случае насилия над детьми, стиль и ораторские приемы не имеют принципиального значения. Предполагается, что будет интенсивный перекрестный допрос со стороны обвинения и защиты, и они будут стараться отыскать слабые места в интервью и интерпретациях. Все процеду-ры проведения интервью будут очень пристально изучаться, и будут пред-приняты попытки поставить под сомнение надежность свидетелей, форму опроса (например, влияние наводящих вопросов) и логику сделанных ин-терпретаций.

В идеале, отчет об интервью должен отвечать требованиям как художе-ственной выразительности, так и перекрестной проверки в зале суда. Преж-де чем обратиться к возможным способам улучшить отчет об интервью в соответствии с научным критерием точности и художественным критери-ем изящества, рассмотрим некоторые этические вопросы, связанные с пуб-ликацией интервью.

Этика написания отчета

Публикация исследовательского отчета поднимает нравственные проблемы, связанные с тем, какой эффект он может произвести. Психологические исследования в идеале должны одновременно давать научные знания и улучшать условия жизни человека (см. главу 6). Для этого нужно, чтобы форма передачи результатов одновременно была научной и читабельной для тех, кто, возможно, будет использовать эти знания. Публикация данных должна соответствовать этическим принципам информированного согласия, конфиденциальности и учета возможных последствий.

Информированное согласие. Как уже обсуждалось ранее, необходимо еще *перед* интервью позаботиться о том, чтобы совершенно недвусмысленно обсудить с респондентом дальнейшее использование и возможную публикацию его интервью, причем лучше всего составить об этом письменное соглашение (глава 6, «Этические принципы»; глава 8, «Этика интервьюирования»).

Конфиденциальность. Чтобы защитить частную жизнь собеседника, при публикации результатов используются псевдонимы и иногда изменяются приметы респондента. Для этого требуется изменить формальные признаки, не производя принципиальных изменений смысла. Следует отметить, что маскировка респондентов не лишена некоторого риска.

Примером маскировки, вводящей в заблуждение, может служить исследовательское интервью по поводу адаптации эмигрантов к датской культуре. По совету консультанта (это был я) студентка изменила не только имена, но и национальности эмигрантов, которых интервьюировала и чьи интервью потом цитировала в дипломной работе. Рецензент отметил существенный недостаток понимания в дипломном анализе социальной и психологической ситуации эмигрантов из Чили. При ближайшем рассмотрении выяснилось, что «чилийские» эмигранты на самом деле были из Польши. Студентка, сама будучи из эмигрантов, не учла, что в 1970-е годы польские эмигранты в Дании были, как правило, яркими антикоммунистами, а чилийские — столь же яркими социалистами или коммунистами. Изменение имен и национальности существенно повлияло на смысл социальной ситуации и идентичности респондентов, причем настолько, что некоторые интерпретации оказались просто бессмысленными. Пример показывает, что спрятать информацию, принципиально не искажая ее смысла, — это проблема, решение которой требует хорошего знания исследуемого явления.

Проблемам охраны частной жизни респондента на стадии написания отчета в качественном исследовании специально посвящена работа Ч. Глесна и Э. Пешкина (*Glesne, Peshkin, 1992*), которые упоминают несколько широко известных (в общественных науках) исследований, в которых, несмотря на использование псевдонимов и тому подобного, репортеры, а также другие люди, смогли вычислить реальных действующих лиц. Гораздо легче решать вопросы конфиденциальности с теми респондентами, которые не хотят сохранять анонимность: они настолько заинтересованы в проекте, что хотят отвечать за свои высказывания под собственными именами.

Учет последствий. Исследователю бывает весьма сложно учесть последствия отчета об интервью. Стоит упомянуть одно из неожиданных последствий исследования об оценках. Учитель французского, который получил копию главы с результатами его интервью, позвонил мне и попросил не использовать его высказывания в моей книге. В старших классах французский язык — предмет непопулярный среди очень многих учеников. Учитель очень остро это осознавал и красочно рассказывал, как он использует оценки, чтобы заставить школьников учить французский. Его высказывания прекрасно иллюстрировали использование оценок в качестве инструмента мотивации и были бы очень понятны читателям. Однако ко времени опубликования книги в Дании развернулась широкая дискуссия о целесообразности сохранения французского языка как предмета в старшей школе. Теперь учитель испугался, что его описание использования оценок как стимула для учеников учить непопулярный французский может быть использовано в публичных дебатах как аргумент за исключение французского языка из списка школьных предметов. Отрицательные последствия не затрагивали напрямую самого учителя, но касались его профессии, то есть имиджа французского языка как школьного предмета. Я согласился с его просьбой и заменил в его высказываниях «французский» на «английский» — в результате они потеряли часть своей выразительности.

Конечно, не все решения об изменении отчета из-за предполагаемых последствий принимаются так просто. Глесн и Пешкин ставят вопрос в общем:

«Какие обязательства берет на себя исследователь по отношению к участникам исследования, публикуя результаты? Если анализ исследователя отличается от того, что думает по этому поводу респондент, то что нужно публиковать: одно мнение, оба или ни одного? Даже если сам респондент склонен соглашаться с неблагоприятными характеристиками некоторых аспектов сообщения, к которому он принадлежит, то должен ли исследователь делать эту информацию публичной?» (*Glesne, Peshkin, 1992*).

В исследовании об оценках мы намеревались документально доказать, что влияние оценок противоречит официально принятым в Дании целям обучения, например, воспитанию у школьников независимости, творчества, сотрудничества и интереса к дальнейшему обучению в течение всей жизни. Я был уверен, что влияние оценок может быть ослаблено, если широкая общественность узнает о новых ограничительных правилах приема в университет на основе аттестата, и возможно, эти правила будут изменены. Исследование не возымело таких последствий: к тому времени, когда книга была подготовлена к печати, общественный интерес к проблеме угас. Кроме того, книга была написана в академическом стиле, очень перегружена цитатами и содержала детальные методологические обсуждения. Я постарался не включать в текст интересные, но слегка спекулятивные интерпретации, предвидя обычную критику качественного исследовательского интервью. В результате была утрачена живая реальность школьной ситуации учеников, и книга оказалась не нужна ни школьникам, ни широкой публике. На книгу было лишь несколько откликов: консервативные газеты обругали выводы, утверждая, что они основываются на высказываниях слишком малого количества респондентов, что ответы могли быть спровоцированы наводящими вопросами, а спекулятивные интерпретации явились результатом «левацких» взглядов автора.

Улучшение стандартных способов написания отчета

Читатели отчета могут занять самые разные позиции по отношению к тексту. Интересны ли результаты, приносят ли они новые знания, новые прозрения, новый взгляд на тему исследования? Каков вклад результатов в построение теории? Подтверждают ли новые данные уже существующие в данной области теории, или они их опровергают? Появляются и методические вопросы: насколько можно доверять этим результатам? Какова методическая база результатов отчета? С практической точки зрения могут возникнуть другие вопросы: каково практическое применение результатов этого исследования? Достаточно ли надежны результаты, можно ли их применять на практике? В этом разделе будут намечены стандартные способы написания отчета об интервью, в следующем будут предложены способы обогащения отчета.

Врезка 14.2

Структура отчета об интервью

I. Введение: *Выбор темы*

Определяется основная цель исследования, выделяется концептуальное и теоретическое понимание исследуемого явления, дается обзор соответствующей литературы по теме исследования, и формулируются конкретные исследовательские вопросы.

II. Метод: *Планирование, проведение интервью, расшифровка и анализ*

Подробно описываются методы, которые применяются в исследовании. У читателя должна быть возможность установить, соответствует ли планирование теме и целям исследования, оценить надежность результатов и, в принципе, возможность повторить исследование.

III. Результаты: *Анализ и верификация*

Результаты представляются в такой форме, чтобы дать читателю четкий, хорошо структурированный обзор основных находок, при этом должны быть критически оценены их надежность, валидность и репрезентативность.

IV. Обсуждение

Обсуждаются всевозможные применения результатов. Обсуждение включает соответствие результатов первоначальному исследовательским вопросам, теоретическое и практическое применение результатов.

СТАНДАРТНАЯ СТРУКТУРА ОТЧЕТА

Во врезке 14.2 семь стадий исследовательского интервью размещены под заголовками стандартных разделов научного отчета: введение, методы, результаты и обсуждение (см., например, *American Psychological Association*, 1989). Теперь подробнее рассмотрим отчет о методах и результатах исследовательского интервью.

МЕТОДЫ

Чтобы оценить надежность результатов, читателю отчета необходимо знать методические процедуры. Знание конкретных деталей может потребоваться и для реинтерпретации или для применения на практике результатов исследования. В редких случаях читателя могут интересовать методы для того, чтобы воспроизвести или расширить первоначальное исследование. Во врезке 14.3 приведено описание той информации, которой будет не хватать читателю, если в разделе «Методы» он обнаружит «черный ящик».

Врезка 14.3

Вопросы читателя о методах

Планирование. Как выбирали респондентов: случайным образом, исходя из их доступности, они вызывались сами или были отобраны по теоретическим соображениям? — Эта информация является предварительным условием решения о том, подвергать ли результаты статистическому анализу, а также позволяет читателю обобщить результаты исследования.

Ситуация интервью. Какая информация была дана респондентам перед интервью? Какова была социальная и эмоциональная атмосфера во время интервью, например, каков был уровень контакта? Какие были заданы вопросы? Как была организована схема интервью? — Эта информация принципиально важна для интерпретации смысла того, что говорилось во время интервью.

Расшифровка. Какие инструкции были даны расшифровщикам — о дословной или о сокращенной расшифровке? — Такая информация особенно важна для лингвистического анализа и психологических интерпретаций.

Анализ. Каковы были этапы анализа? Является ли анализ, в основном, результатом личностной интуитивной интерпретации, или применялись формальные процедуры? Если была сделана категоризация, то как именно это делалось, кем и как определялись категории?

Верификация. Как проводились проверки надежности интервью, его расшифровки и анализа? Каким образом избегали предвзятых и избирательных интерпретаций? Каковы доказательства валидности результатов?

РЕЗУЛЬТАТЫ

В противоположность критической интерпретации литературного текста — где поэма или роман читателю или известны, или доступны для него — интерпретатор интервью отбирает и конденсирует интерпретируемый текст для читателя. В противоположность захватывающим, хорошо структурированным, богатым и «возвышенным» литературным текстам некоторые интервью читать бывает скучно, они могут быть тривиальными, растянутыми, бессвязными, в них может не быть глубокой значимости. Задача исследователя — обеспечить такой взгляд на интервью, придать ему такой контекст, чтобы оно было интересно для читателя.

Не существует стандартных способов представления результатов исследовательского интервью. Есть стандартные способы представления количественных данных. Например, на рис. 11.3, посвященном поведению, вызываемому оценками (см. главу 11), простая компьютерная программа предложила восемь вариантов графического представления числовых данных. Хотя не существует таких же стандартных форм представления качественного исследовательского интервью, все же есть несколько вариантов. Здесь мы рассмотрим обычный способ представления результатов интервью — цитирование, а способы улучшения отчета будут предложены позже.

Цитирование интервью. Самый распространенный способ представления результатов исследовательского интервью — избирательное цитирование. Цитаты из интервью дают читателю впечатление о взаимодействии в процессе беседы и иллюстрируют материал, использованный для анализа. Во врезке 14.4 предложены некоторые принципиальные положения, которые помогают сделать более читабельными цитаты из интервью.

Количество страниц. Толщина фолиантов, похоже, является постоянной проблемой исследователей при написании отчета о качественном исследовании. По-видимому, они считают, что огромное количество страниц может послужить заменой количественным данным, которых у них нет. Поэтому в отчете может быть слишком много страниц материалов и слишком мало страниц, посвященных собственно выводам. Исследователи, имеющие дело с интервью, иногда сетуют на то, что их богатые находки невозможно полностью изложить в короткой статье или даже книге обычного размера. Они в особенности любят включать в отчет многочисленные страницы расшифровок в качестве подтверждения своих выводов. Они иногда указывают и на то, что гораздо легче кратко изложить четкий план экспери-

ментального исследования или опроса, количественные результаты которых представляются в виде простых таблиц и рисунков. Один редактор из Норвежского медицинского журнала очень просто отвечал на требования со стороны качественных исследователей предоставить им дополнительные страницы: «У каждого свои проблемы». Так, исследователи экспериментального толка желают получить дополнительные страницы, чтобы представить прекрасно проработанный план и изощренное новое оснащение эксперимента, статистикам дополнительное пространство нужно, чтобы развернуть математические предпосылки статистических подсчетов и так далее.

Врезка 14.4

Принципы цитирования интервью в отчете*

1. Цитаты должны быть связаны с общим текстом.

Исследователь должен представить определенные рамки для понимания конкретной цитаты и ее интерпретации. Рамки могут быть разными: от описания жизненного мира собеседника до теоретической модели, которой придерживается исследователь.

2. Должен быть ясен контекст цитируемого высказывания.

Цитата — это фрагмент всего контекста интервью, который исследователь знает очень хорошо, но который неизвестен читателю. Было бы полезно представить контекст того отрывка, который цитируется, включая вопрос, на который был дан этот ответ. Соответственно, читатель сможет понять, была ли определенная тема введена интервьюером или собеседником, и решить, был ли этот вопрос наводящим.

3. Цитаты должны быть проинтерпретированы.

Исследователь должен ясно заявить, какую точку зрения иллюстрирует, подтверждает или опровергает данная цитата. В задачу читателя не входит гадание о том, почему было приведено именно это высказывание и что же такого интересного в нем нашел исследователь.

4. Между текстом и цитатами должен быть определенный баланс.

Цитаты не должны занимать более половины текста главы. Когда в одной главе цитируются высказывания нескольких респондентов, каждое со своим

* Принципы взяты из работы *Borum P., Enderud H. Organisationsforskeren som reporter. Om analyse og rapportering af interview // Tidsskrift for Samfunnsforskning, 21. 1980. P. 359—382.* Отредактированы и дополнены мной. (примеч. автора).

Врезка 14.4. Продолжение

стилем выражения, то множество цитат и немногочисленные связующие их комментарии и интерпретации могут создать впечатление хаоса и привести к лингвистической неразберихе.

5. Цитата должна быть короткой.

Максимальная величина цитаты из интервью, как правило, составляет половину страницы. Если цитата слишком длинная, то читатель может потерять интерес к тексту. Часто это случается из-за того, что длинные отрывки из интервью содержат сразу несколько разных признаков, и читателю трудно бывает найти путеводную нить. Если есть необходимость приводить в тексте длинные отрывки, то исследователь может разбить их на части и соединить своими комментариями и интерпретациями. Исключение составляют живые нарративные отрывки из интервью, которые могут сами по себе читаться как рассказ.

6. Используйте только самые лучшие цитаты.

Если одно и то же положение можно проиллюстрировать двумя или более отрывками, то нужно выбрать только лучший из них — наиболее подробное, иллюстративное и хорошо сформулированное высказывание. Для подтверждения достаточно упомянуть, сколько еще респондентов выразили такую же точку зрения. Если на один вопрос было дано очень много разных ответов, то полезно привести несколько цитат, чтобы показать разнообразие точек зрения.

7. Цитаты из интервью должны быть в форме письменной речи.

Дословная расшифровка устной речи с ее повторениями, отступлениями, паузами, «гм-м» и тому подобным трудна для восприятия в письменном виде. Цитаты на быденном языке, особенно на местном диалекте, представляют собой очень грубый текст. Чтобы облегчить понимание, в финальном отчете нужно представить спонтанную устную речь респондента в виде письменного читабельного текста. Исключения составляют случаи, когда для исследования важна лингвистическая форма сама по себе, например, при социолингвистических интерпретациях.

8. Нужно представить простую систему обозначений правки цитат.

Отрывки из интервью, представленные в финальном отчете, всегда более или менее редактируются. Имена и названия, которые могут нарушить конфиденциальность, должны быть изменены. Чтобы дать читателю понять, насколько отредактирована цитата, необходимо описать принципы правки, желательно с простеньким списком обозначений пауз, опущенных мест и тому подобного.

Само по себе изложение качественного исследования не требует большого объема — некоторые из качественных исследований, использованных в этой книге, изложены в коротких статьях (например, *Giorgi, 1975; Runyan, 1981; Scheflen, 1978*). Психотерапевты вполне способны представлять поразительные результаты в кратких изложениях исследований случаев или в виде небольших примеров (см. *Laing, 1962*). Вероятно, терапевты привыкают долго слушать своих пациентов и становятся настоящими экспертами в ухватывании сути и выборе принципиально важных аспектов тех многочисленных рассказов, которые они слышат. Напротив, интервьюеры-исследователи, не очень хорошо знающие предмет обсуждения и только начинающие знакомиться с методом интервью, могут испытывать трудности при формировании критического, избирательного отношения к тому, что они слышат.

Искусство дает нам многочисленные и очень лаконичные описания всего многообразия человеческой жизни. Качество и воздействие произведения искусства не зависит от его размера. Хемингуэй вряд ли мог бы сказать в своих коротких рассказах больше, если бы сделал их вдвое длиннее, и очень маловероятно, что Мона Лиза Леонардо да Винчи была бы более загадочна, если бы он написал ее на холсте вдвое большего размера.

Написание текста как социальное конструирование

Современное развитие общественных наук пробудило интерес к написанию исследовательских отчетов. Постмодернистское движение от знания как соответствия объективной реальности к знанию как социальному конструированию реальности привело к смещению акцентов — от наблюдения за социальным миром к разговору и взаимодействию с ним. Если валидизацию понимать как социальное построение знания, при котором смысл знания определяется через переговоры внутри сообщества, передача найденного знания становится центральной частью исследовательского проекта. Сегодня вновь возник интерес к риторике (*Simons, 1989*), и в исследованиях средств массовой информации акцент делается на восприятии аудитории.

При эпистемологическом кризисе в представлении знания, при утрате веры в то, что объективный мир может быть скопирован и представлен в объективной форме, возникает вопрос: как исследователь может рассказать свою историю? Здесь будут представлены три подхода к кризису представления знаний в отчете о социальном исследовании. Это этнографический подход Дж. ван Маанена (*van Maanen, 1988*) в «Сказках поля»;

это откровенно постмодернистские «Стратегии писательства» Л. Ричардсон (Richardson, 1990) и художественный подход к представлению исследований в образовании Э.В. Эйснера (Eisner, 1993).

Ван Маанен для представления социальной реальности исследуемых культур обращается к нарративным соглашениям; они уже упоминались в связи с обсуждением различных прочтений текста у П. Латер (глава 12, «В поисках “истинного смысла”»). Исходя из своих собственных исследований полицейских служб, ван Маанен описывает и приводит примеры трех типов историй с поля — реалистических, исповедальных и импрессионистских.

Реалистические истории повествуется бесстрастным голосом, от третьего лица, при отсутствии автора в тексте. В реалистической истории, основанной на принятии «доктрины чистого восприятия», автор отстранен. Точка зрения аборигенов создается через цитаты, что характерно для реалистической истории. Цитаты представляют аутентичную историю, в то время как многие технические и концептуальные вопросы построения расшифровки устной беседы остаются без внимания. Если за этнографом остается последнее слово относительно того, как интерпретировать культуру, то он или она приобретают интерпретационное всемогущество.

Исповедальная история повествуется от первого лица, она очень персонализирована и пропущена рассказчиком через себя. Мини-мелодрама о тяготах, которые пришлось переживать и преодолевать в поле, с рассказом о том, какой урон понес этнограф при работе, являются заметной чертой исповедальной истории.

Реалистическая история сосредоточена на познании, исповедальная — на познающем, а третья разновидность — *импрессионистская* история — пытается соединить познающего и познаемое, сосредоточиваясь на самой деятельности познания. Импрессионистская история повествует не столько об исполнителе или о выполненном, сколько о выполнении полевой работы. Импрессионистская история осознает сама себя и, как импрессионизм в живописи, сосредоточена на новом использовании техники и стилей, подчеркивает эпизодические, сложные и двусмысленные моменты в исследуемой реальности. Импрессионистская сказка разворачивает событие за событием, предлагая процесс обучения.

Когда ван Маанен описывал различные стили писательства, его цель состояла не в том, чтобы определить единственный истинный способ написания этнографических текстов, а в том, чтобы этнографы осознали классическое использование риторики, например, голоса, стиля и аудитории, и, имея эти знания, могли сознательно и умело выбирать голос, который больше всего подходит к той истории, которую они хотят рассказать.

Ричардсон обращается к вопросу о том, как писать исследовательский отчет, при условии постмодернистского понимания того, что все знания конструируются социально: «Писательство — это не просто правдивое отображение объективной реальности, которая существует вокруг нас, ожидая, когда ее заметят. Наоборот, через посредство литературных и риторических структур писательство создает особенное видение реальности» (Richardson, 1990. Р. 9). Это ставит вопрос о критериях оценки текста — таких, как научная основательность, эстетический резонанс и этическая правота.

Вместе с кризисом представления появилась неопределенность относительно того, что конституирует реальность. Ричардсон рассматривает вопрос с точки зрения модернистской веры во внешнюю природу фактов и в то, что якобы существует нейтральный ясный язык, при использовании которого научные тексты позволяют читателю видеть внешний мир таким, каков он есть. Она анализирует, как переписывание того, что узнал исследователь, само по себе становится центральной теоретической и методологической проблематикой, и ценностью наделяется само переписывание. «Язык не просто “прозрачно” отражает социальную реальность так, как она объективно существует вокруг нас. Скорее, язык — это конституирующая сила, создающая определенное видение реальности» (Там же. Р. 12). Грамматические, нарративные и риторические структуры языка, которым мы пользуемся, наделяют смыслом и ценностью темы наших писаний и в поэзии и в науке.

Автор — это повествователь, человек, который говорит от лица других:

«Так как писание всегда создает ценности, всегда существует проблема авторитета и авторства. <...> На практике нарративные объяснения означают, что один человек — писатель — говорит от имени других. <...> Естественно, эта практика поднимает постмодернистскую проблему авторитета и привилегий исследователя. Для кого мы говорим и кому мы говорим, каким голосом, с какой целью, используем какие критерии?» (Там же. Р. 26—27).

Выходя за рамки модернистского неуважения к риторике научных текстов, Ричардсон, основываясь на собственных интервью «с другими женщинами», обсуждает стратегии превращения качественного исследования в тексты для разных типов читателей — издателей, профессионалов, для массового читателя — и подчеркивает использование литературных приемов, например, различных нарративов и метафор при описании голосов и жизней своих собеседников.

В своем президентском послании к Американской ассоциации исследований в образовании Эйснер подходит к представлению качественных исследований с точки зрения художника: «Битва за отвоевывание места качественным исследованиям в образовании, которая когда-то началась, в основном выиграна. <...> Теперь уже стоит вопрос о том, что собственно могут помочь нам понять эти разные формы представления, используемые в разных контекстах исследований в образовании» (Eisner, 1993. P. 8). Представление, как понимает этот термин Эйснер, не связано с «ментальным представлением» когнитивных наук, но является «...процессом трансформации содержаний сознания в публичную форму, так, чтобы они могли стать стабильными, обозримыми, редактируемыми и разделяемыми с другими» (Там же. P. 6). Акт представления является одновременно актом изобретения; сами формы представления обеспечивают те средства, которыми создается смысл:

«Истории и повествования никоим образом не исчерпывают всех способов изучения или описания процессов образования в школе или вне ее. Фильмы, видео, множественные экраны, которые сделало возможным использование компьютеров, и даже поэтическое повествование уже на подходе. Я уверен, что нам не придется долго ждать момента, когда они займут центральное место» (Там же. P. 8).

Все эти формы, так же, как и более четко формулируемые описания событий, обладают потенциалом выявления аспектов мира. Различные формы представления соответствуют различным темам, требуют от исследователя различных умений, но также знаний различного рода от тех, кто должен оценивать визуальные, нарративные или поэтические формы представления результатов. Эйснер идет даже дальше и не исключает возможности защиты романа в качестве докторской диссертации в Стэнфордской школе образования.

Обогащение отчета об интервью

Теперь, выходя за рамки стандартных требований к научному отчету, я намечу некоторые пути повышения читабельности отчета об исследовательском интервью. Эти советы прежде всего нужны при таком представлении интервью, когда написание отчета понимается как социальное конструирование знания.

ЖУРНАЛИСТСКИЕ ИНТЕРВЬЮ

Один из способов написания отчета об интервью представляет собой просто интервью. Исследователь в сфере общественных наук в данном случае может брать пример с журналистов, которые с момента начала любого своего интервью держат в голове конкретную аудиторию, размер необходимого текста и обязательный срок сдачи материала.

Журналист, так же как и репортер на радио, в портретном интервью старается встроить в само интервью и ситуацию, и интерпретации. Конкретный контекст и социальная ситуация могут быть введены с помощью вопросов интервьюера, например: «Сейчас мы с вами сидим в гостиной дома, который вы построили, выйдя на пенсию. Из окна гостиной открывается вид на березовую рощу и фьорд. Не могли бы вы рассказать о...?». Основные темы и интерпретации могут быть извлечены из ответов собеседника на вопросы журналиста или могут быть предложены журналистом — тогда собеседнику остается лишь подтвердить их или опровергнуть. Таким образом можно создать контекст и ввести в разговор интерпретации, при этом и журналист и собеседник более или менее помнят о предполагаемой аудитории. Потом журналист может отредактировать последовательность высказываний, чтобы придать интервью плавное течение. Обычно устной речи придают затем форму письменной, в соответствии со стилем, свойственным собеседнику. Поддержание основной линии беседы в течение всего интервью, расшифровка и редактирование призваны помочь тем, кто дает интервью, рассказать свои истории предполагаемой аудитории как можно более подробно. В конце, учитывая требования этики, журналист еще до опубликования показывает отредактированный текст интервью своему собеседнику.

Существуют исключения из этих идеальных правил для журналистского портретного интервью — критические разоблачительные интервью. Общественные науки не идентичны журналистике, одно из различий состоит в том, что исследователь обязан честно описать процедуры редактирования и анализа интервью. Кроме того, журналист обладает правом защищать свои источники, что идет вразрез с принципом научного контроля данных. Все же, когда дело доходит до представления результатов, исследователи, использующие интервью, все еще могут учиться у хороших журналистов.

ДИАЛОГИ

Отчет об интервью может быть написан в форме диалогов. Подчеркнем еще раз — информация берется из взаимодействия в интервью, но определенным образом оформляется и редактируется стилистически.

Разговоры Сократа с его философскими оппонентами — классический пример философской дискуссии: вся информация включена в диалог, затем следуют немногочисленные интерпретации репортера — Платона. Историки философии имеют разные точки зрения на то, насколько диалоги Сократа являются прямым заимствованием из реальных философских диспутов — возможно, они были в основном или целиком придуманы Платоном. Независимо от того, являются ли они дословным воспроизведением или литературным творчеством, содержание философских диалогов продолжает нас интересовать и сегодня. В них ставятся принципиальные вопросы о природе истины, добра и красоты. Диалоги Сократа обладают ярко выраженной художественной формой — библиотекари до сих пор затрудняются с определением их в каталог — то ли отнести их к философии, согласно их содержанию, то ли — к литературе, соответственно художественной форме.

ИСТОРИИ ТЕРАПЕВТИЧЕСКИХ СЛУЧАЕВ

В отчетах о терапевтических интервью можно найти свободный и осмысленный подход к беседе и повествованию. Рассказы Фрейда о клинических случаях являются примерами захватывающего художественного представления беседы: за свои писательские труды он получил Премию Гете. Работы Р. Лэнга (*Laing, 1962*) также показывают, что, осторожно используя короткие беседы (проинтерпретированные с точки зрения теории двойного послания, психоанализа и экзистенциальной философии), можно передать совершенно новое понимание терапии в простой понятной форме.

Журналы по научной психологии, как правило, требуют придерживаться безличного формального стиля. Если кто-то захочет найти очень личное повествование об экспериментальном исследовании, то стоит обратиться к такому исключению из этого правила, как «История случая в научном методе» Б.Ф. Скиннера (*Skinner, 1961*; см. также глава 5, «Открытость и эмоции в исследовательском интервью»).

Исследование случая — это образец, пример. В моем понимании, использование примеров — это не просто популяризация теоретических взглядов или наращивание «плоти на статистические кости» исследования. Скорее случай как типичное явление обладает своей собственной

ценностью: он может служить средством обучения, как в дискуссии об этике Л. Лёвли (глава 6, «Этические теории»). Р. Донмойер (*Donmoyer*, 1990) писал, что использование рассказов в обучении напоминает нечто среднее между невыразимыми личностными и формальными четкими знаниями. Описание случая служит еще и основанием для обобщения в судебной и клинической практике (глава 13, «Репрезентативность»).

Невысказанные аспекты ситуации интервью и отношений собеседников очень трудно ясно и четко описать словами. Устные знания, полученные в процессе терапии, не так легко превратить в текст. Важные грани терапевтического знания лучше всего передаются анекдотами, рассказами о случаях, повествованиями и метафорами (*Polkinghorne*, 1992). Когда терапевт формулирует пережитые им знания как рассказы о случаях, он устанавливает связь между единичным и общим. Такие формы передачи знаний ближе к мастерству и искусству, нежели к стандартным нормам формального научного отчета.

НАРРАТИВЫ

Если описания случаев могут содержать спонтанные рассказы, то отчет об интервью может быть еще и структурирован с учетом нарратива. Д.П. Спенс (*Spence*, 1982) в терапевтической традиции использовал нарративные формы как в процессе терапии, так и в представлении ее результатов. Статья А.И. Шефлена об интерпретации улыбки Сюзанны (*Scheflen*, 1978) (глава 11, «Интерпретация значений») была написана в форме повествования группы терапевтов, которые смотрели видеозапись сессии семейной терапии, причем терапевты по очереди предлагали новые интерпретации, а рассказчик — Шефлен — сплетал эти нити в единую ткань.

Нарратив может быть способом структурирования интервью в процессе анализа (глава 11, «Структурирование смысла посредством нарратива»). Сам по себе отчет об интервью тоже может иметь форму нарратива, представляющего спонтанные рассказы собеседников, их рассказы, структурированные определенным нарративным способом или переделанные в новые рассказы. В последнем случае рассказы воссоздаются с учетом тех основных моментов, о которых хотел бы рассказать исследователь. При нарративном подходе интервьюер может считать свое исследование рассказом с начала и до конца. В этом подходе интервьюер побуждает собеседников рассказывать истории, помогает им развивать и прояснять свои рассказы, а в процессе анализа выделяет нарративные структуры в рассказах и, возможно, отбирает те из них, которые будут включены в финальный отчет.

«Нарратив — это одновременно и способ объяснения, и способ представления. Люди могут нарративно воспринимать мир и нарративно о нем рассказывать» (*Richardson*, 1990. Р. 21). Нарративы обеспечивают многообещающий доступ к временному измерению человеческого бытия, и Ричардсон обсуждает использование различных форм нарративных отчетов, существующих в обычной жизни, — автобиографиях, биографиях, общекультурных и коллективных рассказах.

МЕТАФОРЫ

Писатели превосходят ученых, проводящих качественные исследования, в передаче сложной социальной реальности: «Их призвание состоит в том, чтобы драматизировать, усиливать и живописать, а не в том, чтобы просто описать социальное явление. Сам по себе язык чаще бывает образным и многозначным, а не только буквальным и однозначным. Отчасти это происходит из-за использования метафор, аналогий, символов и других инносказательных техник» (*Miles, Huberman*, 1984. Р. 221). Основные моменты исследования легче понять и запомнить, если использовать яркие метафоры. В метафоре одно явление понимается в терминах другого. Психоанализ переполнен метафорами, взятыми из мифологии и литературы, таких как эдипов комплекс и комплекс Электры. Мы часто не замечаем, что метафоры пронизывают традиционные тексты в общественных науках. Они проникают в них с такими терминами, как «построение» теории, знание как «просвещение» и так далее (см. *Richardson*, 1990).

Майлз и Хуберман (*Miles, Huberman*, 1994) защищают использование метафор в отчетах о качественных исследованиях. Метафора богаче и полнее, чем простое описание данных. Так, Майлз и Хуберман, в своем исследовании развития школ, обнаружили, что комната для чтения воспринималась учениками, которых туда посылали, как «оазис». Метафора «оазис» содержит сразу несколько фрагментов информации: вся школа жестока и бесплодна, как пустыня, но в комнате для чтения в изобилии есть то, что нужно ученикам, как вода в оазисе.

ВИЗУАЛИЗАЦИЯ

Хотя результаты интервью по природе своей вербальны, не стоит упускать возможность представить их визуально. Количественные данные сегодня очень часто наглядно представляются в виде графиков и рисунков.

Для качественных исследований нет подобного набора стандартных наглядных способов представления данных. Однако существует несколько возможностей, таких как дерево основных категорий и субкатегорий, диаграммы с рамками и стрелочками, показывающие основную последовательность действий в рассказе и так далее.

Если у исследователя есть художественные способности, то результаты интервью можно представить в виде рисунков. Обращаясь к различным областям, датский профессор архитектуры обнаружил, что ни в лекциях, ни в книгах не может передать студентам все, что считает важным, об архитектуре модернизма и постмодернизма. Тогда он прибег к коллажам, с помощью которых смог лучше, чем словами, объяснить современную ситуацию в архитектуре — на коллажах он помещал здания в неожиданные контексты, изменял угол зрения, например, оперный театр поместил на дно моря (Lund, 1990). Созданные им коллажи сами по себе обладали эстетической ценностью и сейчас демонстрируются в картинной галерее.

СПОСОБЫ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ, ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ В ЭТОЙ КНИГЕ

В этой книге были использованы различные виды писательского творчества на тему об исследовательском интервью. Как иллюстрации различных форм расшифровки одного и того же высказывания использовались *цитаты* из интервью. Цитаты использовались и как материал для интерпретации значения поведения, связанного с оценками, — конкуренции и лицемерия. Большие фрагменты из интервью о научении и об оценках, а также из терапевтических и философских бесед были приведены в качестве *типичной* конкретной формы проведения интервью. Исследование об оценках на протяжении всей книги использовалось как *случай* — для того, чтобы обрисовать слабые и сильные места исследовательского интервью.

Было несколько попыток использовать форму *нарратива*, например, мое личное описание пяти эмоциональных фаз проекта интервью и более формальное описание семи стадий исследовательского интервью. Ответ на «вопрос о 1000 страницах» был дан в форме *деконструктивистской сказки*, в которой были разрушены предрассудки и предубеждения, содержащиеся в вопросе, и на первый план выдвинуты альтернативные конструкции, обогащающие анализ интервью. Чтобы проиллюстрировать противоречия идеи обладания смыслом как частной собственностью, был создан короткий *воображаемый разговор*. Чтобы конденсировать смысл и оттенить определенные значения, были использованы *метафоры*, напри-

мер, исследователь как шахтер и путешественник, или дилемма терапевтического исследования как Сцилла и Харибда. Рисунок, на котором изображены два профиля, составляющие контуры вазы, был попыткой *визуализировать* диалогическую природу исследовательского интервью.

Если придерживаться метафоры исследовательского интервью как путешествия, то и книгу можно читать как отчет путешественника об исследовательском интервью. Это подчеркивается еще тем, что путь пролегает по семи ступеням — от первоначальной идеи до окончания отчета. Предлагаются практические советы для других путешественников, которые будут исследовать те же районы, приводятся отчеты о реальных и воображаемых беседах, которые путешественник вел по пути, даются результаты размышлений о встретившихся на пути событиях.

Когда интервьюеры-путешественники возвращаются из своих бесед с людьми домой, их сказки вступают в новые разговоры с исследовательским сообществом и широкой публикой. Следующую, заключительную главу предваряют два разговора, представляющие прямо противоположные понимания отчета путешественника об исследовательском интервью.

Часть IV.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На протяжении всей книги я рассматривал интервью и исследования с их помощью как формы беседы. Интервью трактовалось буквально как *inter view* (между взгляд). Интервьюер-исследователь в первой главе был описан как путешественник в незнакомой стране, который учится, беседуя с местными жителями. Когда путешественник возвращается домой с рассказами о встречах в далекой стране, он может обнаружить, что слушатели реагируют на его истории совершенно по-разному. В заключительной главе я перехожу от первоначального разговора интервьюера со своими собеседниками к его разговорам об этом интервью с другими.

Глава 15.

Разговоры об интервью

Иногда исследователю, проводившему интервью, легче провести беседу с респондентом, чем обсуждать его с коллегами. Эта последняя глава выходит за рамки разговора с интервьюируемыми и посвящена разговорам об интервью в исследовательском сообществе и обществе в целом. Сначала мы обратимся к стандартным возражениям против проведения исследовательского интервью, так сказать, внешним препятствиям, а затем обсудим некоторые внутренние проблемы применения качественного исследовательского интервью. В конце мы обратимся к изучению обычных человеческих разговоров, используя опыт исследования разговоров в интервью.

Как Воспринимаются исследования, проводимые с помощью интервью

Во введении для описания двойственного подхода к разговору в интервью было использовано двузначное изображение вазы и двух профилей. Следя за интервью, наблюдатель, точно так же, как и при взгляде на двузначное изображение, попеременно сосредоточивает внимание то на взаимодействии между интервьюером и интервьюируемым, то на знаниях, которые создаются в процессе их взаимодействия (глава 1, «Общая структура книги»).

На рис. 15.1 это двойственное изображение дополнено, чтобы отобразить разговор в интервью в расширенном варианте, включающем еще и

Интервьюируемый   Интервьюер/исследователь   Коллеги-исследователи

Рис. 15.1. Построение знания в интервью и беседах исследователей

разговоры исследователя об интервью с другими исследователями. Здесь я покажу, как различные концепции знания и исследования приводят к разным формам разговора о ценности и истинности знания, полученного в интервью.

Рассмотрим две разные аудитории, в которых предстоит рассказывать историю интервью. В первую входят ученые модернистской ориентации, которым близок образ интервьюера-исследователя как шахтера. В соответствии с концепцией «добычи» интервьюером скрытых сокровищ значимых фактов с помощью стандартных методов, выдвигаются десять стандартных возражений против проведения исследовательского интервью. Другое сообщество состоит из исследователей, работающих в области качественных исследований и в гуманитарной сфере. Это сообщество принимает метафору интервьюирования как путешествия — метафору, близкую постмодернистским взглядам. С этой позиции (где проведение исследовательского интервью понимается как нечто близкое мастерству и искусству) видны менее стандартные внутренние возражения к проведению этого вида интервью.

Мы приведем два идеальных разговора об исследовательском интервью, абстрагируясь от тех реальных сложных социальных и властных структур, в которые они включены, — как в ситуации представления для защиты в университете качественной диссертации. В одном исследовании я занимался социальными и властными контекстами экзаменационного дискурса и защиты диссертации — как ситуаций, в которых устанавливаются валидные и авторитетные знания предмета (*Kvale, 1993 b*). Завершит главу обсуждение возможностей исследовательского интервью как разговора о человеческих разговорах.

Прежде, чем мы обратимся к общим формам разговоров об интервью, рассмотрим приведенный во врезке 15.1 крайне выразительный случай с опубликованием исследования с помощью качественного интервью. Восприятие этого исследования случая наглядно демонстрирует дискуссии, которые может вызвать среди читателей отчет об интервью, некоторые из встречающихся возражений, а также вопрос о том, что считать подходящим социальным контекстом для суждения о качестве исследования.

Десять стандартных Возражений против исследовательского интервью

Отчеты о качественных исследовательских интервью зачастую вызывают почти стандартные возражения со стороны представителей традиционных общественных наук. Хотя формулировки и тон выступлений могут ме-

Врезка 15.1

Секс, насилие, религия, феминизм и интервью*

Исследователи, использующие метод интервью, иногда чувствуют, что их отчеты не привлекают того внимания, которого заслуживают. Как исключение, вспомним об одном случае реакции аудитории на диссертацию, защищавшуюся в университете города Берген в Норвегии. Она называлась «Кого Господь любит, тому посылает испытания», часть ее позднее была выпущена отдельной книгой (Lundgren, 1985).

Двадцать две женщины из местной религиозной секты были опрошены по поводу сексуального насилия в семье. Данные ими подробные описания сексуального насилия со стороны супругов, часто садистского характера, читать очень тяжело. Причем, по словам женщин, мужчины оправдывали насилие теологическими аргументами, приводя слова Св. Павла о том, что женщина должна во всех случаях подчиняться мужчине. В харизматической религиозной интерпретации секты это означало, что мужчина представляет авторитет Бога, а возражения против наказаний свидетельствовали, что женщина является носительницей сатанинского протеста.

Книга вызвала оживленные дебаты в обществе, а исследовательницу пригласили на национальное телевидение. Исследование затронуло целый ряд противоположностей — секс и религию, феминистские и качественные исследования против количественных исследований. Религиозная газета «Dagen» под заголовком «Несерьезное исследование» писала: «Сам способ представления этих данных говорит, что это не наука, это просто результат отвратительной идеологии». Исследовательница была оскорблена и подала жалобу на газету за клевету, порочащую ее репутацию ученого. Жалоба поступила в суд, и туда в качестве экспертов были вызваны университетские профессора, чтобы засвидетельствовать качество научного исследования.

Можно упомянуть некоторые из аргументов, произнесенных свидетелями в суде, а также в развернувшейся в прессе дискуссии. Результаты исследования многими были признаны репрезентативными и обобщаемыми — например, исследование показало, что насилие над женщинами в нерелигиозных группах было так же распространено, как и в религиозных. На самом деле, женщины добровольно принимали участие в интервью, и, следовательно, результаты были нерепрезентативны. Хотя в отчете исследовательница это отметила, тем не менее в общественных дебатах об этом не вспомнили. Были возражения против слишком малого количества опрошенных, встре-

* Материалы взяты из Постановления Bergen Byrett (городского суда) г. Берген, Норвегия: приговор от 8 сентября 1985 г.; см. также статьи в газетах «Dagen» и «Bergens Tidende», сентябрь-октябрь, 1985.

Врезка 15.1. Продолжение

чались утверждения, что методы и процедуры выбора недостаточно учитывались, а также, что методика опроса, по-видимому, стимулировала определенный тип ответов. Другие интерпретации причин сексуального насилия, не относящиеся к религиозной догме подчиненности женщины, всерьез не рассматривались. Не было проведено серьезной работы по разведению случаев, когда религия была причиной насилия, а когда служила лишь его оправданием. Феминистки ставили вопрос о «...консервативных исследователях-мужчинах, которые наделены властью» дисквалифицировать качественное феминистское исследование.

Суд принял соломоново решение. Газета была оправдана: в соответствии со свободой слова и свободой иметь собственное мнение в науке, ей было дано право высказывать свою жесткую критику. Что касается работы истицы, суд постановил, что она отвечает строгим критериям научного исследования. Обе стороны восприняли приговор как поддержку их собственной позиции. Несколько профессоров высказали сожаление по поводу того, что дело было направлено в суд, потому что решать его должен был не юридический суд, а университет, который мог бы сделать заключение о научном качестве исследования. А интервью впоследствии стали основой пьесы, поставленной в местном театре.

няться, существует около 10 основных реакций на один и тот же стимул — «качественное исследовательское интервью». Эти реакции могут следовать почти автоматически, возможно даже прежде, чем будут представлены результаты и методы конкретного исследовательского интервью.

Во врезке 15.2 перечислены 10 наиболее часто встречающихся возражений против исследовательского интервью. Некоторые из них представляют собой реальные проблемы, присущие использованию метода интервью, другие являются следствием неадекватного понимания использования беседы в качестве метода исследования. Откровенный разговор об исследовательском интервью требует, чтобы обе стороны были открыты доводам и возражениям противоположной стороны, а также готовы к тому, что оппонент попытается оспорить их точку зрения. В случаях, когда это невозможно, для защиты могут понадобиться ухищрения риторики — ниже будут обсуждаться некоторые варианты возможных ответов на 10 стандартных возражений. В основном эти ответы представляют собой просто обобщение аргументов, предложенных ранее в соответствующих главах (номера которых даны в скобках).

Врезка 15.2

Десять стандартных реакций на качественные интервью

Качественное исследовательское интервью *не является*:

1. научным — оно лишь отражает здравый смысл;
2. объективным — оно субъективно;
3. достойным доверия — оно предвзято;
4. надежным — оно основано на наводящих вопросах;
5. intersубъектно надежным — разные читатели находят в них разный смысл;
6. научным методом — оно слишком зависит от личности исследователя;
7. проверкой научной гипотезы — оно имеет исключительно разведывательный характер;
8. количественным — только качественным;
9. репрезентативным — слишком мало исследуемых;
10. валидным — оно основано на субъективном впечатлении.

Фиксация внимания на внешней критике исследовательского интервью — оружие обоюдоострое. С его помощью можно поддержать уже существующее достаточно сильное стремление легализовать качественное исследование на основе внешних критериев либо способствовать улучшению его качества «изнутри». Цель следующего обсуждения состоит в том, чтобы подготовить новичков к наиболее предсказуемым реакциям аудитории на их исследовательское интервью. Если заранее знать, какую стандартную критику следует ожидать, то исследователь может решить сам, относится ли к нему эта критика. Если предъявленные возражения валидны по отношению к конкретному исследованию, их можно принять во внимание при составлении плана исследовательского интервью, тем самым повысив качество исследования. Если же возражения кажутся невалидными, то аргументацию в пользу этого соображения можно включить в отчет.

Следующее далее обсуждение будет носить обобщенный характер, намечая лишь концептуальные рамки для обращения к стандартным возражениям. Это обсуждение может сберечь новичкам некоторое количество вре-

мени и сил, которые часто расходуются на защиту от внешней критики. Соответственно, останется больше сил для повышения качества получаемых в процессе интервью знаний. И больше сил для того, чтобы противостоять новым испытаниям, неотделимым от возможностей исследовательского интервью, о которых речь пойдет в следующем разделе.

1. *Качественное исследовательское интервью не научно, так как отражает лишь здравый смысл* (глава 4, «Научный статус интервью»).

Выше уже было показано, что не существует единого общепризнанного определения науки, согласно которому интервью может быть недвусмысленно определено как научное или ненаучное. Было предложено рабочее определение науки как методичного создания новых систематических знаний. В свою очередь — вопрос о научности или ненаучности зависит от понимания ключевых терминов этого определения (понятий *методичное, новых, систематичных и знаний*) в связи с конкретным исследованием.

Исследовательское интервью — это специфически преобразованные обычные разговоры из обыденной жизни. В данном случае здравый смысл не отвергается как ненаучный; скорее, разговоры обыденной жизни рассматриваются как контекст, из которого вырастают более специализированные научные разговоры и в который они возвращаются. Систематическое осмысление обычного понимания и разговоров на обыденном языке может внести ясность в понимание человеческого мира, определенного как разговорная реальность.

2. *Качественное исследовательское интервью не является объективным, оно субъективно* (глава 4, «Объективность в качественных исследованиях»).

Базовые термины этого высказывания двусмысленны. Из обсуждения некоторых значений понятия «объективность», приводившегося выше, был сделан вывод, что если понимать объективность как интересубъектное согласие, то это понятие становится скорее субъективным. Объективность исследовательского интервью нужно обсуждать отдельно для каждого значения понятия «объективность» в связи с конкретным исследованием. Согласно трем ключевым значениям понятия «объективность» (отсутствие предвзятости, интересубъектность и отображение природы исследуемого объекта) интервью, в принципе, может быть и объективным методом. Если считать, что объект интервью существует в социальном мире, являющемся

результатом лингвистического конституирования и межличностного согласования, то качественное исследовательское интервью приобретает привилегированное положение в отношении объективного познания социального мира.

Дискурсивная концепция истины выходит за рамки полярности субъективное—объективное; валидные знания добываются участниками дискуссии с помощью рациональной аргументации. Основной посредник в этой дискуссии — язык, который не является ни объективным, ни субъективным, он — интер-субъективен.

3. Результатам интервью нельзя доверять, они предвзяты.

Отвечать нужно конкретно — вопросом: кому нельзя доверять и в каком смысле. Искажения могут возникнуть как со стороны интервьюера, так и со стороны интервьюируемого. Экспериментальные исследования показали, как именно ожидания исследователей и исследуемых могут непреднамеренно воздействовать на результаты эксперимента. Так как межличностное взаимодействие в процессе интервью решительно влияет на его результаты, то потенциальное влияние искажений со стороны интервьюера и интервьюируемого заслуживает всяческого внимания.

Неосознанная предвзятость может полностью обесценить результаты исследовательского интервью. Однако осознать предвзятость или субъективность — значит получить возможность выявить специфические аспекты исследуемого явления, ввести новое измерение, сделать вклад в многомерное конструирование знания.

4. Могут ли результаты интервью не зависеть от наводящих вопросов? (глава 8, «Наводящие вопросы»).

Направляющее воздействие наводящих вопросов уже доказано. Однако они могут не только стимулировать искаженные ответы, их могут сознательно использовать в профессиональном интервью (например, адвокат или клинический психолог) — их использование зависит от темы и цели исследования. В качественном интервью очень удобно систематически использовать наводящие вопросы для проверки надежности ответов респондента. Сегодня намеренное использование наводящих вопросов не слишком распространено, скорее наоборот — в исследовательских интервью их используют слишком редко.

В то время как технической проблеме наводящих вопросов в интервью уделяется слишком много внимания, вопрос о направляющем воздействии

исследовательских вопросов проекта явно недооценивается. Основная проблема, касающаяся вопросов интервью и исследовательских вопросов, состоит не в том, задавались или не задавались наводящие вопросы, а в том, ведут ли они в нужном направлении — направлении, способном дать новые ценные знания.

5. Интерпретация интервью не является интерсубъективной; разные читатели обнаруживают разные смыслы (глава 4, «Объективность в качественных исследованиях»; глава 11, «Контроль анализа»; глава 12).

Конечно, разные интерпретации одного и того же текста интервью возникают, хотя не так часто, как принято считать. Для современных исследований с помощью интервью характерен скорее недостаток, а не избыток интерпретаций.

Здесь мы можем провести черту между предвзятой субъективностью, которой следует избегать, и субъективностью индивидуальной точки зрения. Последняя позволяет читателям, придерживающимся различных точек зрения и задающим разные вопросы к одному и тому же тексту, находить различные интерпретации смысла этого текста. Причиной возникновения случайных интерпретаций может быть то, что вопросы к тексту и их предпосылки не были выражены ясно и открыто. Если различные точки зрения на текст интервью изложить четко и понятно, то несколько интерпретаций одного текста не только не будут слабостью, но, напротив, могут служить признаком силы и богатства исследовательского интервью.

6. Интервью не является научным методом, оно слишком зависит от личности (глава 2, «Способ понимания в качественном исследовательском интервью»; глава 5, «От метода к мастерству»).

Как правило, все беспокоятся о том, что разные интервьюеры будут проводить разные интервью. Исследовательское интервью гибко, чувствительно к контексту и зависимо от личностного взаимодействия интервьюера и интервьюируемого.

Вместо того, чтобы пытаться исключить личностное взаимодействие интервьюера и интервьюируемого, нам стоит оглянуться на терапевтическое интервью и посчитать личность интервьюера самым главным методологическим инструментом, с помощью которого в уникальном взаимодействии интервьюера и интервьюируемого создаются соответствующие данные. Важность взгляда на интервьюера как на инструмент для получе-

ния знаний предъявляет строгие требования к его мастерству, эмпатии и знаниям.

7. С помощью качественного интервью невозможно проверить гипотезу: можно лишь исследовать — значит оно ненаучно (глава 4, «Качественные и количественные исследования»; глава 5, «Выбор темы и планирование»).

В противоположность этому возражению исследовательское интервью может быть использовано для проверки гипотез о различиях между группами, а отдельное интервью может быть спланировано как процесс безостановочной проверки гипотез — в этом случае вопросы интервью служат для проверки гипотез с использованием взаимодействия вопросов, контрвопросов, наводящих и пробных вопросов.

Кроме того, проверка гипотез не является необходимым критерием или целью социального исследования. Разведывательные и описательные исследования составляют важную часть научной работы в столь разных областях, как география, зоология, анатомия и лингвистика. Нюансированные описания исследуемого явления обладают самостоятельной ценностью и представляют собой одну из сильных сторон качественного исследования.

8. Интервью не являются количественным методом — лишь качественным (глава 4, «Качественные и количественные исследования»).

В общественных науках модернистского толка квантификация часто почитается истинным критерием научности; либо это считается чем-то само собой разумеющимся, либо доказывается обращением к естественным наукам. Это аргумент не учитывает роли качественных описаний в таких областях знания, как ботаника, зоология и геология, а также качественного анализа в химии. В исследовательской практике качественный и количественный подходы взаимодействуют. Однако в опубликованных отчетах об исследованиях в сфере общественных наук существует тенденция принижать качественные аспекты исследовательского процесса.

Несмотря на то, что качественный и количественный аспекты социальных исследований переплетаются, до сих пор превалирует их противопоставление при доминировании количественной стороны. Это связано не столько с научной практикой, сколько с догматической верой в то, что и мир природы, и социальный мир в основе представляют собой математически упорядоченную вселенную.

9. *Результаты интервью не репрезентативны — слишком мало респондентов* (глава 5, «Планирование»; глава 13, «Репрезентативность»).

Погоня за репрезентативностью результатов, сопровождаемая требованием большого количества респондентов для обоснования репрезентативности, приняла в общественных науках просто угрожающие размеры. Необходимое количество респондентов зависит от цели исследования, которой, например, может быть предсказание результатов национальных выборов, подтверждение наличия различий между группами или исследование биографии одного человека. В дополнение к обычной статистической генерализации есть еще аналитическая генерализация в качественных исследованиях случаев, где исследователь представляет данные и аргументы, соответствующие требованиям обобщаемого знания.

Возникает вопрос о том, почему репрезентативности уделяется такое большое внимание. В постмодернистском подходе к общественным наукам на смену цели глобального обобщения приходит подчеркивание контекстуальности и гетерогенности знания.

10. *Интервью — не валидный метод, он зависит от субъективного впечатления* (глава 13).

В данном случае мы можем разграничить теоретический и практический подходы к валидности результатов интервью. Практический подход, отличающийся от понимания валидности как характеристики обоснованности и надежности утверждения, основан на мастерстве исследователя. Валидизация становится исследованием: результаты подвергаются непрерывной проверке, анализу и теоретическому толкованию.

По мере постмодернистского перехода от понимания знания как соответствия объективной реальности к пониманию знания как социального конструирования реальности происходит смена фокуса внимания: от наблюдения социального мира — к разговору и взаимодействию с ним. Если выйти за рамки теории истины как соответствия реальности (теории, уходящей корнями в старую концепцию психометрической валидности) и понимать валидизацию как коммуникацию с социальным миром и взаимодействие с ним, то исследовательское интервью, основанное на беседе и взаимодействии, будет занимать привилегированные позиции.

Здесь необходимо сделать некоторые комментарии относительно интервью. Во-первых, приведенные выше стандартные возражения против качественного интервью существуют не сами по себе. Их корни можно проследить в *позитивистской* концепции социальных исследований, описанной ранее (глава 4, «Позитивизм»). Они соответствуют метафоре исследователя как шахтера (глава 1, «Интервьюер — шахтер или путешественник»), когда знания представляются самородками объективных значащих данных, которые нужно откопать, не подвергнув пагубному воздействию исследователя, — той концепции, которую я попытался заменить метафорой путешественника.

Во-вторых, стандартные возражения содержат такие глобальные и *неоднозначные понятия*, как объективность и валидность. Эти понятия нуждаются в обсуждении и как можно более точном определении. Далее, необходимо прояснить, какие возражения касаются общих проблем любого исследования (например, предвзятость исследователя), а какие затрагивают проблемы, свойственные лишь интервью (например, влияние наводящих вопросов). Необходимо также определить уровень, к которому относится каждое возражение. Проблема наводящих вопросов может касаться как практических вопросов техники проведения интервью, так и философской проблемы нейтрального подхода к объективному эмпирическому миру.

В-третьих, стандартным является не только содержание этих возражений против качественных исследований, но и их *дихотомическая* форма: объективное—субъективное, качественное—количественное и так далее. Сама по себе форма возражений или вопросов является наводящей: они основаны на дихотомическом понимании природы знания как либо истинного, либо ложного. Оба полюса дихотомии впоследствии могут стать то-темами для соперничающих групп. Поначалу это подхлестывает жаркие споры и противоречия, заменяющиеся постепенно осознанием того, что противоречие, возможно, с самого начала было искусственным. Затем поле битвы остается покинутым, все переходят под знамя нового противоречия, при этом сама форма дихотомии сохраняется, так же как некоторые старые темы и стойкие приверженцы каждой из сторон. В общественных науках модернистского толка можно говорить о «дихотомии десятилетия»: в 1960-е годы — естественные науки против гуманитарных, в 1970-е — качественное против количественного, в 1980-е — объективное против субъективного, а в 1990-е — универсальное знание против локального. Выход состоит в том, чтобы отказаться от дихотомического мышления категориями или—или и сделать акцент на описании и обсуждении качественных нюансов и различий в поставленных вопросах.

Наконец, применив реинтерпретацию, стандартную критику можно вывернуть наизнанку и прочесть как описание сильных сторон качественного исследовательского интервью. Сила интервью, собственно, и состоит в привилегированном доступе к здравому смыслу респондентов, к пониманию, которое обеспечивает им их видение мира и составляет основу их действий. Сознательно использованная субъективная точка зрения не обязательно будет дурной предвзятостью. Скорее, личные взгляды респондентов и интерпретатора могут дать дифференцированное и тонкое понимание явлений обыденной жизни. Контролируемое использование наводящих вопросов может привести к получению контролируемых знаний. Множественность интерпретаций дает нам богатство смыслов в жизненном мире человека, личность исследователя является наиболее чувствительным доступным инструментом для исследования смысла. Исследовательский потенциал интервью может способствовать обнаружению качественных описаний новых явлений. Обобщения, сделанные на основе интервью, и валидизация его результатов открывают альтернативный способ оценки качественных исследований, при котором акцент делается на коммуникации результатов и действиях с ними.

Десять критических высказываний о качественном интервью можно рассматривать как вызов исследователям, как шанс продвинуться. Они могут привести к повышению методического мастерства в проведении исследовательского интервью и способствовать дальнейшему концептуальному прояснению способа понимания в интервью как одной из форм диалогических исследований. Теперь обратимся к альтернативной критике исследовательского интервью, которая полагает, что истинная сила и потенциал разговора как исследования пока не реализованы.

«Внутренняя» критика исследовательского интервью

Критику, совершенно отличную от приведенных выше стандартных возражений, можно услышать от аудитории, симпатизирующей идеям качественного исследования (например, от ученых-гуманитариев или от практиков-психотерапевтов). Их разнообразные критические замечания близки пониманию интервьюера как путешественника, возвращающегося домой с историями, которые он узнал в разговорах в далекой стране.

Внутреннюю критику, представленную во врезке 15.3, можно отнести к большинству современных качественных исследований. Некоторые предложения по преодолению этой критики были выдвинуты в предыдущих

Врезка 15.3

Десять положений «внутренней» критики
исследовательского интервью

Современные исследования с помощью интервью:

- *индивидуалистичны* — они сосредоточены на индивидуальном и пренебрегают включенностью личности в социальные взаимодействия;
- *идеалистичны* — игнорируют условия человеческих переживаний и поведения в социальном и материальном мире;
- *интеллектуалистичны* — пренебрегают эмоциональными аспектами знания, недооценивают эмпатию как способ познания;
- *статичны* — респонденты сидят и говорят, они не двигаются и не действуют в мире;
- *когнитивистские* — сосредоточены на мыслях и переживаниях за счет действий;
- *чересчур вербальны* — из вербального взаимодействия и расшифровок делают фетиш, пренебрегая расположением тела в пространстве в процессе интервью;
- *лингвистичны* — хотя язык является посредником при проведении исследования, лингвистические подходы к языку игнорируются;
- *атеоретичны* — создают культ высказывания в интервью и игнорируют теорию в исследуемой области;
- *ариторичны* — опубликованные отчеты являются скучным набором цитат из интервью, а не убедительным рассказом;
- *малозначительны* — их результаты тривиальны и с трудом можно найти новые знания, достойные упоминания.

главах. Ниже, чтобы продемонстрировать, что критикуемые черты не обязательно специфичны для исследовательского интервью, а скорее относятся к общему способу применения и понимания интервью в исследовании, будет рассмотрено несколько примеров.

Сегодня большая часть исследований с помощью интервью проводится как интервью индивидуальные. Использование групповых интервью может пробудить живую *межличностную динамику* и показать социальное взаимодействие, которое приводит к рождению высказывания в интервью. Интервью можно использовать для получения описаний культурного, исторического, социального и материального контекста жизни респондента.

Интервью антропологические сосредоточены на культуре респондента и используются при записи устных преданий (Yow, 1994). Некоторые примеры исследовательских интервью, которые включали *материальные и социальные ситуации* респондентов, уже упоминались ранее (например, описание условий жизни мексиканских крестьян О. Льюиса — Lewis, 1964; анализ противоречий в интервью с женщинами, занятыми в промышленности, о конфликте между их работой и домашней жизнью Р. Беккера-Шмидта — Becker-Schmidt, 1982; анализ ситуации матерей — клиентов службы социального обеспечения Т. Хаган — Hagan, 1986 и мои собственные попытки связать воздействие обучения за оценки с требованиями работы за жалование). Использование терапевтического интервью для исследований показывает возможности применения *эмпатии и эмоционального взаимодействия* для получения важнейших знаний о человеческой ситуации. В современных феминистских исследованиях сделан акцент на том потенциале знания, которым обладают в человеческих взаимоотношениях, включая исследовательское интервью, чувства и эмпатия.

Хотя большинство исследователей сегодня ограничиваются беседой в кабинете, они могли бы поучиться у теле- и радиорепортеров, которые проводят интервью в естественной для собеседников среде — на работе или дома. *Разговоры, включенные в естественную деятельность* повседневной жизни собеседника, дают более целостную картину их обычной ситуации, чем интервью в кабинете. Сегодня существует тенденция возвращать знания, полученные в интервью, участникам — обратно в ту самую социальную ситуацию, где они родились. Это относится и к использованию интервью в оценке систем, и, особенно, к *исследованиям действий* и феминистским исследованиям, где знания, полученные в интервью, используются для изменения исследуемой ситуации.

Вербальная фиксация исследовательского интервью до определенной степени заменяется видеозаписями, и, таким образом, мы получаем доступ к *телесной экспрессии* и межличностной динамике взаимодействия. Появление и развитие компьютерных программ для непосредственного анализа аудио- и видеозаписей позволяет перейти от механических расшифровок к прослушиванию самих разговоров. Параллельно с тенденцией задействовать лингвистические аспекты беседы в интервью существует тенденция выходить за рамки наивного использования языка в общественных науках и проводить интервью с ориентацией на *социолингвистику*. Это предполагает еще большее осознание различий между устной речью в интервью и письменной речью анализируемого текста. Постмодернистский анализ лингвистических конструкций социального мира способствовал повышению внимания к центральной роли языка в исследовательских интервью.

Вклад основательной теории Б.Дж. Глазера и Э.М. Страусса (*Strauss, Corbin, 1990*) в современные качественные исследования показал, что можно сформулировать *теории*, основанные на эмпирических интервью. В психоаналитической традиции создание новых теорий на базе интервью с пациентами не ограничилось первоначальным вкладом З. Фрейда на рубеже веков; его продолжили теории, бравшие начало в терапевтических интервью с авторитарной личностью в 1930—1940 годах и с нарциссической личностью в 1970—1980 годах. Проблема *передачи результатов качественных исследований* вышла на первый план в последние несколько лет, вырастая из нарративного подхода, традиций риторики и экспериментов с художественной формой отчета об исследовательском интервью.

Остается рассмотреть вопрос о том, дает ли использование результатов исследовательского интервью *существенные знания* об условиях человеческого существования. Возможно, одним из препятствий к получению всеобъемлющих широких знаний является то, что во многих исследовательских интервью часто используется индивидуалистичный и жестко ориентированный на практическую тему подход, а само интервью не используются в более широких общенаучных исследовательских проектах, имеющих теоретическую основу.

Перечисленные выше критические замечания «изнутри», с моей точки зрения, приложимы к множеству современных исследовательских интервью. Однако следует хотя бы кратко показать, что упомянутые недостатки не являются неизбежно присущими методике исследовательского интервью. Качественное исследовательское интервью — это специфическая форма беседы, и существуют другие, более подходящие для некоторых упомянутых выше проблем подходы. Целостное понимание культурной ситуации лучше всего удастся получить в полевых исследованиях и при включенном наблюдении, а не при использовании интервью. Для получения практических знаний об изменении поведения более адекватно действенное исследование. Знания о глубинных фантазиях и чувствах человека методически и этически доступны только в интенсивном терапевтическом интервью. Необходимо подчеркнуть, что эта книга дает «чистый» образ интервью как метода, используемого изолированно. Для получения многогранной картины исследуемого явления часто используется комбинация интервью с другими исследовательскими методами.

В настоящее время наметилась тенденция, которая может сделать устаревшей большую часть приведенной «внутренней» критики, — это растущая методологическая изощренность и способность по-новому понимать исследовательское интервью. На протяжении всей книги мы упоминали философские взгляды, близкие способу понимания в качественном исследовании.

довательском интервью: феноменологию, герменевтику, диалектику и пост-модернизм. Постмодернистская мысль и феминистские исследования сегодня вносят наибольший вклад в понимание качественных исследований (см., например, *Denzin, Lincoln, 1994*).

В одной из предыдущих глав терапевтические исследования были описаны дихотомически (или—или), как опасное плавание по узкому проливу меж двух чудовищ — Харибдой отсутствия метода и Сциллой только метода, — что вызвало «кораблекрушение» множества диссертаций (глава 4, «Порождение психоаналитического знания»). В контексте этой главы качественное исследование можно описать как путешествие по архипелагу дружественных островов — гуманности, терапии, действенных и феминистских исследований, искусства, — где каждый предлагает путешественнику-интервьюеру различные жанры и сценарии путешествия.

Разговоры о разговорах

В заключение вернемся к познавательному потенциалу интервью как человеческого разговора. В современной философии подчеркивается, что валидность знаний конструируется в определенном дискурсе. С этой точки зрения, в исследованиях социальных наук разговор не ограничивается исследовательским интервью как подготовкой к «настоящему» научному исследованию — разговор пронизывает весь процесс исследования в общественных науках. Исследование понимается как разговор — с респондентами, с научным сообществом, с широкой публикой. Социальные исследования становятся одним из способов расширения исторического разговора всего человечества.

Все исследовательское интервью в целом — это разговор в широком смысле. Во-первых, на этапе выбора темы исследования происходит «разговор» с литературой соответствующей традиции, с ее теорией и открытиями. Сама ситуация интервью — это непосредственно разговор, а интерпретацию можно рассматривать как «разговор» с текстом, получившимся в результате интервью. Верификация предполагает разговор с различными сообществами, нацеленный на валидизацию в форме коммуникации и действия. Написание отчета рассматривается нами как призыв к воображаемой аудитории вступить в диалог, который после публикации результатов может стать реальным.

Интервью (между-взгляд) — это ситуация производства знания, в которой знания создаются между взглядами двух партнеров в их разговоре. В предыдущих главах внимание было сосредоточено на производстве зна-

ния посредством взаимодействия интервьюера и интервьюируемого. Однако конструирование знания не заканчивается на взаимодействии исследователя и респондентов, но продолжается в процессе интерпретации и написания отчета об интервью, обсуждения с другими исследователями результатов исследования. В этой главе, в соответствии с метафорами интервьюера как шахтера и как путешественника, было приведено два специфически оформленных диалога с разными аудиториями. Одна аудитория была убеждена, что знание представляет собой набор изолированных объективных фактов. Другая считала, что знание рождается из взаимных соотношений и определяется в процессе взаимодействия в разговоре.

Исследовательское интервью происходит внутри социального мира, оно не является нейтральным разговором, позволяющим нам принять решение об истинной природе социального мира или — более скромно — объективно разобраться с конкурирующими притязаниями знания. Разговор в интервью — это часть исследуемого социального мира, а также, как показали эти два разговора об интервью, противоречивое средство получения знаний о социальном мире.

Чтобы прояснить природу исследовательского интервью, нам необходимо расширить наше понимание природы разговорной реальности, исследуемой в разговорах-интервью. Мы узнаем о мире культуры из своих собственных разговоров и из чтения чужих разговоров. Мир культуры, о котором мы говорим, также является разговорным миром, в котором смысл создается посредством согласования интерпретаций. Мы существуем в разговорном круге, где наше понимание мира людей зависит от разговора, а наше понимание разговора основано на нашем понимании мира людей. Это не порочный круг, а *circuluous fructuosi* (плодотворный круг) — в герменевтическом смысле. Проблема не в том, как выйти из разговорного круга, а в том, как в него правильно войти.

Вместо того, чтобы попытаться выйти из разговорного круга — как это пытались делать позитивистские подходы к общественным наукам, где исследователь рассматривался как внешний наблюдатель (марсианин подошел бы идеально), — мы должны расширить наше понимание мира людей посредством диалога внутри человеческой разговорной реальности.

Обсуждения качественных исследований, включая и большую часть этой книги, в основном проходят в контексте методологии и эпистемологии. Сравнительно небольшой интерес вызывает связь интервью и природы предмета исследования, изучение которой требует создания теории социального мира. Возможно, основная роль современного интереса к качественному исследовательскому интервью состоит в том, чтобы стимулировать обращение к разговорной природе социального мира, изучаемого

общественными науками. Это предполагает не только обращение к герменевтике разговора, но и привлечение широкого социального контекста интервью (чего в этой книге почти не касались), встроенности разговоров в контекст власти, экономики и политики.

В этой книге исследовательское интервью обсуждалось в связи с тремя разными формами разговора — *методической, эпистемологической и онтологической* («Интервью как единство трех аспектов беседы» — см. главу 2). При этом предполагается, что интервью — это специфическая разговорная техника, предназначенная для получения знаний о жизненном мире респондента; разговор — основной контекст, в котором могут быть поняты знания; и, наконец, предполагается, что мужчины и женщины — это диалогические существа, создающие своими словами и действиями в материальной ситуации мир людей как разговорную реальность. При таком понимании использование разговора не может быть лишь дополнительным методом исследования в общественных науках, наоборот — разговоры между исследователями и разговор с общественностью создают контекст для установления истинности и ценности знания, полученного в разговорах-интервью о разговорном мире.

Исследовательское интервью не приводит ни к субъективной относительности интерпретаций, ни к абсолютно объективному знанию, скорее — к знаниям, созданным и проверенным интересубъективно, в разговоре. Вопрос об объективности полученных знаний предполагает вопрос о природе исследуемого социального мира. Одно из значений понятия *объективность* состоит в том, что объективное исследование отражает природу исследуемого объекта, «позволяет объекту говорить». Именно это происходит в исследовательском интервью, где интересубъективное знание конструируется в разговоре между исследователем и исследуемыми «объектами». «Объекты» — интервьюируемые — озвучивают свое понимание социального мира, создаваемого в межличностных переговорах, и тогда качественное исследовательское интервью занимает наилучшую позицию для создания объективного знания о разговорном мире.

Numepamya

- Altheide D.L., Johnson J.M.* Criteria for assessing interpretive validity in qualitative research // Handbook of qualitative research / N.K. Denzin, Y.S. Lincoln (Eds.). Thousand Oaks (CA): Sage, 1994. P. 485—499.
- American Psychological Association // Ethical principles of psychologists. American Psychologist, 1989. 36. American Psychological Association. Publication manual (3rd ed.). Washington (DC): Author, 1981. P. 633—638.
- Andersen T.* The reflecting team: Dialogue and meta-dialogue in clinical work // Family Process, 26, 1987. P. 415—428.
- Anderson W.T.* (Ed.). The truth about the truth: De-confusing and re-constructing the postmodern world. New York: Tarcher; Putnam, 1995.
- Becker H.S.* Do photographs tell the truth? // Qualitative and quantitative methods in evaluation research / T.D. Cook, C.S. Reichardt (Eds.). Beverly Hills (CA): Sage, 1979. P. 99—117.
- Becker-Schmidt R.* Mødsastningsfyldt realitet og ambivalens: Kvinders arbejd-serfaringer i rabrik og familie // Udkast, 10, 1982. P. 164—198.
- Berg Sørensen T.* Fænomenologisk mikrosociologi. Aarhus (Denmark): Gestus, 1988.
- Berger P.L., Luckmann T.* The social construction of reality. Garden City (NY): Doubleday, 1966.
- Bernstein R.J.* Beyond objectivism and relativism. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1983.
- Bogdan R., Biklen S.K.* Qualitative research for education. Boston: Allyn & Bacon, 1982.
- Borum P., Enderud H.* Organisationsforskeren som reporter. Om analyse og rapportering af interview // Tidsskrift for Samfunnsforskning, 21. 1980. P. 359—382.
- Boss M.* Psychoanalysis and Daseinsanalysis. New York: Basic Books, 1963.
- Bowles S., Gintis H.* Schooling in capitalist America. London: Routledge & Kegan Paul, 1976.
- Brandt L.W.* The physics of the physicist and the physics of the psychologist // International Journal of Psychology, 8. 1973. P. 61—72.

- Calder B.J.* Focus groups and the nature of qualitative market research // *Journal of Marketing Research*, 14. 1977. P. 353—364.
- Carson T.R.* Closing the gap between research and practice: Conversation as a mode of doing research // *Phenomenology + Pedagogy*, 4 (2). 1986. P. 73—85.
- Cherryholmes C.H.* Power and criticism: Poststructural investigations in education. New York: Teachers College Press, 1988.
- Cornforth M.* Materialism and dialectical method. New York: International Publishers, 1971.
- Cortazzi M.* Narrative analysis. London: Palmer, 1993.
- Cronbach L.J.* Test validation // *Educational measurement / R.L. Thorndike (Ed.)*. Washington (DC): American Council of Education. 1971. P. 442—507.
- Cronbach L.J.* Validity on parole: How can we go straight? // *New Directions for Testing and Measurement*, 5. 1980. P. 99—108.
- Cronbach L.J., Meehl P.E.* Construct validity in psychological tests // *Psychological Bulletin*, 52. 1955. P. 281—302.
- Dean J. P., Whyte W.F.* How do you know if the informant is telling the truth? // *Issues in participant observation / G.J. McCall, J.L. Simmons (Eds.)*. London: Addison-Wesley. 1969. P. 105—115.
- Denzin N.K., Lincoln Y.S. (Eds.)*. Handbook of qualitative research. Thousand Oaks (CA): Sage, 1994.
- Dichter E.* The strategy of desire. Garden City (NY): Doubleday, 1960.
- Donmoyer R.* Generalizability and the single-case study // *Qualitative inquiry in education*. E.W. Eisner, A. Peshkin (Eds). New York: Teachers College Press. 1990. P. 175—200.
- Dreyfus H.L., Dreyfus S.E.* Mind over machine. New York: Free Press, 1986.
- Dreyfus H.L., Dreyfus S.E.* What is morality? A phenomenological account of the development of ethical expertise // *Universalism vs. communitarianism: Contemporary debates in ethics / D. Rasmussen (Ed)*. Cambridge: MIT Press. 1990. P. 237—263.
- Eco U.* The name of the rose. New York: Harcourt Brace, 1984.
- Eco U.* Foucault's pendulum. London: Seeker & Warburg, 1989.
- Eco U.* The limits of interpretation. Bloomington: Indiana University Press. 1990.
- Eco U. (Ed.)*. Interpretation and overinterpretation. Cambridge (UK): Cambridge University Press, 1992.
- Eisner E.W.* The enlightened eye. New York: Macmillan, 1991.
- Eisner E.W.* Forms of understanding and the future of educational research // *Educational Researcher*, 22 (7). 1993. P. 5—11.
- Eisner E.W., Peshkin A. (Eds.)*. Qualitative inquiry in education. New York: Teachers College Press, 1990.
- Fischer C., Wertz F.* Empirical phenomenological analyses of being criminally victimized // *Duquesne studies in phenomenological psychology, III / A. Giorgi, R. Knowles, D.L. Smith (Eds.)* Pittsburgh (PA): Duquesne University Press. 1979. P. 135—158.

- Fisher S., Greenberg R.P. The scientific credibility of Freud's theories and therapy. New York: Basic Books, 1977.
- Flick U., v. Kardoff, E.Keupp, H. v. Rosenstiel L., Wolff S. (Eds.). Handbuch qualitative Sozialforschung. Munchen: Psychologie Verlag Union, 1991.
- Fog J. Den moralske grund i det kvalitative forskningsinterview // Nordisk Psykologi, 44. 1992. P. 212—229.
- Freud S. Therapy and technique. New York: Collier, 1963.
- Gadamer H.G. Truth and method. New York: Seabury Press, 1975.
- Gergen K.J. Toward a postmodern psychology // Psychology and postmodernism / S. Kvale (Ed.) London: Sage. 1992. P. 17—30.
- Gergen K.J. Realities and relationships. Soundings in social constructionism. Cambridge (MA): Harvard University Press, 1994.
- Giorgi A. Psychology as a human science. New York: Harper & Row, 1970.
- Giorgi A. An application of phenomenological method in psychology // Duquesne studies in phenomenological psychology, II / A. Giorgi, C. Fischer, E. Murray (Eds.). Pittsburgh (PA): Duquesne University Press, 1975. P. 82—103.
- Giorgi A. The phenomenological psychology of learning and the verbal learning tradition // Phenomenology and psychological research / A. Giorgi (Ed.). Pittsburgh (PA): Duquesne University Press. 1985. P. 23—85.
- Giorgi A. Description versus interpretation: Competing alternative strategies for qualitative research // Journal of Phenomenological Psychology, 23. 1992. P. 119—135.
- Giorgi A. A phenomenological perspective on certain qualitative research methods // Journal of Phenomenological Psychology, 25. 1994. P. 190—220.
- Giorgi A., Fischer C., Murray E. (Eds.). Duquesne studies in phenomenological psychology, II. Pittsburgh (PA): Duquesne University Press, 1975. P. 82—103.
- Glaser B.G., Strauss A.M. The discovery of grounded theory: Strategies for qualitative research. New York: Aldine, 1967.
- Glesne C., Peshkin A. Becoming qualitative researchers: An introduction. White Plains (NY): Longman, 1992.
- Guidelines for the protection of human subjects. Berkeley: University of California Press, 1992.
- Habermas J. Knowledge and human interests. Boston: Beacon, 1971.
- Hagan T. Interviewing the downtrodden // Qualitative research in psychology / P.D. Ashworth, A. Giorgi, A. de Keening (Eds.). Pittsburgh (PA): Duquesne University Press, 1986. P. 332—360.
- Harel I., Papert S. (Eds.). Constructionism. Norwood (NJ): Ablex, 1991.
- Haug F. Dialektische Theorie und empirische Methodik // Das Argument Berlin, 111, 9/10. 1978.
- Hertz R., Imber J.B. (Eds.). Studying elites using qualitative methods. Thousand Oaks (CA): Sage, 1995.
- Hillman J. Interviews. New York: Harper, 1984.
- Holbrook M.B. Consumer research. Thousand Oaks (CA): Sage, 1995.

- House E.R.* Evaluating with validity. Beverly Hills (CA): Sage, 1980.
- Hvolbøl C., Kristensen, O.S.* Bivirkninger ved karaktergivning // *Psychologica Reports* Aarhus, 8 (1). Aarhus (Denmark): Aarhus Universitet, 1983.
- Jacobsen B.* De højere uddannelser mellem teknologi og humanisme. København: Rhodos, 1981.
- Jensen K.B.* Discourses of interviewing: Validating qualitative research findings through textual analysis // *Issues of validity in qualitative research* / S. Kvale (Ed.). Lund (Sweden): Studentlitteratur. 1989. P. 93—108.
- Kennedy M.M.* Generalizing from single case studies // *Evaluation Quarterly*, 3. 1979. P. 661—678.
- Kerlinger F.N.* Foundations of behavioral research. New York: Holt, Rinehart & Winston. 1973.
- Kerlinger F.N.* Behavioral research. New York: Holt, Rhinehart, & Winston, 1979.
- Kimmel A.J.* Ethics and values in applied social science research. NewburyPark (CA): Sage, 1988.
- Kirk J., Miller M.L.* Reliability and validity in qualitative research. Beverly Hills (CA): Sage, 1986.
- Koch S.* Epilogue // *Psychology; A study of a science, III* / S. Koch (Ed.) New York: McGraw-Hill. 1959. P. 729—802.
- Kvale S.* Prüfung und Herrschaft. Weinheim (Germany): Beltz, 1972.
- Kvale S.* Meanings as data and human technology // *Scandinavian Journal of Psychology*, 17. 1976 a. P. 171—180.
- Kvale S.* The psychology of learning as ideology and technology // *Behaviorism*, 4. 1976 b. P. 97—116.
- Kvale S.* Spillet om karakterer i gymnasiet — Elevinterviews om bivirkninger af adgangsbeholdning. Copenhagen: Munksgaard, 1980.
- Kvale S.* A postmodern psychology — A contradiction in terms? // *Psychology and postmodernism* / S. Kvale (Ed.). London: Sage, 1992. P. 31—57.
- Kvale S.* En pædagogisk rehabilitering af mesterlæren? (An educational rehabilitation of apprenticeship?) *Dansk pædagogisk Tidsskrift*, 41. 1993 a. P. 9—18.
- Kvale S.* 1993 b. Examinations re-examined — Certification of students or of knowledge? // *Understanding practice* / S. Chaiklin, J. Lave (Eds.) Cambridge (UK): Cambridge University Press, P. 215—240.
- Kvale S., Grenness C.E.* Skinner and Sartre: Towards a radical phenomenology of behavior? // *Review of Existential Psychology and Psychiatry*, 7. 1967. P. 128—150.
- Laing R.* The self and others. London: Tavistock, 1962.
- Lather P.* Getting smart: Feminist research and pedagogy with/in the postmodern. New York: Routledge & Kegan Paul, 1991.
- Lather P.* Critical frames in educational research: Feminist and poststructural perspectives // *Theory Into Practice*, 31(1), 1992. P. 2—13.
- Lather P.* The validity of angels: Interpretive and textual strategies in researching the lives of women with HIV/AIDS // *Qualitative Inquiry*, 1. 1995. P. 41—68.

- Lave J., Kvale S.* What is anthropological research? An interview with Jean Lave by Steinar Kvale // *Qualitative Studies in Education*, 8. 1995. P. 219—228.
- Lave J., Wenger E.* *Situated learning: Legitimate peripheral participation.* Cambridge (UK): Cambridge University Press, 1991.
- Lazarsfeld P.L.* The controversy over detailed interviews — An offer for negotiation // *Public Opinion Quarterly*, 8. 1944. P. 38—60.
- Lewis O.* *The children of Sanchez.* Harmondsworth (UK): Penguin, 1964.
- Lincoln Y.S.* Toward a categorical imperative for qualitative research // *Qualitative inquiry in education* / E.W. Eisner, A. Peskin (Eds.). New York: Teachers College Press, 1990. P. 277—295.
- Lincoln Y.S., Guba E.* *Naturalistic inquiry.* Beverly Hills (CA): Sage, 1985.
- Lofthus E.L., Palmer J.C.* Reconstruction of automobile destruction: An example of the interaction between language and memory // *Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior*, 13, 1974. P. 585—589.
- Løvlie L.* Of rules, skills, and examples in moral education // *Nordisk Pedagogik*, 13, 1993. P. 76—91.
- Lund N.O.* *Collage architecture.* Berlin: Ernst, 1990.
- Lundgren E.* *J Herrens void.* Oslo: Cappelen, 1985.
- Lytard J.F.* *The postmodern condition: A report on knowledge.* Manchester (UK): Manchester University Press, 1984.
- Lytard J.F.* *Phenomenology.* Albany: SUNY Press, 1991.
- Madison G.B.* *The hermeneutics of postmodernity.* Bloomington: Indiana University Press, 1990.
- Mandler G., Kessen W.* *The language of psychology.* New York: John Wiley, 1959.
- Marshall C., Rossman G.B.* *Designing qualitative research.* Thousand Oaks (CA): Sage, 1995.
- Marton F.* Phenomenography — Describing conceptions of the world around us // *Instructional Science*, 10. 1981. P. 177—200.
- Mathison S., Ross E.W., Cornett J.W.* *A casebook for teaching about ethical issues in qualitative research.* Washington (DC): American Educational Research Association, Qualitative Research SIG, 1993.
- May R., Angel E., Ellenberger H.F.* (Eds.). *Existence — A new dimension in psychiatry and psychology.* New York: Basic Books, 1958.
- Maykut P., Morehouse R.* *Beginning qualitative research.* London: Palmer, 1994.
- Mayring P.* *Qualitative Inhaltsanalyse.* Weinheim, Germany: Beltz, 1983.
- Merleau-Ponty M.* *Phenomenology of perception.* London: Routledge & Kegan Paul, 1962.
- Messer S.B., Sass L.A., Woolfolk R.L.* (Eds.). *Hermeneutics and psychological theory.* New Brunswick (NJ): Rutgers University Press, 1988.
- Miles M.B., Huberman A.M.* *Qualitative data analysis: A sourcebook of new methods.* Beverly Hills (CA): Sage, 1984.

- Miles M.B., Huberman A.M.* Qualitative data analysis: An expanded sourcebook. London: Sage, 1994.
- Mishler E.G.* Research interviewing — Context and narrative. Cambridge (MA): Harvard University Press, 1986.
- Mishler E.G.* Validation in inquiry-guided research: The role of exemplars in narrative studies // *Harvard Educational Review*, 60. 1990. P. 415—442.
- Mishler E.G.* Representing discourse: The rhetoric of transcription // *Journal of Narrative and Life History*, 1. 1991. P. 255—280.
- Morgan D.L.* Focus groups as qualitative research. Newbury Park (CA): Sage, 1988.
- Morse J.M., Field P.A.* Qualitative research methods for professionals. Thousand Oaks (CA): Sage, 1995.
- Moustakas C.* Phenomenological research methods. Thousand Oaks (CA): Sage, 1994.
- Mussen P.H., Conger J.J., Kagan J.* Child development and personality. New York: Harper & Row, 1977.
- O'Hara M.* Constructing emancipatory realities // *The truth about the truth: De-confusing and re-constructing the postmodern world* / W.T. Andersen (Ed.). New York: Harper; Putnam, 1995.
- Olesen V.* Feminisms and models of qualitative research // *Handbook of qualitative research* / N.K. Denzin, Y.S. Lincoln (Eds.). Thousand Oaks (CA): Sage. 1994. P. 158—174.
- Ong W.J.* Orality and literacy — The technologizing of the word. London: Methuen, 1982.
- Osiatinsky A.* Tillämpning av psykologiska kundskaper i näringslivet // *Industriell marknadsföring* / J. Arent, A. Friman (Eds.). Stockholm: Liber, 1976. P. 47—59.
- Packer A.L., Addison R.B.* Entering the circle — Hermeneutic investigation in psychology. Albany: SUNY Press, 1989.
- Palmer R.E.* Hermeneutics. Evanston (IL): Northwestern University Press, 1969.
- Patton M.Q.* Qualitative evaluation methods. Beverly Hills (CA): Sage, 1980.
- Pervin L.A.* Personality. New York: John Wiley, 1984.
- Plato.* V. Lysis, Symposium, Gorgias (W.R.M. Lamb, Trans.). Cambridge (MA): Harvard University Press, 1953.
- Poland B.D.* Transcription quality as an aspect of rigour in qualitative research // *Qualitative Inquiry*, 1. 1995. P. 290—310.
- Polkinghorne D.E.* Methodology for the human sciences. Albany: SUNY Press, 1983.
- Polkinghorne D.E.* Narrative knowing and the human sciences. Albany: SUNY Press, 1988.
- Polkinghorne D.E.* Changing conversations about human science // *Issues of validity in qualitative research* / S. Kvale (Ed.). Lund (Sweden): Studentlitteratur, 1989. P. 13—45.
- Polkinghorne D.E.* Postmodern epistemology of practice // *Psychology and postmodernism* / S.Kvale (Ed.). London: Sage, 1992. P. 146—165.
- Potter J., Wetherell M.* Discourse and social psychology. London: Sage, 1987.

- Radnitzky G.* Contemporary schools of metascience. Gothenburg (Sweden): Akademiforlaget, 1970.
- Rapaport D.* The structure of psychoanalytic theory: A systematizing attempt // *Psychology: A study of a science*, III / S.Koch (Ed.). New York: McGraw-Hill, 1959. P. 55—183.
- Reason P.* Three approaches to participatory inquiry // *Handbook of qualitative research* / N.K. Denzin, Y.S. Lincoln (Eds.). Thousand Oaks (CA): Sage, 1994. P. 324—349.
- Reichardt C.S., Cook T.D.* Beyond qualitative versus quantitative methods. // *Qualitative and quantitative methods in evaluation research* / T.D. Cook, C.S. Reichardt (Eds.). Beverly Hills (CA): Sage, 1979. P. 7—32.
- Richardson L.* Writing strategies. Newbury Park (CA): Sage, 1990.
- Richardson L.* Writing: A method of inquiry // *Handbook of qualitative research* / N.K. Denzin, Y.S. Lincoln (Eds.). Thousand Oaks (CA): Sage, 1994. P. 516—529.
- Richer P.* An introduction to deconstructionist psychology // *Psychology and post-modernism* / S. Kvale (Ed.). London: Sage, 1992. P. 110—118.
- Ricoeur P.* Freud and philosophy: An essay on interpretation. New Haven (CT): Yale University Press, 1970.
- Ricoeur P.* The model of the text: Meaningful action considered as a text // *Social Research*, 38. 1971. P. 529—562.
- Riegel K.F.* (Ed.). The development of dialectical operations. Basel: Karger, 1975.
- Rogers C.R.* Client-centered therapy. Cambridge (MA): Houghton Mifflin, 1965.
- Rorty R.* Philosophy and the mirror of nature. Princeton (NJ): Princeton University Press, 1979.
- Rorty R.* The pragmatist's progress // *Interpretation and overinterpretation* / U.Eco (Ed.). Cambridge (UK): Cambridge University Press, 1992. P. 89—108.
- Rosenau M.P.* Postmodernism and the social sciences. Princeton (NJ): Princeton University Press, 1992.
- Rubin H.J., Rubin I.S.* Qualitative interviewing. Thousand Oaks (CA): Sage, 1995.
- Ryan M.* Marxism and deconstruction. Baltimore (MD): Johns Hopkins University Press, 1992.
- Runyan W.M.* Why did van Gogh cut off his ear? The problem of alternative explanations in psychobiography // *Journal of Personality and Social Psychology*, 40. 1981. P. 1070—1077.
- Salner M.* Validity in human science research // *Issues of validity in qualitative research* / S.Kvale (Ed.). Lund (Sweden): Studentlitteratur, 1989. P. 47—72.
- Sartre J.-P.* The problem of method. London: Methuen, 1963.
- Schefflen A.E.* Susan smiled; On explanations in family therapy // *Family Proceedings*, 17. 1978. P. 59—68.
- Scheurich J.J.* A postmodernist critique of research interviewing // *Qualitative Studies in Education*, 8. 1995. P. 239—252.

- Schofield J.W.* Increasing the generalizability of qualitative research // *Qualitative inquiry in education* / E.W. Eisner, A. Peshkin (Eds.). New York: Teachers College Press, 1990. P. 201—232.
- Scott S.* Feminist research and qualitative methods: A discussion of some of the issues // *Issues in educational research: Qualitative methods* / P.Burgess (Ed.). Philadelphia: Falmer Press, 1985. P. 67—85.
- Scriven M.* Objectivity and subjectivity in educational research // *Philosophical redirection of educational research* / L.G. Thomas (Ed.). Chicago: Chicago University Press, 1972. P. 94—142.
- Seidman I.E.* Interviewing as qualitative research. New York: Teachers College Press, 1991.
- Shepherd L.J.* Lifting the veil: The feminine side of science. Boston: Shambala, 1993.
- Shotter J.* Conversational realities. Thousand Oaks (CA): Sage, 1993.
- Siegel S.* Nonparametric statistics for the behavioral sciences. New York: McGraw-Hill, 1956.
- Silverman D.* Interpreting qualitative data. Thousand Oaks (CA): Sage, 1993.
- Simons H.W.* (Ed.). Rhetoric in the human sciences. Beverly Hills (CA): Sage, 1989.
- Skinner B.F.* A case history in scientific method // *Cumulative record* / B.F. Skinner (Ed.). New York: Methuen, 1961. P. 76—99.
- Skou C.V.* Qualitative interview and therapy analysis — KIT (Computer program developed by Carl Verner Skou at the Center of Qualitative Research at the University of Aarhus). Aarhus (Denmark), 1996.
- Smith J. K., Heshusius L.* Closing down the conversation: The end of the quantitative-qualitative debate among educational researchers // *Educational Researcher*, 15W. 1986. P. 4—12.
- Smith L.M.* Ethics in qualitative field research: An individual perspective // *Qualitative inquiry in education* / E.W. Eisner, A. Peskin (Eds.). New York: Teachers College Press, 1990. P. 258—276.
- Spence D.P.* Narrative truth and historical truth. Meaning and interpretation in psychoanalysis. New York: Norton, 1982.
- Spiegelberg H.* The phenomenological movement. Vol. II. The Hague (Netherlands): Martinus Nijhoff, 1960.
- Spradley J.* The ethnographic interview. New York: Holt, Rinehart & Winston, 1979.
- Stake R.E.* Case studies // *Handbook of qualitative research* / N.K. Denzin, Y.S. Lincoln (Eds.). Thousand Oaks (CA): Sage, 1994. P. 236—247.
- Strauss A.* Notes on the nature and development of general theories // *Journal of Phenomenological Psychology*, 25. 1995. P. 190—220.
- Strauss A.M., Corbin J.* Basics of qualitative research. Newbury Park (CA): Sage, 1990.
- Sullivan H.S.* The psychiatric interview. New York: Norton, 1954.
- Tannen D.* Ordinary conversation and literary discourse: Coherence and the poetics of repetition // *Annals of the New York Academy of Sciences*, 583. 1990. P. 15—32.

- Taylor S.J., Bogdan R.* Introduction to qualitative research — The search for meanings. New York: John Wiley, 1984.
- Tedlock D.* The spoken word and the work of interpretation. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1983.
- Tesch R.* Qualitative research: Analysis types and software tools. London: Palmer, 1990.
- Tschudi F.* Do qualitative and quantitative methods require different approaches to validity? // Issues of validity in qualitative research / S. Kvale (Ed.). Lund (Sweden): Studentlitteratur. 1989. P. 109—134.
- van Kaam A.* Phenomenal analysis: Exemplified by a study of the experience of «really feeling understood» // Journal of Individual Psychology, 15. 1959. P. 66—72.
- Van Maanen J.* Tales of the field. Chicago: University of Chicago Press, 1988.
- Weber S.J.* The nature of interviewing // Phenomenology + Pedagogy, 4 (2). 1986. P. 65—72.
- Webster's Seventh New Collegiate Dictionary. Springfield (MA): Merriam Webster, 1967.
- Weitzman E.A., Miles M.B.* Computer programs for qualitative data analysis. Thousand Oaks (CA): Sage, 1995.
- Wolcott H.F.* Writing up qualitative research. Newbury Park (CA): Sage, 1990.
- Wolcott H.F.* Transforming qualitative data. Thousand Oaks (CA): Sage, 1994.
- Yin R.K.* Case study research. Newbury Park (CA): Sage, 1994.
- Yow V.R.* Recording oral history. Thousand Oaks (CA): Sage, 1994.

Научное издание

Стейнар Квале
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЕ ИНТЕРВЬЮ

Редактор *О.В. Квасова*
Корректор *Н.С. Самбу*
Макет *О.В. Кокорева*

Издательство «Смысл» (ООО НПФ «Смысл»)
103050, Москва—50, а/я 158
Тел./факс (095) 195-3713, 195-0308
e-mail: info@smysl.ru
<http://www.smysl.ru>
Лицензия ИД № 04850 от 28.05.2001

Подписано в печать 25.04.2003. Формат 60х90/16.
Бумага офсетная. Гарнитура Times. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 19,5. Тираж 2000.

Заказ 837

Отпечатано ФООП, 249020 Обнинск, ул. Королева, 6

Новое некоммерческое негосударственное научно-образовательное учреждение

ИНСТИТУТ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ И ЖИЗНЕТВОРЧЕСТВА

Директор Института — доктор психологических наук Д.А.Леонтьев
В состав Ученого Совета Института входят:
С.Л.Братченко, В.Е.Каган, Е.Р.Калитеевская, А.Ф.Копьев,
В.А.Ковакин, А.Н.Моховиков, Е.С.Мазур, Л.А.Петровская,
И.К.Подчуфарова, А.И.Сосланд, Е.И.Яцута

В числе учредителей Института — Московское отделение РГО,
Российское гуманистическое общество и НПФ «Смысл»

Институт предполагает вести работу в трех главных направлениях:

- ▶ постдипломная подготовка и повышение квалификации профессиональных психологов и представителей смежных специальностей;
- ▶ дополнительное образование неспециалистов в области экзистенциальной философии, психологии и практики жизнетворчества;
- ▶ организация научных исследований и научно-прикладных разработок на основе целевого и конкурсного финансирования.

Институт намеревается поддерживать, пропагандировать и развивать, а также интегрировать все направления экзистенциальной психологии и психологически ориентированной философской антропологии: европейской (Л.Бинсвангер, М.Босс, В.Франкл, М.Бубер), американской (П.Тиллих, Р.Мэй, Дж.Бьюджентал, И.Ялом, С.Мадди), российской (М.М.Бахтин, С.Л.Рубинштейн, М.К.Мамардашвили).

В конце марта — начале апреля 2001 года в Подмоскowie прошла Первая Всероссийская научно-практическая конференция по экзистенциальной психологии, организованная Институтом. Конференция вызвала огромный интерес и подтвердила своевременность создания Института. Информацию о прошедшей конференции можно найти на нашем сайте: <http://institut.smysl.ru>.

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ НЕ ПРОТИВОПОСТАВЛЯЕТ СЕБЯ ДРУГИМ НАПРАВЛЕНИЯМ И ШКОЛАМ КАК АЛЬТЕРНАТИВУ. ЭТО СКОРЕЕ ДОПОЛНЕНИЕ, ШАГ ВГЛУБЬ, ОТКРЫТИЕ НОВОГО ПЛАСТА ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЖИЗНИ, КОТОРЫЙ БОЛЬШИНСТВОМ ДРУГИХ ПОДХОДОВ И НАПРАВЛЕНИЙ НЕ ЗАТРАГИВАЕТСЯ.

Две основных особенности экзистенциальной психологии состоят в следующем.

1. Экзистенциально-психологический анализ расширяет контекст рассмотрения человеческих проблем до общих принципов бытия, вовлекая в анализ «вечные» вопросы человеческого существования. Это оказывается не только единственно возможным способом решения этих «вечных» проблем, но и весьма продуктивным путем решения проблем, которые поначалу кажутся простыми и частными.
2. Во многих случаях поведение человека можно достаточно эффективно предсказать, зная его индивидуальные особенности и структуру ситуации — тогда, когда внешние условия стабильны, а сам человек не стремится прыгнуть выше головы, живя «по течению». Если же внешние условия ломаются, делая сложившиеся структуры приспособления к миру неэффективными, или если человек сам испытывает неудовлетворенность внешне благополучным ходом своей жизни, только экзистенциальная психология может понять, что происходит с человеком на острие кризиса — внешнего или внутреннего.

Именно поэтому экзистенциальная психология особенно необходима в двух крайних случаях — в трагических ситуациях, перед лицом смерти, невозможной потери, разрушения личности и в ситуациях самотрансценденции — выхода личности за свои пределы, стремления вверх, к безграничному развитию, не вызванному житейской необходимостью и потому необъяснимому. Она стала порождением XX века — века грандиознейших разломов и кризисов, краха прежних представлений о том, что такое человек и человечность, — и встречает особый отклик в России.

Вы хотите узнать больше об одном из самых интересных направлений мировой психологии? Вы хотите пройти обучение методам экзистенциальной психотерапии и консультирования? Вы хотите получить прямо от ведущих специалистов способы работы со сложнейшими психологическими проблемами? Вы хотите понять, как строить свои отношения с миром и творить свою жизнь наиболее полноценным и достойным человека образом? Вас интересует литература по экзистенциальной психологии и жизнестворчеству? Сообщите нам о Ваших интересах по электронной почте **institut@smyl.ru** или по почтовому адресу: **103050 Москва-50, а/я 158**, и мы будем регулярно высылать Вам текущую информацию о мероприятиях, планах и предложениях Института. Еще проще и быстрее получать эту информацию через Интернет:

<http://institut.smyl.ru>

Мы Вам рады!